

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Минский государственный лингвистический университет

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Материалы
VI Международной научной конференции

Минск, 23–24 мая 2017 г.

Минск МГЛУ
2018

УДК81
ББК 81.0
М75

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1/48 от 4 января 2018 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Т. Ф. Иванова, О. В. Изотова, П. П. Глазко, Н. В. Зиневич

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор А. П. Клименко (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент Н. П. Могиленских (БГЭУ)

Молодые ученые в инновационном поиске : материалы VI Международ. науч. конф., Минск, 23–24 мая 2017 г. / отв. ред. Т. П. Карпилович. – М75 Минск : МГЛУ, 2018. – 264 с.
ISBN 978-985-460-883-9.

Издание содержит материалы международной научной конференции по актуальным вопросам лингвистики, литературоведения, автоматической обработки текста, методики преподавания иностранных языков. Представлены результаты исследований по анализу текстов и дискурсов различных типов, лексических и грамматических единиц в разносистемных языках, использования информационных технологий в лингвистике и образовании.

Для лингвистов, специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода, студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-883-9

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2018

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. І. Курацёва

Мінск, МДЛУ

РЭГІЯНАЛЬНЫЯ ПАРТРЭТЫ ПРАСОДЫ Ў МАЎЛЕННІ БЕЛАРУСАЎ НА РОДНАЙ І ЗАМЕЖНАЙ МОВАХ (на прыкладзе Мінска-Маладзечанскага рэгіёна)

Статья посвящена комплексному экспериментально-фонетическому исследованию, которое выявило совокупность отличительных черт каждого из шести лингвогеографических регионов Беларуси – Гомельского, Полоцкого, Западнополюсского, Гродненско-Барановичского, Восточномогилёвского, Минско-Молодечненского – и позволило очертить их просодические портреты в речи студентов-белорусов на родном (белорусском) и иностранном (английском) языках. В более детальном рассмотрении представлен просодический портрет Минско-Молодечненского региона, являющегося зоной нейтрализации территориальной специфики белорусской просодии.

Рэгіянальнае маўленне з’яўляецца адной з найбольш важных разнавіднасцей беларускай мовы, паколькі, уваходзячы сваімі каранямі ў глыбіні стагоддзяў, яно выступае ў якасці асновы мясцовага маўлення карэннага насельніцтва і з’яўляецца фундаментам фарміравання беларускай літаратурнай мовы. З гэтай прычыны даследаванні тэрытарыяльнага маўлення не губляюць сваёй актуальнасці і па сённяшні час. Праблемамі, якія стаяць на парадку дня ў айчыннай мовазнаўстве, з’яўляюцца: асаблівасці функцыянавання мясцовых гаворак пад уплывам рускай мовы, вывучэнне рэгіянальнага маўлення ў шырокім параўнальным і сацыялінгвістычным аспектах, раскрыццё яго спецыфікі ў такіх значных лінгвагеаграфічных праектах, як «Лінгвістычны атлас Еўропы» і «Агульнаславянскі лінгвістычны атлас».

Асабліва запатрабаваным у сучаснай лінгвістыцы выступае вырашэнне названых праблем у тэрмінах *рэгіянальнага* класіфікацыйнага звязна [1]. Яго значнасць заключаецца ў тым, што, ў той час, як выкарыстання раней характарыстыкі дыялектнага і занальнага членення губляюць сваю распаўсюджанасць, рэгіянальны крытэрыі дазваляе даследаваць такія тэрытарыяльныя асаблівасці, якія не ўваходзяць у пералік вылучаных раней рыс дыялектаў і дыялектных зон. Прадстаўленыя ў працах айчыннай навукоўцаў звесткі аб сегментным узроўні, генезісе і групавым беларускіх гаворак складаюць фундамент апісання маўлення на розных тэрыторыях краіны і ў ХХІ стагоддзі адкрываюць перспектыву для працягу распачатай працы ў галіне недаследаванай да гэтага часу *фразавай прасоды*, неабходнай для структуравання выказвання і перадачы яго семантыкі і прагматыкі [2].

Адлюстраванне супraseгментнага ладу беларускай мовы ў літаратурным вымаўленні было здзейснена ў 80–90-я гг. ХХ ст. у кампаратыўных даследаваннях Г. А. Мятлюк, Т. В. Паплаўскай, А. Б. Каранеўскай, А. У. Таболіч і іх калег, а таксама пры вывучэнні прасоды беларускай літаратурнай мовы

акадэмікамі Л. Ц. Выгоннай і А. І. Падлужным. Дадзеныя даследаванні склалі аснову для далейшай распрацоўкі акрэсленага навуковага поля ў *рэгіянальным* аспекце, які заставаўся да гэтага часу неасветленым.

Тэарэтычны аналіз разгледжанай навуковай праблемы дазволіў сфармуляваць рабочую гіпотэзу аб наяўнасці спецыфічных рыс прасодыі ў розных рэгіёнах Беларусі і іх праяўленні ў англійскім вымаўленні беларусаў. На праверку гэтай гіпотэзы эксперыментальным шляхам і быў накіраваны прадстаўлены навуковы пошук. Яго мэтай выступіла выяўленне характарыстык фразавай прасодыі на лінгвістычным ландшафце Беларусі і раскрыццё спецыфікі іх маніфестацыі ў англійскім вымаўленні беларусаў.

У правядзенні эксперымента прынялі ўдзел студэнты факультэтаў замежных моў шасці ўніверсітэтаў Беларусі: ГДУ ім. Ф. Скарыны (Гомель), ПДУ (Полацк), БрДУ ім. А. Пушкіна (Брэст), ГрДУ ім. Я. Купалы (Гродна), МДУ ім. А. Куляшова (Магілёў), МДЛУ (Мінск) – прадстаўнікі Гомельскага, Полацкага, Заходнепалескага, Гродзенска-Баранавіцкага, Усходнемагілёўскага і Мінска-Маладзечанскага моўных рэгіёнаў. На падрыхтоўчым этапе з улікам распрацаваных крытэрыяў з апытаных 307 студэнтаў да запісу маўлення былі запрошаны 154 чалавекі – носьбіты беларускай мовы ва ўзросце 18–22 гадоў, карэнныя жыхары доследных рэгіёнаў. У выніку быў атрыманы эксперыментальны матэрыял працягласцю 22,7 гадзіны гучання, з якога па прапанаваных пяці крытэрыях дзве групы інфармантаў (па 5 вопытных выкладчыкаў беларускай і англійскай моў) адабралі найлепшыя рэалізацыі – 108 запісаў (па 18 для кожнага з шасці рэгіёнаў) чытання тэксту на беларускай і англійскай мовах – урыўка з апавядання М. Твэна «Банкаўскі білет у мільён фунтаў стэрлінгаў».

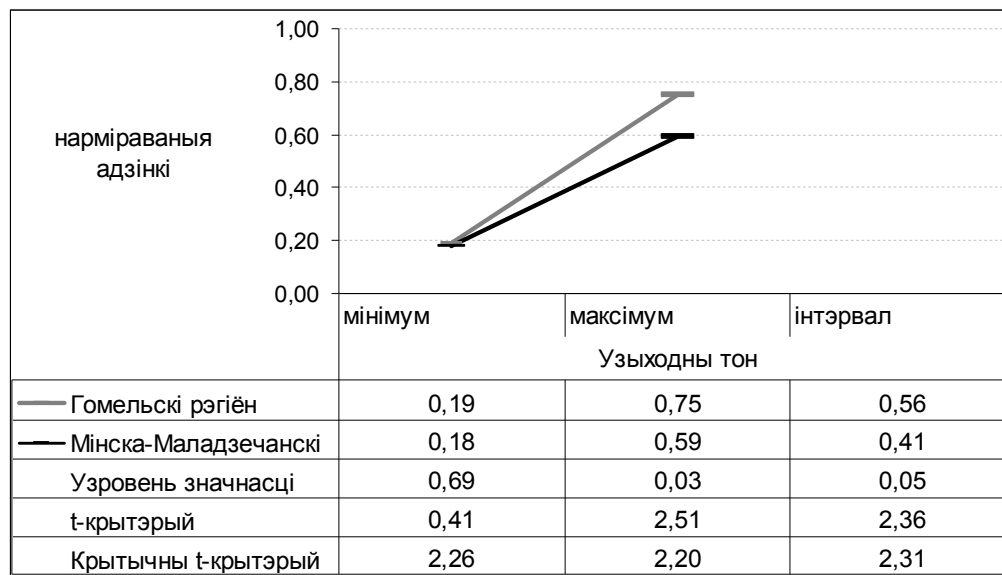
Апрацоўка матэрыялу ажыццяўлялася метадамі аўдытыўнага, акустычнага і матэматыка-статыстычнага аналізу. Істотнасць выяўленых рэгіянальных адрозненняў была вызначана пры дапамозе трох пацвярджальных эксперыментаў: двух перцептыўных і аднаго супастаўляльнага з выкарыстаннем матэрыялаў маўлення прадстаўнікоў старэйшага пакалення.

У выніку правядзення комплекснага эксперыментальна-фанетычнага аналізу былі выяўлены адметныя характарыстыкі прасодыі ў шасці рэгіёнах краіны і раскрыты асаблівасці праяўлення тэрытарыяльных рыс ў англійскім вымаўленні беларусаў [3]. Сукупнасць высветленых прыкмет кожнага з рэгіёнаў дазволіла акрэсліць тэрытарыяльныя партрэты прасодыі ў маўленні беларусаў на роднай і замежнай мовах. Супрасегментны партрэт Мінска-Маладзечанскага рэгіёна як тэрыторыі, якую навукоўцы адносяць да зоны фарміравання беларускай літаратурнай мовы [4], будзе прадстаўлены ў дадзеным артыкуле.

Так, адной з найбольш спецыфічных аўдытыўных рыс маўлення ў цэнтральнай Беларусі з’яўляецца дамінаванне меладычных контураў з паступова сыходнымі хвалістымі шкаламі (21,4 %) пераважна ў камбінацыі з узыходнымі тонамі сярэдняй разнавіднасці ў нефінальных сінтагмах і сыходнымі тонамі нізкага рэгістра ў фінальных сінтагмах.

Напр.: *Роўна як і не было сяб\роў | ва | ўсім гэтым вялікім горадзе. || Ніхто не жадаў уладкаваць мяне на працу, { ... | джэнтльмены пачалі задаваць мне | шмат розных пытанняў { і хутка даведаліся \ ўсё пра мяне...* (падыспытны 47).

На ўзроўні акустычнага аналізу доследны рэгіён характарызуецца найніжэйшым узроўнем ч.а.т. і найвузейшым інтэрвалам рэалізацыі ўзыходных тонаў (0,59 і 0,41 н.а.) (мал. 1).

Мал. 1. Прыкметы ўзыходных тонаў у рэгіёнах з найбольш істотнымі статыстычнымі адрозненнямі

Па названых прыкметах маўленне на тэрыторыі цэнтральнай Беларусі проціпастаўляецца прасодыі маўлення ў Гомельскім рэгіёне, дзе зафіксаваны найвышэйшыя значэнні максімумаў (0,75 н.а.) і найшырэйшы інтэрвал ўзыходных тонаў (0,56 н.а.). Высокую верагоднасць адрозненняў паміж рэгіёнамі па названых прыкметах пацвярджаюць статыстычныя адрозненні ўзроўню значнасці і t-крытэрыя Ст'юдэнта.

Па параметрах інтэнсіўнасці і працягласці Мінска-Маладзечанскаму рэгіёну не ўласцівы адметныя тэрытарыяльныя рысы, што дазваляе канстатаваць наяўнасць сярэдніх велічынь дадзеных параметраў у параўнанні з іншымі гаворкамі.

У цэлым супастаўленне адметных характарыстык прасодыі цэнтральнай часткі Беларусі і астатніх моўных рэгіёнаў дае магчымасць назіраць з'яву нейтралізацыі структурных супрасегментных асаблівасцей у мінска-маладзечанскіх гаворках. Нейтралізацыя ўзнікае па прычыне яе лакалізацыі на перакрываванні чатырох напрамкаў распаўсюджвання найбольш адметных лінгвістычных рыс. Кожны напрамак прадстаўляе сабой вектар развядзення моўных рэгіёнаў з максімальным і мінімальным праяўленнем пэўных прасадых прыкмет, якія падчас праходжання праз Мінска-Маладзечанскі рэгіён набываюць усярэдненыя паказчыкі:

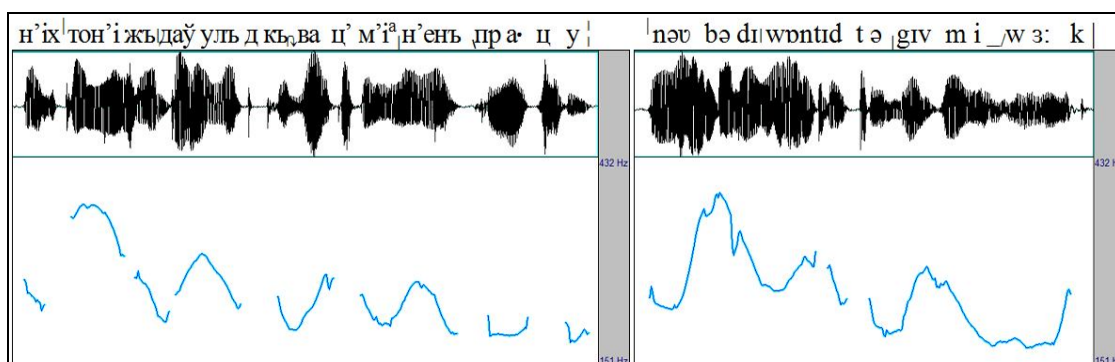
- а) Полацк – Мінск – Гомель (характар меладычных змяненняў);
- б) Гродна – Мінск – Гомель (амплітуда танальных хістанняў);
- в) Брэст – Мінск – Магілёў (спецыфічныя рэдкія элементы мелодыі);
- г) Полацк – Мінск – Гродна (тэмпаральныя прыкметы).

На перцэптыўным узроўні Мінска-Маладзечанскі рэгіён характарызуе спакойнае, размеранае гучанне, звычайнае для жыхароў Беларусі, пазбаўленае шматлікіх меладычных скачкоў, празмернага зацягвання складоў і слоў, кантрасных паказчыкаў прааналізаваных акустычных параметраў.

Асаблівасці тэрытарыяльнага паходжання ў *англійскім* вымаўленні прадстаўнікоў Мінска-Маладзечанскага рэгіёна раскрываюцца праз 2 рысы – па адной на акустычным і перцэптыўным узроўнях аналізу:

- 1) сярэдні рэгістр і шырокі інтэрвал ч.а.т. узыходных тонаў;
- 2) сярэднія паказчыкі дыяпазанальных характарыстык маўлення.

Паказчыкі большасці прааналізаваных прыкмет, якія вылучаюць цэнтральную тэрыторыю Беларусі як зону нейтралізацыі рэгіянальных характарыстык, захаваліся ў іншамоўным вымаўленні ўдзельнікаў эксперыменту (мал. 2). Выяўленыя асаблівасці дазваляюць ўспрымаць замежнае гучанне Мінска-Маладзечанскага рэгіёна такім жа спакойным і размераным, як і на роднай мове.

а) беларуская мова

б) англійская мова

Мал. 2. Падабенства характарыстык ч.а.т. пачатковых сінтагм у беларускім і англійскім маўленні выхадцаў з Мінска-Маладзечанскага рэгіёна на прыкладзе сінтагм *Ніхто не жадаў уладкаваць мяне на працу ...* і *Nobody wanted to give me work ...*

Такім чынам, праведзенае комплекснае эксперыментальна-фанетычнае даследаванне дазволіла пацвердзіць гіпотэзу і зрабіць вывад аб тым, што функцыянаванне прасодыі на моўнай прасторы Беларусі маркіравана рэгіянальна спецыфічнымі рысамі, якія ствараюць каларытныя партрэты прасодыі ў кожным даследаваным рэгіёне Беларусі. Пранікаючы сваімі каранямі ў глыбіні вякоў, яны ўказваюць на тэрытарыяльную роднасць пакаленняў, праяўляюць сваю якасную устойлівасць і захоўваюцца ў іншамоўным вымаўленні беларусаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Даніловіч, М. А.* Рэгіянальныя моўныя з’явы ў класіфікацыйнай сістэме беларускіх гаворак / М. А. Даніловіч // Дыялекталогія і гісторыя беларускай мовы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 15–16 крас. 2008 г. – Мінск : Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа НАН РБ, 2008. – С. 11–16.
2. *Поплавская, Т. В.* Коммуникативный аспект формообразующих элементов просодии и эффективность речевого общения / Т. В. Поплавская // Актуальные проблемы коммуникативной фонетики и вопросы эффективности общения : материалы Междунар. конф., Минск, 29–30 мая 1997 г. / МГЛУ ; сост. : Л. Т. Выгонная, Т. В. Поплавская. – Минск : МГЛУ, 1997. – С. 3–9.
3. *Курацёва, В. І.* Рэгіянальныя характарыстыкі беларускай прасодыі і іх праяўленне ў англійскім вымаўленні беларусаў : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / В. І. Курацёва ; МДЛУ. – Мінск, 2016. – 211 л.
4. *Вайтовіч, Н. Т.* Да пытання аб фарміраванні нацыянальнай літаратурнай беларускай мовы : аб суадносінах літаратурнай мовы і дыялектаў / Н. Т. Вайтовіч. – Мінск : АН БССР, 1958. – 47 с.

The article is devoted to the complex experimental-phonetic study which has revealed distinctive prosodic portraits of six Belarusian regions in the native and foreign language speech of Belarusian students. The article presents a more detailed prosodic portrait of Minsk-Molodechno region, which is the neutralization zone of the territorial Belarusian prosody.

Ю. В. Бекреева

Брест, БрГУ

ТЕОРИЯ ПРОТОТИПОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Статья раскрывает основные положения теории прототипов и определяет перспективы апробации данных положений в исследованиях, посвященных проблемам определения глагола как части речи, категоризации глагольного лексикона и «скрытых категорий» в структуре глагольного значения.

Теория прототипов признана одной из важнейших достижений когнитивной лингвистики, хотя впервые она была сформулирована в рамках экспериментальной психологии. Основоположником теории прототипов признается Э. Рош. Над развитием идей прототипической модели категоризации явлений действительности, психологических и языковых фактов работали Б. Берлин, П. Кей, У. Тейлор, В. Лабов, С. Б. Мервис, Э. Смит, Д. Гирертс, П. Ньюман, Д. Джонсон, Дж. Лакофф и целый ряд других исследователей. Как и любая перспективная концепция, теория прототипов уточнялась и дополнялась как автором, так и ее последователями, и стала неотъемлемой частью исследований естественных языковых категорий на различных уровнях лингвистического анализа. В данной статье теория

прототипов рассматривается как теоретическая платформа для исследования категориальной специфики глагола как части речи, его лексико-семантических классов и связей с субстантивными категориями на уровне значения.

Прежде всего, остановимся на ключевых положениях теории прототипов. Исследования Э. Рош доказали ограниченность классического подхода к категоризации, сводимого к выделению необходимых и достаточных признаков категории, установлению четких границ и одинакового статуса для всех членов категории. Э. Рош предлагает другой путь определения категории, связанный не столько с установлением межкатегориальных границ, сколько с выделением наиболее ясных фактов категориальной принадлежности [1, с. 35–36]. Проводя серии экспериментов по изучению естественных категорий, кодированных в языке и культуре, Э. Рош обнаружила асимметрию, получившую название «прототипических эффектов»: испытуемые оценивали некоторые члены категории как более репрезентативные для данной категории, чем другие. Проявление асимметрии позволяет предположить, что категория должна иметь дополнительную внутреннюю структуру, благодаря которой появляются оценки степени соответствия элемента категории.

Основное положение концепции Э. Рош заключается в том, что процесс категоризации осуществляется по линии прототипа, определяемого человеком в результате субъективного восприятия как наиболее репрезентативного члена категории [1, с. 36]. Прототип максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности и связан отношениями подобия одновременно со многими членами категории на основе «семейного сходства». Показатель «семейного сходства» рассматривается как совокупность признаков «прототипичности», которыми обладает член категории. Вес каждого признака определяется тем, сколько всего членов категории им обладает. Таким образом, члены категории дифференцируются по степени типичности, а категориально значимые признаки рассматриваются с точки зрения вероятности их проявления в описании членов категории.

Критика теории прототипов направлена на то, что прототипическая концепция не объясняет, каким образом осуществляется когнитивная процедура сопоставления объекта с его прототипом, по каким критериям человек судит о сходстве наблюдаемого объекта и прототипа. Если человек опирается на какие-либо признаки, то подведение объекта под прототипическую категорию означает, что прототип – это совокупность признаков [2, с. 224–225]. Данное противоречие преодолевается в поздних работах Э. Рош: автором признается возможность определения прототипических признаков, которые в своей совокупности выступают как признаки «семейного сходства» [3, с. 72]. Э. Рош отмечает, что с точки зрения восприятия идентификация объектов и отнесение их к определенному прототипу быстрее осуществляются на основе целостного образа. Выделение прототипических признаков осуществляются скорее при восприятии совокупности членов категории и требует определенных когнитивных усилий.

Рассмотрение части речи как прототипической категории (и в этой связи нельзя не упомянуть фундаментальные исследования частей речи Е. С. Кубряковой [4]) предполагает определение лучшего представителя класса – в нашем случае, типичного глагола, – в котором концентрируются и пересекаются все необходимые для осуществления своих частеречных функций признаки. При этом остальные члены глагольного лексикона могут обладать не всеми категориально значимыми признаками из прототипического набора «семейного сходства». Следует отметить, что теория прототипов в приложении к части речи коррелирует с идеями полевой структуры распределения релевантных свойств объекта. В рамках определенной части речи выделяется центральная часть слов, формирующая класс по установленным для него признакам (семантическим, морфологическим, синтаксическим), и периферийная – с соответствующей градацией признаков. Так, центр глагольного лексикона составляют номинации физических действий. Глаголы состояния, напротив, относятся к периферии.

Частеречная прототипичность глагола зависит не только от семантических признаков, но и, еще в большей степени, от лингвистической функции данной номинации. Для глагола эта функция заключается в том, чтобы сообщить о новом событии в дискурсе. Как отмечает Е. С. Кубрякова, глагол связан с процедуральными знаниями о мире; он указывает на связь между предметами, одновременно называя и конкретизируя эту связь [4, с. 262–263]. На уровне синтаксических структур прототипическая функция глагола заключается в способности самостоятельно формировать предикат. Именно функциональная составляющая восполняет и дополняет категориальную семантику глагола.

Н. Н. Болдырев, определяя глагол как динамическую категорию, раскрывает эффекты прототипичности на уровне субкатегоризации глагольного лексикона (т.е. распределения глаголов по различным лексическим и грамматическим классам и группам) [5]. Среди таких эффектов прототипичности выделяется пересекаемость границ глагольных классов и групп (статических и динамических глаголов; глаголов бытия, отношения, действия и деятельности и т.д.), отсутствие единого набора критериальных признаков (например, проблема определения признаков динамического глагола); выдвижение или угасание категориально релевантного признака в определенном контекстуальном окружении (перекатегоризация глагола в предложении). Таким образом, при составлении классификаций и выделении различных семантических, лексических или лексико-грамматических групп глаголов, актуальным становится понятие поликатегориальности – возможности отнесения глагольной номинации к нескольким группам или классам. Значение поликатегориального глагола (а значит, и его категориальная принадлежность) уточняется только в процессе его употребления.

Помимо вопросов категориального значения глагола, его функциональной значимости и связанной с ней поликатегориальности, классификации глагольного лексикона, прототипическая теория может стать теорети-

ческой базой для исследования «скрытых категорий» в глагольной семантике. Проблема скрытых категорий активно разрабатывается в рамках теории внутренних падежей или падежной грамматики, теории фреймов, исследований валентности и сочетаемости глагола с позиции включения актантов в структуру глагольного значения.

Рассмотрим скрытую категорию субъекта, которая является предметом нашего диссертационного исследования «Субъект как компонент значения динамического глагола» [6]. Объектом исследования послужили субъектные динамические глаголы, которые проявляют признаки поликатегориальности, находясь на пересечении классов динамических и статических глаголов. Динамический признак представлен категориальным компонентом «изменение». Статический признак представлен дифференциальным компонентом «субъект», который включает семантически закреплённую информацию о предполагаемом исполнителе или инициаторе действия, его свойствах и состоянии в определяемой ситуации.

Исследование позволило выявить глаголы, в значении которых конкретизация субъекта осуществляется по линии прототипа. В структуре значения присутствует сема прототипического субъекта, которая отражает образ наиболее вероятного, типичного исполнителя обозначаемого действия. Например, *gallop (of a horse)* ‘нестись галопом (о лошади)’, *purl (of a stream)* ‘журчать (о ручье)’, *mewl (of a baby)* ‘хныкать (о ребенке)’.

Сема прототипического субъекта является сложным семантическим микрокомпонентом. С одной стороны, она представляет образ типичного исполнителя действия и относится, таким образом, к денотативному типу смысловых элементов значения. С другой стороны, сема прототипического субъекта подлежит разложению на ряд прототипически значимых семантических признаков, включая признак категориальной принадлежности («животное», «человек» и под.) и признаки, отражающие характерные физические и/или психические свойства субъекта (*маленький*, *сильный*, *хитрый* и под.). Например, в значении глагола *strut* ‘идти с важным, напыщенным видом’ присутствует сема ‘павлин’, отражающая прототипический субъект. При мысленном представлении ситуации движения воспроизводится образ павлина: распушенный хвост, покачивание из стороны в сторону, высоко поднятая голова. При воспроизведении глагола *strut* образ прототипического субъекта транспонируется на исполнителя движения, который может и не относиться к прототипическому классу. При этом субъект в действии наделяется определенными характеристиками, «объясняющими» способ его движения: *напыщенный*, *важный*, *надменный*, *эффектный*.

Образно-аналитический характер семы прототипического субъекта обуславливает специфику включения субъектного актанта в состав значения глагола. Прототипический субъект не инкорпорирован в семантической структуре глагола в полном объеме своего содержания. В значении глагола закреплёны лишь некоторые функционально значимые признаки, выделяемые на основе подобия с образом прототипического субъекта в ситуации действия.

Однако данные семантические признаки могут быть определены только при сопоставлении выделенного прототипа с наименованиями исполнителей действия в субъектно-предикатных синтагмах. При этом эксплицируемые признаки имеют вероятностный характер, ранжируются по частоте их актуализации в синтагмах и активно участвуют в производстве метафоры.

Таким образом, положения теории прототипов «работают» не только на уровне макросемантики, на больших классах слов и понятийных категориях, но и на уровне микросемантики, включающей смысловые компоненты семантических структур. При этом принципы определения макро- и микро-категорий в контексте теории прототипов направлены на функциональность, оперирование языковыми структурами для оптимальной организации, хранения и передачи знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rosch, E. Natural categories* / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1973. – Vol. 7. – P. 328–350.
2. *Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание* / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1997. – 416 с.
3. *Rosch, E. Principles of categorization* / E. Rosch // *Cognition and categorization* / ed.: E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, N.Y, 1978. – P. 26–48.
4. *Кубрякова, Е. С. Язык и знание* / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
5. *Болдырев, Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты* / Н. Н. Болдырев. – СПб. : URSS, 2009. – 165 с.
6. *Бекреева, Ю. В. Субъект как семантический компонент динамического глагола (на материале современного английского языка) : дис. ... канд. фил. наук : 10.02.04* / Ю. В. Бекреева. – Минск, 2015. – 195 л.

The article focuses on the main ideas of the prototype theory. It also outlines certain perspectives of the application of the prototype theory to the investigations of verb semantics and categorization.

О. А. Артемова

Минск, МГЛУ

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДЕЙКСИСА В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу особенностей функционирования дейксиса в диалогическом дискурсе и причинам возникновения коммуникативных неудач, обусловленных частичным или полным несовпадением прагматических персональных, предметных и темпорально пространственных пресуппозиций коммуникантов, возникающих в результате различий их перцептивных систем, расплывчатости семантики дейктических лексических маркеров и их индифферентности к семантической детализации в определенном контексте.

Сегодня в рамках коммуникативно-прагматического подхода диалогический дискурс рассматривается не только как процесс обмена репликами между адресантом и адресатом. Особое внимание исследователи уделяют контексту, ситуации общения и анализу речевых ходов в диалоге с точки зрения их прагматической когерентности [1], зависящей от установок говорящих, заинтересованных в совместном разрешении той или иной коммуникативной проблемы [2, с. 27–28] и обеспечивающей успешность речевой интеракции.

В процессе интерпретации диалогической речи оба участника коммуникации опираются не только на знание языковых выражений, употребленных в данном диалоге, но и активно используют информацию, не выраженную эксплицитно в процессе коммуникации. Понимание этой информации обеспечивается общими фоновыми, языковыми и социокультурными типами знания, которые создают в диалогической речи разнообразные пресуппозиции, используемые участниками коммуникации в процессе обработки и адекватной интерпретации полученного сообщения [3; 4; 5; 6; 7].

Традиционно выделяют три вида пресуппозиций: экзистенциальные (сведения об окружающей действительности), лингвистические (сведения о значении языковых выражений и грамматических структур) и прагматические (информация о речевой ситуации и ее компонентах: участниках, предмете речи и пространственно-временных координатах). Все три вида знаний в реальности существуют во взаимообусловленности и взаимозависимости и могут переходить друг в друга.

Одним из способов актуализации прагматических пресуппозиций высказывания выступают лексические дейктические маркеры, указывающие на компоненты речевой ситуации и эксплицирующие отношение говорящего к факту темпорально-локального позиционирования субъектов и объектов действительности. Аномальная интерпретация участниками коммуникации прагматических дейктических маркеров, формирующих общую прагматическую пресуппозицию высказывания, приводит к коммуникативной неудаче, под которой нами понимается «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего вследствие неадекватной вербальной или невербальной реакции со стороны партнера по коммуникации» [8, с. 79], что зачастую приводит к неожиданным перлокутивным эффектам: обиде, удивлению, несогласию и др.

Целью нашего исследования было выявление факторов, влияющих на успешность коммуникации в диалогическом дискурсе. Материалом для исследования выступили фрагменты диалогов, содержащие дейктические прагматические маркеры лица, предмета речи, времени и пространства. Данное исследование проводилось на фактическом материале, составившем 247 фрагментов диалогической речи из художественных произведений на белорусском и английском языках из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9] и интернет-ресурсов [10; 11; 12; 13], характеризующихся некорректной интерпретацией адресатом дейктических маркеров или дейктическим эллипсисом и закончившихся коммуникативной неудачей, диагностируемой по соответствующим вербальной или невербальной реакциям коммуникантов.

Вслед за Е. А. Поповой, мы использовали метод когнитивного моделирования для анализа фактического материала, где для символической репрезентации процесса обработки и интерпретации, заложенной в высказывании имплицитной информации используется когнитивная модель, позволяющая представить процесс обработки речи адресатом в наиболее сжатом и доступном виде [14, с. 79]. Рассмотрим возможные варианты расхождения прагматических дейктических пресуппозиций говорящего и слушающего, приводящих к коммуникативной неудаче.

Как показал анализ фактического материала, в большинстве случаев (55,1 %) коммуникативная неудача обусловлена утратой прагматических пресуппозиций, выраженных лексическими маркерами персонального дейксиса – местоимениями 3-го лица, осуществляющими указание на некоммуникативных лиц, непосредственно не участвующих в диалоге, для выполнения дейктической функции которым необходимо наличие «общего фонда знаний» коммуникантов и дополнительных сведений о референте, которые содержатся в самом высказывании или контексте. Нарушение этого правила ведет к непониманию между говорящим и адресатом и является причиной коммуникативной неудачи. Для корректировки субъекту речи необходимо произвести дополнительную конкретизацию референта маркера персонального дейксиса, как в следующем примере: *Размякла Ігара Львовіча трымаць было цяжскавата, я апусціў яго на падлогу. Адчыніце, яго спаць трэба пакласці! Пачуўшы незнаёмага, за дзвярыма трохі памаўчалі. – Каго яго? Тэмбр голасу на маё здзіўленне раптам скінуўся з візготкі да зусім нармальнага. – Ігара Львовіча, каго яшчэ... – А, Ігара... А, Ігара... (У. Някляеў) [9]; “Oh my God!” Eden suddenly exclaimed, “**they**’re lifting us out by helicopter!” The realisation seemed to revive her. She moved closer to where Jonte was sitting, and began talking in a rapid whisper <...> Eden, it seemed to Jonte, had raised rather a lot of questions. He decided to ask the one he felt the most important: who were “**they**”? (G. Anthony) [10]. Процесс обработки прагматических пресуппозиций адресатом в данных примерах можно представить в виде когнитивной модели PPP → ?, где PPP (Pragmatic Personal Presupposition) – прагматическая пресуппозиция лица, → – процесс семантического вывода имплицитной информации, ? – непонимание данной пресуппозиции адресатом.*

На втором месте по частотности (26 %) находятся случаи некорректной интерпретации слушающим прагматических пресуппозиций, основанных на предметном дейксисе, как в следующем примере: “*Mammy, do you hear **that**?*” “*Hear **what** child?*” Fannie moved closer to her mother and said, “*It’s somebody else coming!*” (C. Arbogast) [11]. Процесс обработки данного типа прагматических пресуппозиций можно представить в виде когнитивной модели PPO → ?, где PPO (Pragmatic Object Presupposition) – прагматическая предметная пресуппозиция, → процесс семантического вывода имплицитной информации, ? – непонимание данной пресуппозиции адресатом, которое связано с наличием дистального демонстратива *that*, вводимого без соответствующего референта, что затрудняет или делает невозможным адекватную интерпретацию адре-

сатом высказывания. Более того, непонимание может быть обусловлено отличием перцептивных возможностей участников коммуникации и, как следствие, нахождением различных явлений в фокусе внимания собеседников, что приводит к утрате адресатом прагматических пресуппозиций, заложенных говорящим.

На третьем месте (18,9 %) находятся случаи аномальной интерпретации прагматических пресуппозиций, выраженных дейктическими темпорально-локальными актуализаторами, характеризуемыми расплывчатой референцией: ономаσιологическая неопределенность подобных дейктических маркеров вынуждает слушающего осуществлять поиск референта среди лексических микро- и макропоказателей времени и пространства одновременно, что приводит к аномальной трактовке высказывания, поскольку время и место устанавливаются именно говорящим на основании удаленной или приближенной локализации к себе самому как дейктическому центру: *А як **там** наш хлопчик? – Дзе **там**?.. – Выбачай...* (У. Някляеў) [9] – *What's it (armour) doing **here**? – It looks to me as though it's standing in a cupboard. – I mean **here**! **At this house**. You usually have all this junk thrown into your mausoleum at school* (D. Hammett) [12]. В данных контекстах коммуникативный сбой вызван расширением физического пространства локализации говорящего, актуализированного дейктическими маркерами *там* и *here*, ситуативные значения которых могут варьироваться от дома, как точки местонахождения говорящего, до района, города или страны. Как следствие, расплывчатое толкование пространства и времени, представленное в семантике темпорально-пространственных дейктических маркеров, не обладающих собственной ономаσιологической функцией, противоречит требованию детализации как обязательному контекстуальному сужению семантического объема лексической единицы по причине их индифферентности к объему указываемого ими референта: *«Anyway I like it **now**», I said. «I mean sitting **here** with you and just chewing the fat and horsing around...»* (S. D. Sallinger) [13].

В результате модификации прагматических темпорально-пространственных пресуппозиций слушающий интерпретирует высказывание аномально, что можно выразить когнитивной моделью $P\bar{T}P \rightarrow ?$, где $P\bar{T}P$ (Pragmatic Temporal Presupposition) – прагматическая темпоральная пресуппозиция, $\rightarrow$ – процесс семантической интерпретации ? – непонимание адресатом пресуппозиций, заложенных говорящим.

Таким образом, факторами, обуславливающими возникновение коммуникативных неудач в диалогическом дискурсе, являются частичное или полное несовпадение прагматических персональных, предметных и темпорально-пространственных пресуппозиций участников коммуникации, их аномальная интерпретация, модификация или полная утрата, возникающие вследствие различий перцептивных систем участников коммуникации, расплывчатости семантики дейктических лексических маркеров и их индифферентности к семантической детализации в определенном контексте. Непонимание, вызванное неоднозначностью или смысловой неполнотой дейктического

маркера, компенсируется контекстом. Если же контекст не содержит необходимой для этого информации, контекстуальная недостаточность может восполняться фоновыми знаниями собеседников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева, Е. В.* Прагматические аспекты связности диалога / Е. В. Падучева // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – М. : Наука, 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 305–313.
2. *Макарова, Н. П.* Прагматические характеристики унисонных диалоговых единств / Н. П. Макарова // Диалог о диалоге : межвуз. сб. науч. тр. – Саранск : Изд-во Мордовск. ун-та, 1991. – С. 23–28.
3. *Красных, В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. *Йокояма, О.* Теория коммуникативной компетенции и проблематика порядка слов в русском языке / О. Йокояма // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1992. – № 6. – С. 94–102.
5. *Ларина, О. В.* Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Ларина. – М., 2009. – 232 л.
6. *Лисоченко, Л. В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты) / Л. В. Лисоченко. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160 с.
7. *Прохоров, А. В.* Обусловленность процессов интерференции импликатурами рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Прохоров; Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 2006. – 20 с.
8. *Ермакова, О. Н.* К построению типологии коммуникативных неудач / О. Н. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык и его функционирование. – М. : Наука, 1993. – 345 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>. – Дата доступа : 10.04.2017.
10. *Anthony, G.* Fear no more / G. Anthony [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/Hobn.shtml>. – Date of access : 23.03.2017.
11. *Arbogast, C.* Hobnail / C. Arbogast [Electronic resource]. – Mode of access : <https://genius.com/Jd-salinger-the-catcher-in-the-rye-chap-22-annotated>. – Date of access : 11.04.2017.
12. *Hammett, D.* The Maltese Falcon / D. Hammett [Electronic resource]. – Mode of access : http://royallib.com/book/Hammett_Dashiell/The_Maltese_Falcon.html. – Date of access : 23.03.2017.
13. *Sallinger, S. D.* Catcher in the Rye / S. D. Sallinger [Electronic resource]. – Mode of access : <https://genius.com/Jd-salinger-the-catcher-in-the-rye-chap-22-annotated>. – Date of access : 11.04.2017.

14. *Попова, Е. А.* Причины коммуникативных неудач в англоязычной диалогической речи / А. Е. Попова // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – № 25 (711). – С. 75–88.

The article is devoted to the analysis of peculiarities in the functioning of deixis in dialogic discourse and the causes of communicative failures as a result of partial or complete mismatch of pragmatic personal, subject and temporal-spatial presuppositions of communicants which are predetermined by differences in their perceptual systems, the vagueness of the semantics of deictic lexical markers and their indifference to semantic detailing in discourse.

А. К. Шевцова

Могилев, МГУ имени А. А. Кулешова

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В результате проведенного исследования были выявлены маркеры коммуникативного воздействия. Общими наиболее частотными языковыми маркерами для статусов на английском и русском языках являются глаголы волеизъявления в 1-м лице единственного числа, императивные конструкции, этикетные формулы приветствия и приглашения, обращения. Кроме того, в англоязычных статусах были зафиксированы глагольные формы будущего времени со значением предположения, предсказания, а также повествование от имени собеседника (адресата), содержащее местоимения 2-го лица, глагольные формы со значением 2-го лица. В русскоязычных статусах достаточно частотны императивные конструкции со значением совета, вопросно-ответные комплексы со значением рекомендаций, постановки и решения проблемы. Обобщив все языковые маркеры коммуникативного воздействия, было установлено, что 57 % англоязычных и 46 % русскоязычных статусов обладают значительным воздействующим потенциалом и могут быть классифицированы как статусы коммуникативного воздействия.

На современном этапе развития общества доминирующее место в жизни людей начинает занимать Интернет, который рассматривается теперь как отдельная информационно-коммуникативная среда [1]. В связи с этим вполне логичным представляется тот факт, что, наряду с развитием и совершенствованием информационных технологий, возникают новые формы коммуникации, одной из которых является интернет-дискурс [2, с. 3–7].

Основной особенностью интернет-дискурса признается синтез письма и речи. Интернет-дискурс есть текст, который порожден не речевым аппаратом, а набран на клавиатуре. Как следствие, он передается собеседнику опосредованно, что может привести к некоторому разделению во времени.

По словам Н. Б. Мечковской, во всей истории письменности до настоящего времени не было такого значительного потока записанной естественной речи, который был бы представлен на столь широкое обозрение [3, с. 441].

Материалом настоящего исследования послужили 100 статусов социальных сетей (Twitter, Facebook, ВКонтакте, Одноклассники) на английском языке и 100 статусов на русском языке. Статус применительно к интернет-дискурсу – это

особый вид коммуникации, характерный для общения через социальные сети и имеющий вид текстового сообщения, который каждый пользователь может разместить самостоятельно в специально предназначенном для этого окне [4]. Социальный статус каждого отдельного пользователя может быть доступен всем посетителям в сети. С помощью таких коротких текстов пользователи сообщают о любых событиях, происходящих в их жизни, новостях, планах. Однако помимо информирующей функции многие статусы несут значительный воздействующий потенциал, побуждая адресатов к действиям, определенным рассуждениям и т.п.

Языковыми маркерами коммуникативного воздействия в отобранных примерах являются обращения; этикетные формулы приветствия: *Hello-Hello, Hi* (+ контексты, так как данные маркеры могут также сигнализировать об интенции к взаимодействию); формы будущего времени со значением предположения: *You will trust me....As I trusted you then... And I will deceive you cruelly!!!*; императивные конструкции: *Be yourself. The world worships the original, Give me my heart back! Smile and let the whole world wonder why*; повествование от имени собеседника или адресата: *You think you have forever, but you don't*; глаголы, выражающие волеизъявление: *I want to kill everybody in the world*.

В русскоязычных статусах очевидными маркерами воздействия в отобранных примерах являются, например, обращения: *Мальчики, занимайтесь спортом, и тогда от девочек не будет отбоя*; сознательное приглашение: *Приглашаю на самые интересные экскурсии по городам Европы!*; предложение (услуг, помощи): *Ремонт бензиновых двигателей, замена сцепления, пишите в лс или по номеру ...*; императивные конструкции со значением совета: *Хочешь, чтобы тебя ненавидели? Расслабься и будь собой, не напрягайся!*; призыв к какому-либо действию: *Скоро 9 мая, давайте же при встрече этих людей просто подойдем, пожмем им руку и скажем СПАСИБО!*; *Не торопись взрослеть, научись быть взрослым*. В число отобранных для анализа примеров вошли также провокационные статусы, в которых есть скрытое желание вызвать сочувствие, жалость, получить помощь и так далее: *Я не знаю, как так жить дальше!!! Я уже привык к одиночеству*. Сообщения подобного рода указывают на то, что адресант пытается внушить определенную мысль, спровоцировать адресата, подтолкнуть его к действиям, ответной реакции. Можно предположить, что все провокационные статусы – это следствие так называемого синдрома дефицита внимания, который стимулирует социальную активность с помощью подобных сообщений. В случае, если обратная реакция на такой статус отсутствует, владелец страницы начинает чувствовать себя еще хуже: у него появляется патологическое желание снова и снова обновлять свою страницу, а затем – писать еще более провокационные сообщения [5].

В ходе исследования были выявлены отличия в статусах воздействия на английском и русском языках. Так, языковые маркеры воздействия в статусах на английском языке обладают определенной спецификой. Наиболее частотными маркерами воздействия в англоязычных статусах являются: повествование от имени собеседника либо адресата, этикетные формулы приветствия, формы будущего времени со значением предположения, «предсказания», императивные конструкции, глаголы волеизъявления.

Также мы определили несколько основных языковых маркеров в русском языке: императивные конструкции со значением совета; вопросно-ответные комплексы со значением постановки и решения проблемы. Кроме того, мы выделили специфические типы статусов и маркеры, которые в отобранных англоязычных статусах не наблюдались. Например: обращение, сознательное приглашение, коммерческие и информативные статусы (услуги, приглашение и т.д.), призыв к какому-либо действию.

Так, статус *Give me my heart back!* – это настойчивое обращение к собеседнику. Можно предположить, что это статус воздействия на реципиента, так как адресант обращается к своему возлюбленному и в такой форме стремится оказать влияние на него или на нее. Такой статус, как *You will trust me....As I trusted you then... And I will deceive you cruelly!!!*, содержит форму будущего времени. Мы можем предположить, что с адресантом произошла неприятная ситуация, связанная с предполагаемым адресатом, и автор данного сообщения стремится предупредить о своем намерении отомстить. ‘Ты доверишься мне... Как когда-то я доверился тебе... И я тебя безжалостно обману!’. Следовательно, мы можем заключить, что подобные статусы обладают значительным потенциалом коммуникативного воздействия.

Наиболее распространенные языковые маркеры коммуникативного воздействия – обращения в русском языке (в контексте императивного характера), например: *Друзья, заходите в игру «Остров сокровищ». Я уже давно играю и мне нравится; Приглашаю <...>; Давайте <...>; Заходите <...>*. Они очевидно свидетельствуют о воздействии на собеседника. Глаголы в форме повелительного наклонения, модальные сочетания *не стоит, не нужно* в значении совета являются языковыми маркерами воздействия. Так, в приведенном выше примере *Мальчики, занимайтесь спортом, и тогда от девочек не будет отбоя*, присутствует прямое обращение к мальчикам в сочетании с императивным контекстом. В примере *(Скоро 9 мая, давайте же при встрече этих людей просто подойдем, пожмем им руку и скажем СПАСИБО!)* также наблюдается прямой призыв к действию. Глагол в повелительном наклонении *давайте* является языковым маркером, который однозначно сигнализирует о призыве к какому-либо действию. Достаточно частотны такие языковые маркеры, как глаголы волеизъявления в русскоязычных статусах, например: *Не хочу ждать тебя... Хочу быть там, где ты... или Хотелось бы иметь функцию ‘ни о чем не думать’... особенно перед сном!* В приведенных примерах, вероятно, адресант, эксплицируя свои желания, также воздействует на адресата.

Таким образом, обобщив все языковые маркеры коммуникативного воздействия, в результате исследования было установлено, что 57 % англоязычных и 46 % русскоязычных статусов обладают значительным воздействующим потенциалом и могут быть классифицированы как статусы коммуникативного воздействия. При этом общими наиболее частотными языковыми маркерами для статусов на английском и русском языках являются глаголы волеизъявления в первом лице единственного числа, императивные конструкции, этикетные формулы приветствия и приглашения, обращения. Кроме того, в англоязычных

статусах были зафиксированы глагольные формы будущего времени со значением предположения, предсказания, а также повествование от имени собеседника (адресата), содержащее местоимение 2-го лица, глагольные формы со значением 2-го лица. В русскоязычных статусах достаточно частотны императивные конструкции со значением совета, вопросно-ответные комплексы со значением рекомендаций, постановки и решения проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков, А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи / А. А. Ушаков // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 4 (70). – С. 175–179.
2. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
3. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета / Н. Б. Мечковская. – М. : Наука, 2009. – 584 с.
4. Что такое статусы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://statuses.info/index/status/0-2>. – Дата доступа : 03.04.2017.
5. Психология статусов для социальных сетей : Информационно-познавательный портал о самосовершенствовании, саморазвитии и здоровье [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://builduptoday.com/communication/398-psihologiya-statusov-dlya-sotsialnih-setey.html>. – Дата доступа : 03.04.2017.

The article deals with language markers of the communicative impact in the statuses of social networks in English and Russian. The most frequently used markers are verbs of will, imperative constructions, etiquette formula of greetings and invitations, appeals and addresses.

И. В. Чучкевич
Минск, МГЛУ

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНОТАТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

В данной статье предложен комплексный подход к раскрытию семантического аспекта текста, включающий *методику выявления ключевых денотатов и анализ прогрессий «эмпатия – фокус интереса»*. Помимо этого, подробно рассмотрены особенности взаимосвязи тема-рематических структур и компонентов предложений, реализованных в позициях центра эмпатии и фокуса интереса. Соотношение тема-рематической структуры с эмпатийно-фокусной репрезентацией семантической структуры предложений, входящих в текст, представлено пятью моделями корреляций данных структур, которые были определены как модели коммуникативных конфигураций: *изоморфная, частично изоморфная, неизоморфная с эмпатийно-фокусной темой, неизоморфная с эмпатийно-фокусной ремой и неизоморфная моноременная*. Взаимодействие коммуникативных конфигураций текстовых предложений осуществляется посредством трех типов когерентной связи в тексте: *эмпатийной, фокусной, с имплицитным фокусом интереса*.

Актуальность выявления семантических компонентов предложения, структурирующих денотативное пространство текста, обусловлена отсутствием общих подходов к пониманию денотативной структуры текста и его семантических компонентов, что привело к существованию различных классификаций текстовых единиц и разногласиям при определении иерархии семантических компонентов текста [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Помимо этого, в связи с усложнением представления о семантической организации текста недостаточно, на наш взгляд, рассматривать текстовую семантику исключительно в статическом аспекте. Исследование текста в семантико-коммуникативном ракурсе (т.е. как в статике, так и в динамике) позволило учесть данные особенности текста и применить комплексный и разноуровневый подходы к его анализу.

На основе критического анализа научной литературы по проблемам семантического синтаксиса, структуры и семантики текста, тема-рема-тического членения текста и методики определения ключевых слов в тексте были установлены структурно и семантически значимые элементы предложения в денотативной структуре текста. К ним относятся *ключевые слова, центр эмпатии и фокус, тема и рема* [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

При построении денотативной структуры текста мы посчитали необходимым соблюсти принципы как методики выявления ключевых денотатов, так и методики анализа прогрессии «эмпатия – фокус интереса». *Методика выявления ключевых денотатов* позволила нам выделить содержательный каркас текста, релевантный для дальнейшего анализа. В то же время *анализ прогрессии «эмпатия – фокус интереса»* был применен непосредственно для определения семантической связанности текстовых предложений.

Методика *выявления ключевых денотатов* включала в себя несколько этапов. На *этапе 1* было установлено общее число слов в тексте (N) и общее число абзацев в тексте (n). На *этапе 2* составлены ряды эквивалентных лексем, имеющих одинаковую референцию. При этом при построении данных рядов частеречная природа слов не учитывалась. Далее, на *этапе 3*, было определено общее число слов в тексте, реализующих один и тот же денотат (F), и общее число абзацев, в которых отражался данный денотат (M).

На основании полученных данных установлен коэффициент важности каждого отдельно взятого денотата путем применения к каждому ряду эквивалентных лексических единиц формулы, выведенной А. В. Зубовым:

$$K_{\text{важ}} = F \cdot m / N \cdot n \text{ [8]},$$

где $K_{\text{важ}}$ – коэффициент важности денотата;

F – общее число слов в тексте, отражающих один и тот же денотат;

m – общее число абзацев, в которых был отражен данный денотат;

N – общее число слов в тексте;

n – общее число абзацев в тексте.

На *этапе 4* были установлены ключевые денотаты посредством применения ряда «фильтров». Исключены денотаты, отраженные только в одном абзаце текста; а также слова автора при прямой и косвенной речи, вводные слова и фразы, поскольку они не отражают содержание текста, а являются только способом его презентации. Установлен порог частотности для отнесения денотата к ключевому, который можно вычислить по формуле А. В. Зубова:

$$K_{\text{важ}} \geq (1/5n + 1)^2 / N \cdot n [8].$$

Методика анализа прогрессии «эмпатия – фокус интереса» состояла в следующем. Выявив, какие денотативные области реализованы в анализируемом тексте, а также установив семантические опоры текста (центры эмпатии и фокусы интереса), мы объединили денотативные структуры предложений, содержащих ключевые денотаты, в единую текстовую денотативную структуру, которая была представлена в виде сети денотативных структур отобранных текстовых предложений. Денотативная структура каждого предложения в данном случае репрезентирована как комбинация участника, занимающего позицию центра эмпатии, и участника ситуации в позиции фокуса интереса, поскольку именно посредством данных семантически и прагматически значимых компонентов денотативная структура отдельного предложения встраивается в семантическую основу всего текста.

Все вышесказанное позволило прийти к выводу о том, что денотативной структура текста становится в результате взаимосвязи денотативных структур предложений, содержащих ключевые денотаты, к которым относятся единицы плана содержания, обладающие наибольшей частотностью отражения в поверхностной структуре текста. Единство семантических и структурных характеристик текста обеспечивается посредством наиболее значимого компонента ситуации, называемого фокусом интереса говорящего, и компонента ситуации, с которым идентифицирует себя говорящий, известного как центр эмпатии. Денотат, отраженный как в позиции центра эмпатии, так и зафиксированный в позиции фокуса интереса, является связующим звеном денотативных областей в семантической структуре всего текста, что обусловлено реализацией одного и того же денотата в денотативных структурах смежных предложений в тексте.

Представляя текст в семантико-коммуникативном ракурсе, мы посчитали необходимым провести также сравнительный анализ ключевых денотатов и тема-рематической структуры в текстах газетных статей. Данный анализ показал, что ключевые денотаты, представляющие статическое понятийное ядро текста, находятся во взаимодействии с последовательностями тем и рем, которые репрезентируют существенную информацию текста в динамическом аспекте. Это взаимодействие имеет следующие черты: в исходном предложении текста ключевые денотаты отражены как в тематической, так и в рематической частях; при параллельной тематической прогрессии в тексте слова реализующие ключевые денотаты занимают, как правило, позицию

темы, тогда как при линейной прогрессии наблюдается отражение ключевых денотатов в обеих составных частях тема-рематической структуры; несмотря на равномерное распределение ключевых денотатов в тема-рематической структуре текста последние имеют тенденцию располагаться на тех элементах предложения, за счет которых устанавливается связь предложения с контекстом, т.е. когезийная связь.

Помимо этого был проведен анализ взаимоотношений расположения центра эмпатии и фокуса интереса относительно компонентов тема-рематического членения. Стоит отметить, что особенности взаимосвязи тема-рематического и эмпатийно-фокусного механизмов в структуре английского предложения обусловлены количеством актуализированных участников ситуации и спецификой распределения коммуникативной значимости между компонентами предложения. Предложениям *с одним актуализированным участником ситуации* присущ полный изоморфизм тема-рематического и эмпатийно-фокусного уровней, так как центр эмпатии и тема коррелируют с одним участником ситуации, а фокус интереса и рема соотносятся с предикатом. В предложениях *с двумя актуализированными участниками ситуации* лексема, выполняющая семантическую роль *Объект-Пациентив*, является ремой, если направленность и характер отношений пропозиции и ситуации одинаковы. Актуальное членение в данном случае характеризуется оппозицией участников ситуации, располагающихся в первой (тема) и второй (рема) аргументных позициях, а Пациентив не занимает первое аргументное место в пропозиции при гомоморфной презентации семантической структуры предложения. В предложениях *с тремя и более актуализированными участниками ситуации* наблюдается частичное соответствие тема-рематического и эмпатийно-фокусного механизмов предложения. Изоморфны, как правило, лишь те компоненты, которые являются исходными точками для построения соответствующих структур, т.е. тема и центр эмпатии, в то время как наиболее коммуникативно значимые элементы – рема и фокус интереса – не совпадают, поскольку рема в данном случае коррелирует с более чем одним участником ситуации. Предложения с любым количеством актуализированных участников могут иметь *моноремную структуру*, при которой центр эмпатии и фокус интереса согласуются с ремой сообщения.

Раскрытие особенностей взаимосвязи, эмпатийно-фокусных и тема-рематических прогрессий позволило установить корреляции тема-рематического и эмпатийно-фокусного членений, которые мы определили как модели коммуникативных конфигураций. Для *изоморфной* модели свойственен полный параллелизм двух уровней – тема-рематического и эмпатийно-фокусного. В *частично изоморфной* конфигурации сходны лишь уровни той части предложения, которые являются исходными точками для построения соответствующих структур, – тема и центр эмпатии. Неизоморфные конфигурации – *с эмпатийно-фокусной темой*, *с эмпатийно-фокусной ремой*, а также *моноремная* – характеризуются несоответствием семантического и коммуникативного уровней. В *неизоморфной* модели *с эмпатийно-фокусной темой* эта тема представлена несколькими актуализированными участни-

ками ситуации и коррелирует с центром эмпатии и фокусом интереса. В *неизоморфной* коммуникативной конфигурации с *эмпатийно-фокусной* ремой последняя репрезентирована рядом актуализированных участников ситуации и включает в себя центр эмпатии и фокус интереса. Отличительной особенностью *неизоморфной моноремной* конфигурации является отсутствие тематического компонента.

Коммуникативные конфигурации предложений в тексте были объединены на основе общности денотата в единую коммуникативную структуру текста. Взаимодействие коммуникативных конфигураций текстовых предложений осуществляется посредством трех типов когерентной связи в тексте: *эмпатийной, фокусной, с имплицитным фокусом интереса*. *Эмпатийная когерентность* обусловлена связью денотативных структур предложений при помощи общего денотата, помещенного в исходном предложении в позицию центра эмпатии. Данный тип когерентности встречается при обрыве тематической цепочки. При *фокусной когерентности* денотативные структуры предложений объединены денотатом, впервые реализующимся в позиции фокуса интереса исходного предложения. Вместе с тем обрыва тематической цепочки не наблюдается. Для когерентности с *имплицитным фокусом интереса* характерна интеграция денотативных структур предложений на основе общности денотата в позиции фокуса интереса. При этом в исходном предложении в фокус интереса говорящего попадает сам глагол с имплицитно отраженным общим денотатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский, Г. В. От предложения к тексту / Г. В. Колшанский // Сущность, развитие и функции языка : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Г. В. Степанов. – М., 1987. – С. 37–43.
2. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков; под ред. Р. Г. Котова. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
3. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 367 с.
4. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1989. – 165 с.
5. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика: сложное синтаксическое целое : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – М. : Высш. шк., 1973. – 214 с.
6. Тураева, З. Я. Лингвистика текста: текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – 2-е изд., доп. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 136 с.
7. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 365 с.
8. Зубов, А. В. Статический аспект содержания текста и его формальное представление / А. В. Зубов // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов : сб. ст. / Тарт. гос. ун-т; редкол. : Ю. Тулдава (отв. ред.) [и др.]. – Тарту, 1986. – С. 75–94.

9. *Иванова-Мицевич, И. В.* Факторы структурирования семантики предложения / И. В. Иванова-Мицевич // Вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер. Современ. лингвист. и метод.-дидакт. исследования. – 2009. – № 1. – С. 124–132.
10. *Карпилович, Т. П.* Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : изд-во МГЛУ, 2003. – 225 с.
11. *Реферовская, Е. А.* Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская; отв. ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1989. – 165 с.
12. *Kuno, S.* Subject, theme, and the speaker's empathy – a reexamination of relativization phenomena / S. Kuno // Subject and topic : [papers] / ed. C. N. Li. – N. Y., 1976. – P. 417–444.
13. *Zubin, D. A.* Discourse function of morphology: the focus system in German / D. A. Zubin // Discourse and syntax / ed. T. Givón. – N. Y., 1979. – P. 469–504.

The aim of the research is to identify sentence semantic components that cause the variation of reflection and interaction of denotative areas while implementing the text communicative task. The complex text analysis, presented in the article, reflects the interrelation of such components as key denotations, theme, rheme, empathy centre and focus of interest.

Т. Ю. Щепачёва
Минск, МГЛУ

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ КОММУНИКАНТОВ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ КИНОДИСКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена проблеме коммуникативного поведения участников конфликтных ситуаций кинодискурса на английском и русском языках. В ней рассматриваются возможные модели коммуникативного поведения, наиболее распространенная конфронтационная тактика и ее средства вербализации. В результате сравнительного анализа выявлен ряд сходств в поведении англоговорящих и русскоязычных коммуникаторов. Соответственно, общие коммуникативные модели для языковых культур определяются как взаимная конфронтация, конфронтация-дистанцирование, конфронтационное сотрудничество, модель смешанного типа и дистанция как неявная форма конфликта. Наиболее широко используемой тактикой являются возмущение, упрек, давление и отказ.

В основе любого конфликта лежит ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу, либо противоположные цели или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несоответствие интересов, желаний оппонентов и т.п.

«Речевой конфликт» имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой активно и сознательно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. В зависимости от стратегического замысла участники конфликта определяют выбор приемов его реализации – речевых тактик, которые могут быть направлены как на конфронтацию, дистанцирование, так и кооперацию.

Однако, чтобы конфликт начал развиваться, необходим инцидент, при котором одна из сторон начинает действовать, ущемляя интересы другой. Инцидент может быть обусловлен лингвопрагматическими и психолого-прагматическими факторами. К лингвистическим факторам относят неправильную интерпретацию сообщения адресатом ввиду плохого владения языком, различия в кругозоре адресанта и адресата, или же нарушение норм культуры речи, которая подразумевает категории этичности, вежливости и уместности. Вторая группа факторов, обуславливающих конфликт, представлена психолого-прагматическими, под которыми понимается психоэмоциональное состояние коммуникантов, особенности их темперамента, характера, отношение друг к другу и ситуации, мировоззрение.

Также важно отметить, что коммуниканту следует допускать возможность ложного восприятия сообщения как со стороны адресата, так и с собственной, а значит, стремиться избежать коммуникативной неудачи или конфликта, однако на практике прагматическая составляющая имеет решающее значение. В зависимости от отношения к ситуации коммуниканты могут выбрать как кооперативный, так и конфронтационный пути интеракции, реализуя их определенным набором тактик. В научной литературе под понятием *тактика* понимают «совокупность практических ходов в реальном процессе коммуникативного взаимодействия, позволяющих достичь поставленных целей в конкретных ситуациях. В качестве приемов реализации тактик при вербальной коммуникации выступают речевые средства разных уровней» [1, с. 19].

Данное исследование было проведено на основе сопоставительного анализа 57 диалогов на английском языке и 71 диалога на русском, взятых из 6 фильмов на каждом языке.

В отобранном материале, как на английском языке, так и на русском, катализаторами конфликтных ситуаций в основном выступают психолого-прагматические факторы. Конфликты, спровоцированные языковыми факторами, напротив, отсутствуют, поскольку коммуниканты являются представителями одной лингвокультуры.

Наиболее распространенной моделью коммуникативного поведения в конфликтной ситуации, характерной для обоих языковых дискурсов, является *взаимная конфронтация*, которая выражается в обоюдной неприязни, критике, возмущении, обмене упреками и обвинениями. Ситуации, в которых стороны не склонны уступать друг другу, составили 44 % в англоязычном дискурсе и 41 % – в русскоязычном. Вторую по частотности модель представляет *конфронтация-дистанцирование* (23 % и 32 % соответственно), где один из коммуникантов пытается избежать участия в конфликте с помощью *смены темы, ложного (вынужденного) согласия, уклонения от ответа, признания вины, уступки или молчания*. Модель *конфронтация-кооперация* использовалась представителями двух лингвокультур реже других моделей (17 % и 22 %).

Особенностью англоязычного кинодискурса является более частое использование модели *смешанного типа*, чем в русскоязычном (14 % против 4 %). Смешанный тип предполагает переход коммуниканта с одной стратегии

на другую, например, с конфронтации на дистанцирование или с дистанцирования на кооперацию. Наиболее редкой моделью поведения в англо- и русскоязычном дискурсах является модель дистанцирования как имплицитная форма конфликта (2 % и 1 % соответственно), где один из коммуникантов придерживается стратегии дистанцирования в отношении собеседника. В данной ситуации определить наличие конфликта помогает анализ контекста и экстралингвистических факторов, которые указывают на отсутствие взаимопонимания между коммуникантами.

Конфронтационная стратегия реализуется большим набором тактик и широким спектром языковых средств их репрезентации. Сопоставительный анализ конфликтных ситуаций позволил выявить такие тактики, как *возмущение-упрек, давление, отказ, оскорбление, ирония, угроза, намек, обвинение, прерывание, возражение, недоверие* и «*инвективная тактика*». Наиболее употребительными в англо- и русскоязычном кинодискурсах оказались тактики *возмущения-упрека, давления и отказа*. Каждая из них реализуется определенными языковыми средствами.

Тактика *возмущение-упрек* имеет гибридную природу, поскольку возмущение и упрек тесно взаимосвязаны: они обладают схожим характером языкового воплощения и часто являются взаимодополняющими. Необходимо отметить, что смысл анализируемых высказываний является имплицитным и в значительной степени зависит от коммуникативной ситуации, содержащей множество почти неуловимых контекстных сигналов, в результате чего четкое разграничение данных тактик может быть дискуссионным. Поэтому разграничение данных тактик, с одной стороны, возможно при глубоком контекстуальном анализе, с другой – полностью обособить их невозможно, поскольку общей характеристикой для них является негативное отношение коммуниканта к собеседнику или окружающей действительности.

Тактика *возмущение-упрек* является одной из самых распространенных и экспрессивных тактик (61 % в английском языке и 70 % – в русском), реализующих стратегию конфронтации. Она обладает следующими средствами вербализации: общими для англо- и русскоязычного дискурсов являются *стилистически сниженная и бранная лексика, экспрессивные усилители* (*always* ‘всегда’, *never* ‘никогда’, *all* ‘все’, *absolutely* ‘абсолютно’, *every time* ‘каждый раз’; *что за, да, что, нет, ну, так, же, уже, ну и, вот что, даже, просто*), *междометия* (*My God!* ‘Господи!’, *Oh!* ‘Ох!’, *Jesus Christ!* ‘Боже мой!’; *Надо же!*, *Все!*, *Господи!*, *Ах!*, *Фу!*, *К черту!*), *преувеличение* (*10 000 times* ‘10 000 раз’; *a thousand times* ‘тысячу раз’; *весь двор, 33 работы*), *восклицательные предложения* (полные или эллиптические), *вопросы-переспросы, лексический повтор и инверсия*; отличительной чертой англоязычного дискурса является активное использование *междометий и инвективной лексики*, которая не приемлема для русскоязычного кинодискурса. В русскоязычном материале отмечены такие маркеры, как *фразеологические обороты, риторический вопрос, повествовательный вопрос, или самовопрос, и цитирование коммуникантом своего собеседника*.

Тактика *давления* рассматривается как коммуникативное воздействие одного коммуниканта на другого с целью достижения поставленной цели, выполнения желаемого. В англоязычном дискурсе коммуниканты используют тактику давления в 23 диалогах из 57 (40 %), в русскоязычном – в 34 из 71 (47 %). Общими маркерами тактики *давления* являются *перформативные глаголы требования, запрета, отказа* (*I demand you do something!* ‘Я требую, чтобы вы что-нибудь сделали!’; *Now I refuse... refuse to be incarcerated in this semi-private room!* ‘Я отказываюсь находиться в заточении в этой двухместной палате!’; *Я запрещаю тебе общаться с этим Ромой!*), *императивные и условные предложения*, а также *вопросительные предложения*, уточняющие понимание сказанного типа *Do you understand?* ‘Ты понимаешь?’; *Ты меня слышишь?*. Особенностью англоязычного дискурса является использование *модальных глаголов и полного или частичного повтора* адресантом собственной реплики. В отличие от английского, в русском языке императивные высказывания могут быть представлены не только формами глаголов в повелительном наклонении, но также и *глаголами в форме изъявительного наклонения 3-го лица единственного числа в прошедшем времени и 2-го лица единственного числа в настоящем или будущем времени*: *Ты сейчас вернешься и извинишься за свое хамское поведение!*; *Значит, так! Сейчас ты собираешь все окурки, бутылки, проветриваешь комнату!*; *Значит так! взяла животное и вынесла в чисто поле и вернулась!*

Тактика *отказа* подразумевает отрицательный ответ на просьбу, требование или предложение собеседника. Отказ получил реализацию в 15 из 57 (26 %) диалогов на английском и в 16 из 71 диалога на русском языке (23 %). Общими языковыми средствами реализации этой тактики являются коммуникативы *нет/но* и глаголы с отрицательной частицей *не/not*. Русскоязычный дискурс отличается от англоязычного более редким употреблением коммуникатива *нет*.

Таким образом, сопоставительный анализ коммуникативных моделей поведения, тактик и языковых средств их реализации в конфликтных ситуациях в кинодискурсе на английском и русском языках позволил выявить ряд сходств в поведении коммуникантов. Данные сходства в большей степени обусловлены психоэмоциональными особенностями личностей коммуникантов и уровнем развития их морально-нравственных качеств, чем принадлежностью к языковой культуре. Полученные результаты также объясняются особенностями персонального дискурса, которому свойственны общение на сокращенной дистанции, повышенный уровень искренности, поскольку участники общения хорошо знают друг друга. Как следствие, несоблюдение принципов кооперации и вежливости часто приводит к возникновению конфликтных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие / Е. В. Ключев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

The article is devoted to the study of communicative behavior models, the most common confrontational tactics and verbal means of their realisation. The research is based on the comparative analysis of the English and Russian cinematographic discourse.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

П. П. Глазко

Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АРГУМЕНТАТИВНОГО ЭССЕ

Статья посвящена рассмотрению структурно-семантических и прагматических особенностей аргументативного эссе как медийного типа, выделенного на основании общности прототипической структуры текстов данного жанра в англоязычном медиадискурсе. В результате проведенного логико-содержательного анализа были установлены постоянные и факультативные компоненты семантической структуры аргументативного эссе, выявлены способы их сочетания и предпочтительность употребления в современных печатных средствах массовой коммуникации, определен характер воздействия автора на читателя, заключающийся не в навязывании адресату точки зрения адресанта, а в аргументации актуальности рассматриваемой проблемы.

Одним из главных механизмов, лежащих в основе эффективности медийного текста, является аргументация. В традиционном понимании она представляет собой сложное когнитивно-коммуникативное явление, основанное на вербальной, интеллектуальной и социальной деятельности, цель которой заключается в убеждении читателя в правильности своей позиции [1].

В логике, лингвистике, а также теории аргументации, сложившейся в результате междисциплинарных исследований, разработаны различные модели аргументации. А. А. Ивин выделяет эмпирическую и теоретическую аргументации [2]. Р. Каплан устанавливает шесть моделей аргументации, называемых также когнитивными стилями: описание случаев и примеров; применение принципов к отдельным примерам; доказательство при помощи научных методов; использование математических формулировок; объединение в одну систему постулатов нескольких возможных сфер содержания [3]. Применительно к публицистике Т. А. Зарубина предлагает свести все способы аргументации к одной на основе анализа отдельных ситуаций и фактов; аргументации на основе обобщенных данных и аргументации на основе анализа конкретных данных, полученных в процессе непосредственного изучения явления, и данных, почерпнутых из разных источников [4]. Интересной представляется концепция аргументации С. Тулмина, предпринявшего попытку разработать формализованную модель, лежащую в основе всех случаев аргументирования [5]. Модель С. Тулмина представлена такими компонентами, как 'посылка', 'правила логического вывода', 'поддержка', 'модификатор', 'исключение', 'вывод', и по своей сути напоминает фреймовую структуру, т.е. когнитивную модель стереотипной ситуации. В концепции С. Тулмина было впервые отмечено, что речевая аргументация не всегда носит линейный, строго заданный характер, как в формальной логике. Эта идея была в дальнейшем

доработана Х. Перельманом и Л. Ольбрехт-Тытекой, разделившими формальную, аналитическую аргументацию и аргументацию диалектическую. Так, аналитическая аргументация нацелена на установление истины, а диалектическая – на формирование мнения [6].

Данные замечания являются особенно ценными при исследовании публицистических текстов, в которых и воздействие в целом, и аргументация в частности носят, скорее, имплицитный характер и редко удовлетворяют моделям формальной логики. В публицистике как мощном средстве формирования общественного мнения «обобщения, основанные на неполных аргументах, также представляют интерес, играют полезную роль как постановка вопроса, как момент в поиске верного решения проблемы» [4, с. 153]. По этим причинам нам представляется целесообразным определить аргументацию как «способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов, обоснование какой-либо мысли или действия, разъяснение с целью формирования определенного мнения о них у реципиента» [7, с. 78].

С целью установления особенностей структуры и прагматики аргументативных эссе был проведен логико-содержательный анализ 100 текстов англоязычных эссе культурной и общественно-политической тематики. В результате количественного анализа нами было выделено пять семантических компонентов аргументативного эссе на английском языке, которые входят в состав его структуры в 100 % случаев: ‘постановка проблемы’, ‘авторский комментарий’, ‘тезис’ и ‘аргумент’. Данные компоненты формируют прототипическую структуру аргументативного эссе. В качестве факультативного выступает компонент ‘иллюстрация’.

Специфической чертой прототипической структуры аргументативного типа эссе, в отличие от других типов, является способность отдельных компонентов структуры объединяться в субструктуры. В частности, ‘тезис’, ‘аргумент’ и ‘иллюстрация’ формируют аргументативные блоки. Наличие аргументативных блоков накладывает определенные ограничения на порядок следования и место данных компонентов в тексте, что особенно важно при рекурсивном характере структурирования эссе. Так, в 96 % текстов ‘тезис’ занимает начальную по отношению к ‘иллюстрации’ и ‘аргументу’ позицию в аргументативном блоке и только в 4 % случаев следует за ‘аргументом’. Последний случай рассматривается лингвистами в качестве особого риторического приема привлечения внимания [8], т.к. представляет читателю ‘тезис’ под видом вывода. ‘Иллюстрация’ может следовать за ‘тезисом’ или ‘аргументом’ в зависимости от того, к чему она относится.

Например, в эссе Дэвида Паттерсона «Computer Scientists May Have What It Takes to Help Cure Cancer» тезис *The hope is that by sequencing the genome of a cancer tumor, doctors will soon be able to prescribe a personalized, targeted therapy to stop a cancer's growth or to cure it* ‘Мы надеемся, что, вычислив ген рака, врачи смогут назначать персонализированное, направленное лечение, чтобы остановить рост опухоли или вылечить ее’ подкрепляется следующим за ним аргументом *According to Walter Isaacson's new biography "Steve Jobs",*

a team of medical researchers sequenced the Apple executive's pancreatic cancer tumor and used that information to decide which drug therapies to use 'Согласно новой книге Уолтера Исааксона «Стив Джобс» команда исследователей вычислила в геноме главы корпорации Apple ген рака поджелудочной железы и использовала эту информацию при назначении медикаментозного лечения'. Далее, развивая свою идею, автор приводит аргумент *The costs dropped a hundredfold in the last three years. The tipping point before widespread use is believed to be \$1,000 per individual genome <...>* 'Стоимость [такой процедуры] снизилась в сто раз за последние три года. Последний ценовой рубеж перед тем, как процедура станет общедоступной, оценивают в \$1000 за геном' для следующего за ним тезиса *Given such dramatic improvement, we could soon afford to sequence the genomes of the millions of cancer patients, which only billionaires could afford a few years ago* 'Принимая во внимание такие стремительные улучшения, скоро мы сможем вычислять геномы миллионов больных раком пациентов, что несколько лет назад было доступно только миллиардерам'. Использование аргумента перед тезисом позволяет автору создать эффект обобщения, делая тезис более весомым и выдвигая его в фокус внимания читателя, а также позволяет избежать однообразности на фоне предыдущего аргументативного блока.

Продолжая свои рассуждения о возможностях использования компьютерных технологий в медицине, Дэвид Паттерсон иллюстрирует тезис *Researchers are exploring the engagement of people when traditional hardware and software are not up to the task* 'Исследователи изучают возможности привлечения людей, когда компьютеры не справляются с задачей' следующим образом: *An inspirational example is the Foldit game <...> that recently attracted thousands of volunteers to uncover the structure of an enzyme important to H.I.V. research* 'Вдохновляющим примером является игра Фолдит <...>, которая за последнее время привлекла тысячи добровольцев к изучению структуры фермента, важного для исследования ВИЧ'. Данное высказывание выступает в функции иллюстрации, поскольку делает понятным для читателя, как именно люди заменяют компьютеры, а не убеждает читателя в истинности тезиса.

С точки зрения прагматики *аргументативное* эссе обладает наиболее выраженным персуазивным потенциалом, заключающимся в воздействии на читателя с целью убеждения. Это объясняется спецификой типовой структуры аргументативного эссе, которая представляет собой содержательный каркас, предопределяющий языковые средства его актуализации в текстах данного типа.

В ходе исследования было установлено, что дискурсивные маркеры компонентов прототипической структуры аргументативного эссе выступают одновременно в качестве языковых средств актуализации коммуникативных стратегий и тактик, т.е. представляется возможным соотнести каждый семантический компонент с определенной прагматической функцией на основании лингвистических средств, материализующих их в тексте [9].

Например, использование различных видов аргументов способствует реализации стратегии объективизации, а именно: дискурсивные маркеры *цитатных* и *фактуальных аргументов* соотносятся с языковыми средствами реализации реферетивной тактики, а *логических аргументов* – со средствами актуализации тактики причинно-следственной связности. Компонент ‘тезис’ в целом соотносится со стратегией субъективизации, поскольку он всегда содержит информацию о мнении автора. Так, ‘тезис-допущение’ имеет прагматическую функцию авторепрезентации адресанта, а ‘тезис-оценка’ способствует созданию образности текста.

Однако не все семантические компоненты связаны с одной конкретной прагматической функцией. В частности, ‘авторский комментарий’, будучи жанрообразующим стержнем эссе, обладает широким прагматическим спектром. Дискурсивные маркеры ‘авторского комментария’ можно разделить на три группы: первая группа представляет собой языковые средства авторепрезентации автора, вторая – средства создания образности, третья – средства диалогизации, репрезентирующие диалогизацию как один из способов стимулирования читательской реакции. Средства актуализации ‘иллюстрации’ также перекликаются с лингвистическими способами субъективизации текста как в плане создания образности, так и с целью авторепрезентации автора.

Таким образом, аргументативный характер рассматриваемого текстотипа не предполагает воздействия исключительно персуазивной направленности. Наличие в типовой структуре аргументативного эссе семантических компонентов ‘авторский комментарий’ и ‘иллюстрация’, реализующих посредством соответствующих языковых средств ряд других коммуникативных тактик, уравнивают и дополняют аргументацию, занимающую ведущую роль в тексте. При этом важно отметить, что в эссе данного типа аргументируется не авторская точка зрения, а актуальность исследуемой в нем проблемы, ее значение для современного общества и каждого его представителя. Иными словами, аргументируется необходимость задуматься над проблемой и сформировать в ее отношении собственную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рождественский, Ю. В.* Теория аргументации / Ю. В. Рождественский. – 2-е изд., испр. – М. : Добросвет, 1999. – 488 с.
2. *Ивин, А. А.* Основы теории аргументации : учебник / А. А. Ивин. – М. : ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
3. *Стариннова, Т. Б.* Структура аргументативного дискурса / Т. Б. Стариннова, Н. А. Мальковская // Вестн. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 2. – С. 33–43.
4. *Зарубина, Т. А.* Способ аргументации в публицистическом тексте / Т. А. Зарубина // Вопросы теории и практики журналистики. – Иркутск : Байкальск. гос. ун-т экономики и права, 2012. – № 2. – С. 152–155.
5. *Toulmin, S. E.* The Uses of Arguments / S. E. Toulmin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1958. – 272 p.

6. *Перельман, Х.* Язык и моделирование социального взаимодействия / Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Тытека // Новая риторика: трактат об аргументации. – М. : Наука, 1987. – С. 207–264.
7. *Герасимова, И. А.* Аргументация как методология убеждения / И. А. Герасимова, М. М. Новоселов // Вопросы философии. – М., 2003. – № 10. – С. 72–84.
8. *Krause, W.-D.* Textsorten als strukturelle Prototypen / W.-D. Krause // Wissenschaftlicher Zeitschrift PH Potsdam. – 1986. – Н. 5. – S. 719–759.
9. *Глазко, П. П.* Прагматически маркированные языковые средства в публицистическом эссе на английском и белорусском языках / П. П. Глазко // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол. : Т. П. Карпилович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – Вып. 1. – С. 14–21.

The article considers the semantic, structural and pragmatic peculiarities of the argumentative essay as a type of media essay singled out on the ground of text prototypes of this genre in English media discourse. The results of the logical analysis elucidate constant and optional semantic structure components of the argumentative essay, the ways of their arrangement and the frequency of their use in English media discourse as well as the specificity of influence exerted on the reader. The aim of such influence is not so much to promote and impose the author's point of view, but to emphasize the importance of the issue in question.

И. В. Лешкевич

Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ДИФФУЗНОСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАЖАНРОВ

Диффузия аналитических медиажанров изучается с точки зрения особенностей реализации категорий оценки и аргументативности. Анализируются аргументативные оценочные средства, к которым относятся статистические данные, лингвистические способы выражения причинно-следственных связей, полилогичность, обращение к чувствам и эмоциям. Выявляются особенности их функционирования в англоязычной аналитической статье и рецензии, а также соотношение типов оценки, рациональной/ эмоциональной, и аргументации в исследуемых медиажанрах.

В современном мире информация является решающим стратегическим фактором во всех сферах человеческой жизни. Новые информационные технологии вносят радикальные изменения в существующую картину мира, детерминируют рождение новых жанров и форматов журналистики, а также диффузию существующих жанров, в том числе и аналитических.

Диффузия аналитических медиажанров рассматривается нами через призму реализации категорий оценки и аргументативности на материале аналитической статьи и рецензии из британской прессы.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, тем, что в условиях антропоцентрической парадигмы предполагается важным раскрыть спектр оценочных средств, служащих для выражения позиции человека в совре-

менных печатных СМИ, которым свойственна достаточно высокая динамика изменения и диффузности жанров. Во-вторых, аргументативные средства передачи оценочной информации являются неотъемлемым элементом аналитических медиажанров, поскольку процесс оценивания в них чаще всего осуществляется с приведением доводов с целью принятия аудиторией выдвигаемых положений. В-третьих, недостаточно изучено соотношение аргументативности и оценки. Так, рассматривался аргументативный эффект оценочной семантики [1], аргументативные свойства кванторных слов [2], отдельные виды оценок в тексте аргументативного дискурса [3]. Однако взаимосвязь этих категорий с определением их роли в построении аналитических медиажанров (статьи и рецензии) не находилась в фокусе исследования.

На наш взгляд, справедливо наблюдение Е. М. Вольф о том, что «в тексте оценка чаще всего бывает не независимой, она входит как часть в общее построение описания или рассуждения с его аргументацией» [4, с. 204]. Необходимо отметить и обоснование оценок в логике, которое понимается как «приведение доводов (аргументов) в поддержку высказываемых оценок с намерением убедить аудиторию в их приемлемости» [5, с. 204].

Кроме того, интерес представляет изучение соотношения типов оценки и аргументации в англоязычной аналитической статье и рецензии. Например, Е. Р. Иоанесян, обращаясь к рациональной оценке, рассматривает мотивировки оценки как разновидность аргументов [2]. Л. М. Храмушина, анализируя оценочную диктему, делает акцент на выражение в ней эмоционального отношения к объекту речи [3]. И хотя принято утверждать, что оценка сопряжена с эмоцией, а аргументация – со сферой логического, нами выдвигается гипотеза, что в аналитических медиажанрах возможно перекрещивание явлений – рационального в оценке и эмоционального в аргументации.

Приняв за основу вышеуказанные теоретические положения, мы исследовали аргументативные средства оценки на материале 30 аналитических статей и 30 рецензий из британских периодических изданий за 2017 г.: “The Observer”, “The Guardian”, “The Times” и др. К аргументативным средствам оценки нами отнесены:

1) аргумент к статистике (количественная оценка – в значении *много, мало*): *In 2000, there were an estimated 15 billion livestock in the world <...>. By last year, that had risen to about 24 billion, with the majority of eggs, chicken meat and pork produced on intensive farms* ‘По оценкам в 2000 году в мире было 15 миллиардов голов домашнего скота. К прошлому году количество увеличилось до 24 миллиардов, при этом большая часть яиц, птицы и свинины производится интенсивными хозяйствами’ (The Guardian, 18.07.17) – отрицательная оценка роста количества интенсивных хозяйств в Великобритании;

2) лингвистические способы выражения причинно-следственных связей. Причинно-следственное единство может быть оформлено лексически (с помощью глаголов *to trigger* ‘вызывать’, *to attribute* ‘присваивать’, *to threaten* ‘угрожать’, *to affect* ‘влиять на’ и др.) и грамматически (с помощью придаточных предложений и причастий). Например: *There is strong evidence that*

this overuse of antibiotics in intensive farming is contributing to antibiotic resistance in human medicine ‘Существуют убедительные доказательства того, что чрезмерное использование антибиотиков интенсивными хозяйствами приводит к развитию устойчивости к антибиотикам у людей’ (The Guardian, 18.07.17); *Some ministers point out that the uncertainty is already causing business to plan for the event of a “no deal” scenario, fearing that a lack of flexibility will mean that such an outcome becomes a self-fulfilling prophecy* ‘Некоторые министры отмечают, что неопределенность уже является причиной подготовки предприятий к развитию варианта «без соглашения», опасаясь, что отсутствие гибкости приведет к тому, что такой исход станет самосбывающимся пророчеством’ (The Guardian, 15.07.17);

3) полилогичность, подразумевающая лингвистическое выражение субъектов оценки (например, аргумент к мнению большинства, оценка через цитацию как аргумент к авторитету, чужая речь как средство аргументации): *The government has pledged not to dilute environmental and animal welfare standards on farms, and said keeping safety and public confidence in food would be “of the highest priority”* ‘Правительство заверило, что не ослабит требования к соблюдению природоохранных и социальных норм на фермах, а также заявило, что сохранение безопасности и доверия общества к продуктам питания будет «первоочередной задачей» (The Guardian, 18.07.17);

4) аргумент к чувствам и эмоциям: *<...> most insiders point to British political paralysis* ‘<...> большинство инсайдеров указывают на британский политический паралич’; *In Brussels, relief over signs of compromise is tempered with uncertainty* ‘В Брюсселе оптимизм по поводу возможного компромисса омрачается неопределенностью’ (The Guardian, 15.07.17).

Аргумент к чувствам и эмоциям является наглядной иллюстрацией положения о пересечении эмоционального и рационального в оценке и аргументации.

Анализ реализации категорий оценки и аргументации в аналитических медиажанрах показал, что объемы этих понятий частично совпадают, т.е. содержат общие элементы (параметры): значимость, наличие субъекта (-ов), подконтрольность целям, воздействие и др. Для аналитической статьи и рецензии характерно сходство аргументативных оценочных средств. Однако в аргументативном плане аналитические статьи, как правило, лучше организованы, что облегчает понимание авторской позиции читателями. Аргументы логически связаны между собой и с основной идеей статьи. Четкая логическая организация аргументации, основывающаяся на причинно-следственном рассуждении и использовании большого количества цитат, чужой речи, является отличительной характеристикой аналитической статьи.

В отличие от рецензии, для аналитической статьи больше характерно пересечение аргументативных и рациональных оценочных смыслов, которое заключается в следующем: рациональная оценка, как и аргументация, поддерживается доводами в свою пользу, или значение логически выводится из контекста. Это делается для того, чтобы убедить адресата в истинности

оценки. Однако аналитической статье, как и рецензии, в значительной степени присуще обращение к чувствам и эмоциям, но в совокупности с другими способами обоснования оценки, в частности цитатами. Аргументы к статистике являются все же прерогативой аналитической статьи. Следует отметить еще одно отличие: аргументация в аналитической статье выступает как средство анализа, что согласуется с положением о том, что основной чертой аналитических жанров является их нацеленность не на информирование, а на анализ, исследование, истолкование происходящих событий. В рецензии же аргументы используются как средство убеждения, что подтверждает тенденцию газетной рецензии в сторону меньшей аналитичности, большей информационности, рекламности и развлекательности [6]. В целом, как оценка, так и аргументация прагматичны и «рекомендательны», т.е. имеют воздействующий характер и направлены на адресата по своей природе.

В результате проведенного анализа выявлены аргументативные оценочные средства, а также особенности их функционирования в англоязычной аналитической статье и рецензии. Установлено, что при помощи аргументативных средств находят выражение рациональные и эмоциональные оценки. Полученные данные свидетельствуют о сходстве и различиях в реализации категорий оценки и аргументативности в англоязычной аналитической статье и рецензии, а также о диффузности исследуемых медиажанров: использование эмоциональных оценок в аналитической статье и аргументации – в рецензии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гавенко, С.* Анализ аргументативного эффекта оценочной семантики в естественном языке (на материале американских текстов) / С. Гавенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.dialog21.ru/Archive/2001/volume1/18.htm](http://www.dialog21.ru/Archive/2001/volume1/18.htm). – Дата доступа : 12.07.2017.
2. *Иоанесян, Е. Р.* Аргументативные значения языковых единиц (на материале русского и французского языков) / Е. Р. Иоанесян. – М. : Совет. писатель, 2011. – 218 с.
3. *Храмушина, Л. М.* О роли некоторых видов оценок в тексте аргументативного дискурса / Л. М. Храмушина // Молодой ученый. – 2012. – № 4 – С. 256–259.
4. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
5. *Ивин, А. А.* Логика : учеб. для вузов / А. А. Ивин. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 224 с.
6. *Молитвина, Н. Н.* Литературная рецензия в современном медиадискурсе: жанрово-стилистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Н. Н. Молитвина; Моск. гос. ун-т. – М., 2017. – 22 с.

The paper presents the study of language characteristics that demonstrate diffusion of analytical media genres. For this purpose the categories of evaluation and argumentation have been analyzed. The types of argumentative evaluative means and the peculiarities of their functioning in British analytical articles and reviews have been revealed.

А. Ф. Воловикова

Могилёв, МГУ имени А. А. Кулешова

ПРИЗНАКИ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В WEAR-ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматривается языковое воплощение глобализационных процессов в слоганах на одежде. Глобализация раскрывается в англо-, белорусско-, англоязычном wear-дискурсе посредством использования англицизмов; апелляции к явлениям массовой культуры; «детабулизации». Таким образом, мы доказываем тот факт, что это явление сегодня весьма обширно и затрагивает разные сферы жизни.

В настоящее время процесс глобализации протекает чрезвычайно активно. Это связано не только с экономикой и политикой. Признаки данного явления имеют место в повседневной жизни и коммуникации.

В рамках настоящего исследования к wear-дискурсу мы относим слоганы на одежде. Уже несколько десятилетий многие молодые люди предпочитают покупать одежду с надписями. Приобретая такую одежду, человек, вероятно, имеет цель презентовать себя, однако сами слоганы доказывают принадлежность человека к глобализационным процессам [1].

Чтобы выявить, насколько выражены признаки данного явления в русско- и белорусскоязычном wear-дискурсе, мы сделали выборку слоганов на русском и белорусском языках и выборку надписей на одежде российского и белорусского производства. Источником для первой выборки стали различные ресурсы Интернета, для второй – онлайн-магазины производителей. Количество русскоязычных слоганов составило 150 единиц, белорусскоязычных – 52. Кроме того, было отобрано 75 слоганов на одежде российского производства и 205 – белорусского.

В процессе глобализации английский язык играет важную роль в качестве средства международного общения. В индустрии рекламы англицизмы применяются часто с целью влияния на покупателя и обращения покупки и продажи в свою пользу. Было установлено, что англицизмы у покупателей вызывают положительные ассоциации. Также благодаря одежде с иностранной надписью носитель может указать на свой уровень образованности [3]. Сами создатели одежды используют заимствования для продвижения своего товара на мировой рынок.

Помимо англицизмов и других заимствований, признаком глобализации в wear-дискурсе является апелляция к явлениям массовой культуры и использование ее артефактов. Сама массовая культура является доказа-

тельством проистекания данного процесса, поскольку отражает интересы и предпочтения огромной массы людей из разных стран. Массовая культура ориентирована не на личность, а на глобальное распространение своей продукции [2].

Под использованием явлений массовой культуры в wear-дискурсе мы понимаем слоганы с названиями популярных музыкальных групп, брендов, знаменитых персонажей, технологических достижений, уже вошедших в повседневный обиход. Примерами употребления таких массовых явлений можно считать следующие слоганы: *Let's rock!* (рок – заимствованное и популярное музыкальное течение, связанное с современным образом жизни); *Rock, Smells like teen spirit* (ссылка на популярную группу «Nirvana»); *Назаўжды Coca-Cola* (использовано наименование мирового бренда) и т.д. Производители используют данные массовые явления для стандартизации и распространения своего товара.

Существует мнение, что глобализация также характеризуется «детабулизацией», «в содержании запретительных норм в мировых культурах есть изменения» [4]. Сегодня наблюдаются изменения в традиционных запретах. Например, во взаимоотношениях между полами. Больше не осуждаются добрачные и ранние сексуальные отношения. Также не такое сильное негативное отношение вызывает однополая, групповая и свободная любовь. Данная тенденция может быть воплощена в том числе и в слоганах на одежде. Например, *My girlfriend says I need to be more affectionate, so now I have two girlfriends; Romance without finance no chances; No boyfriend no problem; Ночую там, где меня любят; Плейбой; Разыскивается хороший мужик! Должен иметь счет в банке, хорошую тачку, большой опыт.*

Еще одним проявлением «детабулизации» можно назвать открытое использование ненормативной, обценной лексики, сленговых слов. Данная тенденция реализуется не только в примерах из повседневной жизни, но и в сленгах на одежде. Например, *А чё я сразу?; Йа чоткий патсан; Осторожно! Здесь могут послать!*

Также глобально распространяется ценность молодости, что вызывает неприятие признаков старости и призыв к наслаждению жизнью посредством напитков, вечеринок. Лозунгом современности можно считать фразу «Жить одним днем». Например, *Forever young; Forever and ever and always and forever.* «Детабулизация, обусловленная глобализацией, распространяется как в определенных этнокультурах, так и в субкультурах, отражая изменения в базовых ценностных установках общества» [4]. Если ранее в русской и белорусской культурах нормой поведения была скромность, то сейчас отмечается показной характер, демонстративность поведения. Из слоганов в качестве примеров можно привести следующее: *Её величество Анна; Прыгажуня; Плохого человека Ярославой не назовут!; Number one!*

Таким образом, мы выделили некоторые признаки глобализации и подсчитали их процентное соотношение (таблица).

Частотность проявления отдельных признаков глобализации
в wear-дискурсе

Тип слоганов (выборки)	Использование англицизмов и др. заимствований, %	Апелляция к реалиям массовой культуры, %	Вербализация признаков «детабулизации», %	Использование ненормативной, обценной лексики, %	Актуализация ценностных изменений в обществе, %
Слоганы на русском языке	7	5	3	19	17
Слоганы на одежде рос. производства	92	8	0	2	19
Слоганы на белорусском языке	15	19	0	0	0
Слоганы на одежде бел. производства	98	11	2	12	17

Как следует из таблицы, основным признаком глобализации в wear-дискурсе является использование англицизмов и других заимствований. Англицизмы крайне распространены, поскольку английский язык является сегодня самым употребительным, а англоязычная культура самой популярной. Заимствования используются производителями для продвижения своего товара, бренда. Люди приобретают подобную продукции для презентации себя в качестве человека, границы которого выходят за пределы одного государства и культуры. Именно поэтому данный признак глобализации чаще всего встречается в слоганах на одежде российских и белорусских производителей.

Стоит отметить, что глобализация – крайне широкое явление, которое затрагивает не только экономику, политику, науку, но и общественную жизнь, ее нормы и общечеловеческие ценности. Данное явление проявляется и через «детабулизацию», которая находит отражение также и в wear-дискурсе. Более всего имеется слоганов, где нарушается норма речи и ценностей. Наименее всего наблюдается слоганов, где наблюдается призыв к нестандартным любовным отношениям. Стоит отметить, что среди слоганов на белорусском языке и белорусского производства наблюдается отсутствие тенденции к «детабулизации». Это подчеркивает ценностную ориентацию данной страны и стремление сохранить давние (более консервативные) нормы.

Как следует из табл., наблюдаются высокие показатели употребления слоганов, апеллирующих к явлениям массовой культуры. По нашему мнению, это неудивительно, так как данный вид культуры распространяется на глобальном уровне крайне быстро.

Следует отметить, что использование заимствований может вызвать проблему в интерпретации надписей. Например, производители неправильно трактуют значения некоторых слов, отчего могут возникать комические ситуации. Например, компания «Світанак» создала майку со словом “jerk”, которое переводится не только как ‘толчок’, но и ‘придурок’. Грамматические ошибки в сленгах также распространены. К примеру, в надписи «*Freedom USA*» (‘*Rus Одежда*’) отсутствует определенный артикль.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что глобализация затронула как русско-, так и белорусскоязычный wear-дискурс. Однако не все обозначенные выше признаки глобализационных процессов находят отражение в исследуемом материале. Так, в белорусскоязычных слоганах отсутствуют проявления «детабулизации», актуализация ненормативной лексики и ценностных изменений в социуме. Таким образом, можно заключить, что белорусскоязычный wear-дискурс наименее восприимчив в распространению глобализационных признаков. В целом от выбора самих людей зависит, будут ли приняты иностранные веяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивус, О. Н.* Слоган на одежде как способ самопрезентации / О. Н. Ивус // Вестн. Иркутск. гос. лингв. ун-та. – 2011. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/slogan-na-odezhde-kak-sposob-samoprezentatsii>. – Дата доступа : 16.02.2017.
2. *Киященко, Н. И.* Массовая культура и массовое искусство как глобальная проблема XXI века / Н. И. Киященко // Философия и общество. – 2003. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/massovaya-kultura-i-massovoe-iskusstvo-kak-globalnaya-problema-xxi-veka>. – Дата доступа : 16.02.2017.
3. *Пискарёва, А. А.* Язык немецкой рекламы в зеркале глобализационных процессов / А. А. Пискарёва // Пространство и время. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-nemetskoj-reklamy-v-zerkale-globalizatsionnyh-protsessov>. – Дата доступа : 16.02.2017.
4. *Тульнова, М. А.* Табу в контексте глобализации / М. А. Тульнова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/tabu-v-kontekste-globalizatsii>. – Дата доступа : 16.02.2017.

This article considers globalization through the examples of slogans on clothes. In wear-discourse globalization is revealed through the following features: borrowings, using features of mass culture; “detabulisation”. In that way we prove the fact that nowadays this phenomenon is wide-spread and has influence on many fields of our life.

СПОСОБЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается категория эмотивности, выраженная лексическими средствами в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Главное внимание уделяется анализу неоднозначных лексем, потенциально способных описывать более одной эмоции, а также способам их конкретизации, среди которых выделяются уточнение в предшествующем и последующем контексте, а также анализ ситуации, в которой реализуется данная лексема. Проводится сравнение частоты употребления выявленных способов конкретизации значения в двух языках.

По меткому замечанию В. И. Шаховского, «язык — это биологическое приспособление для передачи информации, для адаптации человека в мире, для репрезентаций в процессе общения, которое всегда эмоционально мотивировано» [1, с. 42], поэтому неудивительно, что лексика любого языка содержит единицы, способные называть и выражать разнообразные эмоции. Как эмоции делятся психологами на простые (базовые, фундаментальные) и производные (комплексные) [2; 3], так и эмотивная лексика может передавать информацию об эмоциях по-разному. Так, в определении эмотивной единицы может иметься прямое и четкое указание лишь на одну эмоцию, например: *grief* ‘печаль’ — ‘deep sorrow, especially that caused by someone's death’ [4]; *падасць* — ‘пачуццё вялікай асалоды’ [5]. Вместе с тем в языке существуют слова, которые потенциально могут выражать две и более разноаспектные эмоции, причем в конкретном контексте, как правило, реализуется лишь одна из них, например: *to shriek* ‘вопить’ — ‘utter a high-pitched piercing sound or words, especially as an expression of **terror**, pain, or **excitement**’ [4]; *войкаць* — ‘вымаўляць, выкрываць «вой», выказваючы пачуццё болю, **жалю**, **прыкрасці**, **здзіўлення**’ [5].

Таким образом, целью настоящего исследования является установление способов конкретизации значений эмотивной лексики в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Для исследования были отобраны контексты, в которых употреблялись единицы, потенциально указывающие на несколько разноклассовых эмоций.

Проведенный анализ позволил выявить три ключевых способа, которые помогают определить конкретную эмоцию, реализуемую в том или ином контексте.

Рассмотрим первый способ — наличие в последующем контексте названия эмоции, соответствующего одной из эмоций, указанных в дефиниции рассматриваемой неоднозначной лексемы, или же эмотивной единицы, в свою очередь, содержащей в определении указание на одну из эмоций в анализируемой лексеме. Обратимся к примеру:

“It might as well be a hundred years,” she said **bitterly**.
(...) “Are you **angry** at me?” [6, p. 136 – 137].

Рассмотрению подлежит лексема *bitterly* ‘горько, резко’, которая определяется следующим образом – ‘in an angry, hurt, or resentful way’ [4], т.е. данное слово потенциально может выражать три разные эмоции. Обращение к последующему контексту позволяет отметить лексическую единицу *angry* ‘разозленный’, которая конкретизирует значение неоднозначной лексемы *bitterly* и помогает сузить его до аспекта ‘in an angry way’.

Проиллюстрируем также примером из белорусскоязычного дискурса:

Фелікс зірнуў у задняе шкло і застыў.

– Гэта яны? – голас Фелікса выдаў *спалох* [7, с. 49].

В данном примере интерес представляет глагол *застыў*, который потенциально может указывать на эмоции страха и удивления. Изучение последующего контекста позволяет обнаружить лексему *спалох*, тем самым уточняя эмоцию, которая реализуется в вышеупомянутом глаголе.

Второй способ заключается в наличии в предшествующем контексте слова, называющего эмоцию, или слова, в определении которого выделяется эмоция, соотносимая с одной из эмоций в дефиниции анализируемой единицы. Проиллюстрируем примером:

She sensed a perturbation. (...) she seemed discomfited herself [6, p. 163].

Лексема *discomfited* ‘расстроенный, находящийся в замешательстве’ имеет определение ‘feeling uneasy or embarrassed’ [4], т.е. может выражать одну из двух эмоций. Обращение к предшествующему контексту позволяет выявить, что в указанной единице реализуется компонент *uneasy*, т.к. встречающееся ранее слово *perturbation* ‘смятение’ определяется как ‘anxiety; mental uneasiness’ [4].

Рассмотрим еще один пример:

– *Не бойся*, – адразу ж сказаў ён.

– *А я і не баюся*, – схлусіла Мятліцкая.

– *Чаго тады такая зялёная* ? [8, с. 18].

Рассмотрению подлежит прилагательное *зялёная*, которое может свидетельствовать о переживании таких эмоций, как страх или волнение. Однако ближайший предшествующий контекст ясно определяет, что актуализирована именно эмоция страха, благодаря присутствию в диалоге глагольных форм *не бойся*, *не баюся*.

Как видно из приведенных примеров, контекст может быть ближайшим, т.е. в рамках одного предложения или обмена репликами, но также и более далеким – в рамках абзаца, а иногда – в пределах целой ситуации, охватывающей несколько абзацев.

Третий способ состоит в конкретизации значения неоднозначной единицы через анализ ситуации, в которой она реализуется. Ситуация может включать оценочную лексику, что помогает уточнить значение, или же не содержать ее, вследствие чего можно полагаться лишь на анализ внеязыкового контекста. Проследим данное положение на примере:

*She knew that he worked at the bomb plant and had **the most boring** of all the jobs there. He could jaw for hours about variable yields and bunker busters and kilotonnage, making himself out to be personally responsible for keeping the nation safe. She finally got **fed up** and told him the truth, namely, that he was a nobody and she **wasn't impressed** with these bombs that he didn't actually have anything to do with* [6, p. 168].

В приведенном примере необходимо обратиться к единице *fed up* ‘сытый по горло’, означающей ‘annoyed or upset at a situation or treatment’ [4]. Наличие в ближайшем контексте единиц *the most boring* ‘самый скучный’ и *wasn't impressed* ‘не была впечатлена’ позволяет утверждать, что героиня была скорее раздражена, чем огорчена происходящим.

Обратимся к примеру из романа на белорусском языке:

Я падышла да банкамата. На рахунку аказалася больш за дзве тысячы. Памятаю вочы Фелікса, вялікія, як сподкі [9, с. 42].

Выделенные части высказывания могут свидетельствовать как об испуге, так и о сильном удивлении. Изучение ситуации, в которой проявляется данная эмоциональная реакция, ведет к заключению, что наличие на банковском счете героини двух тысяч долларов, вероятно, вызовет удивление, а не страх.

Кроме того, были отмечены случаи со сложным взаимодействием эмотивных лексем, при котором происходила взаимная конкретизация неоднозначных единиц. В таких случаях каждая из лексем содержала в определении указание на несколько эмоций, и только при взаимном учете их значений можно было определить, какая же из ряда эмоций реализуется в контексте, например:

*The committee members were holding themselves erect, with self-importance but also with **awe and trepidation*** [6, p. 156].

В данном случае мы имеем дело с единицами *awe* ‘страх, благоговение’ – ‘a feeling of reverential respect mixed with fear or wonder’ [4] и *trepidation* ‘тревога, смятение’ – ‘a feeling of fear or agitation about something that may happen’ [4]. В каждой из дефиниций обнаруживается элемент *fear* ‘страх’, из-за чего можно заключить, что именно эта эмоция актуализируется в данной ситуации.

В таблице приведено количественное соотношение всех выявленных способов конкретизации значений эмотивных лексем в дискурсе на двух языках.

Статистически высокая представленность первых двух способов – указание на реализуемую эмоцию в предшествующем или последующем контексте – легко объясняется: таким образом автор направляет читателя и дает ему установку на относительно однозначную интерпретацию той или иной ситуации. Высокий процент ситуативной конкретизации значения, отмеченный в художественном дискурсе на белорусском языке, вероятно, можно объяснить тем фактом, что многозначная эмотивная лексика была употреблена в типовых ситуациях, имеющих лишь одну возможную интерпретацию в плане эмоций.

Количественное соотношение способов конкретизации значений
эмотивных лексем в художественном дискурсе на двух языках

Способ конкретизации значения эмотивной лексики	Англоязычный дискурс, %	Белорусскоязычный дискурс, %
Последующий контекст	36	42
Предшествующий контекст	42	25
Ситуация Из них:	22	33
без оценочной лексики	17	28
с оценочной лексикой	5	5

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
2. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер ; Лидер, 2011. – 460 с.
3. Мягкова, Е. Ю. К проблеме исследования эмоциональности единиц индивидуального лексикона / Е. Ю. Мягкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fccl.ksu.ru/winter.99/cog_model/myagkova.pdf. – Дата доступа : 08.09.2016.
4. Oxford English Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Дата доступа : 04.03.2017.
5. Электронный русско-белорусский словарь «Скарнік» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.skarnik.by>. – Дата доступа : 19.03.2017.
6. Franzen, J. Purity : A Novel / J. Franzen. – Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 515 p.
7. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 1. – С. 49–81.
8. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 3. – С. 17–42.
9. Клімковіч, М. Цень Анёла: раман / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 2. – С. 37–70.

The present article deals with polysemantic emotive lexemes in fictional discourse. Three ways of specifying the meaning of these emotive words are singled out. The frequency of their occurrence in English and Belarusian fictional discourse is compared.

О. В. Кабецкая
Минск, МГЛУ

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕДИАЖАНРА «РАЗЪЯСНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА» В БРИТАНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматривается жанр «текстов-разъяснений» на английском и русском языках. Сравниваются компоненты суперструктуры данных текстов и дискурсивные маркеры, встречающиеся в них. Также сопоставляются прототипические структуры текстов-разъяснений и текстов юридических документов на обоих языках.

В век постоянно развивающихся технологий проблема доступа к различным данным практически перестала существовать, но в то же время доступность информации еще не может гарантировать ее понимания.

Юридическая информация постепенно занимает все более важное место, поскольку изменения в законодательстве неизбежно влекут изменения в жизни государства и его жителей. Для того чтобы помочь людям, не имеющим специальных знаний, и донести до них сведения о последних событиях в области законодательства, используются тексты-разъяснения. Такие тексты призваны интерпретировать информацию, изложенную в правовых документах.

Субъектами толкования в данном случае выступают представители органов государственной власти, практикующие юристы и граждане, чьи юридические знания превышают уровень знаний читателей, т.е. адресатов, вследствие чего возникает необходимость преподнести информацию в доступной форме. Для решения задачи используются языковые средства, с помощью которых можно наиболее ясно и кратко передать содержание первичного текста.

На сегодняшний день тексты-разъяснения, интерпретирующие законы, постановления, декреты и многие другие нормативно-законодательные документы еженедельно встречаются в периодических изданиях и в Интернете. Их основная задача — довести до сведения читателя изменения в действующем законодательстве в краткой и понятной форме.

Тексты-разъяснения подпадают под определение вторичного текста, поскольку в них прослеживается содержательная и структурная связь с первичным текстом.

Само понятие «разъяснение» можно рассматривать как процесс и как результат. В первом случае разъяснение норм права — это деятельность определенных органов и лиц с целью обеспечить правильное и единообразное осуществление толкуемой нормы права, устранить неясности и возможные ошибки при ее применении. В другом случае разъяснение — это словесно-документальное выражение юридического толкования, т.е. сам текст, в котором изложено толкование закона, кодекса и т.д.

Жанр текстов-разъяснений на русском и английском языках имеет определенную структурно-семантическую схему, т.е. суперструктуру. Для них характерна стандартная композиционная структура, включающая в себя вводную, основную и заключительную часть.

Основным компонентом вводной части является *констатация* – сообщение о том, что определенный закон был подписан. В некоторых случаях также присутствует *комментарий*, который содержит дополнительную информацию, связанную с принятием закона.

Схема семантической структуры основной части имеет иерархическое построение. На высшем уровне стоят такие компоненты, как *цель*, *резюме* и *дополнительная информация*. Последний компонент является узловым, поскольку от него отходят субкомпоненты следующего уровня: *процедура исполнения*; *лица*, на которых распространяется действие закона; *обязанности*, возложенные на лиц, подпадающих под действие закона; *их права и полномочия*; *ответственность* за несоблюдение данного закона; *внесение изменений* в законодательство. Помимо этого, на любом из уровней могут встречаться *уточнения*, конкретизирующие какую-либо информацию, либо *комментарии*.

Заключительная часть текстов-разъяснений представлена субкомпонентом *вступление закона в силу*, также иногда встречается компонент *комментарий*.

Каждый из выявленных элементов прототипической структуры характеризуется определенным набором дискурсивных маркеров. К примеру, в качестве маркеров обязательного элемента *цель* выступают слова или словосочетания со значением цели: *в целях*, *нацелен*, *направлен на*, *для ...*, *будет способствовать* + *существительное* (*улучшению*, *формированию*, *стимулированию*, *созданию*), поскольку данный компонент объясняет для чего введен данный закон. Например:

Указ Президента Республики Беларусь от 17 февраля 2015 г. № 69 принят в целях создания условий для усиления конкурентоспособности белорусских товаров <...> (Указ № 69).

Англоязычные тексты-разъяснения британских законодательных актов имеют суперструктуру, сходную с русскоязычными текстами. В первую очередь это проявляется в аналогичном композиционном членении на три части (введение, основная часть, заключение).

Во всех текстах вводной части содержится *констатация*, и в некоторых случаях также присутствует *комментарий-справка*.

В состав основной части входит компонент *резюме* (85 %), являющийся узловым и включающий такие субкомпоненты, как *обязанности* (50 %), *ответственность* (15 %) и *определения* (15 %). Следующим компонентом является *внесение изменений* (35 %), который сообщает о поправках в законодательстве, последовавших из-за принятия нового закона. Третьим является компонент, специфический для англоязычных текстов, – *территория применения* (25 %).

Заключительная часть включает компоненты *срок вступления в силу* (40 %) и *историю принятия* документа (50 %).

Как в русскоязычных, так и в англоязычных текстах-разъяснениях наблюдается сходная тенденция: в проанализированных текстах не было выявлено суперструктуры, включающей в себя все элементы.

В каждом из компонентов также встречается свой набор дискурсивных маркеров. Так, компонент *констатация* маркируется такими семантическими структурами, как *was passed by*, *received Royal Assent*. Можно отметить, что

семантически маркеры будут одинаковыми в обоих языках, поскольку в русскоязычных текстах данный элемент определяется словосочетаниями ... *подписал / принял указ / декрет*. Например:

*Active Travel (Wales) Act 2013 which **was passed by the National Assembly for Wales on 1 October 2013 and received Royal Assent on 4 November 2013.***

Значение компонента *вступление в силу* совпадает с семантикой русскоязычного компонента, в то время как набор дискурсивных маркеров значительно шире. Если в русском языке он представлен словосочетанием *вступать в силу*, то в англоязычных документах, помимо конструкций *to come into force, to bring into effect*, встречаются также маркеры, указывающие на время: *two month after Royal Assent is given, by the time that, on the day..., on such day and such time as..., at the same time*.

Существует также ряд компонентов, характерных только для англоязычных текстов-разъяснений. К ним относятся: *определения, территория применения и история принятия*.

Компонент *определения* включает в себя разъяснение терминов, встречающихся в тексте закона, и определяется структурами, в состав которых входят глаголы со значением уточнения (... *means..., to set out what is meant by ..., these might include ..., to be defined*), или конструкциями со значением уточнения (*for example, other than, maybe*). Например:

*Section 2 **sets out the meaning** of an active travel route and of related facilities (Active Travel Act).*

Компонент *территория применения* разъясняет, в каких частях страны закон имеет действие. Существование данного компонента связано с государственным устройством Соединенного Королевства. Он может быть выявлен с помощью таких маркеров, как *to extend to, to apply to, in relation to, to relate to, to confer on (Welsh Ministers), except*. Например:

*The Act **extends to** the whole of the United Kingdom (Succession to the Crown Act).*

Третий компонент, *история принятия*, также является специфичным, поскольку сообщает об этапах прохождения закона в парламенте.

Сходства и различия текстов разъяснений можно также наблюдать при сопоставлении их с текстами юридических документов.

Выбор средств выражения, используемых в законодательных актах, должен приводить к максимально четкому и сжатому выражению норм права для того, чтобы исключить любую возможность двоякого толкования.

Постоянное следование этим требованиям выработало в законодательном подстиле такую особенность, как стандартизированность. Эта характеристика проявляется не только на синтаксическом или стилистическом уровнях, но также присуща и семантической структуре законодательных актов.

При сопоставлении текстов законодательных актов с их вторичными текстами (разъяснениями) различие в суперструктурах очевидно. Так, тексты-разъяснения композиционно состоят из трех частей: введения, основной части и заключения, в то время как первичные тексты содержат пять составляющих. Соответственно изменяется количественный состав и распределение компонентов. Во вторичных текстах выделяется 12 компонентов, 8 из которых входят

в состав основной части, в то время как другие части содержат всего один или два элемента. В первичных текстах было выделено 18 компонентов, 8 из них включено во вторую часть (*нормативное содержание*), остальные же распределены по оставшимся четырем частям. Такие компоненты, как *констатация*, *уточнение* и *комментарий*, содержатся только в текстах-разъяснениях, в то время как компоненты *ответственные за исполнение*; *предмет закона*; *определения*; *органы, назначающие наказание*; *сроки наложения взыскания*; *контроль за исполнением*; *ответственные за внесение изменений*; *срок действия*; *право толкования* встречаются только в составе текстов законов.

Законодательные акты и тексты-разъяснения на английском языке также показывают различия при сопоставлении их прототипических структур. Вторичные тексты состоят из трех частей, в то время как исходные включают четыре. Также количество компонентов в текстах законов значительно больше, чем в текстах-разъяснениях (17 и 11 соответственно). Во вторичных текстах отсутствуют такие компоненты, как *цель*; *предмет закона*; *лица, подпадающие под действие закона*; *права*; *порядок исполнения*; *сфера действия*; *согласование с другими законами*; *написание руководства*; *контроль исполнения*; *пересмотр*; *краткое название*, но в то же время информация передается с помощью других элементов (*констатация*; *комментарий*, *резюме*, *уточнение*, *история принятия закона*).

Тем не менее, англоязычные тексты проявляют больше сходства друг с другом за счет дистрибуции компонентов. В первичных текстах 13 из 17 компонентов входят в состав основной части, равно как и в текстах-разъяснениях 7 из 11 элементов встречаются в центральной части.

Тексты-разъяснения в британской и белорусской лингвокультурах сходны по своей цели, композиционной структуре и набору дискурсивных маркеров. Их основная задача: передать информацию, изложенную в законодательных документах, в доступной форме, понятной для неспециалиста. Тексты-разъяснения в обоих языках имеют определенную структурно-семантическую схему, что подтверждается наличием в данных текстах регулярно встречающихся субкомпонентов. Большинство выделенных компонентов является общими для обоих языков, однако существует ряд специфичных элементов, которые встречаются лишь в одном из языков.

The article considers the genre of explanatory texts as a part of legal and media discourse in the English and Russian languages.

А. С. Скворцова
Минск, МГЛУ

ОЦЕНОЧНЫЙ ОТЗЫВ КАК ОСОБЫЙ ТИП ТЕКСТА

В статье рассматриваются характерные признаки текста-отзыва в целом и текста интернет-отзыва – в частности. Отмечается, что текст интернет-отзыва всегда содержит набор аспектов объекта, относительно которого пользователи высказывают свои мнения. Аспекты классифицируются на явные и неявные. Неявные аспекты объекта отражают конкретные

факты и описываются аспектными терминами. Именно они должны быть максимально полно учтены при разработке системы автоматического извлечения из текста-отзыва оценочной информации, независимо от метода, положенного в основу работы этой системы.

Несмотря на существование значительного количества работ, в которых затрагиваются различные проблемы вербальной коммуникации в Интернете, изучению лингвистических особенностей текста оценочного отзыва как особого типа текста уделяется относительно небольшое внимание. В общем плане под типом текста принято понимать «культурно-исторически сложившуюся продуктивную модель образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием» [1, с.34]. Исходя из данного определения, под текстом оценочного отзыва будем понимать оформленный тип текста, содержащий авторскую оценку о некотором объекте действительности. С целью обмена информацией между пользователями подобные тексты можно найти на различных площадках Интернета: в социальных сетях, блогах, на форумах, специализированных сайтах отзывов и т.д.

Л. А. Говорунова указывает на характерные признаки информации, содержащейся в текстах-отзывах [2]. Во-первых, она обладает субъективностью. Под данной особенностью понимается то, что информация, содержащаяся в тексте отзыва, отражает личное мнение автора и соотносится с его оценочным суждением. Субъективная информация неоднородна, может быть, как избыточной, так и недостаточной. Основываясь на личном опыте, пользователи отмечают как положительные, так и отрицательные стороны заданного объекта и его характеристик (аспектов), то есть выражают к ним личное отношение (мнение). Во-вторых, информация достаточно актуальна. Текст отзыва публикуется непосредственно сразу после взаимодействия автора с объектом оценки или спустя некоторое время. Дата написания автоматически указывается на сайте, что позволяет читателям оценивать отзыв с точки зрения актуальности. В-третьих, необходимо отметить первичность текстовой информации. Под данной особенностью понимается отсутствие текстового компонента в сущности объекта отзыва (бар, интерьер, кухня, ресторан и т.д.). «По поводу одного и того же факта разные субъекты, исходя из своих интересов и представлений, говорят не только разное, но и о разном» [3, с. 21]. Фактически каждый автор оценочного отзыва выражает свое оценочное суждение не о вербальном (или текстовом) контенте, а о связанных с ним ситуативных аспектах, личных переживаниях и впечатлениях.

В-четвертых, нужно подчеркнуть отсутствие профессиональной подготовки авторов отзывов по соответствующей теме. Л. А. Говорунова также отмечает, что оценочный отзыв отличается отсутствием единой композиционной схемы. Исследователь А. А. Тертычный полагает, что основной задачей рецензента является «увидеть в рецензируемом произведении то, что незаметно непосвященному. А это трудно сделать, не обладая специальными знаниями в определенной сфере деятельности (литературе, театральной жизни, искусстве и пр.), а определяющий признак жанра обзора – единство наглядного осве-

щения общественных событий и мысли обозревателя, глубоко проникающей в суть процесса, ситуации» [4, с. 17]. Несмотря на наличие профессиональных рецензентов, которые специализируются на описании какого-либо объекта, подавляющее большинство авторов отзывов являются обычными пользователями Интернета, не обладающими специальной подготовкой. Поэтому из-за отсутствия редактирования для оценочного отзыва характерно наличие разговорной и сниженной лексики, орфографических и пунктуационных ошибок, а также эмотивных символов.

В качестве лингвистических особенностей оценочного интернет-отзыва, во-первых, отмечают наличие набора аспектов объекта [5, с. 112]. Например, для объекта «ресторан» аспектами будут: объект в целом, кухня, обслуживание, интерьер, цена. При анализе оценочного отзыва выделяют явные аспекты, указывающие на характеристики объекта и не содержащие в себе оценки этого объекта, например, *мясо, рыба*; неявные аспекты, включающие сочетание аспекта и оценки в одном слове, например, *вкусный – кухня + хорошо*; факты – слова и словосочетания, которые формально указывают на состояние дел, а на самом деле также несут в себе оценку, например, *пережаренный*. Во-вторых, в тексте оценочного отзыва выделяют слова и выражения, обозначающие важные характеристики аспекта объекта и называемые аспектными терминами. Так, для перечисленных выше аспектов объекта «ресторан» можно отметить следующие аспектные термины:

1) объект в целом: тип заведения (ресторан, бар), размещение (в центре города, у вокзала), обстановка (романтическая), наличие поблизости гостиницы (находится на территории гостиницы), наличие уюта (уютный);

2) кухня: тип кухни (белорусская, для гурманов), качество блюд (превосходное, хорошее, приемлемое);

3) обслуживание: качество обслуживания (хорошее, высокое), скорость обслуживания (быстрое), вежливость персонала (вежливый), владение персоналом иностранными языками (не владеет иностранными языками);

4) интерьер: оформление зала (скромное, классическое), наличие бара (в ресторане есть бар);

5) цена: уровень цен (высокие, демократичные), соотношение цены и качества (приемлемое), вид оплаты (наличными, банковская карта).

В совокупности слова, называющие неявные аспекты объекта, отражающие конкретные факты и являющиеся аспектными терминами, выражают оценку какого-либо объекта и составляют каркас текста оценочного отзыва. Таким образом, основным критерием выделения оценочного интернет-отзыва, как отдельного типа текста, является наличие в нем оценочной информации в отношении некоторого объекта.

В последнее время широкое распространение получили задачи автоматического извлечения из текста-отзыва не фактов и конкретных данных, а именно оценочной информации, то есть мнений. Это связано, в первую очередь, с возросшей популярностью блогов и социальных сетей, а также с увеличением объемов созданного пользователями контента в Интернете. Мнения – источник ценной информации как для социологов, маркетологов и

журналистов, так и для самих пользователей. Необходимо отметить, что поиск оценочных суждений часто затруднен, поэтому полезной может оказаться даже небольшая часть длинного сообщения или одно сообщение из нескольких страниц темы форума, социальной сети и другой интернет-площадки. Наибольшую сложность в решении указанной задачи представляет отделение эмоциональной (оценочной) информации от фактической и выделение субъективных конструкций.

Основываясь на личном опыте, пользователи отмечают как положительные, так и отрицательные стороны заданного объекта и его аспектов, то есть выражают к ним свое личное отношение. Мнения пользователей о каком-либо объекте часто выражаются посредством оценочных слов и выражений, которые несут в себе некоторую положительную или отрицательную оценку. Препятствием для решения задачи извлечения мнений является высокая вариативность оценочной лексики, не позволяющая сформулировать достаточное количество универсальных закономерностей, выполняющихся для каждой предметной области. Невозможно заранее сформировать полный список оценочных слов и выражений, которые будут применимы для всех предметных областей, поскольку некоторые оценочные единицы употребляются только в конкретных предметных областях, а другие являются оценочными в одной области и не являются оценочными в другой. Определенную часть оценочных слов нельзя найти в словарях. Иногда то или иное слово в определенном контексте может употребляться как оценочное, например, слово *скомканный* (о фильмах или книгах), либо выраженная одной и той же фразой оценка может быть положительной в одном случае (*непредсказуемый сюжет фильма*) и отрицательной в другом (*непредсказуемое поведение программы*), либо вовсе не являться оценкой. Поэтому методы выявления и извлечения средств выражения оценки в письменном тексте можно разделить в зависимости от типа исходной информации и поставленной цели. Так, можно выделить методы: построенные на классификации текстов по их эмоциональной направленности; основанные на извлечении отдельных свойств объекта (лексических шаблонов); а также на анализе сравнительных конструкций и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста / В. Е. Чернявская. – М.: УРСС, 2010. – 128 с.
2. Говорунова, Л. А. Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в русской и итальянской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. А. Говорунова. – Волгоград, 2014. – 221 л.
3. Земцова, Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. А. Земцова. – Волгоград, 2006. – 212 л.
4. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 312 с.

5. Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 320 с.

The article deals with the main characteristic features of the evaluation review, in general, and the internet evaluation review, in particular, as a special type of the text. Explicit aspects, implicit aspects, facts and aspect terms forming user opinions are under consideration.

В. В. Хомич

Минск, МГЛУ

АССОЦИАТИВНЫЙ ШЛЕЙФ, ФОН И ОРЕОЛ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается проблема ассоциативного шлейфа, фона и ореола как основных компонентов, обеспечивающих целостность и связность текста. На примере рассказа О. Генри *“The Last Leaf”* («Последний лист») показано, что входит в состав текстового ассоциативного поля ключевых слов рассказа, что составляет ассоциативный шлейф этих слов и как создаются ассоциативный фон и ореол рассказа. Отмечается, что для создания ассоциативного фона и ореола можно использовать слова как из текста рассказа, так и из ассоциативного словаря. Этот факт указывает на взаимодействие автора и читателя: текстовые ассоциации – автор, словарные – читатель.

Анализ текста показывает, как ассоциативный фон и ореол позволяют не только воспринимать текст, но и создавать его. Они помогают раскрыть основную тему и идею, придают эмоциональность и драматичность исследуемому художественному произведению.

Как известно, художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления. Вопрос о семантической структуре текста и механизмах текстообразования неразрывно связан с ассоциативным лексическим наполнением текста.

Когда мы говорим о тексте вообще, то часто употребляем словосочетание *связный текст*, поскольку только целостность и связность характеризуют текст в полной мере. Подсознательно выбирая ключевые слова, обеспечивающие эти свойства текста, мы также неосознанно строим ассоциативные поля вокруг них, создавая как бы мини-тексты, состоящие из ассоциативных шлейфов, ассоциативного фона и ассоциативного ореола.

«Под ассоциативным полем текста понимается система стимулированных текстом в сознании адресата вербальных ассоциаций, организованных по принципу поля, имеющего ядро (наиболее частотные ассоциации) и периферию» [1, с. 20].

Слова, которые входят в текстовое словесно-ассоциативное поле слова рассматриваются как словесно-ассоциативный шлейф именно этого словоупотребления в конкретном исследуемом контексте. В ассоциативный шлейф входят все ассоциации из ассоциативного поля, т.е. не только те, которые находятся в непосредственной близости от словоупотребления, но и те, которые находятся вдали от стимула, разбросаны по всему тексту, т.к. они «демонстрируют связность и единство лексикона текста» [2, с. 58–59].

Когда ассоциативные шлейфы в тексте пересекаются, то мы можем говорить о словесно-ассоциативном фоне текста.

«Значительная часть шлейфов, которая не пересекается с реальными словами текста, а является как бы словесно-ассоциативным сопровождением его, может рассматриваться как словесно-ассоциативный ореол текста» [2, с. 58]. Иначе говоря, ассоциативный ореол – это то, что не написано автором напрямую в тексте, это те ассоциации, которые возникают в сознании реципиента при прочтении того или иного текста. «Ассоциативный фон и ореол – это и есть то, что внимательный читатель прочитывает между строк текста» [2, с. 59].

Рассмотрев великолепное литературное произведение, один из самых трогательных рассказов О. Генри *“Last Leaf”* («Последний лист»), попробуем показать, как при помощи текстовых и словарных ассоциаций создаются ассоциативный фон, шлейф и ореол в художественном рассказе и какую важную роль они играют при психолингвистическом рассмотрении текста рассказа.

Проследим по тексту, как ассоциативный фон и ореол помогают не только воспринять текст, но и создать его, выразить основную тему и идею, сделать его эмоциональным и драматичным. Выделяемые нами слова являются ключевыми в рассматриваемом тексте. Также мы отметили и ассоциации, вызываемые этими ключевыми словами.

“Last Leaf” – это рассказ о художниках. Главные герои – две молодые девушки-художницы Сью и Джонси и старый художник Берман, который считал себя неудачником в искусстве. Они воплощают в себе лучшие человеческие качества: любовь, заботу, терпение, умение жертвовать собой ради другого.

Название произведения *“Last Leaf”* – это символический образ ускользающей жизни. Последний лист на плюще, цепляющемся за кирпичную стену соседнего дома, становится для больной юной художницы Джонси временной точкой отсчета оставшихся ей дней жизни. Уставшая от физических страданий больная девушка придумывает себе примету, позволяющую надеяться на покой – падающие с плюща за ее окном листья: *“Leaves. On the ivy vine. When the last leaf falls, I must go, too.”*

Ассоциативный фон рассказа создается автором сразу, когда он сравнивает количество листьев на плюще с количеством дней человеческой жизни: *“It is the last one... I thought it would surely fall during the night. I heard the wind. It will fall today and I will die at the same time.”*

Автор часто повторяет слова *leaf, fall, last, wall, stem, ivy vine, night*, создавая напряжение и провоцируя эмоциональные переживания. В этом рассказе можно выделить много ключевых слов: *leaf, art, artist, ivy vine, last, night, painting, masterpiece*. Вокруг этих слов формируются словесно-ассоциативные поля, которые помогают читателю понять и прочувствовать основные переживания героев.

Так, при описании одного из главных героев старого художника Бермана главными ассоциациями будут: *failure, art, brush, paint, masterpiece, artist, studio*.

Художественное пространство рассказа – запутанное и изломанное. Человеческая жизнь сравнивается с извивающимся плющом, листья которого стремительно падают, но который цепляется за стену, как больной человек

цепляется за жизнь. Когда мы видим это растение впервые в рассказе, то еще не понимаем, что именно оно станет судьбоносным в дальнейшем: “*An old ivy vine climbed halfway up the brick wall. The branches were almost bare, for most of the leaves had fallen ...What have old ivy leaves to do with your getting well? And you used to love that vine so much... That leaves just four. I want to see the last one fall before it gets dark. Then I’ll go too.*” Все эти строки мы можем превратить в набор словесных ассоциаций, следующих друг за другом: *old ivy vine, brick wall, branches, bare, leaves had fallen, old ivy leaves, love, vine, leaves, the last one fall, gets dark.*

Кульминацией рассказа стал момент, когда все понимают, почему лист так и не упал. Автор использует большинство ключевых слов вместе, располагая их друг за другом, что усиливает драматичность и эмоциональность момента.

И несмотря на то, что всю ночь шел дождь, и дул сильный ветер, один листочек остался висеть: “*After the beating rain and the strong winds that had been flowing all night, there stood out against the brick wall one ivy leaf*”. Это был последний лист, он был темно-зеленым у своего основания с пожелтевшими краями. Он нарисован так искусно, что первое время никто не распознает в нем подделки: “*It was the last on the vine. Still dark green near its stem, but with its edges yellow with decay*”.

Чудо, созданное руками старого художника Бермана, заставляет девушку поверить в свои жизненные силы, устыдиться малодушного желания смерти. Видя, насколько храбро держится последний лист на плюще, Джонси понимает, что она должна быть сильнее маленького растения: теперь она уже видит в нем не приближающуюся смерть, а несгибаемую жизнь. Что-то заставило этот листок остаться: “*... the lone ivy leaf clinging to its stem against the wall. The ivy leaf was still there. Something has made that last leaf stay there*”.

Ассоциации, участвующие в текстовых полях, переплетаются. Если в начале рассказа автор описывает пневмонию как *cold stranger with icy fingers*, который отнимал жизни у людей, то в конце *icy cold* была одежда и обувь художника, подарившего жизнь.

“*His shoes and clothing were wet through and icy cold. They couldn't imagine where he had been on such a dreadful night. And then they found a lantern, still lighted, and a ladder that had been dragged from its place, and some scattered brushes, and a palette with green and yellow colors mixed on it, and look out the window, dear, at the last ivy leaf on the wall. Didn't you wonder why it never fluttered or moved when the wind blew? Ah, darling, it's Behrman's masterpiece, he painted it there the night the last leaf fell.*”

Поскольку использование слова в тексте накладывает определенные контекстуальные ограничения, то в ассоциативный шлейф словоупотребления *leaf* войдут следующие слова и словосочетания: *street, paper, canvas, paint, window, yard, house, breath of autumn, old ivy vine, wall, brick, leaves, fall, green, yellow, last, light, fragile, cold, rain, snow, morning, night, wind, earth, ground, day, twilight, wet, icy.* Эти ассоциации связаны с актуальным значением слова *leaf*, реализуемым именно в этом контексте.

Следует сказать и о словах, создающих ассоциативный ореол рассказа: *tree, mould, fig, twig, flower, book, gold, maple, glade, cabbage, eve, float, floating,*

floats, love, oak, page, road, slug, statue, strife, water. Их нет в тексте рассказа, но названные слова отмечены в словарной статье слова *leaf* ассоциативного тезауруса, и мы привлекли их для того, чтобы воссоздать ассоциативный ореол рассказа.

Ассоциации выбирались согласно смыслу и содержанию рассказа. Они связаны по каким-либо признакам с текстовыми ассоциациями и ключевыми словами текста.

В ассоциативном ореоле участвуют слова-ассоциации не только из текста, но и из словаря, так как ассоциативный ореол – это не только то, что можно прочитать, это то, что читателю предстоит увидеть между строк.

В художественном рассказе эстетическая функция является очень значимой, ведь он воздействует не только на сознание реципиента, но и на его чувства, вызывает определенные эмоции. Автор художественного произведения как бы создает свой собственный, воображаемый мир и приглашает в него читателя. Читатель же в свою очередь пытается перенести этот мир в свою реальность, провести аналогии со своей жизнью, найти что-то общее с описываемыми событиями, сравнить себя с главными героями. Все это становится возможным благодаря ассоциативной структуре текста, состоящей из ассоциативных шлейфов, фона и ореола. Проведенный анализ текста свидетельствует и о том, что ментальный лексикон человека, несомненно, обладает ассоциативным потенциалом, который активируется в момент получения импульса (стимула) и становится готовым к производству своих собственных идей и смыслов, существующих в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болотнова, Н. С.* Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н. С. Болотнова // Вестн. ТГПУ, Вып. 1(38) Сер. Гуманит. науки (Филология). – 2004. – С. 20–25.
2. *Клименко, А. П.* Ассоциативные связи слов текста / А. П. Клименко / Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. – Пермь, 1984. – С. 58–59.

The article deals with the problem of associative interpretation of literary texts. The definitions of associative chain, background and aureole are given and their role in text interpretation is discussed.

Е. В. Шилей

Минск, МГЛУ

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Всемирная сеть на сегодняшний день выступает одним из ведущих каналов передачи сообщений. Возможности, предоставляемые интернет-пространством, широко используются в коммуникации организации. Официальный сайт организации является одним из способов установления и поддержания контакта между организацией и представителями целевой

аудитории. Статья посвящена анализу способов образования названий сайтов организаций. На основе проведенного исследования существующих названий сайтов автором предпринимается попытка выделить типы названий на основании таких критериев, как используемый язык, степень соответствия названия сайта наименованию организации в реальной действительности. В заключение рассматриваются основные факторы, оказывающие влияние на популярность сайта, что влечет за собой успешное функционирование организации в целом. Статья имеет междисциплинарный характер, выполнена на стыке организационной коммуникации, интернет-маркетинга и лингвистики.

Развитие общества на современном этапе ознаменовано стремительным ростом влияния информационных технологий на значительную часть сфер деятельности индивида. Всемирная сеть на сегодняшний день выступает одним из ведущих каналов передачи сообщений. Межличностные, групповые, массовые коммуникации в полной мере используют возможности, предоставляемые данным каналом. «Из средства передачи электронных посланий Интернет превратился сегодня в место для встреч, полное людей и идей, стал кибер-пространством, миром коммуникаций, информации и развлечений, в котором не существует понятия “расстояние”» [1, с. 15]. К важнейшим характеристикам интернет-коммуникации исследователи чаще всего относят интерактивность, глобальность, виртуальность и открытость системы. Эти характеристики проявляются в отсутствии каких-либо границ, что позволяет установить и поддерживать контакт с другими пользователями независимо от географического положения. Коммуникация, осуществляемая посредством такого канала, как Интернет, позволяет отправлять и получать сообщения в режиме реального времени, а также охватывать большое количество аудитории [2, с. 156].

Такого рода возможности широко используются и в коммуникации организации. Прежде чем сделать выбор в пользу той или иной компании, современный потребитель использует интернет-пространство в качестве источника информации, обращаясь к форумам, изучая отзывы и комментарии в поиске сведений об интересующей компании, а также товаре или услуге. По данным исследовательского центра компании «Google» перед совершением покупки потребитель в среднем просматривает 10,4 публикаций в сети [3]. Принимая во внимание данный факт, для того чтобы попасть в фокус внимания представителей целевой аудитории, информация об организации должна оказаться в числе первых десяти публикаций. Существующие инструменты интернет-коммуникации предоставляют компаниям широкие возможности для достижения обозначенной цели. Среди наиболее распространенных выделяют соответствие ключевым запросам, контекстную рекламу, покупку ссылок [4, с. 43]. Первым же шагом является создание сайта компании, который в дальнейшем будет выступать в качестве средства коммуникации между организацией и целевой аудиторией. Если еще некоторое время назад собственные сайты были только у наиболее крупных компаний, то в настоящее время их отсутствие может отрицательно сказаться на самом функционировании организации. Кроме того, с недавних пор все большую популярность приобретает использование социальных сетей в качестве канала коммуникаций и, как следствие, компании не ограничиваются наличием сайта, но и создают

собственные аккаунты в одной или нескольких социальных сетях. При выборе той или иной социальной сети компании руководствуются такими критериями, как социально-демографические характеристики пользователей, ценовая категория предлагаемого товара или услуги. Как отмечают исследователи, наиболее популярными социальными сетями в Беларуси являются «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Instagram», а также видеоканал «Youtube».

Одним из ключевых факторов, способствующих установлению и поддержанию эффективной коммуникации между организацией и целевой аудиторией, является название компании. Имя организации выступает определенным кодом, передающим потенциальному потребителю первичные сведения о ней. В данной статье представлен результат анализа существующих способов репрезентации наименований организаций в интернет-пространстве.

Анализ соотношения наименования организации в реальном мире и репрезентации имени в качестве названия сайта позволяет выделить ряд групп на основании способов, используемых номинирующим субъектом при трансформации.

В первую очередь представляется возможным разделить названия доменных имен на две группы в зависимости от используемого алфавита. Большинство названий сайтов создаются при помощи ресурсов латинского алфавита. Тем не менее, с момента открытия регистрации сайтов в домене .БЕЛ, поддерживающем алфавиты национальных языков, а также запуска регистрации сайтов в данном домене, осуществленном в марте – октябре 2015 г., появляются названия сайтов на русском и белорусском языках: *аренда.бел*, *реклама.бел*, *віно.бел*, *віза.бел*. В ряде случаев выбор доменной зоны, то есть того, что стоит после точки, становится частью наименования, что позволяет номинирующему субъекту сделать наименование легко запоминающимся и облегчить потребителю поиск компании в сети, например: *me.бел*, *gryazi.net*.

Несмотря на возрастающую популярность домена .бел, в настоящее время подавляющее большинство сайтов все же представлено в доменной зоне .by, то есть номинирующие при образовании названия сайтов субъекты используют ресурсы латиницы, в частности, английского языка. Можно выделить несколько способов репрезентации наименования организации в качестве доменного имени. Так, первая группа включает имена, представляющие полную транслитерацию названия компании с русского на английский язык. В адресную строку браузера наименование вводится посредством символов латиницы. Такой способ репрезентации представляется наиболее удобным, поскольку не предусматривает у целевой аудитории необходимости владения английским языком. Примерами такого способа выступают следующие наименования: «*Эльсагра*» – www.elsagra.by, «*ТеплоАльянс*» – www.teploalians.by, «*Полифакт*» – www.polifact.by, «*Гранулит*» – www.granulit.by.

Следующую группу составляют наименования организаций, которые при образовании имени домена полностью или частично переводятся на английский язык. В данном случае поиск компании в сети может занимать больше времени, поскольку знание названия организации на русском языке не гарантирует потенциальному потребителю мгновенное нахождение искомой компании. Так, клининговая компания «*Помощники*» в качестве названия сайта использует

следующее доменное имя – www.helpers.by, компания «**Железный Дом**», реализующая стальные и железные двери в сети, представлена именем www.steelhouse.by, компания «**Новый Сайт**» – www.newsite.by, сайт компании «**Логоспец**» имеет имя www.logotip.by.

В некоторых случаях связь между наименованием компании и названием сайта отсутствует, что в значительной мере затрудняет поиск компании в сети и усложняет взаимодействие между организацией и представителями целевой аудитории. К примеру компания под названием «**Шерп**» в сети находится под именем www.kon-form.by, за доменным именем www.far.by стоит компания «**ВторТехноТорг**», сайт компании «Тройка Кэмикалз» называется www.progreem.by. Однако следует отметить тот факт, что в ряде случаев имя сайта является более информативным для потенциального потребителя по сравнению с названием компании в реальной действительности. Доменное имя указывает на сферу деятельности компании, предоставляет дополнительные сведения о ее специфике. Согласно классификации типов названий организаций, предложенной А. В. Суперанской [5], а также И. В. Крюковой [6], в зависимости от степени информативности, т.е. от объема информации об организации, которую номинирующий субъект включает в название, одним из возможных типов является символический, суть которого заключается в том, что названия не имеют смысловой связи с именуемым объектом. Анализ способов репрезентации наименования в сети показывает, что в таких случаях имя домена может выступать в качестве дополнительного источника информации об организации. К примеру, компания «Азбука Инфо», предоставляющая услуги по печати пластиковых карт и визитных карточек в сети имеет имя www.plastikkart.by, что снижает вероятность возникновения ложных ассоциаций. В качестве подобных примеров можно привести следующие пары: студия «Пирамида Успеха» – www.byreklama.by, компания «ЭйВиТрэй» – www.promsvet.by.

Анализ литературы в области эргонимии показывает, что исследователи наименований организаций неоднократно обращались к вопросу факторов, влияющих на создание успешного названия. Существует немало рекомендаций, соблюдение которых помогает сделать название удачным. Среди наиболее распространенных правил следующие: хорошее название должно быть естественно произносимым и благозвучным; при создании наименования адресант обязан соблюдать правила орфографии; в процессе номинации не рекомендуется чрезмерно увлекаться использованием иноязычной лексики; по возможности необходимо учитывать специфику деятельности компании и региона [7, с. 33]. Специалисты в области SEO (search engine optimization), занимающиеся вопросами поисковой оптимизации, продвижения сайтов, также выделяют ряд рекомендаций в отношении образования имени домена, следование которым позволяет сделать сайт более популярным. Одной из главных рекомендаций является соответствие имени сфере деятельности компании. Поскольку поиск компаний чаще всего осуществляется через поисковые системы посредством ввода ключевых слов, рекомендуется отражать в названии специфику деятельности организации, например: www.reshezadachi.by, www.kupitycvety.bel, www.byreklama.by. Кроме того,

имя сайта не должно быть длинным: «Чем длиннее имя, тем больше вероятность ошибки его написания и тем меньше вероятность попадания пользователей на сайт». Отмечается, что оптимальным является название, содержащее не более десяти символов. Согласно исследованию, проведенному одним из крупнейших аналитических ресурсов Alexa.com, наиболее короткие домены из ТОП-50 самых известных сайтов, в среднем 6-символьные. Среди «менее популярных» цифра увеличивается до семи знаков. В целом, средняя длина имени сайта немного превышает 10-значную отметку [8]. Как показывает анализ практического материала, номинаторы в некоторых случаях прибегают к сокращению наименования или его части для соблюдения данной рекомендации: агентство недвижимости «Академическое» в сети имеет имя www.academ.by, название сайта компании «Белэнергомет» – www.bmet.by. Не добавляет популярности сайту и слишком короткое имя. При образовании имени домена в ряде случаев номинирующий субъект оставляет только начальные буквы названия организации, что затрудняет декодирование сообщения получателем. Например: сайт компании, предоставляющей риэлтерские услуги «Свой угол», называется www.s-u.by, сайт компании «Старый стиль» – www.stst.by, компании «Теплоклиматстрой» – www.ooo-tks.by. Еще одним условием успешного названия сайта является возможность безошибочного набора на клавиатуре. В данном случае рекомендуется избегать в названии сложных для транслитерации буквенных сочетаний, а также графических знаков. Несмотря на наличие стандарта транслитерации букв кирилловского алфавита – латинским, представленного в ГОСТе 16876-71 [9], при вводе названия сайта пользователи сети часто допускают ошибки.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время взаимодействие между организацией и представителями целевой аудитории достаточно часто осуществляется посредством интернет-коммуникации в силу стремительного развития информационных технологий. В данной ситуации название сайта организации выступает в качестве определенного сообщения, передающего потенциальному потребителю информацию о деятельности компании, специфике предоставляемых товаров и услуг. Существуют различные способы репрезентации наименования организации в качестве доменного имени, выделяемые на основании используемого языка, полного или частичного перевода наименования, транслитерации названия. Выбранный способ, а также следование основным принципам создания сайта влияют на эффективность взаимодействия между организацией и ее целевой аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопов, Г. Л.* Глобальные проблемы и опасности сетевой политики / Г. Л. Акопов. – Ростов н/Д : Ростиздат, 2004. – 128 с.
2. *Морозова, О. Н.* Особенности интернет-коммуникации : определения и свойства / О. Н. Морозова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2010. – Т. 1, № 5. – С. 150–157.

3. ZMOT: Why It Matters Now More Than Ever / Jim Lecinski // Think with Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thinkwithgoogle.com/marketing-resources/micro-moments/zmot-why-it-matters-now-more-than-ever/>. – Дата доступа : 23.06.2017.
4. Успенский, И. В. Интернет-маркетинг / И. В. Успенский. – СПб. : СПГУЭиФ, 2003. – 197 с.
5. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
6. Крюкова, И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. В. Крюкова / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 360 с.
7. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте / М. Г. Курбанова // Язык. Коммуникации. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 1 (41). – С. 29–35.
8. Как длина домена влияет на популярность сайта. Где взять короткое доменное имя? // SEO Design [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://seo-design.net/site-creation/short-domain-name-for-site>. – Дата доступа : 19.06.2017.
9. ГОСТ 16876-71 Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. 2-е изд. с изм., утвержд. в декабре 1973 г. и в марте 1980 г. – М. : Изд-во стандартов, 1981.

The given article presents the analysis of correlation between the company's name and the name of its official site. First of all, all the names can be divided into two groups on the basis of the language used. The overwhelming majority of the domain names are formed by means of the English language. But after the introduction of the domain zone BEL, there appear sites in the Russian and Belarusian languages, too. Another approach to classification is based on the ways of using the English language while transforming a company's name into a name of its web site. Here we differentiate three groups based on the possible ways: transliteration, when the name of the company is printed in the search box using the letters of the English language, then comes partial or complete translation of the company's name English, and finally, the names of the sites which do not correlate with the companies' names in reality.

А. А. Шимчук
Минск, МГЛУ

ТОНАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются основные составляющие тональности как категории письменного текста: субъект тональности, объект тональности, аспекты тональности и тональная оценка. Последняя составляющая формируется совокупностью оценочных единиц текста. Существует много точек зрения на природу и суть понятия оценки. В работе анализируется соотношение лингвистического понятия оценки с его интерпретацией в логике, психолингвистике, в рамках семантики и прагматики.

В процессе познания окружающего мира у человека формируется определенное отношение к объекту познания, который наделяется некоторыми характеристиками, имеющими оценочный характер и впоследствии отража-

ющимися в письменном тексте. Анализ такого текста предполагает не только извлечение из него фактографической информации, но и определение эмоциональной окраски. В этом смысле можно говорить об анализе эмоциональной составляющей текста, сентимент-анализе, анализе мнений или, в общем плане, анализе тональности текста. Анализ тональности позволяет выявить не **что** говорят о каком-то человеке, явлении или событии, а **насколько эмоционально** о нем говорят, какую эмоциональную оценку выражают.

При анализе тональности необходимо выявить несколько составляющих эмоционально окрашенного текста [1, с. 246]. Прежде всего, нужно определить субъект тональности, т.е. автора сообщения. Далее необходимо выделить объект тональности, т.е. определить, о чем идет речь в тексте, например, о гостинице или мобильном телефоне. Затем нужно определить аспекты тональности, т.е. характеристики объекта, например, расположение гостиницы или объем памяти телефона. Наконец, необходимо проанализировать тип мнения, т.е. собственно оценочный компонент или тональную оценку. В данном случае имеется в виду отношение автора к описываемому объекту, конкретное высказывание об аспектах (свойствах) объекта, например, гостиница с демократичными ценами или потрясающая видеокамера мобильного телефона. Необходимо отметить, что оценка может относиться как ко всему объекту, например, к театральному спектаклю, так и к отдельному аспекту объекта, например, к игре актера, исполнявшего в спектакле главную роль. Анализ тональности в определенной мере связан с классификацией. В простейшем случае классификация текстов сводится к бинарному представлению: положительно или отрицательно окрашен данный текст, т.е. хорошо или плохо автор текста относится к описываемому им субъекту или объекту.

Как отмечалось выше, автор текста может оценивать только одну характеристику (аспект) какого-либо объекта. В данном случае возникает задача правильного определения этого аспекта и соответствующей ему тональности. Например, на основе отзывов о гостинице необходимо понять, что понравилось (вежливость обслуживающего персонала), а что не понравилось (плохо работал wi-fi), т.е. каким характеристикам будет приписана положительная оценка, а каким отрицательная. Задача анализа тональности текста может осложняться еще и тем, что в нем может содержаться оценка сразу нескольких объектов. Рассмотрим в качестве примера отзыв пользователя Яндекс Маркета, в котором высказывается мнение о планшете iPad :

Приятный на ощупь, когда держишь в руках, ощущается, что держишь вещь, а не пластмассовую игрушку. Быстро к нему привыкла. С iOS проблем нет. Хотелось бы конечно, чтобы батарея работала дольше в режиме LTE. Хотя что я, когда был android он держал зарядку еще меньше. После iPad смотреть в сторону других планшетов желания нет. Геолокация работает лучше, чем на android. В общем, в ipad есть много приятных мелочей, которых нет в планшетах других производителей. И даже если умельцы в кустарных условиях как-то пытаются воспроизвести всякие бантики iPad'a на android планшетах – это все равно не то... Каждому свое конечно.

Apple это все равно что – «Пока не попробуешь не узнаешь». Что бы ни говорили фанаты android.

Объектом данного отзыва является модель планшета *iPad Air 2*, аспектами – операционная система, батарея, длительность работы от аккумулятора, геолокация. В тексте отзыва используется такая оценочная лексика (тональность) как *приятный, быстро к нему привыкаешь, проблем нет, работала дольше, еще меньше* и т.д. При этом часть оценок относится не к планшету *iPad Air 2*, а к модели планшета, работающего на основе системы *Android*. Таким образом, тональность всего текста или его отдельных составляющих формируется совокупностью оценочных единиц.

В последнее время в лингвистике появился целый ряд работ, посвященных проблеме оценки в языковом аспекте. Естественно, их авторы не могут обойти проблему определения сути данного понятия. В соответствии с современной точкой зрения на это явление под оценкой в лингвистике понимают «общественно закрепленное, социально устоявшееся отношение носителей языка к внеязыковому объекту, понимаемому в широком смысле как лицо, предмет, явление действительности» [2, с. 72]. В связи с многообразием мнений по поводу природы и сути понятия оценки очевидны его сложность и неоднозначность. Этому способствует как употребление данного понятия в различных сферах, так и целый ряд его интерпретаций. Поэтому понятие оценки является междисциплинарным и находится на пересечении нескольких наук.

Лингвистическое понятие *оценка* часто соотносят с его логической интерпретацией, поскольку логико-философские категории служат понятийной основой языковых категорий. С точки зрения аксиологии оценка отражает «результативный аспект процесса установления отношения между субъектом оценки и ее предметом» [3, с. 14]. В аспекте теории ценностей различают четыре компонента структуры оценки: субъект, предмет, характер и основание. Субъект приписывает определенную ценность некоторому предмету, явлению, процессу материального или духовного порядка. Предмет оценки можно рассматривать по-разному. В узком понимании к нему относятся только те ценности, которые имеют для субъекта положительное значение. При широкой трактовке данного понятия в него включаются не только положительные, но и нулевые и отрицательные ценности. Характер отношения между субъектом и предметом выражается посредством абсолютной или сравнительной оценки. Абсолютная оценка представляет собой безотносительное приписывание ценности одному предмету или же классу однородных предметов. Соответственно, сравнительная оценка выражается через приписывание ценности одному предмету или же классу предметов путем сравнения их с аналогичными предметами или их классами. Основанием оценки в аксиологии является то, с точки зрения чего производится оценивание [3, с. 15]. Тем не менее, следует учитывать, что в логике под оценкой обычно понимают «суждение о ценностях, основным объектом которого являются категории ‘добро’ и ‘зло’» [4, с. 76]. Автор цитируемой работы считает, что «перенесение логической интерпретации оценки в область языка нецелесообразно, так как оно не адекватно языковой действительности» [Там же]. По его мнению, в естественном языке оценочные выражения, соответствующие аксиологическим в логике, «составляют лишь частный случай от более широкого класса семантических единиц, которые можно отнести к оценочным» [Там же].

Понятие оценки вызывает особый интерес и в области современной психолингвистики. При рассмотрении эмоций в тесной связи с мышлением отмечается непосредственная связь между эмоциями, которые являются реакцией человека на окружающий мир, и оценочной деятельностью сознания. В частности, А. Н. Леонтьев определяет эмоции как «психические состояния человека, выражающие его оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них» [2, с. 73]. Поскольку важнейшей формой выражения эмоций у людей признана речь, то все вышесказанное о взаимодействии эмоции и оценки можно отнести к коммуникативному аспекту деятельности человека.

На современном этапе развития лингвистики немалое внимание уделяется исследованию оценки в рамках взаимодействия семантики и прагматики. Начало прагматическому подходу к проблеме оценки было положено еще в 70-е гг. XX в. сторонниками теории речевых актов. Назначение оценочных высказываний они видели «не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения между участниками коммуникации» [2, с. 72]. По их мнению, оценочные высказывания имеют подчеркнуто адресованный характер в силу своей нацеленности на то, чтобы вызвать у адресата определенное психологическое состояние, что, в свою очередь, отражает не столько семантический, сколько прагматический аспект языковой ситуации.

По характеру воздействия на адресата выделяют имплицитную и эксплицитную оценки. Эксплицитная оценка является способом выражения открытой оценочности, но встречается довольно редко, так как ее воздействие на адресата весьма двояко. Данный тип оценки реализуется путем использования своеобразных «ярлыков, которые мгновенно воспринимаются адресатом, не требуя усилий для их декодирования» [5, с. 42]. Но легкость декодирования теряет свою привлекательность на фоне ярко выраженного агитационного характера текстов, содержащих элементы эксплицитной оценки, что зачастую вызывает у адресата отторжение. На данный момент имплицитная оценка более актуальна, так как способна «ненавязчиво навязать адресату заданные выводы» [5, с. 40].

С лексической точки зрения можно выделить рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную оценки. Последняя более субъективна, так как служит для выражения собственного, строго индивидуального отношения говорящего либо пишущего к какому-либо предмету, процессу или явлению окружающего мира независимо от его объективных свойств [2, с. 74]. Эмоциональная оценка представляет собой «определенную реакцию человека на объекты и явления окружающего мира, которые затрагивают личный мир говорящего, его цели и установки, нормы поведения и которые поэтому он воспринимает как важные для себя» [6, с. 14]. Рациональная оценка предполагает определенное осмысление объекта в плане его соответствия установленному стандарту, который может иметь целый спектр характеристик: этический (*добрый – злой*), эстетический (*красивый – некрасивый*), интеллектуальный (*умный – глупый*), нормативный (*большой – маленький*) и т.д. Помимо эмоциональной и рациональной основы, оценочная категоризация также может основываться на чувственном опыте человека. Чувственная оценка связана с восприятием мира посредством органов чувств и его осмыслением в соот-

ветствующих терминах: *вкусный – невкусный, жесткий – мягкий* и т.п. [6, с. 13]. Тем не менее, подобная классификация оценки является весьма условной, ведь «в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык предполагает всегда рациональный аспект» [7, с. 160].

С точки зрения лингвистики существует еще один подход к характеристике оценки – на уровне планов выражения и содержания [8, с. 75]. По мнению автора указанной работы, классификацию способов выражения оценки можно представить следующим образом: 1) лексический – выраженный одним словом или фразеологическим оборотом; 2) словообразовательный (аффиксальный); 3) грамматический – синтаксический (выраженный словосочетанием или предложением); морфологический (учитываются степени сравнения, модальные глаголы, повторения); 4) интонационный (выражен графически); 5) коммуникативный (план текста); 6) стилистический (представлены все стилистические тропы). На уровне содержания оценочные значения подразделяются на общеоценочные и частнооценочные. Все сказанное выше свидетельствует о том, что тональность можно рассматривать как одну из категорий письменного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 320 с.
2. Черкас, Е. М. К проблеме оценки в семантической структуре языковой единицы / Е. М. Черкас // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск, 1999. – № 5. – С. 71–75.
3. Банару, В. И. Оценка, модальность, прагматика / В. И. Банару // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С. 14–18.
4. Лойко, М. И. Оценка как лингвистическое понятие / М. И. Лойко // Материалы ежегод. науч. конф. студ. и магистр. ун-та, Минск, 16–17 апреля 2003 г. : в 4 ч. – Минск, 2003. – Ч. 3. – С. 75–77.
5. Клушина, Н. И. Интернациональные категории публицистического текста : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 53 с.
6. Болдырев, Н. Н. Оценка при категоризации и понятие оценочной категоризации / Н. Н. Болдырев // Экспрессивная лингвистика: материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 13–14 ноября 2000 г.: в 3 ч. – Минск, 2000. – Ч. 1. – С. 10–14.
7. Майсюк, Н. В. Оценка эмоциональная и рациональная / Н. В. Майсюк // Материалы ежегод. науч. конф. студ. и магистр. ун-та, Минск, 16–17 апреля 2003 г. : в 4 ч. – Минск, 2003. – Ч. 2. – С. 159–161.
8. Лужнева, Т. Оценка в текстах музыкальных рецензий (на материале британской прессы) / Т. Лужнева // Материалы ежегод. науч. конф. студ. и магистр. ун-та, Минск, 14–15 апреля 2004 г. : в 4 ч. – Минск, 2004. – Ч. 4. – С. 75–77.

The article deals with the main components of sentiment as a category of a written text: the sentiment subject, the sentiment object, the sentiment aspects and the sentiment evaluation. The concept of the sentiment evaluation in linguistics, logics, psycholinguistics, semantics and pragmatics are under consideration.

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

И. Г. Осмоловская

Минск, МГЛУ

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье речь идет о способах окказионального образования глаголов на материале немецкоязычных и русскоязычных рекламных текстов. Установлено, что немецкоязычный дискурс допускает более разнообразные способы окказионального словопроизводства в сравнении с русскоязычным. Общими способами словообразования на материале обоих языков выступили префиксация и сращение. Широкую популярность в немецком языке продемонстрировала также контаминация, обладающая высокой степенью смысловой емкости при оптимальном минимуме языкового материала. Все проанализированные способы подчинены основным задачам рекламной сферы коммуникации: привлечению внимания за счет необычности подачи информации и экономии языковых средств. Также установлено, что для скорейшего распространения рекламной информации в Интернете, облегчения поиска сообщений по теме и содержанию при сращении активно используется хештегирование.

Взаимопроникновение культур, развитие экономических и политических контактов между странами, эволюция медийного пространства – эти процессы дали стимул интенсивному развитию рекламной коммуникации. Сама же рекламная сфера тоже старается находить новые пути и каналы воздействия на потенциальных адресатов, одним из которых является *окказиональное словопроизводство*. Окказиональные лексемы позволяют привлечь внимание к объекту рекламы и вызвать нужную эмоциональную реакцию за счет отказа от обыденного представления об этом объекте [1].

В диапазоне глагола в немецкоязычном рекламном дискурсе особое место занимают новообразованные глаголы, производные от англицизмов [2, с. 133–135; 3]. При этом, как уже ранее указывали исследователи, «особенно типично использование глаголов английского происхождения в рекламных текстах компьютерной техники» [2, с. 134], например, *einscannen* ‘отсканировать’, *clicken* ‘щелкнуть мышкой’, *tunen* ‘усовершенствовать’, ‘модернизировать’, *downloaden* ‘загрузить’, ‘скачать’ и т.д., которые почти вытеснили немецкие эквиваленты в данной сфере и активно приспосабливаются к морфологической парадигме немецкого глагола. Однако англоязычные «интервенты» начали интенсивно замещать не только специальную лексику, но и повседневную, как в следующем примере [D1]:

<i>NEUMACHER FORUM FÜR GRÜNDER UND UNTERNEHMER Neumacher meets Weltmarktführer 30.November 2016 (...)</i>	‘ТВОРЕЦ НОВОГО (НОЙМАХЕР) ФОРУМ ДЛЯ УЧРЕДИТЕЛЕЙ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ Ноймахер встречает лидеров мирового рынка 30 ноября 2016 (...)’

В приведенном рекламном тексте немецкоязычный глагол *treffen* ‘встречать’ замещен англоязычным *meet*, который сохраняет морфологические характеристики английского глагола – окончание –s у глаголов 3-го л., ед.ч., настоящего времени, что свидетельствует о начальном этапе интеграции в данный пласт лексики.

Окказиональные немецкие глаголы могут образовываться *префиксально-рефлексивизационным* способом. Нагляден пример немецкого интернет-портала «Ваучер», предлагающего купоны, гарантирующие скидки, на приобретение товаров и услуг [D2]:

<i>MyVoucher.de® Deutschland spart! Ich voucher mich reich!!!!</i>	‘MyVoucher.de® Германия экономит! Я наваучируюсь до богатства!* * Я разбогатею, приобретая ваучеры/товарные купоны со скидкой.

Окказиональный глагол *sich reichvouchern* ‘наваучироваться’, ‘разбогатеть, приобретая товарные купоны’ образован от существительного *der/das Voucher* ‘ваучер’ при помощи приставки *reich* и возвратного местоимения *sich*. Окказиональное образование позволяет привлечь внимание к объекту рекламы и вызвать у реципиента эмоциональную реакцию благодаря преодолению обыденного представления об объекте рекламы. Аналогично образован и глагол *sich reichsparen* ‘богатеть, экономя деньги’ в рекламе «Постбанка» [D3]:

<i>(...) Deutschland spart sich reich Mit Postbank Quartal-Sparen bis zu 4,25 % p.a.sichern. (...) Postbank</i>	‘(...) Германия богатеет, экономя деньги Вместе с акцией Постбанка «Квартальный вклад» обеспечьте себе 4,25 % годовых. (...) Постбанк’

Целый ряд авторских неологизмов-глаголов, встречающихся в рекламных текстах, является результатом контаминации основ, и их значение становится понятным только после прочтения всего текста, как, например, в рекламе специального тарифа мобильной связи от компании «Чибо» [D4]:

<i>Kostenlos tchibofonieren mit dem Tchibo-Basis-Tarif Tchibofonieren: Kostenlose Community-Flat bei Tchibo mobil vom 16.3. – 26.4.2015</i>	‘Бесплатно чибофонировать с базовым тарифом от «Чибо» Чибофонировать: бесплатные звонки внутри сети для абонентов тарифного плана «Чибо мобиль» с 16.03 по 26.04.2015’

Tchibofonieren ‘чибофонировать’, ‘разговаривать по телефону, выбрав базовый тариф от «Чибо»’, есть результат наложения двух морфем: названия компании «Чибо» и глагола *telefonieren* ‘разговаривать по телефону’.

Следующий фрагмент текста рекламы автомобиля «Тойота Королла Версо» демонстрирует использование *префиксации* в качестве словообразовательного способа [D5]:

(...) <i>Hochwertige Ausstattung für mehr Komfort. (...) Leben Sie los.</i>	‘(...) Высококачественное оснащение для большего комфорта. (...) Начните жить’.

Окказиональный глагол *losleben* ‘начните жить’, ‘заживите’ образован от глагола *leben* ‘жить’ с помощью приставки *los*, которые нормативно не сочетаются друг с другом. Посредством данного приема достигается ускорение развертывания рекламной информации, так как побуждение к действию передается в усеченной форме.

Образование глаголов в рекламе происходит и *лексико-синтаксическим* способом (или *сращением*), когда производное слово получается в результате сращения (слияния) нескольких слов в одно, как в рекламе немецкого туроператора «Штудиозус Райзен» [D6] :

1000 Reisen und ein Ziel: Intensiverleben <i>Studiosus Reisen: Sehenswürdigkeiten, Kultur, Märkte, Strände und die Menschen. Fordern Sie jetzt kostenlos unsere aktuellen Kataloge an.</i>	‘1000 путешествий и одна цель: Житьинтенсивнее Туроператор «Штудиозус Райзен» предлагает достопримечательности, культуру, рынки, пляжи и людей. Спрашивайте уже теперь наши актуальные бесплатные каталоги.’

Заглавие рекламного текста содержит окказиональное сращение *intensiverleben*, которое в зависимости от постановки границы между составляющими компонентами может актуализировать разные значения: *intensiver-leben* ‘жить интенсивнее’ и *intensiv-erleben* ‘интенсивно получать впечатления’. Как справедливо указывает Р. Хирнер, здесь многое зависит от того, как читатель распознает границы слов [4, s. 168]. Еще один фрагмент текста для иллюстрации окказионального сращения [D7]:

FÜHLENSIESICH WIENEUGEBOREN. (...)WIEN-HOTELS&INFO TEL.+43 –1–24 555 <u>www.wien.info</u>	‘ПОЧУВСТВУЙТЕСЯ КАКВНОВЬРОДИВШИЙСЯ (...) Справочно-информационная служба отелей Вены ТЕЛ.+43–1–24 555 <u>www.wien.info</u> ’

Заголовок рекламного послания *FÜHLENSIESICH WIENEUGEBOREN* ‘ПОЧУВСТВУЙТЕСЯ КАКВНОВЬРОДИВШИЙСЯ’ выделяется за счет необычности написания. Во-первых, внимание удерживается за счет того, что возникает желание расшифровать спрятанную информацию. Во-вторых, слу-

жит компрессии содержания и, в-третьих, благодаря выделению цветом, маркирует название Вены, которое помещено в середину искусственного композита.

Таким образом, можно сделать заключение, что окказиональные *сращения* также служат экономии языковых средств при максимальном насыщении единицы содержанием.

Активно появляются новообразования в сфере глагола и в русскоязычном рекламном дискурсе. Суффиксальный способ образования может проиллюстрировать реклама пива «Бровар» [Д1]:

Места меняются – Вкус остается!
Броварни! Узнай вкус жизни!

Глагол *броварнуть* не зафиксирован в словарях, однако его значение ‘попробовать пиво «Бровар»’ без труда дешифруется из контекста, аналогично происходит и в рекламе шоколадного батончика «Сникерс» – *сникерсни*. Еще один пример [Д2]:

МABте, люди – краше будет!

Окказионализм *МABте* в форме повелительного наклонения 2-го лица множественного числа также «призывает» пользоваться красками фирмы «МAB».

Новообразования могут порождаться *приставочно-суффиксальным* способом [Д3]:

 # ЗАМИКСУЙ Dirol MIX XXL *ассорти мятных вкусов

Значение глагола *замиксуй* легко выводится из контекста – ‘попробуй микс мятных вкусов’, т.к. в упаковке может содержаться до 4 вкусов жевательной резинки (со вкусом: перечной мяты и ванили, мяты, перечной мяты, мяты и Melissa).

Образование окказионализмов происходит также путем *сращения*. Подобные новообразования воспринимаются зачастую как слова с орфографическими ошибками. Примером может послужить реклама телекоммуникационной компании МТС [Д4]:

 # везетже МТС на шаг впереди

Глагол *везетже* образован путем сращения глагола *везет* и частицы *же*, что служит экспрессивизации и повышению эмоционально-оценочного фона текста.

Следует отметить, что в последнее время в рекламных текстах все большую популярность набирает использование знака «решетка», что превращает весь текст или его элемент в хештеги, которые используются в рекламной

продукции в качестве отсылки к появившемуся тренду в Интернете или в попытке создать такой тренд и способствуют быстрейшему распространения рекламной информации в социальных сетях и коммуникаторах.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы:

- Для успешной реализации двух основных задач – привлечение внимания и побуждение к покупке – рекламная подсистема языка вынуждена прибегать к разнообразным приемам, в том числе к порождению все новых лексических единиц, принадлежащих к разным частям речи, в том числе и к глаголу. Это помогает вызвать эмоциональную реакцию и отказаться от обыденного представления об объекте рекламы.

- На материале немецкого языка зафиксированы более многочисленные способы окказионального образования: *префиксация, рефлексивизация, контаминация*, а также *сращение*.

- Для глагольных окказионализмов в рекламных текстах на русском языке типичны *суффиксальный, префиксально-суффиксальный* способы образования, а также *сращение*. При сращении использование хештегов облегчает поиск сообщений по теме или содержанию и способствует активному распространению рекламной информации через Интернет.

- *Сращение* служит компримированию смысла при передаче рекламной информации, что позволяет ему быть наиболее частотным способом окказионального образования в диапазоне глагола в рекламных текстах на обоих языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко, Е. В.* Стереотипное и окказиональное в лексике современной немецкой рекламы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Бабенко. – М., 2003. – 162 л.
2. *Горлатов, А. М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке / А. М. Горлатов. – Минск : Минск. гос. лингв. ун-т, 2002. – 257 с.
3. *Glück, H.* Gegenwartsdeutsch / H. Glück, W. Sauer. – Stuttgart : Meltzer, 1990. – 218 s.
4. *Hirner, R.* Linguistische Untersuchungen an Werbeheadlines von Anzeigen der FAZ, SZ und des Stern 2004 / R. Hirner. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2007. – 458 s.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

D1 – Handelsblatt. – 2016. – 25.Oktober. – № 206. – S. 3.

D2 – Наружная реклама немецкого интернет-портала «Ваучер», <http://www.voucher.de>.

D3 – Reader's Digest. – 2008. – Februar. – S. 7.

D4 – Tchibofonieren [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://allnet-flatrate-vergleich.net/prepaid-tarif/tchibo-mobil-basis-tarif/tchibofonieren-kostenlose-community-flat-3847.html>. – Дата доступа : 25.14.2017.

D5 – Der Spiegel. – 2008. – № 19. – S. 69.

D6 – Spiegel. – 2007. – № 45.

D7 – Die Zeitreisen. – 2009. – März. – S. 11.

D1 – Наружная реклама пива «Бровар», ОАО «Пивзавод Оливария», Беларусь, 2011.

D2 – Наружная реклама производственного унитарного предприятия «МАВ», г. Дзержинск, Беларусь, 2014.

D3 – Наружная реклама жевательной резинки «Дирол» в Беларуси, 2017, ООО «Мон'дэлис Русь», РФ.

D4 – Наружная реклама телекоммуникационной компании МТС, Беларусь, 2015.

The article is dedicated to detecting the most productive ways of formation of occasionalisms of verbs in modern advertising in the German and Russian languages.

Е. В. Беланович
Минск, МГЛУ

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА И КАК КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Принцип проектирования цели и ее достижения используется во всех областях науки, в том числе и в лингвистике. В задачи данной статьи входило выявление возможных типов целей, которые ставит говорящий, реализуя процесс потребления пищи. Компонентный анализ дефиниций глаголов лексико-семантической группы «Потребление пищи» и предложений с ними показал, что в процессе потребления пищи цель может рассматриваться с двух позиций: как компонент значения глаголов (внутренняя цель, или целеполагание) и как фактор, влияющий на процесс потребления пищи (внешняя цель, или целевыполнение). Цель как компонент значения глагола, будучи константной и спроектированной субъектом априори, зачастую не находит отражения в высказывании; ситуативная же цель определяется субъектом в конкретном высказывании и способна либо реализовать процесс глаголом, напрямую не называющим его, либо, наоборот, способствовать тому, что глагол может потерять способность отражать свойственный ему процесс или действие при ином целевыполнении.

Что заставляет человека активно совершать определенные действия и прилагать усилия? Что его мотивирует? Мы всегда движемся к поставленной цели согласно определенным правилам. Цель достижима, ее только нужно конкретно описать, претворить в жизнь и сделать реальностью. В этом процессе человек активно взаимодействует с окружающей действительностью, выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности. Следовательно, практическое осмысление своей деятельности, постановка целей и их достижение является целеполаганием [1]. Это довольно сложный процесс, имеющий свои собственные стадии и этапы, методы и средства. В категориях системного анализа он определяется как проектирование [2].

Целеполагание обуславливает необходимость задания цели при выполнении системного анализа проблемы. Цели и ограничения являются главными категориями принципа целеполагания, а разрешимость проблемы – важный

принцип системного анализа, который предполагает необходимость рассмотрения вопроса о существовании решения до начала решения проблемы [1]. В этой связи важно различать целеполагание и целевыполнение. Процесс целевыполнения характеризуется в каждом конкретном случае своим содержанием, своими формами, специфическими методами, средствами, технологиями [3].

Принципы целеполагания и целевыполнения используются во всех областях науки, в том числе и в лингвистике. Рассмотрим целеполагание как возможный компонент значения английского глагола на примере глаголов, реализующих значение 'потребление пищи'.

Связь предложения с ситуацией осуществляется через его лексический состав. Глагол указывает на ту или иную ситуацию и называет отношение, связывающее ее компоненты. Результаты познания деятельности человека зафиксированы в толковых словарях, следовательно, в словарных дефинициях глаголов содержатся элементы, которые называют компоненты исследуемой ситуации.

Процесс «потребление пищи» представляет собой как физическое действие, так и физиологический процесс. Однако во время приема пищи задействованы также и органы чувств, влияющие на психический настрой человека и эффективность его деятельности [4]. Возникает вопрос, какие глаголы отражают психическую сторону деятельности человека, одновременно выражая значение 'потребление пищи'. Анализ глаголов лексико-семантической группы (ЛСГ) «Потребление пищи» показал, что некоторые из них не называют сам процесс «потребление пищи», а указывают на различные цели в его осуществлении [4]. Следовательно, возникает второй вопрос, какие цели ставятся в процессе «потребление пищи», или каково целеполагание данного процесса.

Цель определяет средства достижения, к цели стремятся, ее осуществляют. Цели могут быть разными; они побуждают, направляют волю и поведение людей. Люди, в свою очередь, ставят перед собой цели на основе потребностей и интересов. Процесс постановки цели или ее проектирования называется целеполаганием, а система действий, направленных на достижение цели, называется целевыполнением [5].

При компонентном анализе дефиниций глаголов ЛСГ «Потребление пищи» и предложений с данными глаголами мы пришли к выводу о том, что в процессе потребления пищи цель может рассматриваться с двух позиций: как компонент значения названных глаголов (целеполагание) и как внешний фактор, влияющий на процесс «потребление пищи» (ситуативная цель, или целевыполнение).

К первой группе отнесем глаголы, в дефинициях которых имплицирован не только целевой компонент, но и потребляемая пища:

nourish 'подпитывать/питать' – to give somebody / something the right kind of food **so that he / she / it can grow healthy** [6] – процесс осуществляется с целью поддержания жизнедеятельности другого организма (*The child we have is well nourished and cared for* 'Мы хорошо кормим нашего ребенка и заботимся о нем');

sample ‘пробовать’ – to try a small amount of a particular food **to see what it’s like** [6] – процесс потребления пищи осуществляется с целью оценки пищи (*I decided to sample the chocolate cheesecake* ‘Я решила попробовать шоколадный чизкейк’);

taste ‘пробовать’ – 1) to try a small amount of food and drink; 2) **to test the flavour of something** [6] – значение вкусового ощущения, опознавание достоинства пищи (*I tasted the soup to see if it had enough salt* ‘Я попробовала суп, чтобы определить, достаточно ли в нем соли’). В приведенном примере мы наблюдаем экспликацию целевого компонента в предложении, возможно, потому, что цель, имплицитруемая в дефиниции, не совпадает с целью конкретного высказывания, ситуации или же она шире.

Ко второй группе отнесем глаголы, в дефинициях которых отсутствует указание на потребляемую пищу. Но им присуще наличие ситуативной цели, т.е. они способны реализовать процесс потребления пищи в конкретной ситуации, отражаемой предложением; при этом экспликация потребляемой пищи в предложениях с такими глаголами играет немаловажную роль:

glut ‘перекармливать/насытиться’ – to supply or provide somebody with too much of something [6] (*The lions slept after they glutted themselves on the kill* ‘Львы спали, насытившись добычей’);

sate ‘насытить’ – to satisfy a desire [6] – процесс осуществляется с целью насыщения, удовлетворения (*Children happily sated with ice-cream* ‘Дети с удовольствием поели мороженое’).

Импликация целевого компонента специфична также для трех глаголов ЛСГ «Потребление пищи», называющих этапы денотативной области ‘потребление пищи’: *bite* ‘кусать’, *chew* ‘жевать’, *swallow* ‘глотать’. Каждому этапу соответствует своя цель (целеполагание), однако, будучи глаголами ЛСГ «Потребление пищи», они не способны реализовать значение ‘потребление пищи’, значит, в таких случаях им присуще иное целевыполнение. Отнесем эти глаголы к третьей группе.

bite – to use your teeth to cut into or through something ‘вгрызаться во что-то’ [6] (*Nina pushed her fist into her mouth and bit down hard* ‘Нина сунула кулак в рот и сильно укусила’; *The dog bit him and made his hand bleed* ‘Собака укусила его руку до крови’):

a) *bite the nails on your fingers, especially because you are nervous* ‘кусать / грызть ногти нервничая’ (*I wish I could stop biting my nails* ‘Хотелось бы мне перестать грызть ногти’);

b) *bite your lip because you are upset or not sure what to say* ‘кусать губу, потому что расстроен или не знаешь, что сказать’ (*She paused uncertainly, biting her lip* ‘Она неуверенно замолчала, кусая губу’).

Chew – to bite something continuously in order to taste it or because you are nervous ‘жевать что-то постоянно, чтобы распробовать или потому что нервничаешь’ (*He was chewing on a cigar* ‘Он жевал сигару’; *Emily chewed her lip, thinking about Hari and Craig* ‘Эмили жевала губу, думая о Хари и Крейге’).

Swallow – to make some of the liquid in your mouth go down your throat because you are frightened or nervous ‘глотать, потому что напуган или нервничаешь’ (*Leo swallowed hard and walked into the room* ‘Лео тяжело взглотнул и вошел в комнату’; *She swallowed nervously before beginning* ‘Она нервно сглотнула перед началом’).

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что роль целевого компонента как компонента значения глагола важна в процессе реализации ситуации потребления пищи в английском языке, при этом выбор цели зависит от намерений говорящего. Однако наблюдается несоответствие между проектированием цели (целеполаганием) и реализацией цели в конкретной ситуации (целевыполнением). Наличие цели как компонента значения глаголов свидетельствует о том, что данные компоненты находятся в пресуппозиции и входят в общий фон знаний народа, говорящего на данном языке, следовательно, они константны и спроектированы субъектом априори для отражения, например, ситуации «потребление пищи», а значит, их экспликация в предложении является излишней. Ситуативная же цель определяется в конкретном высказывании и способна либо реализовать процесс потребления пищи глаголом, напрямую не называющим его, либо, наоборот, способствовать тому, что глагол ЛСГ «Потребление пищи» потеряет способность отражать процесс потребления пищи при ином целевыполнении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлов, В. Н. Системный анализ, оптимизация и принятие решений / В. Н. Козлов. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2009. – 223 с.
2. Новиков, А. М. Основания педагогики / А. М. Новиков. – 1-е изд. – М. : Эгвес, 2010. – 208 с.
3. Новиков, А. М. Методология / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М. : Синтег, 2007. – 668 с.
4. Беланович, Е. В. Вариативное отражение сложной денотативной области в структуре английского предложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Беланович. – Минск, 2017. – 172 л.
5. Большая Советская Энциклопедия. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл, 1968–1979. – 616 с.
6. Hornby, A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby ; chief ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.

The purpose of this article is to differentiate between two types of goals while reflecting the situation of consumption: a goal as a component of the verbal meaning and a goal as the purpose of an utterance. The results of the analysis helped us conclude that the choice of a goal (either set or achieved) and thereafter the verb of consumption depends on the native speakers' intentions who instinctively reflect their knowledge in the semantic structure of an utterance.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ОМОНИМИЯ И ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Исследование направлено на установление причин возникновения англо-русских омонимов и ложных друзей переводчика, их систематизацию, выявление особенностей межъязыковой омонимии. На примере имен существительных рассмотрены межъязыковые омонимы, которые противопоставляются когнатам – словам двух языков, имеющим общее происхождение, одинаковое значение и схожее звучание. Отмечается, что при переводе проблема ложных друзей переводчика получает особое преломление – возможное нарушение стилистической нормы речи, а следовательно, и плохое качество перевода. Анализируются причины, ведущие к неадекватному переводу, и предлагаются варианты решения данной проблемы.

Внимание лингвистов к вопросам межъязыковой омонимии обусловлено тем, что это явление характерно для всех языков, будучи одной из проблем переводоведения. Разнообразие точек зрения, связанных с феноменом межъязыковой омонимии, свидетельствует о том, что в лингвистике до сих пор нет четкого, непротиворечивого определения этого понятия. Межъязыковые омонимы – это слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой и/или графической форме, различающиеся (в разной степени) по значению.

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что межъязыковая омонимия достаточно широко распространена, вводя в заблуждение не только начинающих изучать иностранный язык, но и опытных специалистов, филологов, в том числе преподавателей, переводчиков-профессионалов, лексикографов. Несмотря на то, что ложным друзьям переводчика посвящено много работ, полного списка наиболее часто употребляемых англо-русских межъязыковых омонимов нет. Поэтому целью данной работы является исследование англо-русских межъязыковых омонимов на примере имен существительных. Ее достижение предполагает решение следующих задач:

- установить причины возникновения межъязыковых омонимов;
- выявить особенности межъязыковой омонимии;
- охарактеризовать группы ложных друзей в зависимости от причин их возникновения.

Термин «ложные друзья переводчика» (калька с фр. *faux amis*) был введен М. Кёсслером и Ж. Дероккини в 1928 г. в книге «*Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais*» [1].

Существуют и «друзья переводчика», так называемые *когнаты* – слова двух языков, имеющие общее происхождение, одинаковое значение и схожее звучание. В лингвистической литературе можно встретить и название «обманывающие когнаты» (*deceptive cognates*), предложенное учеными Мичиганской школы, но оно не совсем удачно, так как группу ложных друзей переводчика мы выделяем независимо от их происхождения.

Изучая иностранный язык, человек склонен переносить свои языковые привычки на систему чужого языка. Неверные ассоциации обуславливают возникновение семантических калек, вызывая нарушения лексической сочетаемости или стилистического согласования при переводах на родной язык или просто при говорении на иностранном языке. Смысловая структура высказывания кажется переводчику достаточно очевидной, но на самом деле оно может иметь совсем другое значение.

В зависимости от причин возникновения выделяют следующие группы и подгруппы ложных друзей переводчика:

1) этимологически обусловленные омонимы (в эту группу попадает наибольшее количество омонимичных пар);

2) омонимы, обусловленные расхождением в значениях слов при заимствовании;

3) омонимы, получившиеся в результате случайных совпадений.

Причины появления в языках мира лексических заимствований связаны с возникновением новых вещей или понятий, с дублированием уже имеющихся в языке слов для использования в международной терминологии, со стремлением выделить тот или иной оттенок значения, с влиянием моды. В устной речи заимствования осваиваются легче, но при этом часто подвергаются искажениям и воздействию народной этимологии.

В английском и русском языках слова этого рода в подавляющем большинстве случаев представляют собой прямые или опосредствованные заимствования из общего третьего источника. Значительно меньше представлены результаты собственно англо-русских языковых контактов: слова английского происхождения в русском языке и русского происхождения – в английском. При этом ложные друзья переводчика, насчитывающие несколько тысяч единиц, встречаются в пределах четырех частей речи: существительных, прилагательных, наречий и глаголов. Чаще в данной роли выступают не единичные слова, а все представители соответствующих словообразовательных гнезд. Исследование проведено на основе данных словаря [2], из которого было отобрано с целью последующей классификации около 180 словарных единиц (существительных).

В расхождениях ложно отождествляемых английских и русских слов сказывается своеобразие классификаций явлений, свойств и отношений объективного мира, характерных для семантики каждого языка. Так, например, ср. англ. *agony* и рус. *агония*; англ. *artist* и рус. *артист*; англ. *medicine* и рус. *медицина*.

Существенную роль играют также обычаи словоупотребления, иногда (но необязательно) связанные с расхождениями реалий. Например, для правильного употребления русского слова *ректор* английский переводчик должен знать, что так именуется в России и в Беларуси глава любого учреждения высшего образования (ср. англ. *president*, *principal*, *vice-chancellor*), тогда как применительно к английской высшей школе термином *rector* называют только глав шотландских университетов и руководителей двух из колледжей Оксфорда (Exeter и Lincoln Colleges).

Точно так же англ. *assistant professor* в университете это не *ассистент*, а *доцент*. Коллектив преподавателей в высших учебных заведениях США и Англии называется *faculty*, что нельзя смешивать с нашим факультетом, отделением университета, по-английски это переводится обычно как *department*, реже – *school*. И только отдельные старейшие университеты свои факультеты по традиции продолжают называть словом *faculty*. Англ. *Aspirant* – это человек, добивающийся чего-либо, стремящийся к чему-либо; значение, слова восходит к лат. *aspirans (aspirantis)*, поэтому оно вполне может встретиться в непонятном для нас контексте: *presidential aspirans* ‘кандидат на пост президента’, который, правда, воспринимается немного архаично. В англоязычном варианте рус. *аспирант* – это *postgraduate (student)*.

Англ. *stipend* не имеет никакого отношения к студенческой стипендии: этим словом называется зарплата (*fixed regular income*), а в Британии – жалованье для священников. Учащиеся университета получают обычно *scholarship, grant* (студенты), *fellowship* (аспиранты), *conductor* – чаще *дирижер*, чем *кондуктор*, *logistically* – скорее всего не *логистически*, а *по техническим причинам*, *Dutch* – не *датчанин*, а *голландец* (*flying Dutchman* – *летучий голландец*), *caucasian* – как правило, не *кавказец*, а вообще *белый человек*, *preservative* – *консервант* [3].

Неправильный перевод английских слов может иметь опасные последствия, как, например, при переводе медицинских текстов и различных медицинских инструкций: *potent pathogen* (о бактерии) – не *потенциальный*, а *мощный патоген*, т.е. просто *патоген* (в противоположность условному); *third power* – не *третья сила*, а *куб* (третья степень); *symptomatic* может означать не только *симптоматический*, но и с *клиническими проявлениями*, например: *symptomatic hypertension* – *артериальная гипертензия с клиническими проявлениями*, а не *симптоматическая артериальная гипертензия*, но *symptomatic therapy* – *симптоматическая терапия*.

Как видно из данных примеров, полного совпадения значений и сочетаемости здесь нет. Однако в некоторых других случаях такое совпадение все же вполне возможно, например: *extra* – *добавочный, дополнительный*. Следует отметить, что при переводе с родного языка на иностранный проблема ложных друзей переводчика получает особое преломление – возможное нарушение стилистической нормы речи, а следовательно, и плохое качество перевода.

Еще одной причиной, ведущей к неадекватному переводу (с русского языка на английский), является несовершенство (особенно в плане полноты раскрытия значений) существующих русско-английских словарей. Например, слово *благополучие* рекомендуется переводить *prosperity, well-being, happiness, felicity, welfare, security*. В то же время именно в этом значении часто употребляется слово *health*, но, к сожалению, словари этого значения не регистрируют. Между тем по-английски часто говорят: *the health of the city* ‘благополучие города’, *menace to the economic health of the country* ‘угроза экономическому благополучию страны’ [3]. Отсюда следует, что при

переводе текстов с русского языка на английский, отнюдь не всегда можно положиться на русско-английские словари. Переводчикам необходимо широко использовать также англо-английские словари и справочники.

Безусловно, в английском языке много слов, которые реально можно спутать, но не следует забывать и о том, что не все они являются ложными друзьями переводчика. Если у переводчика маленький словарный запас, он будет хвататься за соломинку в поиске слова-подсказки, которая окажется подводным камнем. Перевод – это всегда чрезвычайно ответственное дело, и переводчики не должны оправдывать себя при элементарной ошибке из-за «ложных друзей», ведь иногда результат перевода может стать фатальным.

Ложные друзья переводчика по праву считаются подводными камнями в переводах, и то, как специалист с ними справляется, является показателем владения языком.

Планируется продолжить работу в данном направлении и найти межъязыковые параллели во фразеологических оборотах, больше узнать о межъязыковых оборотах, о межъязыковых паронимах и синонимах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ложные друзья переводчика // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Л/>. – Дата доступа : 22.04.2017.
2. *Бернштейн, С. Б.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / С. Б. Берн-штейн. – М., 1987.
3. Англо-русский словарь ложных друзей переводчика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.falsefriends.ru/>. – Дата доступа : 15.04.2017.

The study is devoted to the problem of interlingual homonyms and is aimed at establishing the causes of the emergence of Anglo-Russian homonyms and false friends of an interpreter, identifying the features of interlingual homonymy and systematizing groups of false friends of an interpreter depending on the reasons for their occurrence. The study was conducted on the basis of nouns. The reasons for the violation of the adequacy of the translation are analyzed and solutions are offered for solving this problem.

Д. Д. Богатова

Минск, МГЛУ

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЯЗЫКА ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается проблема формирования терминосистемы области политической лексики в английском языке с учетом ее иерархической структуры. После выделения основных принципов построения терминосистемы проводится многоплановый анализ ее компонентов с целью выявления особенностей.

Под терминосистемой понимается «совокупность лексических единиц естественного языка, обозначающих понятия определенной специальной области знаний или деятельности, стихийно складывающаяся в процессе зарождения и развития этой области» [1].

Терминосистема языка политики, как и любая другая, основывается на иерархии входящих в нее понятий, а ее формирование происходит по установленным стандартам. В качестве основы для моделирования классификации терминов был взят Национальный Стандарт Российской Федерации [2].

На основе изучения энциклопедического представления о сфере политики, а также анализа значений 250 единиц политической лексики английского языка было выявлено, что основными отношениями при создании системы понятий являются иерархические отношения (отношения гипонимии-гиперонимии), когда «понятия организуются по различным уровням, и суперординатное понятие включает, как минимум, одно субординатное понятие» [2, с. 12]. Это объясняется тем, что и в самой политике существует четкая иерархия, которая характеризуется, в частности, делением на уровни (макро-, микро- и мегауровень) или виды (национальная, культурная, экономическая политика и т.п.) [3].

В рассматриваемой терминосистеме, на наш взгляд, можно выделить 3 основные семантические категории. К первой из них – «субъекты политики» – относится приблизительно 45 % проанализированной лексики (112 слов). Эта категория объединяет участников политической жизни, способных принимать политические решения и добиваться их реализации в соответствии со своими целями и интересами, и включает такие термины, как *state* ‘штат’, *government* ‘правительство’, *politician* ‘политик’, *parliament* ‘парламент’, *party* ‘партия’. Условно по иерархическому принципу их можно сгруппировать следующим образом.

1. Субъекты социального, национального уровня.
  - Социальные и национальные общности.
  - Классы, слои.
  - Элиты.
  - Индивиды.
2. Институциональные носители политической власти.
  - Государство.
  - Партии.
  - Общественно-политические организации и движения.
3. Функциональные политические субъекты.
  - Оппозиция.
  - Лобби.
  - СМИ.

Отметим, что термины именно этой категории в основном (примерно на 70 %) формируют ядро терминосистемы (т.е. являются наиболее употребительными, при этом их значение знакомо не только специалистам конкретной области, из-за чего подобные понятия встречаются не только в специальных текстах, но и в речи обычного человека).

Вторая семантическая категория была названа «политические процессы» и включает в себя «проявления политической деятельности как действия различных социальных групп по артикуляции своих интересов и потребностей» [3].

Ее составляют политические термины, образующие следующие подкатегории.

1. Объекты применения политической воли.
  - Внутривнутриполитические процессы.
  - Внешнеполитические (международные отношения).
2. Устойчивость проявления процесса.
  - Постоянные (стабильные) процессы / явления.
  - Временные (нестабильные) процессы / явления.

К этой группе была отнесена следующая лексика (93 единицы, или 37 %): *unauthorized demonstration* 'несанкционированная демонстрация', *presidential vote* 'президентские выборы', *international strife* 'международный конфликт', *military buildup* 'наращивание военного потенциала' и т.д.

Третья семантическая категория оказалась самой малочисленной (всего 16 %, или 40 терминов, при этом 2 % лексики не удалось включить ни в одну из категорий) и состоит из 1) политических понятий, которые характеризуют или описывают свойства субъектов и процессов политики; 2) абстрактных понятий (идеологические течения, политический режим, политическое сознание, ценности, политико-правовые нормы, политические теории, взаимоотношения субъектов политики, политические институты). Это *authoritarian government* 'авторитарное правительство', *fringe politician* 'маргинальный политик', *conservatism* 'консерватизм', *voter apathy* 'апатия избирателей'.

Принадлежность термина к семантическому полю в рамках терминосистемы в каждом конкретном случае устанавливалась одним из трех способов:

1) морфологически

- при наличии у ряда терминов, описывающих один и тот же предмет, одинаковых словообразующих морфем;

- через соотношение производящего и производного слова (однокоренные термины, где производящим чаще всего является базовое понятие политологии);

2) лексически – в этом случае термины одной группы представлены в виде словосочетаний с одним устойчивым компонентом, который и является основным термином (указание на определенную категорию), тогда как второй компонент будет описывать отличие данного понятия от других;

3) через значение термина, которое указано либо в толковом английском, либо в англо-русском словаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейчик, В. М. Предмет, методы и структура терминоведения / В. М. Лейчик. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
2. ГОСТ Р ИСО 704-2010 Терминологическая работа. Принципы и методы» (утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 декабря 2010 г. № 879-ст). – М., 2011. – 68 с.
3. Климова, С. В. Политология: учеб.-метод. пособие / С. В. Климова. – М.: Моск. гос. ун-т управления и технологии, 2007.

The article deals with the problem of construing the term system of politics. It outlines the main strategies of modelling the lexical system under study according to the hierarchical criterion and highlights some features of the given term system.

ОСОБЕННОСТИ ЗЕЙЛАНДСКОГО ДИАЛЕКТА НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКА

В статье подвергаются анализу некоторые фонетические, лексические и грамматические особенности зейландского диалекта нидерландского языка. Установлено, что он значительно отличается от стандартного языка фонетически и лексически, однако основные грамматические конструкции сохранены, в то время как в стандартном языке эти формы редуцированы (спряжение глаголов, родовая принадлежность). Различия между стандартным вариантом и диалектом подчеркивают диахронические трансформации, произошедшие с нидерландским языком.

Нидерландский язык, несмотря на относительно невысокий уровень носителей (23 млн человек: 16,8 млн в Нидерландах, 6,3 млн в Бельгии, 37 место в мировом рейтинге распространенности языков, 3 место в рейтинге германских языков – после английского и немецкого), имеет обширную систему диалектов.

1. Юго-Западная группа – зейландский диалект (зеус), западно-фламандский диалект.

2. Северо-западная группа (Голландия).

3. Северо-восточная группа (Нижняя Саксония).

4. Центральная северная группа.

5. Центральная-южная группа в Бельгии, Нидерландах и пограничной зоне Германии.

6. Юго-восточная группа в Бельгии, Нидерландах и пограничной зоне Германии.

Некоторые диалекты нидерландского языка содержат в себе основу фризских языков (West-Fries, Amelands, Waterlands, Volendams, Zaans).

В юго-западную группу входят: West-Vlaams, включая Frans-Vlaams и Zeeuws-Vlaams, Zeeuws.

В данной работе рассматривается диалект юго-западной группы зеус (он же зейландский диалект Zeeuws).

При проведении анализа общественного мнения в вопросе о языке и диалекте можно заметить негативную для диалектов тенденцию: молодая часть населения предпочитает говорить на стандартном нидерландском языке (Нидерланды) или его фламандском варианте (Бельгия, Люксембург), нежели на диалекте своей провинции, большая часть населения и вовсе не понимает диалекта, главенствующего на той или иной территории.

Анализ теоретического материала (использовались преимущественно нидерландские источники, так как российскими и белорусскими лингвистами данная тема практически не освещена) проблем с определением «диалекта» не выявил: все источники описывают зеус как диалект, не язык, акцент или идиом.

Словарь *Nederlands woordenboek Van Dale* дает следующее определение термину *диалект*: Диалект – региональный разговорный язык, отличный от стандартного языка государства; диалект.

Нидерландский словарь дефиниций *encyclo.nl nederlandse encyclopedie* приводит следующую трактовку данного термина: диалект – один из вариантов языка в определенном языковом сообществе, в отличие от стандартного языка имеет ограниченный круг использования, узко локализован.

Практической частью исследования является фонетический, лексический и грамматический анализ текста на стандартном нидерландском языке и его зейландском диалекте. В ходе работы было выполнено 2 видеозаписи для фонетического анализа, 2 расшифровки *(скрипта) для выполнения лексического и грамматического анализа. Текст был выбран и расшифрован носителем нидерландского языка (также является носителем диалекта *зеус*).

Лексический анализ текстов. Для вычисления процентного соотношения лексики, использующейся только в диалекте, учитывались только слова того же значения, что осложнялось самим фактом перевода текста со стандартного нидерландского на диалект, так как при переводе применяются различные способы и техники, что, в свою очередь, влияет не на смысл самого текста, но на форму его подачи.

Alle rieviren... – 't waeter...

...onder de zon. – ...onder den emel (hemel)

Общее количество слов обоих текстов составляет 808 единиц. Однако в связи с некоторыми трансформациями, связанными с переводом, нам удалось сопоставить 262 единицы, что составляет около 32,4 % текста (за вычетом повторов).

В результате сопоставительного анализа мы пришли к следующим выводам.

17,5 % лексики совпадает (имена собственные и нарицательные, союзы, частицы): *woorden – woorden, Prediker – Prediker, Jerezalem – Jerezalem, onder – onder, en – en*;

72,8 % лексики не совпадает – в состав входят разные морфемы, имеют другое значение, невозможно провести параллели (существительные, глаголы, возвратные и притяжательные местоимения): *lucht – aol, gaat – gaèt, zoon – ter eên, koning – keunik, leegte – voe niks, mezelf – m'n eigen*;

9,7 % лексики имеет незначительное отличие в написании (формы глаголов, некоторых союзных слов): *mens (mensen) – me:nsen, wat – wan, kijk – kiek*.

Фонетический анализ текстов выявил такие тенденции, как замена звуков [uu] и [ii], [i] и [ij], стремление к огубливанию гласных, удлинение кратких и укорачивание долгих звуков, образование дифтонгов: *blijft – bluift, kijk – kiek, stromen – `stroam*.

Примечательно, что некоторые имена собственные, имеющие одинаковое написание, отличаются в произношении: *David* [de`vid] – *David* [ˈdauvid] – изменение качества гласного и ударного слога.

А слова со схожим написанием произносятся одинаково: *Generaties* [gene`rasi] – *generasie* [gene`rasi].

Наблюдаются редуцирование некоторых звуков (*hemel* – *emel*).

Грамматический анализ текстов. Синтаксис и основные требования грамматики нидерландского языка соблюдены (фиксированный порядок слов, инверсия, неправильный порядок слов в сложноподчиненных предложениях и т.д.). В диалекте присутствуют определенные артикли (*d'n*), присущие трем родам, и дополнительные формы спряжения глаголов (*ik zegge*), измененные формы вспомогательных глаголов (*ik è*).

Таким образом, юго-западный диалект зеус характеризуется большим числом особенностей в фонологии, грамматике, лексике, которые образовались в связи с лингвистическими и историческими факторами (влияние фризского, брабантского, французского и немецкого языков, а также многочисленных войн).

Грамматика и синтаксис придерживаются канонов германской группы языков. Диалект сохранил больше грамматических особенностей, в то время как в стандартном языке эти формы редуцированы (спряжение глаголов, родовая принадлежность). Зеус обладает обширными лексическими возможностями и может использоваться в любой сфере жизнедеятельности, однако из-за низкого статуса провинциального диалекта число его носителей постоянно сокращается.

The article compares the Dutch language and its South-Western dialect (Zeeuws).

О. В. Ермолович

Минск, МГЛУ

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

В статье рассмотрен вопрос лингвостилистических средств реализации оценки в англоязычном медиаполитическом дискурсе. Особое внимание уделено имплицитным и эксплицитным стилистическим средствам реализации положительной и отрицательной оценки в исследуемом жанре.

Процессы оценивания и оценка, как его непосредственный результат, представляют собой феномены объективной действительности и, будучи универсальными и междисциплинарными категориями, изучаются в рамках философии и лингвистики. Антропоцентрический характер лингвистических исследований последнего времени вернул интерес лингвистов к вопросу оценки как фактора, формирующего семантику и прагматику языковых единиц.

На пересечении двух неотъемлемых сфер жизни современного общества (политической и СМИ) обнаруживается особая область коммуникации – медиаполитический дискурс. Его уникальность заключается, прежде всего, в двойственности характера, которая проявляется в способности интегрировать

свойства и качества вышеназванных сфер. Особый интерес для лингвистических исследований в данной области представляет собой жанр *информационно-аналитической статьи*, для которого характерны две функции: информирующая (в статьях заключена объективная информация), а также аналитическая (представлено субъективное мнение). Именно наличие аналитического компонента как непосредственной сферы реализации оценки делает жанр информационно-аналитической статьи особенно привлекательным для исследований.

Анализ практического материала позволяет нам утверждать, что среди рассматриваемых лингвистических средств реализации оценки в информационно-аналитических статьях британской и американской качественной прессы наиболее часто используются обладающие ярко выраженным экспрессивным потенциалом различные стилистические приемы.

- Эпитет как вид авторской оценки раскрывает субъективное эмоциональное отношение к описываемому предмету: *Despite being a cantankerous oddball from a state very few Americans have even heard of, he raised **prodigious sums of money** from a huge base of highly energised young people* ("The Times").

- Сравнение: *Some Palestinians, like the Jabari clan in Hebron, want Israeli residency and oppose the Palestinian Authority, which they view as **illegitimate and corrupt*** ("The New York Times").

- Метафора как характеристика объекта в переносном значении на основании его сходства с другим объектом позволяет выразить оценку имплицитно: *Iran is **the acid test** of Trump's foreign policy* ("The Times").

- Аллюзия как ссылка на известный факт дает автору возможность завуалированно, но тем не менее четко выразить свое мнение: *Start with the unfolding scandal over Trumpworld's links with Vladimir Putin's Russia, and the increasingly close parallel with the Watergate affair that toppled Richard Nixon* ("The Guardian").

- Антономазия: *Mr. Trump has described himself as a good negotiator and as **a Mr. Fix-it*** ("The Washington Post").

- Устойчивые выражения: *It's hard to believe how badly things are going for a party that 20 years ago won **a landslide victory*** ("The Times").

- Фразеологические обороты: *And of course, for decades Republicans **wrapped themselves in the flag**, claiming a monopoly on patriotism, casting themselves as the heirs to Ronald Reagan and all those who stood strong against Russian authoritarianism* ("The Guardian").

Таким образом, стилистические приемы широко применяются современными авторами англоязычных информационно-аналитических статей британской и американской качественной прессы как для эксплицитной, так и имплицитной реализации в письменной речи положительного и отрицательного оценочного суждения с целью выражения одобрения и поддержки или, наоборот, неодобрения и критики относительно того, чему непосредственно посвящена статья.

The article analyses some aspects of linguistic stylistic means of expressing evaluation in the English-language media-political discourse with special emphasis on the implicit and explicit stylistic means.

Т. С. Лобанова
Минск, БГУ

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В БИБЛИИ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Настоящая статья посвящена исследованию автономных причастий в составе фразеологических единиц. В качестве источника текстовой выборки используется Библия Мартина Лютера – литературный памятник, отражающий становление современного немецкого языка. В результате анализа были выявлены относительно устойчивые словосочетания, определена степень наполненности анализируемого текста устойчивыми словосочетаниями с автономными причастиями в их составе.

Под *самостоятельными*, или автономными, *причастиями* в данной статье мы понимаем все *причастные* единицы, не входящие в состав аналитических форм глагола.

Несмотря на то, что в лингвистике фразеология является давно разрабатываемым и достаточно популярным направлением исследования, среди языковедов нет единства мнений по многим вопросам. Так, Б. А. Плотников к актуальным проблемам этого направления относит следующие: «что такое фразеологизм и каковы критерии его выделения; соотношение между фразеологизмом и словом, фразеологизмом и словосочетанием, фразеологизмом и предложением; принципы классификации фразеологических единиц; семантические и грамматические свойства фразеологизмов; принципы составления фразеологических словарей, проблема переводимости фразеологизмов с одного языка на другой и др.» [1, с. 78].

В существующих исследованиях по данной теме также наблюдается широкий спектр взглядов на объем фразеологии и характер этих единиц.

Известно, что основоположник фразеологии Ш. Балли различал свободные словосочетания и фразеологические единства, т.е. словосочетания, компоненты которых, постоянно употребляемые в данных сочетаниях для выражения одной и той же мысли, утратили всякое самостоятельное значение [2, с. 6]. В. В. Виноградов, автор ряда фундаментальных работ по русской филологии, в свою очередь, выделял три типа фразеологических единиц: 1) фразеологические сращения, или идиомы, – немотивированные единицы, выступающие как эквиваленты слов; 2) фразеологические единства – мотивированные единицы с единым целостным значением; 3) фразеологические сочетания – обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение [3, с. 12].

Однако при отсутствии единой позиции ученых по перечисленным выше вопросам достаточно четко обозначены критерии отнесения тех или иных словосочетаний к фразеологическим единицам. Так, для всех устойчивых единиц характерно ослабление или утрата лексической и семантической самостоятельности одного или нескольких компонентов, при этом само словосочетание по своему значению приближается к слову, поскольку называет какой-либо один предмет, признак, действие и т.д. В отличие от свободных, каждый раз конструируемых в речи из самостоятельных лексических единиц

они воспроизводятся в речи «готовыми блоками» в соответствии с намерением говорящего [4, с. 295]. Для них характерна идиоматичность, так как их значения как цельных языковых образований невыводимы из совокупности значений входящих в них компонентов [4, с. 295].

Известно, что обогащение словарного состава любого языка происходит во многом за счет образования устойчивых словосочетаний. Немецкий язык не является в данном вопросе исключением.

В качестве источника исследования фразеологических единиц с автономными причастиями в составе послужил перевод Библии, сделанный Мартином Лютером и его сподвижниками и заложивший основу современного немецкого языка [5]. Известно, что значительная часть фразеологических единиц имеет библейское происхождение. Общее количество извлеченных из данного текста автономных причастий составило 1056 единиц. С учетом существующих на сегодняшний день в современной фразеологии классификаций и подходов были проанализированы все словосочетания указанного источника, в состав которых входят автономные причастия.

В результате анализа были обнаружены словосочетания с самостоятельными причастиями в составе, однако, как известно, аргументом в пользу фразеологичности является фиксация оборота хотя бы одним словарем [6, с. 21]. Поскольку ни одно из словосочетаний не входит в исторические словари, нет полного основания для отнесения их к устойчивым словосочетаниям или идиомам, несмотря на то, что значение словосочетаний не выводится из значений его компонентов.

Так, словосочетание *gegossene Götter* ‘литые боги’, т.е. идолы [7, с. 471], зафиксировано в тексте дважды (Исх. 34, 17; Лев. 19, 4). Аналогичное словосочетание используется и во всех существующих в настоящее время изданиях Библии под редакцией разных авторов.

Составление полного представления о семантике указанного словосочетания невозможно без обращения к греческому первоисточнику¹, легшему в основу перевода Библии Лютера. При соотнесении анализируемого словосочетания с соответствующими стихами выяснилось, что в греческом первоисточнике ему соответствует словосочетание *υεοζω χυνευτοζω* ‘богов литых’, что, в свою очередь, свидетельствует об использовании авторами Библии поморфемного перевода для передачи значения греческого словосочетания. Несмотря на отсутствие в словарях данное словосочетание можно считать относительно устойчивым благодаря его фиксации в постоянном составе библейских текстов разных периодов.

В исследуемом тексте также заслуживает внимания словосочетание *kriechende Tiere* (Рим. 1, 23) (зафиксировано в тексте единожды), состоящее из причастия первого *kriechend* ‘ползущий’, обозначающего в данном случае

---

¹ Под таковым понимается Textus Receptus, легший в основу Библии Лютера. Также для анализа адъективированных причастий в настоящей статье используются LXX (Septuaginta) [9] и «The Greek New Testament» [10] под редакцией К. Аланда, представляющий собой наиболее точное издание Нового Завета.

активного носителя действия, а также существительного *das Tier* ‘животное’. Суммарное значение слов сводится к словосочетанию *ползущие животные*, то есть *пресмыкающиеся*. Следует отметить, что в аналогичной позиции Textus Receptus немецкому словосочетанию соответствует существительное *Irpetzn* ‘пресмыкающихся’, что, вероятно, свидетельствует о том, что Лютер использует имеющиеся средства языка для передачи соответствующего понятия греческого первоисточника. Во всех остальных позициях, где в греческом первоисточнике зафиксировано существительное *Irpetcn* ‘пресмыкающееся’ (Быт.1.24; Быт.1.26; Быт.8.19), немецкий реформатор передает соответствующее понятие с помощью аналогичных по смыслу словосочетаний *Gewürm und Tier auf Erden* ‘пресмыкающиеся, черви и животные на земле’ (Быт.1.24), *Gewürm, das auf Erden kreucht* ‘пресмыкающиеся, черви, которые ползают по земле’ (Быт.1.26), *alles, was auf Erden kreucht* ‘все, что ползает по земле’ (Быт.8.19) и т.д.

Из приведенных примеров видно, что словосочетание *kriechende Tiere* с причастной единицей в составе обладает большей компактностью по отношению к аналогичным по смыслу сочетаниям. При этом в библейском тексте анализируемое словосочетание появляется лишь в книге Нового Завета, будучи конечной фиксацией данного словосочетания в библейском тексте, и, формируясь, вероятнее всего, под влиянием греческого первоисточника.

Весьма интересным для анализа представляется еще одно словосочетание данного библейского текста с причастной единицей в составе, которое при условии его фиксации в историческом словаре могло бы стать устойчивым для исследуемого текста. В данном случае речь идет о словосочетании *das verheißene Lande* ‘земля обетованная’ (Евр. 11.9) (появляется в тексте один раз), в то время как сегодня оно присутствует в словаре в виде своего синонимичного устойчивого выражения *das gelobte Land* [8, с. 548] и может относиться к устойчивым.

Из приведенных выше примеров можно сделать следующие выводы. Прежде всего, в тексте Библии Лютера отсутствуют крылатые выражения с автономными причастиями в составе, однако в анализируемом Священном Писании встречается 4 фиксации (т.е. 0,4 % от общего количества рассматриваемых грамматических явлений) словосочетаний с автономными причастиями в составе, которые условно можно было бы отнести к устойчивым и наделенным идиоматичностью, поскольку их целостное значение не выводится из значений компонентов. Столь низкая представленность фразеологических единиц с самостоятельными причастиями в составе в тексте Библии Лютера свидетельствует о том, что рассматриваемые грамматические явления имеют крайне низкую продуктивность в процессе образования фразеологических единиц в тексте Библии Лютера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее языкознание. Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий / Н. Б. Мечковская [и др.]. – 2-е изд., перераб. – Минск : Высш. шк., 1995. – 336 с.

2. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина. – М. : Эдиториал. УРСС, 2001. – 392 с.
3. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк., 1972. – 601 с.
4. Лексикология немецкого языка. Лекции, семинары, практические занятия / Е. В. Медведева. – М. : Либроком, 2009 – 448 с.
5. *Luther, M. Biblia / Die heilige Schrift. Text der unrevidierten Lutherbibel 1545* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://enominenpatris.com/biblia/biblia2/>. – Дата доступа : 08.02.2017.
6. *Кунин, А. В.* Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и ф-тов. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд. перераб. – М. : Феникс, 1996. – 381 с.
7. Толковая Библия, или Комментарий на все книги св. Писания Ветхого и Нового Завета. – 2-е изд. – Стокгольм : Ин-т перевода Библии, 1987. – 502 с.
8. Большой немецко-русский словарь / К. Лейн [и др.]. – 13-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2006. – 1038 с.
9. *Rahlfs, A. Septuaginta / A. Rahlfs.* – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – 941 S.
10. The Greek New Testament / К. Aland [et al.]. – Stuttgart : United Bible Societies, 1983. – 926 p.

The paper considers autonomous participles functioning as part of set expressions in the Bible by Martin Luther.

А. О. Тригубович
Минск, МГЛУ

РЕАЛИИ АМЕРИКАНСКОЙ И ИРЛАНДСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ К. ТОЙБИНА «БРУКЛИН»: ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассмотрены вопросы функционирования реалий в англоязычном художественном дискурсе, их классификации, перевод средствами русского языка, роль в процессе создания особой образности, колорита художественного произведения, а также передачи страноведческой информации. На материале романа «Бруклин» современного ирландского писателя Колма Тойбина. был выявлен ряд реалий американской и ирландской действительности. Установлена их предметная классификация (имена собственные, названия географических объектов, культурные и этнографические реалии), а также способы перевода на русский язык (транскрипция и транслитерация, калькирование, использование функционального аналога), выбор которых обусловлен необходимостью адекватной передачи коммуникативно-прагматических установок автора художественного произведения.

Единое определение лексики, имеющей в своем значении культурный компонент, отсутствует. В научной литературе для этого используются такие термины, как *фоновая лексика, культурно-маркированные слова, национально-маркированные лексические единицы, реалии*. С. Влахов и С. Флорин выде-

ляют реалии в особую категорию средств выражения, понимая под ними «слова и выражения, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и мало-знакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [1, с. 32].

Безусловен тот факт, что реалии являются неотъемлемой частью любого художественного произведения. А.С. Хасанова отмечает, что «национально-культурная семантика таких языковых единиц позволяет проникнуть в культуру носителей языка, в их фоновые знания, обязательно присутствующие в сознании участников коммуникации и в значительной степени определяющие смысл высказывания» [2, с. 1]. Роль слов-реалий в процессе межкультурной коммуникации трудно переоценить. Будучи одной из важнейших групп безэквивалентной лексики, они как своего рода «хранители» и «носители» страноведческой информации играют особую роль и в художественном произведении. Поэтому исследование способов перевода реалий, являющихся частью художественного произведения, представляет интерес для лингвистов.

Художественный перевод считается одним из наиболее эффективных и популярных видов межнациональных контактов. Важным применительно к данному виду перевода представляется вопрос переводимости непереводаемого и воспроизведения национальных особенностей оригинала, что, в свою очередь, также определяет не только теоретическую, но и практическую значимость проведения данного исследования.

Как отмечает Э. Медникова, «художественное произведение оказывает на читателя определенное воздействие, желаемый эффект именно тем, что содержание раскрывается в новом ракурсе» [3, с. 186]. При этом немаловажную роль в создании особой образности художественного произведения играют используемые в нем слова-реалии, которые «можно рассматривать как одно из средств создания национально-исторического колорита, или культурного фона произведения» [4, с. 59]. Такая лексика содержит ценную страноведческую информацию, позволяет «через слово» заглянуть в жизнь другого народа, увидеть в слове отражение многочисленных конкретных материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе.

Материалом для данного исследования стал роман «Бруклин» К. Тойбина – современного ирландского писателя, журналиста, литературного критика, который в настоящее время является профессором Колумбийского и Манчестерского университетов, а также членом Ирландской художественной ассоциации. Среди работ автора такие романы, как «Юг» (*The South*), «Маяк Блэкуотер» (*Blackwater Lightship*), «Мастер» (*The Master*), «Вереск ярко пылающий» (*The Heather Blazing*), «История ночи» (*The Story of the Night*), а также документальные произведения «Плохая кровь: прогулка по ирландской границе» (*Bad Blood: A Walk Along the Irish Border*) и «Знак креста: путешествие по католической Европе» (*The Sign of the Cross: Travels in Catholic Europe*). Однако особый интерес, в том числе с лингвистической точки зрения, представляет роман «Бруклин», повествующий о нелегкой судьбе ирландки в Америке 50-х гг. прошлого столетия. Поскольку

в произведении фигурируют страны, радикально отличающиеся одна от другой в историческом, культурном, политическом аспектах, это прослеживается и в использовании лексических единиц, в частности реалий, для отражения действительности США и Ирландии середины XX века. Согласно предметному делению в романе можно назвать следующие типы реалий.

1. Имена собственные (реалии ирландской действительности: *Arnold's Cross*, *"Arnotts"*, *"Athenaeum"*, *"Burke O'Leary's"*, *"Clerys"*, *"Dan Bolger's"*, *"Davis's Mills"*, *De Valera*, *"Fianna Fail"*, *"Godfrey's"*, *the Gresham Hotel*, *Lady Captain's Day*, *"L&N"*, *the Mercy Convent*, *Pat Sullivan's Harp*, *Presentation Convent*, *Shamrock Orchestra*, *"Stafford's"*, *St Peter's College*, *the Strand Hotel*, *"Switzers"*, *the Talbot Hotel*; реалии американской действительности: *"Bartocci&Company"*, *Bobby Thomson*, *Brooklyn College*, *"Dodgers"*, *Ebbets Field*, *"Giants"*, *Henry Ford*, *Jackie Robinson*, *"Loehmann's"*, *Pee Wee Reese*, *Preacher Roe*, *the World Series*, *"Yankees"*).

2. Названия географических объектов (реалии ирландской действительности: *Arklow*, *the Backroad*, *Ballagh*, *Ballyconnigar*, *Ballyvaloo*, *Blackwater*, *Bray*, *Bree*, *Bunclody*, *Castle Hill*, *Castle Street*, *Cavan*, *Church Street*, *Clinton Street*, *Clonegal*, *Cobh*, *Connemara*, *Cork*, *County Clare*, *County Home*, *Courtown*, *Curraclloe*, *Cush Gap*, *Enniscorthy*, *Fair Green*, *Ferns*, *the Folly*, *Friary Hill*, *Friary Street*, *Galway*, *Glenbrien*, *Kilmore Quay*, *Macmine Bridge*, *Market Square*, *the Mill Park Road*, *Monageer*, *O'Connel Street*, *Osbourne Street*, *Oylegate*, *Rafter Street*, *the Ring-wood*, *Rosslare Harbour*, *Rosslare Strand*, *Skerries*, *the Slaney River*, *Summerhill*, *the Tan Yard Lane*, *Tipperary*, *Vinegar Hill*, *Wexford*; реалии американской действительности: *Atlantic Avenue*, *Atlantic City*, *Bensonhurst*, *Central Park*, *Clinton Street*, *Coney Island*, *Ellis Island*, *Fifth Avenue*, *Fulton Street*, *Long Island*, *Queens*, *Seventh Avenue*, *Sixth Avenue*, *State Street*, *Twenty-Second Street*, *West Twenty-Third Street*).

3. Реалии, относящиеся к культуре Ирландии (*ceili*, *"The siege of Ennis"*) и США (*"Singing in the Rain"*, *"The Belle of New York"*).

4. Этнографические реалии (реалии ирландской действительности: *Courtnacuddy Bus*, *flea-pit*, *golden syrup*, *Hatchethead*, *hurling*, *to mitch (from)*, *shilling*, *slap-up*; реалии американской действительности: *LP*, *Thanksgiving*).

Безусловно, переводчик художественных произведений должен обладать как огромным багажом фоновых знаний, так и умением оперировать информационными источниками, чтобы качественно передать реалии средствами другого языка. Роман «Бруклин» представлен на английском языке, поэтому в ходе исследования автором данной статьи были предложены свои варианты перевода фигурирующих в нем реалий.

Транслитерация и транскрипция чаще всего используются для передачи имен собственных и названий географических объектов (следует отметить, однако, что в некоторых случаях предпочтительно использовать также прием добавления для лучшего понимания читателями того, о чем идет речь): *Friary Street* – улица Фрайери-Стрит, *"Clerys"* – магазин «Клерис», *Rafter Street* – улица Рафтер-Стрит, *"Fianna Fail"* – «Фианна Файл» (либеральная политическая партия в Ирландии). Также нередко можно прибегнуть к приему калькирования: *the Mercy Convent* – женский монастырь Милосердия, *Pat*

Sullivan's Harp – арфовый оркестр Пэта Сулливана, *Presentation Convent* – женский монастырь Подношения. Функциональный аналог может быть найден в следующих случаях: *golden syrup* – кукурузный сироп, *Hatchethead* – топор-башка (пренебр.), *flea-pit* – киношка (забегаловка), *LP* – пластинка.

Таким образом, мы видим, что культурная составляющая всегда является основной сложностью при художественном переводе, однако конфликт культур преодолим, и национальный колорит можно передать при условии правильного выявления и точного отражения культурных особенностей текста. Решение вопроса о выборе определенного приема при переводе реалии будет напрямую зависеть от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно не известно), утратив при этом колорит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 343 с..
2. Хасанова А. С. Особенности употребления реалий в художественном произведении / А. С. Хасанова [Электронный ресурс]. – Алматы : Центрально-Азиатский ун-т, 2013. – Режим доступа : <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Xasanova.....4....13.pdf>. – Дата доступа : 21.07.2016.
3. Медникова, Э. Послесловие. Комментарий / Э. Медникова // *The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's* / Capote T. – Moscow : Progress publishers, 1974. – С. 186–223.
4. Поморозская, Н. И. Роль слов-реалий в создании культурного фона художественного произведения / Н. И. Поморозская // *Лексика и культура*. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. – С 59-62.

The article deals with the problem of culture-specific elements functioning in English-language fiction as well as their classification and the ways of rendering by means of the Russian language.

Ю. С. Филиппчик

Минск, МГЛУ

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С УЧЕТОМ СПЕЦИФИКИ ДИНАМИЧЕСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

Статья посвящена вопросам организации лексического материала с учетом специфики динамических компьютерных игр с целью формирования у учащихся учреждений общего среднего образования иноязычных речевых лексических навыков. Значительное внимание уделяется рассмотрению лингвокогнитивного способа организации лексических единиц с учетом специфики формирования лексических концептов в долговременной памяти учащихся. Анализируются различия в содержании и структуре лексических концептов в разных языковых картинах мира, предлагаются принципы организации лексического материала в рамках коммуникативно-когнитивного подхода к обучению иностранным языкам.

Предлагается особая модель организации лексических единиц, которая создана на основе принципов системности и концентричности, с учетом различий в структуре и содержании лексических концептов в родном и иностранном языках.

Важное место в процессе формирования речевых лексических навыков занимает организация лексических единиц для их прочного усвоения учащимися. Под организацией учебного материала понимаются «принципы и способы создания блоков лексических единиц, эффективных для предъявления их учащимся» [1]. Использование динамических компьютерных игр (ДКИ) в обучении иноязычной лексике требует отдельного поиска оптимальных способов организации лексических единиц, поскольку ДКИ представляют собой вид компьютерных игр, в которых создаются динамичные виртуальные модели действительности, позволяющие учащимся выполнять игровые действия с предлагаемыми персонажами и решать коммуникативные задачи в конкретных коммуникативных ситуациях [2; 3].

В целом в рамках коммуникативно-когнитивного подхода предлагается несколько способов организации языкового материала: *фреймовый* и *лингво-когнитивный* [4; 5; 6]. *Фреймовый* способ организации лексических единиц [4] предполагает учет их распределения в соответствующих *фреймах*, под которыми понимается структура знания, содержащая основную или потенциально возможную информацию, связанную с тем или иным концептом [4]. Концепт является основной оперативной единицей памяти и включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к отражаемому объекту [7]. Следовательно, чем больше языкового и речевого опыта имеет обучающийся, тем содержательнее будет концепт, хранящийся в его памяти. Сложность лексического концепта обусловлена тем, что он имеет много-слойную структуру: 1) ядро (составляет само имя концепта), 2) центр (включает в себя базовые ассоциации человека), 3) периферия (будучи более подвижной и изменчивой, объединяет нестандартные ассоциации) [7].

Содержание лексических концептов отличается в разных языковых картинах мира. Рассмотрим структурные различия более подробно на примере концепта «дом» в английском и русском языках. В русском языке центр данного лексического концепта представлен основными значениями лексемы *дом*, а именно: 1) здание, 2) жилье (место, которое ощущается как свое), 3) хозяйство [7]. Периферийное поле концепта «дом» расширяется значениями: 1) семья, 2) род, 3) Родина. В английском языке для выражения концепта «дом» используются две лексические единицы: *home* и *house*. В модели данного лексического концепта выделены четыре микрополя, а именно: семейный очаг и географическая местность (для лексической единицы *home*), постройка и организация (для лексической единицы *house*) [7].

Сравнительный анализ концептов в английском и русском языках показал, что они схожи по содержанию, однако различаются по структуре, что следует учитывать в организации лексического материала с целью формирования речевых лексических навыков. Например, в динамической компьютерной игре «The Sims 4» учащиеся знакомятся лишь со следующими элементами концепта «дом»: семейный очаг (семья) и постройка (здание).

В английском языке данные микрополя находятся в центре концепта, однако выражены различными лексическими единицами. В русском языке микрополе 'здание' представлено в центре концепта, а значение 'семья' расположено в периферийном поле. Следовательно, в процессе решения коммуникативных задач, опираясь на знания о русской языковой картине, учащиеся не будут отождествлять значение 'семейный очаг' с микрополем 'семья', а будут ассоциировать данное микрополе с жильем, что следует учесть в методике обучения иноязычной лексике.

Кроме того, следует помнить, что концепты объединены во фреймы, которые сопрягаются друг с другом. Считается, что формирование соответствующих фреймов в сознании обучающихся приведет к более эффективному восприятию слова в контексте, осознанию значения и смысла слова, а также к более быстрому извлечению лексических единиц из памяти [5]. Вербализации учащимися лексических концептов и точному и своевременному извлечению лексических единиц из долговременной памяти должна способствовать их особая организация, особенно в случае использования динамических компьютерных игр. В рамках коммуникативно-когнитивного подхода наиболее приемлемыми, на наш взгляд, являются следующие принципы лингво-когнитивной организации лексического языкового материала: *системности* и *концентричности* [5; 6].

Принцип *системности* предполагает обобщение учащимися лексических единиц, их упорядочивание на основе закономерностей функционирования в речи. В научной литературе отмечается, что сохранение лексических единиц в долговременной памяти осуществляется успешнее, если при обучении учащимся предъявляются не отдельные лексические единицы, а семантические категории, что позволяет установить отношения и связи внутри рассматриваемой категории. Проблему группировки лексического материала с целью лучшего запоминания может решить использование динамических компьютерных игр на уроках иностранного языка. Это связано с тем, что, по нашему наблюдению, лексические единицы в ролевых компьютерных играх и симуляторах часто классифицированы по принадлежности к семантическим категориям, которые входят в лексические концепты. Во время игровой деятельности учащиеся имеют возможность систематизировать лексические единицы. Например, в игре «Fashion Empire» отдельные наименования одежды разделены по коллекциям, а в игре «The Sims 4» лексические единицы по теме «Мебель» систематизированы по принадлежности к типу комнаты. В симуляции «Веселая ферма» лексические единицы разделены на следующие категории: животные, корм для животных, фермерские постройки, продукты и т.д., что соответствует содержанию лексического концепта «ферма».

Согласно принципу *концентричности*, необходимо обеспечить неоднократное обращение учащихся к основным лексическим средствам с акцентом на их новые признаки, свойства и назначения [5]. Это позволит учащимся переходить от поверхностного к более детальному анализу содержания лексического концепта, его обогащению и расширению. Принцип концентричности предполагает постепенное увеличение сложности и объема содержания лексических концептов учащихся [6]. Единицей обучения в нашем

случае может стать монологическое высказывание, которое порождается учащимися в коммуникативной ситуации, позволяющей продемонстрировать разнообразие связей внутри лексических концептов и между ними.

Опираясь на принцип системности и концентричности, мы разработали модель организации лексического материала с учетом специфики динамических компьютерных игр. В ней было выделено три цикла, которые коррелируют со стадиями формирования речевых лексических навыков. Контекстом общения в каждом цикле данной модели является виртуальный мир динамических компьютерных игр. Циклы содержат общую единицу обучения – монологическое высказывание. В 7 классе количество фраз в монологическом высказывании должно постепенно увеличиваться от 2–3 фраз в первом цикле до 7–10 фраз в третьем. При этом, начиная с первого цикла, учащиеся должны использовать лексические единицы, которые им будут необходимы и в третьем цикле, а новые лексические единицы будут добавляться с каждым циклом для расширения количества фраз в монологическом высказывании. Тем самым лексический материал активизируется посредством рационального повторения с учетом принципа концентричности, у учащихся расширяются микрополя лексических концептов и, следовательно, формируются новые области пересечения фреймов. Это позволяет им сознательно создавать новые лексические тематические ряды и структурные группы, которые впоследствии будут способствовать быстрому и своевременному извлечению лексических единиц из памяти в процессе решения коммуникативных задач.

Первый цикл модели охватывает стадии восприятия и осознания значения лексических единиц. Его особенностями являются использование учащимися визуального и звукового каналов одновременно, то есть единовременное формирование зрительно-слухового образа лексических единиц, соотнесения его со значением. Создаваемый в динамических компьютерных играх «эффект присутствия» определяет высокий уровень сконцентрированности учащихся на совокупности чувственной и рациональной основ лексических единиц. С учетом данных особенностей наиболее целесообразным, на наш взгляд, будет использование речевых сфокусированных и однопользовательских динамических компьютерных игр, так как они предполагают погружение в виртуальную коммуникативную ситуацию, способствуют более глубокому усвоению лексических единиц. Цель первого цикла заключается в сохранении лексических единиц в долговременной памяти учащихся, что обеспечит эффективность восприятия лексических единиц в контексте и их безошибочного узнавания.

Второй цикл соотносится со стадией формирования первичных лексических операций. Его спецификой является процесс виртуализации образа «я» учащихся, во время которого моделируется естественная связь лексических единиц с игровой коммуникативной ситуацией. На данном этапе также целесообразно использование речевых сфокусированных и однопользовательских игр для погружения в коммуникативную ситуацию. Цель цикла состоит в формировании у учащихся первичных лексических операций, позволяющих имитативно использовать лексические единицы во фразах.

Третий цикл модели коррелирует со стадиями комбинирования и употребления лексических единиц. На данном этапе учащимся предлагается многоплановая проблемная ситуация в динамической компьютерной игре, что заставляет их распределять внимание между несколькими игровыми и речевыми действиями. Особенностью цикла является активизация учащимися фоновых знаний и определенных, уже хранящихся в долговременной памяти, микрополей концептов, актуализации жизненного опыта. На наш взгляд, для организации лексического материала на этом этапе необходимо использовать речевые игры с параллельным управлением, однопользовательские и многопользовательские динамические компьютерные игры. Выбранные игры предполагают оперирование учащимися несколькими персонажами одновременно, что позволяет распределять их внимание на несколько речевых действий, а также создает условия для предъявления проблемных ситуаций и вовлечения играющего в речевое общение. По завершении цикла у учащихся должны быть развиты навыки самостоятельного использования лексических единиц сначала в ограниченном контексте, а затем навыки переноса лексических действий в новые коммуникативные ситуации.

Следует отметить, что в каждом цикле отрабатываются лексические единицы из определенного микрополя концептов. Так, в первом цикле учащимся предлагается ядерное микрополе. В случае с концептом «дом» в английском языке учащиеся осознают разницу значений лексических единиц *home* и *house*. Второй цикл предполагает формирование первичных лексических операций с использованием лексических единиц, входящих в состав ядерного и центрального микрополей. Учащиеся знакомятся с микрополями 'семейный очаг' и 'здание', расширяют количество употребляемых монологических высказываний до 4–6. Третий цикл включает в себя периферийное микрополе концепта, которое содержит нестандартные ассоциации. Применительно к концепту «дом» это могут быть фразеологизмы, которые позволят учащимся расширить количество употребляемых фраз и осуществлять речевые лексические действия в новых условиях.

Таким образом, проведенный методический анализ лексических концептов и особенностей формирования у учащихся речевых лексических навыков позволяет сделать вывод о том, что организация лексического материала должна осуществляться на основе принципов системности и концентричности, с учетом различий структуры лексических концептов в родном и иностранном языках. Модель организации лексических единиц с целью формирования речевых лексических навыков должна включать три цикла, в каждом из которых используются динамические компьютерные игры различных типов и видов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов : Теория и практика преподавания языков / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб. : Златоуст, 1999. – 472 с.

2. *Великосельский, О. А.* Использование технологии трехмерных виртуальных многопользовательских миров при обучении русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. А. Великосельский. – СПб., 2004. – 157 л.
3. *Ельмикеев, О. Р.* Педагогические основы применения компьютерных игр в образовательном пространстве : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / О. Р. Ельмикеев; Марийск. гос. пед. ин-т им. Н. К. Крупской. – Йошкар-Ола, 2004. – 18 с.
4. *Баценко, И. В.* Семантическое картирование как способ работы над лексическим материалом / И. В. Баценко // Замежныя мовы ў Рэспубліцы Беларусь. – 2002. – № 2. – С. 26–31.
5. *Шамов, А. Н.* Методика преподавания иностранных языков : общий курс : / учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток–запад, 2008. – 253 с.
6. *Соловьева, О. А.* Особенности лингвокогнитивной организации грамматического материала / О. А. Соловьева // Тенденции развития языкового образования в современном мире – 2011: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 дек. 2011 г. : в 3 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол. : Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – Ч. 3. – С. 31–35.
2. *Подкопаева, А. А.* Вербализация художественного концепта “Home/House” в произведениях английских писателей XIX–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Подкопаева. – Краснодар, 2010. – 234 л.

The article deals with the vocabulary organization given the specific nature of dynamic computer games used to form learners' lexical skills. The article covers a model of vocabulary organization based on the principles of systemacy and concentricity with regard to the differences in the structure of lexical concepts in native and foreign languages.

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

Н. В. Зиневич
Минск, МГЛУ

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОБОБЩЕННОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается обобщенность как стилеобразующая черта научных текстов и особая языковая категория, средства вербализации которой традиционно представляются в виде функционально-семантического поля, имеющего в основе иерархию основных языковых уровней (морфологического, лексического и синтаксического). В зависимости от степени соответствия прототипическим характеристикам в рамках каждого уровня выделяются ядерные и периферийные единицы. В статье доказывается, что в организации функционально-семантического поля обобщенности активное участие также принимает уровень текста, представленный обобщающими высказываниями выводного характера. Отличительной особенностью текстовых обобщающих единиц является их динамический характер, обусловленный векторным развитием текстообразования.

Научные тексты традиционно ассоциируются с такими стилеобразующими чертами, как объективность, доказательность, логичность, точность, ясность, насыщенность фактической информацией и отвлеченно-обобщенный характер изложения. Признается, что, взятые в совокупности, данные характеристики способствуют реализации основных функций научного стиля, а именно информирования и воздействия на целевую аудиторию, что достигается путем убеждения специалистов в обоснованности и беспристрастности представляемой информации.

Среди вышеперечисленных особенностей научного текста особое место занимает *обобщенность*, специальному анализу которой посвящено данное исследование. Роль обобщения в науке в целом и гносеологии в частности трудно переоценить. Дело в том, что данная мыслительная операция, во-первых, является основной движущей силой познавательного процесса: в конечном счете, любое исследование стремится к выведению максимально общих законов и отвлечению от нерелевантных частных. Во-вторых, обобщение представляет собой отдельный метод (прием) научного исследования, к которому прибегают при необходимости мыслительного перехода от наблюдения разрозненных единичных явлений к сведению их в единый класс.

Принимая во внимание постулат о неразрывной связи языка и мышления, можно утверждать, что такая важная мыслительная операция, как обобщение, так или иначе будет находить выход в язык. Вместе с тем очевидно, что с особой яркостью обобщение реализуется в научной речи, чья основная задача заключается в вербализации процесса и результата научного поиска.

Как и в случае с другими языковыми категориями, в реализации обобщенности участвуют средства самых различных языковых уровней (*морфологического, лексического, синтаксического*), что позволяет говорить

о полевой организации ее формальной стороны. При этом в зависимости от степени близости к прототипическим характеристикам обобщенности в данном поле целесообразно выделять ядро и периферию. Как полагает Г. Н. Кондратьева, к ядерным будут относиться обобщенные единицы, чья семантическая структура включает все специфические для данной категории семы ('совокупное множество', 'неизвестность', 'неконкретность', 'типичность'). К периферийным будут относиться те случаи, когда та или иная сема отсутствует или выражена недостаточно четко [2].

В целом для объяснения специфики обобщенности может успешно использоваться теория *референции* и выдвигаемое в ее рамках понятие *денотативного (референциального) статуса*, за которым стоит «предназначенность языкового выражения в данном языковом контексте к тому или иному типу соотнесенности с внеязыковой действительностью» [1, с. 240]. Очевидно, что при обобщении соотнесенность языковой единицы с конкретными предметами отсутствует, поскольку содержит отсылку к целым классам, члены которых невозможно идентифицировать по отдельности. Данный факт позволяет говорить о нулевой референтности обобщающих выражений (их нереферентном референциальном статусе). Что касается семантики обобщенных субъектов, то она неоднородна и варьируется от *универсальных* (общереферентных, включающих все множество сущностей, обозначенное именем) и *родовых* (генерических, выводящих в фокус эталонного представителя некоторого множества сущностей) до *экзистенциальных* (отсылающих к потенциально существующим, но не конкретизированным субъектам) [1]. Как видно, различные референциальные статусы обобщенных выражений также согласуются с языковой теорией поля, что, в частности, позволяет говорить об универсальном статусе как ядерном компоненте семантики обобщения.

Остановимся подробнее на роли каждого языкового уровня в вербализации категории обобщенности.

К ядерной зоне морфологических средств реализации обобщенности будут относиться вневременное настоящее, артикль в генерализующей функции и нейтрализация оппозиции единичности / множественности.

Активное использование вневременного настоящего в научной речи помогает акцентировать регулярность выражаемых характеристик и переводит действие актуальное в область потенциальности. Например: *the script opposition links two planes of analysis* 'Противоположные сценарии объединяют две стадии анализа'. Вневременное настоящее играет важную роль в переводе высказывания в статус обобщенного, поскольку устраняет пространственно-временную соотнесенность субъекта высказывания, в результате чего оно становится нереферентным [3].

Генерализующие артикли в обобщенных выражениях выполняют вспомогательную роль актуализатора, который используется совместно с имен-

ными выражениями и эксплицитно указывает на их референциальный статус: *No eye at all is better than an evil eye* 'Лучше, чтобы не смотрели вовсе, нежели смотрели искоса'.

В морфологическом отношении для субъекта обобщенных выражений также характерна нейтрализация оппозиции единичности / множественности. К примеру: *Фразеалагізм ад гэтага становіцца больш устойлівым*. При этом как форма единственного, так и форма множественного числа объединяют в себе понятия единичности и множественности [4]. «Множественность как языковая категория совмещается в большинстве подобных высказываний с неопределенностью, нереперентностью как при назывании деятеля, так и при назывании действия» [4, с. 158].

Однако при всей важности морфологических средств в выражении категории обобщенности необходимо отметить, что более значимая роль здесь будет отводиться единицам лексическим (лексико-морфологическим).

Обратимся к ядерным лексическим способам реализации обобщения. К этой группе в первую очередь относятся обобщительные (универсальные) местоимения (*all; любы*) и местоименные наречия (*in general, always; у цэлым, заўсёды, ніколі*). С точки зрения теории референции такие единицы будут характеризоваться универсальным референциальным статусом.

Периферия лексического сектора обобщенности представлена следующими единицами:

- 1) неопределенными местоимениями (*some; што-небудзь*);
- 2) наречиями и наречными словами (*normally; звычайна*);
- 3) именами со значением широкого класса объектов (*critics; вучоныя*);
- 4) единицами с семантическим признаком неопределенной количественности (*various; некаторыя, многія*).

В отличие от ядра поля обобщенности, описанные группы единиц содержат отсылку не ко всему множеству потенциально возможных референтов, а к некоторым неуточненным сущностям, что позволяет приписать таким выражениям экзистенциальный референциальный статус.

Кроме того, анализ научных обобщающих высказываний показал высокую употребительность прилагательных со значением типичного признака (*typical; стэрэатыпны*). В данном случае можно говорить о родовом статусе соответствующей именной группы, предполагающем выделение типичного представителя группы.

Очевидно, что морфологические и лексические единицы функционируют в тексте не изолировано, а в некоторых отрезках, минимальным из которых является предложение. Отсюда следует, что синтаксический уровень играет важную роль консолидации единиц более низких уровней.

Как и ранее, на уровне синтаксиса в поле обобщенности возможно выделение ядра и периферии. Центральным представителем обобщающего высказывания является сентенция – суждение о постоянных (регулярно повторяющихся) характеристиках / свойствах, приписываемых некоторому

субъекту, выступающему в роли представителя целого класса однотипных сущностей [5]. Например: *Человеку свойственно ошибаться*. Ядерное положение сентенции подтверждается ее полным соответствием основной модели обобщения «все – везде – всегда». Тем самым такое высказывание будет базироваться на вневременном предикате, связывающем субъекты с универсальным референциальным статусом.

Что касается периферии синтаксического сектора поля, то здесь можно прежде всего отметить безличные предложения (СДД [способы дзяслоўнага дзеяння. – Н. З.] *могуць быць згрупаваны з пункту погляду суадноснасці іх значэнняў са значэннямі пераходнасці / непераходнасці*).

Таким образом, мы установили, что в реализации поля обобщенности так или иначе участвуют языковые единицы всех основных уровней. Вместе с тем остается открытым вопрос о возможности причисления к данной иерархии речевых единиц, а именно текста.

Как показал анализ фактического материала, в научных статьях регулярно употребляются высказывания, сигнализирующие переход авторской мысли от конкретных фактов к более общим закономерностям, и наиболее ярко данная тенденция проявляется в обобщающих выводах. Так, например, выводное обобщающее высказывание *Thus, both conjunction and prosody play a role in inducing the effect on discourse interpretation* 'Таким образом, и союз, и просодия могут влиять на интерпретацию дискурса' следует из следующих частных высказываний: 1) *...the insertion of the conjunction "and" adds another possible reading* <...> 'добавление союза «и» создает еще один план интерпретации предложения' и 2) *If both clauses are pronounced with a rising "comma" intonation as a kind of open list, the weak simultaneity reading seems to reappear even in the absence of 'and'* 'По-видимому, если оба предложения произносятся с восходящим тоном, как при перечислении, что при написании подчеркивается запятой, вновь появляется второстепенное значение одновременности описываемых ситуаций, несмотря на отсутствие «и»'.

В ходе исследования было установлено, что, как и единицы других уровней, текстовые обобщения могут делиться на ядерные и периферийные. Такое разделение происходит не столько на семантических основаниях (как на других уровнях), сколько по принципу учета текстовой динамики, а именно в соответствии со степенью преобразования исходных обобщаемых высказываний. Таким образом, можно выделить ядерные обобщающие высказывания (максимально полно повторяющие предтекст) и периферийные (в значительной степени его преобразующие, см. предыдущий пример).

В иерархии средств выражения категории обобщенности к традиционно выделяемым морфологическому, лексическому и синтаксическому уровням необходимо добавить уровень текста. Важным отличием обобщений на текстовом уровне является их динамичный характер, проявляющийся в результате фиксации перехода от единичных фактов в обобщаемых фрагментах к более общим закономерностям в выводах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Падучева, Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. – М. : УРСС, 2001. – 287 с.
2. *Кондратьева, Г. Н.* Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке / Г. Н. Кондратьева. – М. : Прометей, 1993. – 198 с.
3. *Васильева, Е. А.* Референциальные особенности артиклей в обобщающих высказываниях в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е. А. Васильева; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1993. – 20 с.
4. *Николаева, Т. М.* От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – 680 с.
5. *Гаврилова, Е. Н.* Универсальные высказывания и другие обобщающие суждения / Е. Н. Гаврилова // Филол. науки. – 1986. – № 3. – С. 56–62.

The purpose of the paper is to look into the category of generalization and reveal primary linguistic means of its realization. It has been found out that generalization as a category can be represented by a functional-semantic field, which comprises morphological, lexical, syntactic and textual levels. At each level there is a distinction between core and peripheral generalizing elements.

О. В. Аношина

Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ДИСКУРСЕ Би-би-си

В статье изложены характерные грамматические и синтаксические особенности языка газеты на материале анализа 35 статей Би-би-си: предпочтительное использование герундия в функции подлежащего, инфинитива в функции дополнения, причастия в функции предикатива; зависимость употребления инфинитива как части составного модального сказуемого от рубрики; самая частотная функция неличной формы – функция определения, самое частотное употребление инфинитива и причастия в функции части сложного дополнения – в статьях тематики «Инвалидность»; инфинитив в функции обстоятельства используется почти исключительно в функции обстоятельства цели; абсолютные конструкции в функции сложного обстоятельства зафиксированы в рубриках «Образование», «Инвалидность», «Развлечения» и новостях; преимущественное использование неперфектной простой неличной формы глагола.

Новости представляют собой особый тип дискурса, которому присущи определенные структурные особенности: фонологические, морфологические, синтаксические, особенности семантических структур, изолированных слов, словосочетаний или предложений [1, с. 111–112].

Грамматический анализ новостного дискурса предполагает не просто описание грамматических структур, которые могут использоваться в данном типе дискурса, а выявление типичных или предпочтительных для него

структур. Существует определенная вариативность грамматических структур в разных контекстах. Официальные и письменные тексты отличает большая правильность, полнота и сложность. Для них характерны длинные предложения, номинализация, например: *demanding* ‘требование’ вместо *he demanded* ‘он потребовал’. В письменных текстах распространены синтаксические структуры, редкие в других формах дискурса, часто встречается инверсия, что обусловлено вынесением самого важного на первое место и получило название «структурирование по принципу релевантности». Данный тип дискурса отличают «понижающие» синтаксические структуры, имплицитные обороты [1, с. 124–125].

Грамматические особенности языка газеты исследованы В. Л. Наером, который отмечал высокую частотность употребления неличных форм [2, с. 184]. М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев установили, что в газетных текстах отражаются различные стили, в том числе и научный, для которого характерны герундиальные обороты и инфинитив в функции определения [3, с. 127]. Л. Н. Выгонская отмечает, что комплексы с герундием встречаются в научных текстах довольно редко, объясняя это самой природой и стилем того, что представляет собой текст научного содержания [4, с. 48].

Синтаксические функции неличных форм глагола включают в себя функции предикатива (части составного именного сказуемого), части простого глагольного сказуемого, части составного глагольного модального сказуемого, части составного глагольного аспектного сказуемого, подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства. Предикативные конструкции с инфинитивом, причастием и герундием не имеют аналогов в русском языке и используются в функции сложного предикатива, сложного подлежащего, сложного дополнения, сложного определения и сложного обстоятельства.

Неличные формы глагола, в отличие от его личных форм, не изменяются по лицам, числам и временам, их характеризуют категории временной соотнесенности и залога (в случае с инфинитивом также категория аспекта) [5, с. 169–171].

Для анализа нами было отобрано по 5 статей различной тематической направленности рубрик: новости, бизнес, наука, развлечения, образование, здоровье, инвалидность – итого 35 статей онлайн-версии Би-би-си, опубликованных в период 6–7 января 2017 года.

В ходе анализа использования неличных форм в различных синтаксических функциях были выявлены следующие закономерности.

1. Функции инфинитива и герундия в тексте почти идентичны. Герундий подчеркивает процесс, инфинитив – сам факт действия [4, с. 49]. При этом в функции подлежащего герундий используется в три раза чаще (29 зафиксированных употреблений герундия и 10 инфинитива в функции подлежащего).

“Sticking your head out there is like sticking your head into an extremely cold freezer,” Mike Stopka told BBC Ouch from his heated city house.

It's rare in life to have your cake and eat it.

2. Что касается функции дополнения, инфинитив задействован в полтора раза чаще по сравнению с герундием (94 случая употребления инфинитива в функции дополнения против 69 случаев употребления герундия).

*Mr Trump helped **create** the show and starred on it until 2015, when his political career took over.*

*In contrast, Mr Putin had blamed Mrs Clinton for **inciting** anti-government protests in 2011 and early 2012...*

3. Почти во всех зафиксированных случаях использования неличной формы в функции предикатива задействовано причастие (18 раз зафиксировано причастие, 4 раза герундий и 1 раз инфинитив).

*"If it doesn't go in the next few months, I'll be **amazed**," project leader Prof Adrian Luckman, from Swansea University, told BBC News.*

*Road staff were getting **frustrated** because we couldn't respond to jobs.*

4. В функции части составного глагольного модального сказуемого герундий не зафиксирован, инфинитив используется 190 раз. Была отмечена зависимость частоты использования составного модального сказуемого от рубрики издания. Наибольшее число употребления зафиксировано в статьях тематики «Образование» (56), «Здоровье» (43) «Инвалидность» (40), наименьшее – в новостной рубрике (4). При этом самый частотный модальный глагол – *can*.

*However, young children should **not eat** whole peanuts, because of the risk of choking.*

*"Critically, [they can] **improve** the sense of **wellbeing** and **reduce** the sense of crisis with those individuals so they can **live** independently for longer."*

5. Самая частотное употребление неличной формы – в функции определения. Причастие (294 зафиксированных употребления) используется в этой функции в 4,2 раза чаще инфинитива (69) и в 5 раз чаще герундия (60), в том числе в составе сложносоставных слов в статьях тематики «Здоровье» (64), «Образование» (57).

*Flying with firearms is legal in the US as long as the guns are kept in a **locked, hard-sided** container as **checked** baggage only, under rules of the Transport Security Administration (TSA).*

6. Самое частотное употребление инфинитива (всего 43 употребления) и причастия (всего 14) в функции части сложного дополнения – в статьях тематики «Инвалидность» (17).

*Oh and if you have a great story, but need some "access" to tell it, we'll work with you to make **it happen**.*

7. В функции части сложного подлежащего инфинитив был зафиксирован в статьях всех рубрик, в полтора-два раза чаще – в статьях рубрик «Образование» и «Инвалидность».

*The medical teams from both sporting organisations are believed **to have advised** Cox against participating in the show but have allowed her to make her own decision.*

*The **researchers** were left **asking** the question: “Are artificial sweeteners fuelling, rather than fighting, the very epidemic they were designed to block?”*

8. Инфинитив в функции обстоятельства употребляется почти исключительно в функции обстоятельства цели. Наибольшая частотность использования всех неличных форм в функции обстоятельства цели – в статьях рубрики «Здоровье».

*He clearly thinks they're being used by his opponents **to question** the legitimacy of his presidency.*

*He added: “The Department of Health also said it is putting in billions more **to try and make** the system work.”*

9. Абсолютные конструкции в функции сложного обстоятельства зафиксированы в рубриках «Образование», «Инвалидность», «Развлечения» и новостях.

*Things are likely to get tougher for many people, with **inflation expected to rise in 2017**.*

*At the same time, it says, it has experienced the busiest period in its history, **with** more than 300,000 **people calling** it for money advice in the first six months of 2016.*

*Renck said that the video, which shows Bowie in a bed **with his eyes bandaged and covered with buttons**, was not about the singer's illness.*

*Cox does not have a major cycling event this year, **with** no Para-cycling Track World Championships officially **confirmed**...*

Инфинитив, причастие и герундий во всех функциях, кроме функции части составного глагольного модального сказуемого, используются преимущественно в неперфектной простой (common) форме. Также прослеживается зависимость частоты использования неличных форм от тематической направленности статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
3. Кузнец, М. Д. Стилистика английского языка : пособие для студентов пед. ин-тов / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев; под. ред. Н. Н. Амосовой. – Л. : Учпедгиз, 1960. – 175 с.
4. Выгонская, Л. Н. Неличные формы глагола в научном тексте: учеб. пособие / Л. Н. Выгонская, М. С. Корнеева, Е. И. Миндели; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 142 с.
5. Крылова, И. П. Грамматика современного английского языка / Е. М. Крылова, И. П. Гордон. – М. : Высш. шк., 2002. – 448 с.

The article considers grammatical and syntactical features of the news discourse described by previous researches and reveals the peculiarities of the non-finite verb forms use in the BBC discourse.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ РАВНОЗНАЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Равнозначность трактуется как семантическая категория, имеющая семантический инвариант и вариативные средства языкового выражения. Ее актуализация изучается с опорой на метаязыковую функцию научных текстов. Приводится перечень наиболее употребительных конструкций равнозначности, описывается общий вид каждой модели и показываются возможности ее лексического заполнения. Прагматическая значимость конструкций равнозначности выявляется с помощью метода оппозиций: различные конструкции равнозначности противопоставляются базовой модели как нейтральному члену. Предпринимается попытка доказать обусловленность устанавливаемых прагматических особенностей функционирования конструкций равнозначности в научных текстах определенными лексическими и грамматическими значениями конститuentов данных конструкций. Делается вывод о соответствии множества описанных моделей определению семантической категории равнозначности.

Коммуникативно-прагматические установки научного дискурса требуют адекватной реализации *метаязыковой* функции, направленной на толкование или перефразирование исходных текстовых фрагментов. Так, определения в широком смысле слова могут вводиться в текст в таких целях, как вычленение и спецификация предмета исследования (так называемое. «рабочее определение»), аргументация посредством ссылки на авторитетные и прецедентные концепции, систематизация полученного нового знания о предмете, восполнение возможных пробелов в базе знаний (тезаурусе) реципиента, ознакомление с теоретическим аппаратом сопряженной учебной дисциплины и др. Языковым реализатором метаязыковой функции выступает семантическая категория *равнозначности*.

По А. В. Бондарко, *семантические категории* представляют собой основные *инвариантные* категориальные признаки (семантические константы), выступающие в тех или иных *вариантах* в языковых значениях и функциях [1, с. 28]. Приведенное определение подразумевает, что семантическая категория характеризуется интегральной, инвариантной семой, воплощенной в вариативных поверхностных структурах.

Равнозначность мы определяем как семантическую категорию, показывающую отношение между нереферентно употребленными терминами-знаками, которые имеют одинаковый план содержания (сигнификат), но разный способ его представления в структуре плана выражения (смысл, внутреннюю форму). Исходной посылкой для разграничения плана содержания и смысла термов-знаков послужила для нас концепция Г. Фреге о нетождественности «смысла» и «денотата» знака [2].

В ходе поискового сканирования текстового материала были отобраны высказывания равнозначности, удовлетворяющие приведенному определению, которые затем были классифицированы по определенным синтаксическим моделям. К наиболее значимым моделям можно отнести следующие.

Модель 1. Составное именное сказуемое $XcopY$, в котором связка может быть представлена не только глаголом *be*, но и полусвязочными глаголами *mean, denote, refer, designate, include, constitute, comprise* и др.

The wave of increased pressure produced in the vessels each time the ventricles contract (X) is the pulse (Y).

Модель 2. Субъектная вторично-предикативная конструкция X is defined / called... (as) Y , в которой глагольное ядро заполнено пассивной формой глаголов ментальной активности и именования в широком смысле – *define, consider, believe, describe, understand, interpret, call, name, term* и др.

The system showing a word in all its word-forms (X) is called its paradigm (Y).

Модель 3. Объектная вторично-предикативная конструкция S defines, calls... X (as) Y с глаголами ментальной активности и именования в активной форме.

Belk... defines materialism (X) as 'the importance a consumer attaches to worldly possessions' (Y).

Модель 4. Аппозитивно-парентетические конструкции, которые могут быть оформлены союзно или бессоюзно – X , (or, i.e., in other words...) Y , ...

It is argued that the final test of the semantic and grammatical inseparability of phrases is their functional unity, i.e. their aptness to function in speech as single syntactic units.

Модель 5. Условные предложения *When(ever) / If S speaks of X , he / she means Y* и аналогичные им.

The valency of a word is said to be "realized" (X^*) when the word in question is actually combined in an utterance with its corresponding valency partner (Y^*)...

Модель 6. Предложения с ослабленной целевой семантикой S uses the term X to denote Y и аналогичные им. Глагольное ядро может заполняться глаголами целевой и селективной семантики – *use, employ, apply, choose, reserve, select* и др.

We shall use the term [blending (X)] here to designate the method of merging parts of words into one new word (Y)...

Перечисленные модели характеризуются системными связями и сводимостью к базовой конструкции $XcopY$ в плане синтагматики, семантики и прагматики. В настоящей статье мы намерены сделать акцент на прагматике конструкций равнозначности.

Прагматическая значимость каждой из конструкций равнозначности, отражающая ее место в системно организованном множестве, выявляется с помощью метода оппозиций в системе языка или метода субституций в конкретном речевом контексте. Наиболее ярко прагматическая значимость конструкций 2–6 проявляется при их сопоставлении с базовой конструкцией 1 в качестве немаркированного члена оппозиции.

Так, например, оппозиция конструкций 1 и 2 характеризуется тем, что модель 2, которая является маркированным членом, показывает некоторую дистанцированность автора от истинности чужого определения посредством обезличенной интертекстуальной отсылки к чужой концепции или их совокупности. Таким образом, лексические и грамматические особенности моде-

ли 2, а именно наличие глагола ментальной семантики и грамматической формы со значением пассивности, обеспечивают реализацию прагматического признака эвиденциальности и категории интертекстуальности.

Оппозиция моделей 1 и 3 характеризуется маркированностью второго члена по категории интертекстуальности, а оппозиция моделей 2 и 3 показывает тенденцию к конкретности интертекстуальной отсылки в модели 3 по сравнению с обезличенной моделью 2. За счет конкретной интертекстуальной отсылки повышается аргументативный потенциал определения, так как оно передает ссылку на авторитетную или прецедентную концепцию. Возможно также контекстуальное появление оценочно-критического прагматического эффекта. Указанные прагматические особенности детерминированы, опять же, формальными особенностями: лексическим составом (ментальный глагол, имя собственное или номинация научного направления) и грамматическими значениями (открытая позиция для подлежащего, обозначающего субъект знания в активной структуре).

В оппозиции моделей 1 и 4 второй член маркирован по признаку синсемантичности (контекстуальной зависимости) за счет паратактического внесения поясняющего термина в основную структурную схему предложения. Прагматическим следствием такой структурной особенности является информативная второстепенность метаязыкового толкования, а компактность его оформления способствует соблюдению баланса между информационной насыщенностью текста и его коммуникативной доступностью.

Оппозиция моделей 1 и 5 характеризуется тем, что второй, маркированный, член показывает *ход получения* нового знания о предмете, в дополнение к самому знанию. Фактически процесс причисления некоторой сущности *X* к категории *Y* осуществляется по условному (импликационному) механизму: если *X* обладает набором существенных признаков, характерных для *Y*, то его правомерно относить к категории *Y*. После рефлексии над указанным познавательным механизмом субъект познания способен дедуктивно сформулировать определение *X* – это *Y*, или *XcorY*.

Наконец, оппозиция моделей 1 и 6 в прагматическом плане основана на том, что использование термов-знаков характеризуется целенаправленностью, преднамеренностью [3, с. 159]. Иными словами, введение нового термина с целью последующего его регулярного употребления в фиксированном значении должно прежде быть конвенционализировано научным сообществом. Без такой сознательной конвенционализации практически невозможна преднамеренная и регулярная ассоциация плана выражения с определенным планом содержания. Указанный прагматический эффект достигается лексически – использованием глагола целевой или селективной семантики, наличием «операторов терминологического семиозиса» (*term, notion, concept...*) при названии толкуемого понятия, и грамматически – наличием правостороннего адвербиального компонента с ослабленной целевой семантикой.

Во всех рассмотренных оппозициях базовая модель *XcorY* является нейтральным, немаркированным членом, поскольку она может быть охарактеризована отрицательным значением признаков эвиденциальности,

интертекстуальности, аргументативности, синсемантичности, компактности, импликациональности, преднамеренности. Прагматическим следствием такого нейтрального статуса модели *XcopY* можно считать ее констативность, объективность и автосемантичность.

Таким образом, мы приходим к выводу о существовании в синтаксической подсистеме совокупности синтаксических моделей, удовлетворяющих инвариантно-вариативной сущности семантической категории равнозначности, которая проявляется одновременно в наличии инвариантной семантики приравнивания термов с разным смыслом и в варьировании поверхностной структуры с достижением значимых для научного текста прагматических эффектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко, А. В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко (отв. ред.), Т. В. Булыгина [и др.]. – Л. : Наука, Ин-т языкознания АН СССР, 1987. – 349 с.
2. *Фреге, Г.* Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. – М., 1997. – № 35.
3. *Мечковская, Н. Б.* Общее языкознание: Сущность и история языка : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская, Б. А. Плотников, А. Е. Супрун. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 1993. – 287 с.

The article deals with the semantic category of equivalence having a certain semantic invariant and varied means of its formal expression depending on pragmatic factors. The notion of equivalence is defined as the semantic category reflecting the relation between non-referential signs which share the plane of expression (significatum) but differ in their senses (the way of reflecting the plane of expression within the structure of expression). Major oppositions of the constructions of equivalence reveal the following pragmatic features actualized by them in English scientific texts: evidentiality, impersonal intertextuality, argumentative potential, informative and contextual dependence, compactness, enhanced communicative interpretability, the logical procedure of deducing a definition, intentional use of terminological signs. The mentioned pragmatic features are proven to be due to the lexico-grammatical constituents of the constructions in question.

А. А. Давидченко
Минск, МГЛУ

ВТОРИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В ТЕКСТАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования вторично-предикативных структур в текстах публицистического стиля, который представлен в исследовании современной британской и американской качественной прессой. В первую очередь делается акцент на причинах широкого употребления в текстах данного стиля конструкций с неличными формами глагола, а именно инфинитивной конструкции, причастной конструкции с причастием I, причастной конструкции с причастием II, герундиальной конструкции и инфинитивной конструкции с предлогом *for*.

Характерной чертой синтаксиса современного английского языка является широкое употребление конструкций с неличными формами глагола, а именно инфинитивных, причастных, герундиальных оборотов, эквивалентных некоторым типам придаточных предложений и называемых вторично-предикативными структурами (ВПС). Данная черта обусловлена фундаментальной тенденцией языка к экономии, что в свою очередь предполагает активное использование различных средств компрессии, одним из которых и являются вторично-предикативные структуры, которые находят свое распространение в текстах различных функциональных стилей, в том числе публицистического.

Отличительной чертой предложений, осложненных ВПС, является сочетание простой формальной структуры со сложной глубинной структурой. Иными словами, пропозициональная структура подобных предложений представляет собой сложный феномен, так как она отражает совокупность двух и более взаимосвязанных ситуаций.

Статистические данные показывают, что для текстов публицистического стиля характерно широкое использование различного рода ВПС – 259 случаев употребления в подборке электронных вариантов газет “The Guardian”, “The New York Times”, “The Daily Telegraph” за 2014–2015 гг., общим объемом 70 статей.

Такое активное использование ВПС в текстах данного стиля прежде всего обусловлено спецификой самого газетно-публицистического стиля, поскольку в широком употреблении ВПС проявляется активная, перерастающая в норму тенденция к экономии структурных средств (за счет структурно компактной конструкции, позволяющей выразить мысль с двумя смысловыми линиями в формально простом предложении) и, как следствие, возможность экономии места в газетной полосе.

Более того, для публицистического стиля исторически характерен переход от развернутых форм к более кратким. К стилистическим факторам, объясняющим тенденцию к отказу газетного стиля от применения максимально развернутых языковых средств в пользу более кратких, можно отнести: популярность жанра кратких газетных объявлений, интенсивное использование в настоящее время газетных заголовков, являющихся своеобразным эталоном краткости языка газеты, а также утверждение безличной и неопределенно-личной манеры подачи газетного материала.

Другой характерной особенностью текстов газетно-публицистического стиля является наличие помимо основной линии коммуникативного развертывания добавочных, которые несут в себе дополнительную информацию, тем самым обогащая содержательный план статьи.

К тому же, закреплённость конкретного проявления общеязыковой характеристики «краткость/развернутость» за некоторым функциональным стилем или жанром, т.е. преимущественный отбор форм более кратких или более развернутых, осуществляется под воздействием совокупности условий функционирования этого стиля или жанра. Так, в газете необходимость

передачи значительного объема информации в условиях ограниченности газетного места, а также пресуппозиция о наличии у читателя некоторого объема фоновых знаний в области газетной тематики ведут к отбору в каждом конкретном высказывании и тексте преимущественно кратких средств номинации, что в целом и создает языковую краткость как характеристику газетного стиля [1, с. 12].

Более того, одной из основных функций текста, относящегося к газетно-публицистическому стилю, является воздействующая. Иными словами, цель газетного стиля – не только проинформировать читателя о каких-либо событиях, но и воздействовать на его восприятие этих самых событий, выработать у читателя соответствующее к ним отношение. Средствами компрессии повышается информационная насыщенность, а следовательно, наиболее полно реализуется воздействующая функция всего текста [2, с. 7].

В проанализированном газетном материале встретились пять основных типов ВПС: инфинитивная конструкция, причастная конструкция с причастием I, причастная конструкция с причастием II, герундиальная конструкция и инфинитивная конструкция с предлогом *for* (с безусловным преобладанием конструкций первого типа, а именно инфинитивных конструкций, 176 случаев употребления из 259).

Например:

*When Jones fell into a depression after his boxing career ended, Mayweather hired him, helping **Jones kick** an alcohol addiction* (“The New York Times”).

Использование причастных конструкций с причастием II иллюстрирует еще одну специфическую черту газетно-публицистического стиля современного английского языка: стремление преподнести информацию без ссылки на субъект.

Например:

*It would be a shame to see **beauty like yours destroyed**.*

Но, как показал анализ отобранного материала, такого рода конструкции не находят широкого применения в английской публицистике. Устранение информации о субъекте действия из плана выражения достигается за счет употребления форм пассивного залога.

Например:

*The misdiagnosis led many **children to be given** powerful antipsychotic drugs, which have serious side effects, including metabolic changes* (“The New York Times”).

Более того, количество вторичных предикатов, представленных переходными глаголами, т.е. глаголами, семантика которых не подразумевает обязательное наличие зоны объекта, значительно меньше, что также может трактоваться как особенность текстов публицистического стиля. Авторы статей, придерживаясь принципа максимальной информативности, на первый план выдвигают не столько описание самого действия, сколько обогащение предметной зоны, что выражается на семантическом уровне широким использованием именно переходных глаголов.

Рассмотрим два примера.

(1) *A lecture at St. Petersburg State University, which requires **professors to seek permission** before presenting work abroad* (“The Daily Telegraph”).

(2) *The neurobiologist accused of killing three colleagues at the University of Alabama, Huntsville, on Friday fatally shot her brother in 1986 in suburban Boston, and the police there are now questioning whether their department mishandled that case when it let **her go** without filing charges* (“The Guardian”).

В первом предложении ситуация предполагает наличие агенса и обязательного объекта действия. Все элементы пропозиции находят свое формальное выражение, тем самым расширяя ее предметную зону.

Во втором предложении, в силу валентностных свойств вторичного предиката, выраженного непереходным глаголом *to go*, обязательным является наличие только зоны агенса. Как мы видим, внимание автора сосредоточено на самом действии и его детальном описании:

She goes without being charged.

Таким образом, для текстов газетно-публицистического стиля характерно стремление к экономии газетного пространства при желании предать максимум информации, чем и обуславливается их насыщенность вторично-предикативными структурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сизов, М. М. Краткость как характеристика газетного стиля современного английского языка и языковые средства ее реализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. М. Сизов; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца. – М., 1981. – 24 с.
2. Анисимова, Т. А. Лингвистические характеристики публицистического текста (на материале аналитических статей современной британской прессы) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1998. – 18 с.

This article describes the main peculiarities of the process of functioning of the constructions with secondary predication in the language of newspaper. Special emphasis is put on the causes of wide usage of the infinitive, participial and gerundial constructions in the texts of this functional style.

Я. С. Детскина

Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются некоторые аспекты определения структурных моделей именных словосочетаний в англоязычных художественных текстах. Отмечается, что типичными в анализируемых текстах являются словосочетания из 2–3 слов, менее распространены словосочетания, состоящие из 4–5 слов.

Вопрос о словосочетании привлекал и продолжает привлекать внимание многих отечественных и зарубежных лингвистов, которые исследуют его теоретические и практические аспекты и высказывают разные мнения относительно роли этой единицы в языке и речи. И это не случайно, так как словосочетания представляют единицы номинации, которые постоянно пополняются в языке в связи со стремительным развитием новых областей науки и техники, в частности, сферы информационных технологий. Новые слова вступают в синтаксические и семантические связи, образуя двухкомпонентные и многокомпонентные словосочетания, предложения, из которых строится текст.

Несмотря на то, что словосочетание является одной из основных единиц синтаксиса и его изучение, наравне с изучением предложения, составляет предмет синтаксиса, до настоящего времени не существует общепринятого определения этой синтаксической единицы и имеются серьезные расхождения в ее трактовке в отечественной лингвистике и за рубежом, что отражается на разработке типологии словосочетаний в различных языках.

Материалом для анализа послужили 200 англоязычных именных словосочетаний из различных художественных произведений таких авторов, как О. Уайльд, Дж. Лондон, Дж. Оруэлл и др., а также их переводы на русский язык.

Несмотря на многообразие структурных моделей именных словосочетаний, можно выявить их определенные структурные типы, отвечающие двум главным функциям словосочетаний – номинативной и коммуникативной.

Проведенный анализ англоязычных именных словосочетаний показал, что наиболее часто с существительным сочетаются прилагательные, причастия настоящего и прошедшего времени. Не реже используются определяющие слова *any, some, several, all* и т.д., а также словосочетания, состоящие из двух существительных, и притяжательные конструкции.

Исследование именных словосочетаний показало, что существительное может осложняться с помощью комбинации, образуя словосочетания, состоящие из 4–5 слов. Однако возможность построения сложных многословных словосочетаний отнюдь не свидетельствует о беспредельности их объема. Усложнение простых словосочетаний ограничено рамками некоммуникативных объединений слов. Следовательно, объем словосочетаний ограничен его грамматической природой, его качественным отличием от предложения.

Результаты проведенного анализа по выявлению структурных моделей проанализированных именных словосочетаний и их переводов на русский язык представлены в таблице.

Структурные модели проанализированных англоязычных именных
словосочетаний и их переводы на русский язык

№ п/п	Англоязычное именное словосочетание	Структура именного словосочетания	Перевод
1	<i>Shy grace</i>	A ¹ +N	Робкое изящество
2	<i>Startled eyes</i>	PII+N	Испуганный взгляд
3	<i>Pretended indifference</i>	PII+N	Притворное равнодушие
4	<i>All the spiders</i>	D+N	Все пауки
5	<i>New ropes</i>	A+N	Новые сети
6	<i>Dark spaces</i>	A+N	Темный угол
7	<i>The late post</i>	A+N	Последняя почта
8	<i>Two letters</i>	Num+N	Два письма
9	<i>The hunting maser</i>	PI+N	Охотничий маузер
10	<i>Hard weather</i>	A+N	Плохая погода
11	<i>Several times</i>	D+N	Несколько раз
12	<i>Great a part</i>	A+N	Большая роль
13	<i>Women's life</i>	G+N	Жизнь женщины
14	<i>Elaborate answers</i>	A+N	Точнейшие ответы
15	<i>Every possible observation</i>	D+A+N	Любое возможное возражение
16	<i>Long western arm</i>	A+A+N	Длинный западный склон
17	<i>The sad crying</i>	A+N	Грустные завывания
18	<i>Endless corridors</i>	A+N	Бесконечные коридоры
19	<i>The old lady's nephew</i>	A+G+N	Племянник старой леди
20	<i>The lowest button</i>	A+N	Нижняя пуговица
21	<i>All poor people</i>	D+A+N	Все бедные люди
22	<i>Gradual process</i>	A+N	Постепенно
23	<i>Quick one</i>	A+Pron	Быстро
24	<i>Shut eyes</i>	PII+N	Закрытые глаза
25	<i>Acute mental vision</i>	A+A+N	Острое внутреннее зрение
26	<i>The pale student</i>	A+N	Бледный студент
27	<i>Unhallowed arts</i>	PII+N	Порочные науки
28	<i>Six yards</i>	Num+N	Шесть ярдов
29	<i>Rare smiles</i>	A+N	Редкая улыбка
30	<i>Eternal reassurance</i>	A+N	Неизменная уверенность
31	<i>Four or five times</i>	Num+or+Num+N	Четыре или пять раз
32	<i>Such circumstances</i>	D+N	Подобные обстоятельства
33	<i>A safe delivery</i>	A+N	Безопасные роды
34	<i>The sorrowful task</i>	A+N	Печальная процедура

¹ В таблице используются следующие обозначения:

N – существительное;

A – прилагательное;

D – определяющее слово;

PII – причастие прошедшего времени;

PI – причастие настоящего времени;

Num – числительное;

G – притяжательный падеж;

Pron – местоимение;

Adv – наречие.

35	<i>Considerable eminence</i>	A+N	Довольно высокий холм
36	<i>The opposite side</i>	A+N	Противоположная сторона
37	<i>Some abruptness</i>	D+N	Некоторая неожиданность
38	<i>Pleasant honeyed words</i>	A+PII+N	Приятные сладкие слова
39	<i>The same people</i>	D+N	Определенные люди
40	<i>The same place</i>	D+N	Одно место
41	<i>Written records</i>	PII+N	Письменные данные
42	<i>Human life</i>	N+N	Жизнь людей
43	<i>Any standard</i>	D+N	Никакие стандарты
44	<i>A double life</i>	A+N	Двойная жизнь
45	<i>All the time</i>	D+N	Все время
46	<i>The second pillow</i>	Num+N	Вторая подушка
47	<i>Same little sister</i>	D+A+N	Эта самая маленькая девочка
48	<i>A grown woman</i>	PII+N	Взрослая женщина
49	<i>Riper years</i>	A+N	Зрелая жизнь
50	<i>The simple and loving heart</i>	A+PI+N	Наивное и любящее сердце
51	<i>Other little children</i>	D+A+N	Другие маленькие дети
52	<i>Many a strange tale</i>	D+A+N	Множество странных историй
53	<i>Simple sorrows</i>	A+N	Наивные печали
54	<i>Simple joys</i>	A+N	Простые радости
55	<i>The happy summer days</i>	A+N+N	Счастливые летние дни
56	<i>The best thing</i>	A+N	Самое замечательное
57	<i>A good estate</i>	A+N	Хорошее состояние
58	<i>A very good family</i>	Adv+A+N	Достойная семья
59	<i>The usual corruption</i>	A+N	Обычай
60	<i>Obliterated pencil</i>	PII+N	Стершийся карандаш
61	<i>A hundred times</i>	Num+N	Постоянно
62	<i>some perfectly familiar object</i>	D+Adv+A+N	Какой-то совершенно знакомый предмет
63	<i>The saddled horses</i>	PII+N	Верховые лошади
64	<i>The scientific attainments</i>	A+N	Научные заслуги
65	<i>Too well known</i>	Adv+Adv+PII	Слишком хорошо известны
66	<i>A hundred feet</i>	Num+N	Сто футов
67	<i>Webbed feet</i>	PII+N	Перепончатые лапы
68	<i>a twisting curve</i>	PI+N	Изогнутые дугой
69	<i>The two little girls</i>	Num+A+N	Две девочки
70	<i>The next morning</i>	A+N	Следующее утро

Наиболее частотной структурой именного словосочетания является прилагательное и существительное, например, *sweet water, a little hand, next effort*. Тем не менее для образования именных словосочетаний также используются такие структуры, как причастие настоящего или прошедшего времени и существительное (*enduring bursts, tired faces*), существительное и существительное (*the lawnmower man*), числительное и существительное (*two hundred voices*), притяжательные конструкции (*Joseph's story*), словосочетания, в которых главным словом выступает прилагательное (*almost opaque*), местоимение (*the mental ones*), причастие (*too well known*).

Анализ массива именных словосочетаний показал, что типичным количеством слов для словосочетания является два: *a plane crash, murderer fellows, the Lakers game*.

При переводе именных словосочетаний удалось выявить, что некоторые словосочетания на английском языке переводятся одним словом на русский язык, например, *a French window* 'терраса', *the little girl* 'девочка'. При этом некоторые словосочетания должны переводиться как конструкции, например, *any satisfactory description* 'описание, которое могло бы удовлетворить'.

The article analyses some aspects in defining structural models of English noun phrases. It is stated that typical noun phrases in literary texts consist, as a rule, of two or three words, but noun phrases with more than three components are less common.

Д. В. Кизенкова
Минск, МГЛУ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНО-ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Главной причиной уникальности рекламного текста является его прагматическая направленность. При этом в нем неразрывно переплетены и тесно взаимосвязаны факторы социального, экономического, образовательного, идеологического, психологического, а также лингвистического характера. В настоящем исследовании установлены три основные прагматические функции экспрессивных средств в рекламно-туристическом дискурсе на английском языке: информативная, экспрессивная и апеллятивная. Контекстуальный анализ показал, что любое экспрессивное средство может одновременно выполнять несколько прагматических функций.

В рекламном тексте тесно взаимосвязаны социальные, экономические, образовательные, идеологические, психологические, а также лингвистические факторы. Главной причиной уникальности рекламно-туристического дискурса большинство ученых считают его прагматическую направленность, которая обуславливает логический и эмоциональный центр сообщения, его общий тон, подбор определенных языковых и неязыковых средств, их упорядочивание. Однонаправленный характер данного типа дискурса проявляется в том, что языковое общение осуществляется на основе коммуникативной потребности стороны, выступающей инициатором речевого взаимодействия.

Исследования в лингвистике, связанные с «человеческим фактором», привели ученых к более пристальному изучению прагматики текста, которая рассматривает вопросы, связанные с признаками адресанта и адресата текста, характером их взаимодействия в акте коммуникации, вербальной реализацией их намерений, прогнозированием воздействия на адресата и его ответной речевой или неречевой активности [1]. Внимание лингвистов привлекает также проблема выбора языковых средств из существующего многообразия для оказания желаемого воздействия на адресата.

Ввиду того, что прагматический аспект текста связан с взаимодействием автора и адресата в процессе коммуникации и целями, которые преследует автор текста, прагматику интересуют условия протекания общения (коммуникативная ситуация) [2, с. 12], а также то, как именно языковые категории отражают восприятие мира человеком и отношения, существующие в действительности [3, с. 43]. Это объясняет внимание исследователей к проблеме экспрессивности, под которой в лингвистике понимают «усиление воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы личности реципиента с помощью различных языковых средств и приемов» [4, с. 13], называемых экспрессивными.

Целью настоящего исследования, материалом для которого послужили 20 рекламно-туристических брошюр на английском языке, явилось установление прагматических функций экспрессивных средств в рекламно-туристическом дискурсе.

В лингвистике выделяются «общезыковые (текстовые) и специфические (дискурсивные) прагматические функции» [5, с. 78]. Для рекламно-туристического дискурса характерны следующие прагматические функции: 1) «информативная функция, передающая сообщение о товаре (услуге); 2) экспрессивная функция, передающая оценочное сообщение, которое приписывает положительную ценность товару; 3) апеллятивная функция, направленная на убеждение и содержащая призывы к действию» [5, с. 78].

Основной функцией рекламно-туристического дискурса можно рассматривать и н ф о р м а т и в н у ю, предусматривающую сообщение адресату конкретной информации о том, где и когда он может воспользоваться той или иной услугой в области туристической деятельности, каковы текущие предложения и новые услуги на рынке. Такая информация представлена прежде всего в заголовках и подзаголовках:

Culture & Leisure ‘Культура и досуг’; *Beaches in Acapulco* ‘Пляжи в Акапулько’; *Shopping* ‘Шоппинг’; *Special Events* ‘Особые события’.

Однако более подробная информация обычно излагается в основном корпусе текста:

There are more than 75 wineries in the region, from small boutique wineries to some of Canada’s biggest producers ‘В регионе насчитывается более 75 винодельческих предприятий, от маленьких винных заводов до крупнейших производителей Канады’;

The sea is a vital source of life for Malta. The pristine, azure depths surrounding the islands’ coastline teem with all kinds of fish and other marine life. The sea is also a playground for visitors and locals alike, with water-sports, especially snorkelling and diving, being popular activities ‘Море является важнейшим источником жизни для Мальты. Нетронутые лазурные глубины, окружающие береговую линию островов, изобилуют всеми видами рыб и другой морской живностью. Море также является местом отдыха и развлечений, предоставляя возможность гостям и местным жителям заниматься популярными видами спорта как, например, снорклинг и дайвинг.

Также данная функция реализуется в заключительной части рекламнотуристических текстов: *Getting here: Sandpoint is only 90 minutes from Spokane, Wash., and easily accessible by air, rail or car* 'Как добраться: Сандпойнт находится всего в 90 минутах от Спокана, штат Вашингтон, до которого легко можно добраться на самолете, поезде или машине'.

Но даже сообщая конкретную информацию, авторы прибегают к экспрессивной ее подаче, что считается очень ценным в сфере массовой коммуникации, так как рассчитано на максимально эффективное речевое воздействие, поскольку, во-первых, позволяет данной информации «застрясть» в сознании реципиента [6], во-вторых, дает возможность применять такие приемы и средства, которые не требуют для своей реализации больших объемов и обеспечивают сжатость высказывания. Например, при перечислении услуг в одной из рекламнотуристических брошюр используется прием анафоры:

We want every single young person to feel safe and included. We offer high levels of care and a group system where everyone belongs in a small group with a leader. We don't tolerate bullying 'Мы хотим, чтобы каждый подросток чувствовал себя в безопасности и вовлеченным в жизнь коллектива. Мы предлагаем высокий уровень обслуживания и групповую систему, в которой все разделены на небольшие группки, возглавляемые лидерами. Мы не потерпим запугивания'.

«Реализация экспрессивной функции в рекламнотуристическом дискурсе обусловлена тем, что создатели рекламных текстов обращаются к чувствам и эмоциям адресата» [5, с. 79]. Эта функция реализуется высказываниями, содержащими оценочную, прежде всего, эмотивную лексику, а также стилистические средства всех уровней языка, которые и представляют собой экспрессивные средства. Среди лексико-стилистических средств в анализируемом материале лидируют эпитеты и метафоры, например:

Valletta's majestic Grand Harbour welcomes cruise liner passengers from all over the world 'Величественная гавань Валлетты Гранд-Харбор приветствует пассажиров круизных лайнеров со всего мира' (эпитет);

Crazy days 'сумасшедшие дни' (эпитет);

Fall frolics 'Осень резвится' (метафора);

Europe's biggest urban forest is right in the heart of Hannover 'Крупнейший городской лес Европы находится прямо в сердце Ганновера' (метафора).

К синтактико-стилистическим средствам, реализующим экспрессивную функцию в рекламнотуристическом дискурсе, принадлежат восклицательные предложения: *Well, this is definitely the holiday for you!* 'Тогда этот отпуск определенно для Вас!'; риторические вопросы: *Old enough to laugh?* 'Слишком стары, чтобы смеяться?'; градация: *Could you imagine that in this small country there are 10 national parks, 36 landscape protection and 142 nature conservation areas waiting for environment-loving eco-tourists?* 'Могли бы вы

представить, что в этой маленькой стране находится **10** национальных парков, **36** ландшафтных парков и **142** природоохранные зоны, которые с нетерпением ожидают экологов?».

Апеллятивная функция «направлена на адресата рекламы и непосредственно связана с функцией воздействия» [5, с. 79]. Прямым способом ее реализации являются императивные структуры и риторические вопросы:

Come escape from the routine, even if just for a while ‘**Избавьтесь** от рутины, хотя бы ненадолго’; *Discover Budapest, also called the Pearl of the Danube and enjoy its architecture, galleries, festivals, spas, food and wine...* ‘**Откройте** для себя Будапешт, жемчужину Дуная, и **насладитесь** его архитектурой, галереями, фестивалями, курортами, кухней и вином’; *Create a magical holiday!* ‘**Создайте** волшебный отпуск!’;

Why don't you become a child too, if only for a moment? ‘Почему бы Вам тоже не стать ребенком хотя бы на мгновение?’;

Now, the really difficult choices: herring or bigos (stewed cabbage), borscht or sour rye soup, stuffed dumplings or potato dumplings, Zygmuntówka or W-Z cake? Wait... why not try them all? ‘Теперь перед нами действительно сложный выбор: сельдь или бигос (тушеная капуста), борщ или жур, вареники или картофельные клецки, пирожное Зигмунтовка или Вузетка? Подождите-ка, почему бы не попробовать их все?’.

Безусловно, косвенно апеллятивная функция реализуется всем комплексом экспрессивных средств, которые задействованы в рекламнотуристическом дискурсе.

Таким образом, прагматические функции в рекламнотуристическом дискурсе довольно редко реализуются в чистом виде. Гораздо чаще встречается их комбинирование (с преобладанием той или другой). Частота употребления экспрессивных средств в реализации той или другой функции также отличается. Так, например, в качестве прямого способа реализации апеллятивной функции превалирует использование императива и риторического вопроса, информативная функция чаще всего предполагает употребление номинативных конструкций, односоставных предложений и инверсий. Единственной функцией, в реализации которой используются различные экспрессивные средства на всех уровнях языка, является экспрессивная, представленная эпитетом, метафорой, гиперболой, восклицанием, градацией и другими экспрессивными средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.
2. Караичева, Т. В. Некоторые прагматические аспекты синтаксической синонимии / Т. В. Караичева // Романское и германское языкознание : респ. межвед. сб. / М-во образ. БССР, Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз; гл. ред. А. Н. Степанова. – Минск : Выш. шк., 1984. – Вып. 14. – С. 12–16.

3. *Николаева, Т. М.* Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
4. *Маслова, В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
5. *Кочетова, Л. А.* Функции рекламного дискурса: таксономия и динамические аспекты реализации / Л. А. Кочетова // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – Волгоград, 2010. – Т. 2. № 2(12).. – С. 77–83.
6. *Давыденкова, О. А.* Когнитивный аспект экспрессивности английских предложений рекламно-инструктивного характера / О. А. Давыденкова // Материалы I Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, Тамбов, 26–30 мая 1998 г.: в 2 ч. / Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина; редкол. : Н. Н. Болдырев [и др.]. – Тамбов, 1998. – Ч. 1. – С. 106–108.

The article is devoted to the study of pragmatic functions of expressive means used in the advertising-tourism discourse in English. As a result of the analysis, three main functions have been singled out: informative, expressive, and appellative functions.

В. Ю. Костюченко

Минск, БГУ

ОСНОВНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ И ОБОРОТОВ В СЕТЕВЫХ АНГЛИЙСКИХ ТОК-ШОУ И ИНТЕРВЬЮ

В статье исследованы разнообразие и количественная представленность модальных значений в интерактивной сетевой коммуникации (на материале английских ток-шоу и интервью). Предложена классификация модальных значений, которые выражаются посредством вводных слов и оборотов, выявлены различия и сходства в составе и употребительности модальных значений вводных слов и оборотов в английских текстах ряда интернет-жанров.

Категория вводности обладает следующими отличительными признаками: вводные слова и обороты а) не являются членами предложения («свобода» вводных компонентов от внутрифразовых синтаксических связей); б) служат для выражения отношения говорящего к тому, что он сообщает; в) как правило, интонационно обособляются. Первый из выделенных признаков определяет синтаксическую позицию вводных компонентов. Вторым признаком характеризует семантическую функцию вводных компонентов, которые используются для оценки события или самой информации о нем от лица говорящего; это второй, дополнительный, эмоционально-смысловой слой предложения. Значения вводных слов и оборотов чрезвычайно многообразны, тем не менее все они так или иначе характеризуют сообщение с позиций говорящего, вносят в предложение дополнительные модальные значения [1].

Можно выделить следующие основные семантические группы вводных слов и оборотов, которые выражают различные оттенки субъективного отношения говорящего к содержанию высказывания: 1) оценка степени достоверности сообщения; 2) эмоциональное отношение к сообщаемому; 3) указание на источник информации; 4) манера и способ изложения сообщаемого; 5) акцентирование, выделение тех или иных моментов излагаемого; 6) характеристика места высказывания (сообщения) в строе текста.

Исследование построено на материале английских ток-шоу и интервью как жанров сетевой коммуникации, отвечающих новым требованиям информационного века, связанных с повышением оперативности, открытости, демо-кратичности, диалогичности и обеспечением обратной связи с аудиторией. Материалом послужили 3 фрагмента ток-шоу и 3 фрагмента интервью на английском языке (объем фрагментов 3 000 слов в каждом исследуемом жанре). Для преобразования звуковой записи в письменный текст был использован портал <https://speechpad.ru/>.

В работе поставлены следующие задачи: 1) определить отношение вводных слов и оборотов к категории модальности; 2) выделить основные семантические группы вводных слов и оборотов в исследуемых жанрах; 3) сопоставить модальные значения вводных слов и оборотов, реализуемые в английских сетевых ток-шоу и интервью.

Всего в интервью как интерактивном жанре сетевой коммуникации было выявлено 65 случаев употребления вводных слов и оборотов. Среди них наиболее частотны вводные слова, указывающие на степень достоверности информации, то есть алетические вводные слова (33 случая) и вводные слова, акцентирующие внимание собеседника (23 случая). Далее следуют вводные слова и обороты, указывающие на место высказывания в строе текста (5 случаев) и вводные слова, выражающие эмоции и чувства (2 случая). Вводные слова и обороты, характеризующие способ выражения мысли и источник сообщения, представлены единичными случаями. Среди алетических вводных слов наиболее частотны слова *really* 'в самом деле' (15 случаев), *actually* 'на самом деле' (7 случаев) и *obviously* 'очевидно' (3 случая). Все эти вводные слова выражают высокую степень уверенности, убежденности в высказанной мысли, информацию, основанную на подлинных фактах, концентрируют внимание собеседника на том, что говорящий считает важным (*Obviously, that calls for a lot of experience and understanding of the way films work* 'Очевидно, это требует большого опыта и понимания того, каким образом снимаются фильмы'). В вопросительных предложениях вводное слово *really* передает сомнение, удивление. Среди вводных слов и оборотов, акцентирующих внимание, наиболее широко представлены вводные обороты *you know* 'вы знаете', *I mean* 'я имею в виду'. Несмотря на то, что эти слова заполнили устную английскую речь, они являются важными маркерами беседы, которые вовлекают в разговор, подчеркивают общность мнения, создают непринужденную, дружескую обстановку. Иногда они используются для того, чтобы конкретизировать, разъяснить, дополнить

ранее сказанное, привлечь внимание собеседника, в некоторых случаях смягчают категоричность высказывания [2] (*You know, there's that inner drive, that inner passion, and that inner performer that won't let you give up* 'Вы знаете, есть внутренний драйв, эта внутренняя страсть, которые не позволяют тебе сдаться').

В английских ток-шоу было выявлено 77 случаев употребления вводных слов и оборотов. Наиболее употребительными являются алетические вводные слова (36 случаев) и вводные слова, акцентирующие внимание собеседника (29 случаев). Далее следуют вводные слова и обороты, указывающие на место высказывания в строе текста (7 случаев), и вводные слова и обороты, указывающие на манеру и способ изложения сообщаемого. Среди алетических вводных слов наиболее высокие показатели частотности характерны для слов *really* (15 случаев), *actually* (7 случаев) и *of course* (3 случая). Все эти слова передают высокую степень достоверности информации (*It wasn't really the role that drew me to it* 'Это, на самом деле, не та роль, которая привлекла меня'). Для выражения неуверенности в английских сетевых ток-шоу используются следующие вводные слова: *maybe* 'может быть', *possibly* 'возможно, может быть', *probably* 'вероятно' (*I had read the book when I was maybe about 16* 'Я читала книгу, когда мне было, может быть, примерно 16'). Такие слова были выявлены лишь в 6 случаях. Как и в случае с интервью, значения подчеркивания, акцентирования сообщаемого представлены в основном словами *you know* 'вы знаете' (16 фактов), *I mean* 'я имею в виду' (10 фактов), а также модальными словами и оборотами *by the way* 'кстати', *as you see* 'как видишь', *listen* 'послушай' (*I love your place by the way* 'Кстати, мне здесь нравится'). При помощи таких слов говорящий пытается воздействовать на собеседника, вызвать его определенную реакцию. Вводные слова и обороты, указывающие на связь мыслей, последовательность их изложения, занимают третье место по насыщенности. В английских ток-шоу это: *initially* 'изначально', *so* 'таким образом', *on the one hand* 'с одной стороны', *on the top of that* 'к тому же' (*So, I think it's a story of life and it's a story of inspiration* 'Таким образом, я думаю, что это история жизни, и история вдохновения'). Интересен тот факт, что все выявленные случаи употребления модальных слов, характеризующих манеру речи, представлены оборотом *to be honest* 'честно говоря', что говорит об открытой доверительной манере коммуникации (*But to be honest it was I wanted to work with Kate Blanchett* 'Но, если честно, я хотела работать с Кейт Бланшетт').

Таким образом, как в английских интервью так и в ток-шоу как жанрах интернет-коммуникации преобладают алетические вводные слова, выражающие отношение говорящего к достоверности высказываемого, его истинности, правдивости. В основном эта группа представлена словами с сильным модальным значением, т.е. выражающими уверенность (*really, actually* 'на самом деле', *definitely* 'определенно, несомненно', *surely, of course* 'конечно', *obviously* 'очевидно, по-видимому'). Было выявлено незначительное количество слов, выражающих неуверенность, сомнение, предположение (*maybe*

‘может быть’, *possibly* ‘возможно, может быть’, *probably* ‘вероятно’). Возможно, это говорит об эмоциональном характере коммуникации, желании быть максимально убедительным. Вводные слова акцентирования занимают второе по представленности место. В обоих исследуемых жанрах наиболее частыми являются слова *you know*, *I mean*, что подчеркивает легкий непринужденный характер общения. В исследуемых жанрах интернет-коммуникации на третьем месте по насыщенности находятся вводные слова и обороты, характеризующие место высказывания в строе текста (*ultimately* ‘в конце концов’, *initially* ‘изначально’, *so* ‘таким образом’, *on the one hand* ‘с одной стороны’, *on the top of that* ‘к тому же’). Эта группа вводных слов подчеркивает желание говорящего быть правильно понятым, логичным и последовательным. Довольно скромно в обоих жанрах представлена группа вводных слов и оборотов, указывающих на источник, откуда взята мысль (*personally*, *to me* ‘по-моему, по-моему мнению’). Только в интервью были обнаружены вводные слова, выражающие эмоции и чувства (*unfortunately* ‘к сожалению’), что, наверное, подчеркивает открытый и искренний характер разговора. Представленность вводных слов и оборотов в исследуемых интернет-жанрах показана в таблице.

Количественное соотношение основных разрядов модальных значений
вводных слов и оборотов в английских сетевых ток-шоу и интервью

Семантические группы метаязыковых вводных слов и оборотов	Интервью	Ток-шоу
Оценка степени достоверности сообщаемого	33	36
Акцентирование, подчеркивание сообщаемого	23	29
Указание на место высказывания в строе текста	5	7
Манера речи, характер и способ изложения	1	3
Указание на источник информации	1	2
Выражение эмоций и чувств говорящего	2	-
Всего	65	77

Таким образом, вводные слова и обороты являются неотъемлемым компонентом категории модальности и широко представлены в обоих исследуемых жанрах, однако их насыщенность несколько выше в ток-шоу. Возможно, это связано с особенностями исследуемых жанров, в частности, со свободным, открытым характером коммуникации, возможностью свободно выражать свои мнения и взгляды. И в интервью, и в ток-шоу были выявлены практически все семантические группы вводных слов и оборотов, выделенные в работе, что говорит об эмоциональности говорящих, желании быть понятым, донести свое мнение до собеседника и подчеркивает прагматический характер категории вводности. По своей количественной представленности в обоих исследуемых интернет-жанрах выделяются следующие группы вводных слов и оборотов: а) характеристика степени достоверности информации; б) акцентирование, выделение информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языках / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53–83.
2. *Cambridge Grammar of English* / R. Carter, M. McCarthy. – Cambridge, United Kingdom : Univ. Printing House, 2015. – 973 p.

The article investigates the diversity and preferences of modal meanings in interactive Internet communication (based on English talk shows and interviews). Classification of the modal meanings, which are expressed through parenthetical words and phrases is presented in the work. So the differences and similarities in the lexical filling and use of modal meanings between Russian and English Internet-texts of various genres are characterized in the article, the developed semantic classification of modal meanings is given.

В. О. Курто

Минск, СШ № 26

КОНСТРУКЦИИ С ВТОРИЧНОЙ ПРЕДИКАЦИЕЙ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МАКРОСОБЫТИЯ «ВКЛЮЧЕНИЕ»

В статье предпринят анализ концептуальных основ синтаксиса конструкций, осложненных инфинитивными, причастными и герундиальными оборотами, в современном английском языке. Установлено, что концепт-схема «включение» отражает пространственно-контурное представление двух микрособытий по принципу «часть – целое» и обладает такими характеристиками, как «ориентированность на одновременность событий» и «ориентированность на взаимосвязь двух микрособытий по принципу “часть – целое”». Также выделяется факультативная характеристика «ориентированность на длительность восприятия», реализуемая конструкциями с причастными и инфинитивными оборотами с глаголами восприятия. Рассмотрены способы конструирования макрособытия на основе концепта-схемы «включение».

В данной статье рассмотрены концептуальные основы синтаксиса конструкций с вторичной предикацией в современном английском языке, представляющих собой полипропозиционные, но монопредикативные образования, поскольку в структуре конструкций содержится только одна грамматически оформленная предикация, другая предикация выражена неличной формой глагола – инфинитивом, причастием, герундием. Указанная особенность не позволяет отнести конструкции с вторичной предикацией ни к простому, ни к сложному предложению, что, в свою очередь, свидетельствует и об отсутствии эквивалентности в процессах концептуального моделирования данных сфер синтаксиса. Его поверхностная структура аналогична структуре распространенного простого предложения, так как она обладает только одним полноценно выраженным предикативным центром. Вместе с тем его глубинная структура аналогична структуре сложного предложения, так как она образована из двух или более предикативных

центров – его базовых предложений. Следовательно, и способы структурирования знаний данными конструкциями отличны от концептуального моделирования синтаксиса простого и сложного предложения.

Конструкции с вторичной предикацией репрезентируют знание о макрособытии, которое объединяет два микрособытия, выраженные первичной и вторичной предикацией. Процесс объединения обусловлен гештальтным характером человеческого восприятия, поскольку только в рамках целостного макрособытия становятся понятными составляющие его микрособытия и связь между ними. В соответствии с целями коммуникации на уровне осмысления отношений между соотносимыми микрособытиями одно из них воспринимается как более значимое и на нем устанавливается фокус внимания говорящего. На основании микрособытия, представленного первичной предикацией, профилируется микрособытие, репрезентируемое вторичной предикацией. Данное микрособытие несет дополнительную, уточняющую информацию, значимую для говорящего. Было установлено, что в большинстве случаев вторичная предикация придает эмоциональную окраску всему макрособытию в целом.

Связь между двумя макрособытиями осуществляется на основе концептов-схем, которые передают в структурированном виде знание о способе связывания микрособытий. Концепт-схема «включение» отражает пространственно-контурное представление двух микрособытий по принципу «часть – целое» и имеет такие характеристики, как «ориентированность на одновременность событий» и «ориентированность на взаимосвязь двух микрособытий по принципу “часть – целое”». Причастие или инфинитив в форме Indefinite указывает на одновременность микрособытий. Данные характеристики выражаются через семантическую структуру предложений в виде имен собственных, личных местоимений и существительных в позиции субъектов первичной предикации, связанных меронимическими отношениями, а также притяжательных местоимений в структуре вторичной предикации.

Например, в предложении *Midge stared after him, her grey eyes smoldering* [1, p. 284] языковыми механизмами вербализации концептуальной характеристики «ориентированность на взаимосвязь двух микрособытий по принципу “часть – целое”» являются имя собственное *Midge* и существительное *eyes*. Притяжательное местоимение *her* в структуре вторичной предикации выступает в качестве показателя кореферентности субъектов первичной и вторичной предикации, что обуславливает реализацию концептуальной характеристики «ориентированность на одновременность микрособытий». Под кореферентностью принято понимать отношения между компонентами высказывания, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, то есть имеют один и тот же референт.

Также выделяется факультативная характеристика «ориентированность на длительность восприятия», реализуемая конструкциями с причастными и инфинитивными оборотами с глаголами восприятия.

Конструкции с инфинитивными оборотами подчеркивают длительность и завершенность действия, например, *Vittoria felt her legs slow* [2, p. 121], а конструкции с причастными оборотами указывают на кратковременность восприятия события наблюдателем и незавершенность действия: *Langdon felt his legs tiring* [2, p. 536].

Возможны несколько способов конструирования макрособытия на основе концепта-схемы «включение». При конструировании макрособытия с установлением профиля на процессах сегментальной части одушевленного объекта релевантными являются жесты, мимика, телодвижения, процессы внутренних органов. *He managed a weak smile, his blue lips trembling* [1, p. 298]. В данном примере профилируется движение губ одушевленного предмета, которое конкретизируется причастием *trembling* (*to tremble – to shake slightly in a way that you cannot control, especially because you are upset or frightened* [3, p. 1883]). Указанные процессы и характеристики в обычных условиях несвойственны человеку. Такая реакция является следствием шока, эмоционального потрясения.

При профилировании систематической части одушевленного объекта значимость приобретают процессы систем жизнедеятельности (кровеносной, выделительной), сопровождающие состояние или действие одушевленного лица. В примере *He could feel the tears rolling down his cheeks* причина слез устанавливается на основе широкого контекста [4, p. 44]. Слезы являются следствием негативных эмоций, испытываемых человеком: отчаяние, обида, разочарование.

Blood surging, Langdon heaved his body the rest of the way beneath the casket [2, p. 415]. В дефиниции глагола *to surge* вычленяются семы 'сила', 'интенсивность' кровотечения (*to surge – to suddenly move very quickly in a particular direction* [3, p. 1776]). В данном случае вторичная предикация не конкретизирует эмоциональное состояние одушевленного предмета, а лишь описывает сопутствующие события, важные для говорящего при описании макрособытия.

При конструировании макрособытия с установлением профиля на функции сегментальной/систематической части одушевленного предмета профилирование функций внутренних органов и нервной системы осуществляется на фоне описания действия одушевленного предмета или его состояния. *He felt the breath crush from his lungs* [2, p. 555]. Вычленив сему из глагола *to crush – to press something so hard that it breaks or is damaged* [3, p. 407], можем утверждать, что в данном случае профилируются усилия одушевленного лица, затрачиваемые на поддержание дыхания. Широкий контекст позволяет установить, что данные физиологические процессы обусловлены шоковым состоянием субъекта. В данном случае характеристика «ориентированность на взаимосвязь двух микрособытий по принципу “часть – целое”» репрезентируется словами *he – the breath, he – his lungs*.

При конструировании макрособытия с профилем на процессах отчуждаемой части одушевленного объекта акцентируются сопутствующие обстоятельства, сопровождающие действия объекта. *He went striding off, his cloak*

swirling behind him [4, p. 207]. В данном примере абсолютная конструкция репрезентирует значимое для говорящего знание об обстоятельствах, сопутствующих действию одушевленного лица в позиции субъекта первичной предикации. Посредством причастия *swirling* (*to swirl – to move around quickly in a twisting circular movement* [3, p. 1787]) и предложного сочетания *behind him* верхняя одежда человека характеризуется как попавшая в круговорот воздуха, что вызвано его быстрой ходьбой.

Элементы обмундирования, оружие имеют отчуждаемый характер. Конструирование макрособытия с установлением профиля на сегментальной части неодушевленного объекта характеризуется выделением процессов, происходящих с составной частью артефакта. *The armored car lurched away, its front bumper dragging* [5, p. 277]. Абсолютной конструкцией репрезентируется профилируемое знание о повреждении различных частей транспортного средства. При описании повреждений значимой для говорящего является конкретная локализация повреждения и его характер. Первая характеристика репрезентируется сочетанием *front bumper*, вторая – причастием *dragging* (*to drag – if something is dragging along the ground, part of it is touching the ground as you move* [3, p. 510]).

Результаты данного исследования могут использоваться на занятиях по практической и функциональной грамматике, на семинарских занятиях по теоретической грамматике, в том числе и для самостоятельной работы студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brown, D. Digital Fortress* / D. Brown. – London, 2004. – 342 p.
2. *Brown, D. Angels & Demons* / D. Brown. – USA, 2000. – 616 p.
3. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, 2005. – 1968 p.
4. *Martin, George R. R. A Game of Thrones* / G. R. R. Martin. – US : Bantam Spectra, 1996. – 694 p.
5. *Brown, D. The Da Vinci Code* / D. Brown. – UK : Transworld & Bantam Books, 2003. – 383 p.

The article touches upon constructions with secondary predication and the concept-scheme “inclusion” as a means of macroevent structuring. Various ways of macroevent structuring are considered in this article.

В. В. Кучинская
Минск, МГЛУ

ТИПЫ ДЕИНТЕНСИФИКАТОРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ

Результаты исследования свидетельствуют о том, что прагматический эффект употребления деинтенсификаторов достигается за счет размывания конкретного содержания сочетающихся с ними единиц, что ведет к снижению определенности и, следовательно, категоричности. Деинтенсификаторы, функционирующие в англоязычном дискурсе парла-

ментских дебатов, классифицированы в соответствии с подходом Р. Квирка на следующие подгруппы: аппроксиматоры, диминизаторы, компромизаторы и минимизаторы. Функция наиболее частотной подгруппы – аппроксиматоров (*almost, nearly, virtually* и др.) – выражение минимальной степени снижения категоричности оценки. Диминизаторы (*a little, pretty, partly, somewhat* и др.) являются второй по частотности группой деинтенсификаторов. Компромизаторы (*enough, quite, rather* и др.) употребляются как умеренные деинтенсификаторы и служат для ослабления положительной оценки. Наименее частотна подгруппа минимизаторов (*a bit, barely, hardly, scarcely*), которые находятся ближе всего к нулевому показателю шкалы интенсивности.

Оценка занимает важное место в практике речевого общения людей как средство выражения степени соответствия свойств предмета (явления) какому-либо эталону (стандарту), системе ценностей, принятой в данном обществе. С понятием оценки тесно связаны категории эмоциональности и экспрессивности. Эмоциональность как показатель возбужденного состояния чувств заключается в выражении высказыванием впечатлений говорящего, его личного чувственно-оценочного отношения к действительности. Экспрессивность выявляется в целенаправленном воздействии на слушателя посредством повышения выразительности высказывания, отражающейся в коммуникативной активности слушающего. Характерной особенностью выражения оценки выступает возможность ее интенсификации (усиления).

Исследователь И. И. Туранский рассматривает категорию интенсивности как «понятие, означающее количество, степень, меру экспрессивности, которое позволяет включить в эту категорию и более высокую и более низкую степень признака по сравнению с принятой нормой» [1, с. 3]. Нормой является ординарный показатель (исходный, нейтральный уровень интенсивности высказывания). Выше этого показателя находится плоскость суперординарного (повышение интенсивности высказывания), ниже – плоскость субординарного (снижение интенсивности высказывания), находящаяся ниже исходного уровня. Соответственно, процесс, отражающий движение от «ординара» вниз по шкале интенсивности, И. И. Туранский определяет как *деинтенсификацию* [1, с. 31]. Средствами, обеспечивающими данный процесс, являются *деинтенсификаторы*, или ослабители. Р. Квирк их классифицирует на следующие подгруппы: *аппроксиматоры* (незначительно снижают интенсивность признака: *almost, nearly*), *компромизаторы* (следующие на шкале ближе к нулевому уровню в зоне «меньше и слабее нормы»: *kind of, sort of*), *диминизаторы* (обозначают небольшое движение вниз: *a little, slightly*), *минимизаторы* (находятся ближе всего к нулевому показателю шкалы интенсивности: *hardly, barely*) [2].

Прагматический эффект употребления деинтенсификаторов достигается за счет размывания конкретного содержания сочетающихся с ними единиц, что ведет к снижению определенности и, следовательно – категоричности высказывания.

Политический дискурс в целом и дискурс парламентских дебатов как один из его жанров – это вид официального общения, который использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладает

собственным подязыком. Высказывания в дискурсе парламентских дебатов нацелены преимущественно на то, чтобы оказать влияние на адресата. Поэтому любое выступление включает в себя речевые методы воздействия. Характерная особенность дискурса парламентских дебатов заключается в употреблении средств деинтенсификации. Для этого существуют определенные предпосылки. Это уход от прямой оценки событий и смягчение неприятных фактов, боязнь обидеть собеседника. В то же время особенности официального общения требуют соблюдения норм речевого этикета, что, в свою очередь, также определяет выбор речевых средств.

А п п р о к с и м а т о р ы являются наиболее частотной подгруппой деинтенсификаторов (51,7 %), которые встречаются в текстах политических дебатов. Их главная функция – выражение минимальной степени снижения интенсивности. Они могут передавать приблизительность значения глагола, прилагательного или другого наречия. Эта подгруппа включает в себя следующие деинтенсификаторы: *almost* (70 %), *nearly* (16,7 %), *basically* (10 %), *practically* (3,3 %), *virtually* (0 %), *technically* (0 %). В исследованных текстах наиболее частотны такие деинтенсификаторы, как *almost*, существующий в языке в значении ‘почти’, *nearly*, который используется в значении ‘almost or near to a particular amount of time, money, people or things’ [3], и *virtually* в значении ‘used for emphasizing that a statement is almost completely true’ [4]. Например: *But you know that if you did win, you would approve that, and that will be almost as bad as NAFTA.*

Главной функцией д и м и н и з а т о р о в, составляющих вторую по частотности подгруппу деинтенсификаторов (27,6 %), является интенсификация утверждения. Наиболее частотны такие деинтенсификаторы, как *a little* (43,7 %), *pretty* (37,5 %). Употребительность единиц *in part* и *partly* составляет, соответственно, 12,5 и 6,3 %. *And, Jim, I – I’ve been not feeling too great about a lot of things lately. So have a lot of Americans who are facing challenges. But I’m feeling a little better tonight, and I’ll tell you why.*

Менее употребляемую подгруппу образуют к о м п р о м и з а т о р ы (17,3 %), которые выступают как умеренные деинтенсификаторы. Они выполняют ослабляющую функцию глагола, прилагательного, существительного. К этой подгруппе относятся следующие деинтенсификаторы: *comparatively*, *enough*, *more or less*, *quite*, *rather*, *relatively*, *sort of*. Они находятся на шкале ближе к нулевому уровню в зоне «меньше и слабее нормы». Наиболее распространенными компромизаторами являются *enough* (45 %), *quite* (45 %), реже встречаются такие ослабители тона, как *sort of* (3 %), *rather* (3 %), *relatively* (2 %), единичными случаями употребления характеризуются *more or less* (1 %), *comparatively* (1 %). Например: *As a matter of fact, Massachusetts did something quite extraordinary, elected a Republican senator to stop “Obamacare”.*

Будучи наименее частотной подгруппой, м и н и м и з а т о р ы (3,4 %) имеют эффект несомненного отрицания значения правды. В проанализированных политических дебатах чаще всего встретились следующие минимизаторы: *a bit* и *barely*. *Hardly* и *scarcely* используются реже. Минимизаторы

находятся ближе всего к нулевому показателю шкалы интенсивности. Например: *The Constitution would allow **a bit** more authority given to the vice president if that vice president so chose to exert it in working with the Senate and making sure that we are supportive of the president's policies and making sure too that our president understands what our strengths are.*

Данное исследование позволило сделать вывод о том, что оценка служит средством определения степени соответствия свойств предмета какому-либо стандарту, системе ценностей, принятой в данном обществе. Характерной особенностью выражения оценки в дискурсе парламентских дебатов является деинтенсификация. Это обусловлено стремлением политиков уйти от прямой оценки событий или нежелание обидеть собеседника. Снижение интенсивности высказывания может происходить на нескольких языковых уровнях: морфологическом, синтаксическом и лексическом. Лексическая группа средств наиболее частотна. Ее составляют наречия-понижители, среди которых были выявлены следующие подгруппы: аппроксиматоры, диминизаторы, компромизаторы и минимизаторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М., 1990. – 172 с.
2. *Quirk, R. A.* University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman Publishing Group, 1976. – 247 p.
3. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ldoceonline.com>. – Дата доступа : 29.12.2016.
4. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.macmillandictionary.com>. – Дата доступа : 05.01.2017.

The article deals with the types of downtoners and their usage in the discourse of parliamentary debate. The results show that approximators (51,7 %) are the most common type of downtoners. The second frequently used type is diminishers (27,6 %). Compromisers (17,3 %) and minimizers (3,4 %) are not so frequent in the discourse of parliamentary debates.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

О. В. Изотова, Я. А. Тарасюк

Минск, МГЛУ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ В БЕЛОРУССКИХ И НИДЕРЛАНДСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

В статье анализируются некоторые культуроспецифичные аспекты вербализации идей народной педагогики на примере белорусских и нидерландских пословиц.

Исследование народной педагогики белорусов и голландцев, традиций культуры воспитания как одного из важных структурных компонентов культуры этноса представляет существенный научно-теоретический и практический интерес, поскольку рассматривает важнейший период не только становления личности, но и культуры общества в целом.

Анализ соответствующих параметров в пословицах белорусской и нидерландской коммуникативных культур выявляет ряд универсальных и культурно обусловленных особенностей вербализации идей народной педагогики [1; 2; 3; 4].

Так, в соответствии с народными представлениями, ребенок появляется на свет с наследственным набором недостатков (а также, возможно, и достоинств):

Якое семя, такое і племя.

Які род, такі і плод.

Яблыка ад яблыні далёка не адкачваецца.

Нікада на елі яблака ні ўраджаіцца, а на яблані шышка ўстрэчаіцца.

Па гнязду відаць, якая птушка.

Добрага бацькі – добрыя дзеці, ліхога – ліхія.

Што робіць воўк, то і ваўчаны.

Добрае карэнне – добрае й насенне.

Een appelboom kan geen peren voortbrengen. – букв. На яблоне груши не вырастают.

Blauwe duiven, blauwe jongen. – Каковы голуби, таковы и голубята.

De appel smaakt bomig. – У яблока вкус от яблони.

De appel valt niet ver van de stam. – Яблоко от яблоньки недалеко падает.

Steelt de vos, dan steelt het vosje ook. – Если крадет лиса, то и лисенок тоже.

В соответствии с пословицами, девушка часто наследует черты своей матери, а юноша – отца:

Пазірай на матку, а жаніся на яе дзіцятку.

Якое дрэва, такі і клін, які бацька, такі і сын.

Wie een huis koopt, ziet de balken; wie een vrouw trouwt, ziet de moeder. – букв. Тот, кто покупает дом, смотрит на балки; а тот, кто женится,

смотрыць на матку невесты. (Толкование: *Vrouwen gaan vaak op hun moeders lijken; kijk daarom naar de moeder.* – Женщины часто похожи на своих матерей; поэтому присмотритесь к матери невесты).

Zo moeder, zo dochter. – Какова мать, такова и дочь.

Zo vader, zo zoon. – Каков отец, таков и сын.

Причем, как отмечают нидерландские пословицы, наследственные недостатки часто труднопреодолимы:

De natuur is sterker dan de leer. – Врожденные качества сильнее приобретенных.

В белорусских и нидерландских пословицах содержится представление, согласно которому воспитание должно начинаться с самого раннего возраста:

Гні дрэва, пакуль маладое.

Гні галінку, пакуль маладзенька.

Тагды дзяцей вучаць, як каля лаўкі ходзяць.

Не слухаў малы – не паслухае і вялікі.

Jonge boompjes moet men buigen. ≈ Гни дерево, пока оно гнется.

Buig het rijstje als het jong is. ≈ Гни веточку, пока она гнется (букв. пока молодая).

Jonge rijzen kan men buigen maar oude bomen niet. ≈ Молодые веточки можно гнуть, но старые – уже нет.

Как белорусские, так и нидерландские пословицы отмечают, что, вступив на какой-либо путь, человек, как правило, не уклоняется с него и в старости:

Хто да чаго прывыкне замоладу, то і на старасць не пакіне.

Jong geleerd, oud gedaan. = *Jong gewend, oud gedaan.* ≈ К чему в юности привык, то и в старости сделал.

Описываются, тем не менее, случаи изменения образа жизни (вероятно, достаточно редкие):

Замолада дурань, пад старасць мудр.

Jong een hoer, oud onder de preekstoel. – В юности – разгульная жизнь, в старости – церковная кафедра.

Белорусские и нидерландские пословицы вербализуют идею, в соответствии с которой одни дети от рождения более послушны и легче поддаются воспитанию, чем другие:

Добра ўчыць паслушнага.

Добрае дзіця паслухае ківя, а ліхое не паслухае і кія.

Die/Wie niet horen wil, moet voelen. – Непослушного нужно учить розгами (с помощью телесного наказания).

Moedige paarden, straf gebit. – Норовистой лошади особая узда (в зависимости от характера ребенка необходимо использовать более или менее жесткие методы воспитания).

Stugge paarden, scherpe sporen. – Норовистой лошади острые шпоры.

Как белорусские, так и нидерландские пословицы отмечают значимость наказания (которое понималось в том числе как наставление, исправление поведения):

Няшчасны тыя дзіцяці, якіх не жураць ні бацькі, ні маткі.

Wie zijn kind straft, die heeft eere aan hem; Wie het niet straft, die zal schande beleven. – Тот, кто наказывает своего ребенка, будет впоследствии гордиться им, и стыд переживет тот, кто не наказывает своих детей.

Пословицы подчеркивают, однако, относительную кратковременность наказания:

Свой бацька насварыцца і пашкадуе.

Свая маці наб'е і пашкадуе.

Moeders toorn (tegen haar kind) gelijkt een sneeuwklonk in April. – Гнев матери (по отношению к своему ребенку) похож на апрельский снег.

Интересно также отметить, что в соответствии с белорусскими и нидерландскими пословицами, агентом наказания чаще всего является мать ребенка. Так, в материалах нашей выборки были выявлены пять белорусских пословиц с образом матери в качестве агента наказания и только одна пословица с образом отца в данном качестве.

Матка калі б'е, то вучыць.

Свая маці наб'е і пашкадуе.

Родная маці б'ючы ранаў не наробиць, а мачаха і гладзячы параніць.

Матка дзіцятка хоць б'е, то не заб'е.

Матка крэпка замахне, а памаленечку вытне.

Свой бацька насварыцца і пашкадуе.

Нидерландские пословицы с образом отца в качестве агента наказания в нашей выборке отсутствовали.

Как белорусские, так и нидерландские пословицы отражают скорее воздействие личности отца и образа его жизни на детей:

Добрага бацькі – добрыя дзеці, ліхога – ліхія.

Der kinderen sieraad zijn hunne vaderen. – Отцы – украшение своих детей (пословица имеет библейские происхождение).

De vaders hebben onrijpe druiven gegeten, de tanden der kinderen zijn stomp geworden. – Незрелый виноград съел отец, а зубы свело у детей (дети вынуждены расплачиваться за проступки своих родителей).

В целом, в соответствии с народными представлениями, воспитание детей представляет собой чрезвычайно сложную задачу:

Дзяцей гадаваць – век гараваць.

Дзетак узгадаваць – не курак пасклікаць.

Бяда без дзяцей, але ж бяда і з дзецьмі.

Men kan beter op een zak met vlooiën passen dan op een jonge meid. – Проще уследить за мешком с блохами, чем за девушкой брачного возраста.

Причем с взрослением ребенка проблем, как правило, меньше не становится:

Малыя дзеткі – малыя бедкі.

Малыя дзеці – галава баліць, а як вырастуць – сэрца.

Малыя дзеці спаць не даюць, а большыя жыць не даюць.

Kleine kinderen, kleine zorgen. // Grote kinderen, grote zorgen. – Малыше детки – малыше бедки, большие детки – большие бедки.

Schreiende kinderen, zingende moeders; zingende kinderen, schreiende moeders. – *Когда дети плачут, матери поют; когда дети поют, матери плачут.* (Толкование: Als kinderen nog klein zijn en verdriet hebben, worden ze door hun moeder getroost. Zijn de kinderen echter groot en vermaken ze zich zelf, dan doen ze hun moeder vaak verdriet. – Когда маленькие дети плачут, мамы отвлекают их пением, однако когда дети становятся взрослыми и развлекают себя сами, они часто огорчают своих матерей).

Als de kinderen klein zijn, trappen ze moeder op de schoot, maar als ze groot zijn, trappen ze wel op het hart. = Een kind trapt zijn moeder jong op de schoot, maar oud soms op het hart. – Взрослые дети часто огорчают своих родителей.

Проведенное исследование позволило описать чрезвычайно важный для человека фрагмент паремиологической картины мира, связанный с воспитанием детей, и показало значительное сходство паремиологических представлений о воспитании у белорусов и голландцев. Такое сходство, вероятно, обусловлено общими закономерностями развития человеческого общества, дающими единый опыт, единое знание «правил жизни». В сопоставляемых фрагментах паремиологических картин мира выявляются также некоторые различия, связанные с проявлением специфически национального взгляда на вещи, что объясняется социально-историческими причинами.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
2. *Лепешаў, І. Я.* Тлумачальны зборнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.
3. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.
4. Oude en moderne spreekwoorden en gezegden over kinderen [Electronic resource]. – Mode of access : <https://sites.google.com/site/spreekwoordenkind/spreekwijzen-met-woord-kind>. – Date of access : 04.01.2017.

The article analyses the traditional views on upbringing and the way they are verbalized in Belarusian and Dutch proverbs.

А. С. Баханович
Минск, МГЛУ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ МЕТАФОР В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Публикация посвящена исследованию и сравнительному анализу семантических типов метафор, выявленных в выступлениях англоязычных политических лидеров. Роль метафоры в политическом дискурсе неоспорима, поскольку эмоционально и стилистически

окрашенная речь не только влияет на избирателей, но и создает портрет политика. В статье представлены рабочая таксономия и отдельные примеры метафор, принадлежащих к тому или иному семантическому типу. Сопоставительный анализ и количественный подсчет данных позволили выявить 13 общих рубрик в классификации когнитивных метафор, использованных в современном англоязычном политическом тексте. Новизна исследования в большей степени состоит в комплексном подходе к изучению материала на уровне дискурса.

В наше время происходит интенсивное развитие политических технологий, придается огромное значение СМИ и, разумеется, взгляды общественности устремлены в сторону публичных выступлений политиков. Что как не речь поможет составить мнение о политическом деятеле, в особенности речь эмоционально окрашенная. Обратимся к наиболее яркому лексическому стилистическому средству – метафоре и рассмотрим подходы к определению такого феномена, как дискурс.

В современных исследованиях политического дискурса не существует единого определения этого понятия. Например, с позиций Т. А. ван Дейка дискурс – это «коммуникативное событие». Хорошо известно метафорическое определение дискурса Н. Д. Арутюновой – «речь, погруженная в жизнь» [1]. По мнению В. Е. Чернявской, дискурс – это «1) совокупность тематически соотнесенных тестов; и 2) упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность». С точки зрения В. И. Карасика, это «текст, погруженный в ситуацию реального общения» [2, с. 271].

Если резюмировать данные определения понятия *дискурс*, то можно прийти к выводу, что он формируется непосредственно целью высказывания, поэтому его обязательным компонентом должны быть элементы, которые оказывают влияние на аудиторию, зрителя, электорат. Плох тот политик, который не может завладеть вниманием слушателей. Составит ли он достойную конкуренцию своим противникам в борьбе за кресло или так и останется тем, кого не смогли разглядеть из-за трибуны? Политическая метафора в данном случае играет не последнюю роль, так как является важнейшим приемом языковой манипуляции. В политике важно не только, что ты говоришь, но и как ты говоришь. При этом метафора исполняет свою номинативную функцию и также влияет на эстетическое восприятие.

Материалом исследования стали 10 политических статей общим объемом 130 страниц. Пять из них принадлежат американским политическим лидерам – Х. Клинтон, Б. Обаме и Д. Трампу (общий объем 26 753 словарных единиц). Другие пять текстов – это речи британских политиков – Д. Кэмерона, Дж. Осборна и Г. Брауна (общий объем 25 365 слов).

В корпусе текстов британских лидеров выявлено 100 метафорических единиц на основании анализа их семантики. Это на 9 % больше, чем в американских статьях, в которых данный показатель равен 91 %. В проанализированных англоязычных текстах разной национальной принадлежности наблюдается частичный семантический параллелизм, т.е. в них в общей

сложности выявлено 18 семантических рубрик. Из них 13 являются общими (в которых обнаружено 95,3 % метафор) и 5 национально ориентированными (4,7 % метафор).

Наиболее широко представлена метафора движения – 31 % в британском политическом тексте и 35,2 % в американском, что легко объяснимо, учитывая тот факт, что большинство речей носят предвыборный характер и политики делают упор на изменения, которые гарантированно последуют за избранием президента. Движение – это суть развивающегося мира. На основании анализа словарных дефиниций движение рассматривается в широком смысле, не только как механический процесс, но и как абстрактное понятие. Структура данной семантической группы представлена системой фреймов, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. В начале выступления внимание слушателя акцентируется на процессе и направлении движения (движение к лучшему/худшему, движение во времени), а также концептах, связанных с ним («путь», «дорога», «путешествие»). Затем внимание переключается на преграды и препятствия (регресс, разрушение, упадок, приближение опасности). Венчает всё конечная цель (окончание пути, процесса), т.е. пункт назначения. Все шестеро политиков делают акцент на упадок страны в данный момент. Неотъемлемыми атрибутами дороги являются препятствия, требующие концентрации воли и духовных сил, перепутья, актуализирующие свободу выбора, и тупики, показывающие безвыходность ситуации.

Д. Трамп: *The rich will pay their fair share, but no one will pay so much that it destroys jobs, or undermines our ability to compete.*

Д. Кэмерон: ... *to pay their taxes that is corrosive to public trust.*

Конечно же, речь идет об изменении к лучшему, которое наступит после получения одним из них кресла в овальном кабинете (для американских кандидатов).

Х. Клинтон, Д. Трамп: *This is the journey we continue today.*

Д. Трамп: *I am going to shake the rust of American foreign policy.*

Не случайно в американском и британском политическом дискурсе всего было использовано 63 метафоры движения. В данном случае такие благоприятные прогнозы – это удачная инвестиция в человеческий разум. Для американской лингвокультуры характерно осмысление политической сферы как путешествия, сопряженного с определенными трудностями. А британцам свойственно движение в сотрудничестве, преодоление трудностей и путь к высокой цели.

Для политика совершенно неприемлемо использование различных профессиональных терминов. Поэтому в исследуемых политических выступлениях ораторы ограничиваются простыми словами и заменами для более эффективного донесения информации до широких масс.

М о р б и а л ь н а я м е т а ф о р а является хорошим способом красиво преподнести вполне обыденные и насущные вещи, делая их приемлемыми для понимания. Британский политический текст: 6 % (Д. Кэмерон – 5 %, Дж. Осборн – 1 %); американский – 4,4 % (Х. Клинтон – 2 %, Б. Обама – 2 %).

Х. Клинтон: *1. He's betting that the perils of today's world will **blind us** to its unlimited promise.*

Б. Обама: *Internal repression and foreign aggression are both **symptoms** of the failure to provide this foundation.*

Морбиальная метафора представляет финансовый кризис как болезнь. Экономика страны – это организм, который может подвергнуться такому заболеванию, как кризис, ослабнуть или страдать от болезни и поэтому нуждается в лечении. Правительство в данном случае может быть представлено как врач, способный излечить экономику.

Дж. Осборн: ***To defibrillate public places.***

Д. Кэмерон: *And providing high quality **treatment**, as we eliminate once and for all the **damaging stigma that surrounds addiction and mental health.***

Таким образом, при анализе фактического материала обоснованно можно утверждать, что морбиальная метафора укоренилась в сознании человека благодаря тому факту, что болезни сопровождают любого человека с рождения и являются неотъемлемой частью его жизни.

Спортивно - игровая метафора – еще один способ привлечь внимание избирателей к политической персоне. В исследованном корпусе американских политических текстов она составляет 4.4 % (Д. Трамп – 3 %, Б. Обама – 1 %, Х. Клинтон – 0 %); в британском – 5 % (Д. Кэмерон – 4 %, Дж. Осборн – 1 %). Бизнес, политика, спорт – всё это игра, риск, удача. В политике, конечно же, не обойтись без допинга в виде удачного привлечения внимания к своей персоне, например, посредством использования яркой спортивно-игровой метафоры.

Д. Трамп: *We **have all the cards** but we don't know how to use them, and our leaders don't understand the game. **Obama wasn't a cheerleader.***

Г. Браун: *I was brought up seeing my parents having **to juggle** their budget like the rest of us.*

Д. Кэмерон: *1. We know that education is **the springboard to opportunity.***

При помощи обращения к сфере «спорт» политические лидеры предстают в образе «спортсмена-победителя», который может и будет побеждать всегда и во всем, диктовать свои правила игры другим странам, особенно в сфере экономики.

Сопоставительный анализ подтверждает, что американские и британские политики имеют больше сходств, чем различий в использовании метафорической образности. Подтверждением тому служит количественный результат семантического анализа: семантика является тождественной в 72,2 % случаев. Несовпадения обусловлены культурными и этническими различиями. Конечно же, личность самих политиков и цель выступления также накладывают отпечаток на речь и ее метафорическую окрашенность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.

2. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

Since metaphor can influence mind and clear perception, this study examines the metaphor use of British and American political leaders. To this purpose, 10 speeches were analyzed on metaphor themes in political context. It was found that overall, British politicians use more metaphors in their speeches than American leaders, that is why they can be called more experienced speechmakers, who have a ready tongue. Most political leaders used oversimplifying metaphor themes in their speeches in order to be clear to the people, and to strike the right note. Their representation of financial and political matters in an easy way also aimed at giving people a more positive reference point and insight capable of leading the country out of the crisis.

Н. И. Куприянова

Минск, МГЛУ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ НА НИДЕРЛАНДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируются особенности вербализации эмоциональных состояний в песенном дискурсе (на материале текстов популярных песен российской и фламандской групп), средства, используемые для придания речи эмоциональных оттенков.

В настоящее время изучение средств выражения эмоций представляет собой одно из ключевых направлений в российском и зарубежном языкознании.

Изучение современного состояния какого-либо языкового явления, в нашем случае – средств вербализации эмоций, необходимо производить на современном актуальном материале, так как язык является динамичной структурой, которая изменяется в ходе истории вместе с человеком. Поэтому рассмотрение категории эмотивности, а точнее средств ее создания, мы проводим на текстах современных музыкальных произведений.

Материалом для исследования послужили тексты песен российской группы «БИ-2» и фламандской группы «Bazart».

Любой текст мы понимаем не только тогда, когда при его прочтении не возникает никаких вопросов по его содержанию, но и когда он вызывает у читающего определенные эмоции. Главной особенностью песенного дискурса является малый объем текста. Малый объем песни приводит к тому, что языковые средства выражения эмоций располагаются более плотно.

В текстах песен группы «БИ-2» эмоции чаще всего проявляются на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях. Обычно они названы, выражены или описаны в тексте. Если углубиться в содержание песни, можно обнаружить в ней скрытый смысл, передаваемый через различные стилистические приемы, редкие значения слов, посредством чего осуществляется воздействие на слушателя.

Во многих случаях эмоция «растворена» в предложении, замаскирована, зашифрована в особых языковых единицах, которые часто ослабляют или, наоборот, значительно усиливают тот или иной эмотивный смысл. Наиболее распространенным средством морфологического выражения эмоций в песнях группы «БИ-2» является аффиксация:

*Теперь моя **песенка** спета, и ждать на **крылечке** уже бесполезно тебя...* (уменьшительный суффикс)

К чисто лексическим средствам выражения эмоций в текстах песен группы «БИ-2» относятся дескриптивные слова, т.е. лексемы, называющие эмоции. Особенность таких слов заключается в том, что сами по себе они не эмотивны, они лишь указывают на эмоцию (денотат), которую мы воспринимаем благодаря нашему опыту. Особое место в системе средств выражения эмоций в текстах песен группы «БИ-2» занимают дескриптивные слова печаль, грусть, страх, тревога и их производные:

*Мой **страх** прозрачен как воздух, мой рок как вор...*

*Разлилась по сердцу **печаль**...*

*Никогда я не был так близко, к облакам, к бесконечной **печали**...*

*Никому я уже не доверю, почему я так горько **грущу**...*

*Но на душе отчего-то **тревожно**...*

*И **страшно** подумать и вряд ли я жизнь доживу...*

*Сидел один, обняв колени, **печальные** слагал стихи...*

*Строчкой дождя напишет мне **грустно**.*

Самыми легко определяемыми средствами передачи эмотивного состояния в песнях группы «БИ-2» являются эмотивы. Ими могут быть существительные, наречия, глаголы, прилагательные:

*...Как разбился мой флот // Все его корабли // О суровый гранит материнской **любви**;*

*Играет музыка **невыносимо** громко;*

*Вот осколки от **горьких** слез.*

Иное место занимают аффективы. В текстах песен группы «БИ-2» аффективы являются достаточно частотными. Приведем примеры:

*А ты **танцуй!** **Дурочка**, Танцуй!;*

*Только не вернуть вечную любовь, // Слепое знамя **дураков**.*

Отметим, что в песнях группы «БИ-2» частотны также случаи использования коннотативов – «слов, составной частью семантики которых является эмотивный компонент, но в отличие от аффективов являющихся более осмысленными в плане выражения эмоций и имеющих следующую структуру: логико-предметное значение (денотат) + эмотивно-оценочный компонент» [1]. Такие слова обычно имеют в языке нейтральный эквивалент (чего не имеют аффективы):

*Болью хипстер **прикончил** себя;*

*Бросай **кости** рядом со мной, смотри, догорают одна за одной.*

Отметим наличие лексико-стилистических средств выражения эмоций в песнях группы «БИ-2». Под лексико-стилистическими средствами мы подразумеваем различные тропы, которые чаще всего рассматриваются

в литературоведении и текстологии. Частотными средствами данной группы являются метафора, гипербола, литота, метонимия, олицетворение (персонафикация), сравнение:

В состоянии свободного похмелья // Над пустыней был торжественно расстрелян (метафора);

Холодная война // И время, как вода (сравнение).

Употребительными стилистико-синтаксическими средствами в песнях группы «БИ-2» являются: анафора, эпифора, восклицательные частицы или предложения, междометия, инверсия, парантеза, парцелляция, риторические вопросы, односоставные (неполные) предложения:

Я сам не свой, мой след потерян, // Я с головой в песчинках времени (анафора);

Ах, если б ангелы смогли однажды рассказать... (междометие).

Группа «Bazart» исполняет инди-поп и альтернативную музыку, является альтернативной фламандской группой из Антверпена.

Прежде всего отметим, что, как и в случае с песнями группы «БИ-2», в песнях группы «Bazart» эмоции выражаются на различных уровнях языка. На фонетическом уровне мы наблюдаем повторяемость звуков. Приведем пример:

*Ik hoor zijn echo in mijn hoofd
Hij heeft mij van mijn stem beroofd
Ik heb niets gedaan en niets beroofd
Hij dwaalt als ridder zonder hoofd.*

Однако чаще всего в песнях группы «Bazart» эмоции выражаются на лексическом и синтаксическом уровнях. Эмоции могут быть выражены как прямо, так и косвенно. Косвенное выражение эмоций может использоваться в двух случаях: для ослабления либо усиления смысла передаваемой эмоции.

Прежде всего отметим, что в песнях группы «Bazart» эмоции не выражаются при помощи морфологических средств, что является отличием фламандских текстов от текстов песен группы «БИ-2».

В песнях группы «Bazart», как и в текстах песен группы «БИ-2», эмоции могут выражаться при помощи дескриптивных слов (лексем, называющих эмоции). Частотными лексемами данного типа оказались *spijt*, *medelijden* ('сожаление'), *smart* ('сожаление, грусть'). Приведем примеры:

*Spijt komt altijd te laat;
De kans is groot dat ik hier blijf // In medelijden leef;
Getekend door de smart of wat dan overblijft.*

Эмоции передаются в текстах песен группы «Bazart» при помощи различных частей речи, таких как эмотивные глаголы, прилагательные и существительные. Приведем примеры:

*Iets dat aan me vreet;
Zou het zonder mij // Niet veel beter zijn?
Teveel chaos vandaag.*

В текстах песен группы «Bazart» эмоции могут выражаться при помощи лексем с общим значением *одиночество*. Использование подобных лексических единиц позволяет сделать вывод о присутствии отрицательной эмоции (широкое использование лексем, выражающих отрицательное эмоциональное состояние, было характерно и для группы «БИ-2»). Рассмотрим примеры:

Wie vertrouw ik // Blijven we beter alleen;

Helemaal alleen // Vervreemd van iedereen // Ontspoorde ik bijna.

Обратим внимание, что в песнях группы «Bazart» присутствуют лексико-стилистические средства выражения эмоций, что придает песням определенную красочность и яркость. Среди часто употребляемых лексико-стилистических средств можно выделить метафору, метонимию, олицетворение, сравнение, эпитет. Приведем примеры:

Hij dwaalt als ridder zonder hoofd... (сравнение);

Zweef ik als een geest... (сравнение);

Helemaal alleen // Vervreemd van iedereen // Ontspoorde ik bijna... (метафора);

Ik zie het goud aan de rand van de zon // Ik ben te oud om te weten waarom... (метафора).

Таким образом, в рамках данной статьи нами была предпринята попытка комплексного анализа языковых способов выражения эмоций в текстах песен российской и фламандской групп. В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что в текстах песен российской группы эмоции выражаются несколько чаще и ярче, чем в текстах песен фламандской группы. Так, в популярных песнях группы «БИ-2» мы обнаружили больше средств выражения эмоций, чем во фламандских песнях.

В текстах песен группы «БИ-2» к средствам выражения эмоций были отнесены следующие: морфологические средства (аффиксы), лексические средства (дескриптивные слова, аффективы, коннотативы), стилистические средства (гипербола, литота, метафора, метонимия, олицетворение, сравнение, эпитет и т.д.) и т.п.

В материалах нашей выборки, относящихся к фламандским текстам, отсутствуют такие средства выражения эмоций, как морфологические, аффективы и коннотативы. Остальные же средства встречаются реже, чем в русском языке.

Также следует отметить, что в текстах песен как российской, так и фламандской альтернативных групп чрезвычайно частотной явилась вербализация отрицательных эмоциональных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – С. 52.

The article describes means of expressing emotions in Russian and Flemish song lyrics, focusing on their unique features.

В. Н. Сецкая
Минск, МГЛУ

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НИДЕРЛАНДСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

В статье рассматриваются лингвокоммуникативные особенности нидерландского свадебного обряда, основные свадебные этапы.

Предсвадебный этап

Для целей знакомства и выбора потенциальных жениха/невесты широко использовались ярмарки, а у католиков – также еще и процессии. Особенно популярной среди молодежи была процессия св. Яна, проходившая 24 июня в Ларене (город на востоке провинции Северная Голландия, известен базиликой святого Яна, основанной в 1085 году) [1].

На юге и востоке страны проводились также *spinningen* (от глагола *spinnen* ‘прясть’) в начале года (белорусский аналог: *вячоркі*). Девушки приходили на *spinningen* с прялками и занимались вначале прядением льняных нитей. В соответствии с традицией хозяева дома присутствовали на вечеринке, а парни приходили несколько позже – к 9 часам вечера. Молодые люди пели песни и играли в игры (один из белорусских аналогов: «*Жаніцьба Цярэшкі*»), выбирая для игры себе пару.

Еще одним местом предбрачного знакомства молодежи были так называемые *vrijstermarkten* (ярмарки женихов и невест). В округе Вирден (*Wierden is een gemeente en forenzendorp in de Nederlandse provincie Overijssel*) подобная ярмарка проводилась вплоть до 1950-х гг. Парни и девушки покупали карточку с номером, а затем во время ярмарки должны были найти себе пару – владельца карточки с тем же номером. Соединение пар происходило здесь, таким образом, анонимно [Там же].

Следующим значимым этапом было предложение о вступлении в брак (*huwelijksaanzoek* (также *aanzoek*, *huwelijksvoorstel*)). Предложение, как правило, сопровождалось небольшим подарком от парня девушке. В качестве подарка могли выступать кольцо (символизировало обещание брака и являлось своего рода залогом), наперсток или даже кусок пирога и несколько лесных орехов.

Жених не получал при этом, как правило, никакого взаимного подарка.

В провинции Фрисланд и некоторых частях провинции Северная Голландия в качестве подарка от жениха невесте использовался платочек с монетками. Если девушка давала согласие выйти замуж за парня, она крепче завязывала платочек с монетками [Там же].

Период свадьбы

В восточных провинциях свадьба начиналась следующим образом: жених приезжал за невестой с многочисленными молодыми людьми на

нескольких украшенных повозках. Все ставни и двери дома родителей невесты были закрыты. Один из молодых людей спрашивал жениха о цели приезда, на что представитель жениха (не сам жених) отвечал:

*Vroege ij noa mien begeerte,
Vroege ij wat ik hier wil,
'k zal 't jou doon verstaan.
Wees moar een weinig stil.
Wie kommen op dit pas,
Om hier een broed te hoalen,
Veur diese brudegom,
Dat zel ik jou verhoalen... [1].*

После объявления о цели приезда, дверь дома открывалась. Затем молодые люди, приехавшие с женихом, делали вид, что силой пытаются проникнуть в дом, а родственники невесты – что пытаются не пустить их. Иногда невеста пряталась, и жениху нужно было ее искать.

Затем после легкого угощения все отправлялись в дом жениха (жених и невеста садились вместе на одну из повозок, не забывали и о приданом невесты). Односельчане регулярно перегораживали дорогу свадебному поезду с требованием выкупа (угощения).

Приехав к жениху, необходимо было трижды объехать вокруг его дома. Невесту, иногда также и жениха переносили через порог или же они совместно прыгали через него; под порогом, как принято было считать, находились души умерших и их нельзя было тревожить. Затем невесту торжественно знакомили с обстановкой дома: *Dit is het bed* ‘это кровать’, *dit is de kast* ‘это шкаф’, *dit is de klok* ‘это часы’. Невесту также трижды обводили вокруг каминной (печной) трубы со словами: *Ik haal u in den naam des Heren, wat ge niet kent, zullen wij u wel leren* [Там же].

В организации свадьбы одну из центральных ролей играли ранее соседи. Чтобы отблагодарить их за помощь организовывалась даже специальная вечеринка (*een ‘nabruiloft’*). Примечательной была также свобода действий, которой обладали свадебные гости. Они могли представить на всеобщее обозрение сундук с приданым молодой и обойти все уголки «поместья» жениха.

По традиции невеста переодевалась несколько раз, чтобы показать все свои наряды. На свадебное торжество постоянно заходили все желающие: взрослые – выпить специального свадебного пива (*huilbier*), а дети – получить сладости (*bruidssuiker*) [Там же].

В заключение необходимо отметить, что свадьба – одно из наиболее важных событий в жизни человека независимо от его принадлежности к той или иной коммуникативной культуре. Поэтому с давних пор у каждого народа сложились разнообразные обряды, которые подчеркивают торжественность этого события и влияют на дальнейшее формирование и развитие общества. На наш взгляд, чрезвычайно важно знать истоки обрядов не только своей страны, но и изучаемого языка, чтобы лучше понимать традиции коммуникативной культуры и то, как формировались ранее институты брака и семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vrijen en trouwen [Electronic resource] // Door : Jef de Jager. – Mode of access : <http://www.jefdejager.nl/trouwen.php>. – Date of access : 15.10.2016.

The article describes the traditions of the Dutch wedding, focusing on their unique linguocommunicative features.

М. М. Тараканова

Минск, МГЛУ

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВНИМАНИЕМ В МЕДИАТЕКСТЕ (на материале анонсов телепередач)

Статья посвящена проблеме управления вниманием читателя в медиадискурсе. В сопоставительном аспекте рассматриваются тактики и средства привлечения внимания к анонсам телепередач, опубликованным в русско- и немецкоязычных изданиях. Проведенный анализ позволил выявить закономерности употребления лексических и графических средств с учетом лингвокультурной принадлежности авторов анонсов, архитектоники текста, а также специфики жанра анонсируемых передач. Установлено, что стратегия управления вниманием читателя реализуется в два этапа: привлечение внимания к самому анонсу за счет его визуальной составляющей и привлечение внимания к содержанию телепередачи за счет конкретного лексического наполнения. Оценочные прилагательные, метонимия, фразеологизмы употребительны в изданиях на двух языках, олицетворения и окказионализмы специфичны для русскоязычных текстов, тогда как англицизмы и особая форма причастия первого используются только в немецком языке. В анонсах развлекательных телепередач указанные средства вербализуют тактику апелляции к эмоциям, а в анонсах ток-шоу и новостных блоков – тактики апелляции к авторитету и фактам.

Одной из проблем, активно разрабатываемых при описании типов дискурса, является вопрос стратегий коммуникативного поведения. Для каждой разновидности дискурса, будь то политический, научный или медийный, характерен свой набор стратегий и тактик [1, с. 5]. Стратегическая цель и тактические задачи диктуют автору текста выбор конкретных вербальных и невербальных средств воздействия.

В настоящей публикации остановимся на стратегии привлечения внимания и средствах ее манифестации в анонсах телепередач. Материалом послужили публикации, представленные в белорусских и немецких печатных изданиях «СБ. Беларусь сегодня», «Во славу Родины!», «Вечерний Минск», «Из рук в руки», «Die Zeit», «Die Welt», «Der Spiegel», «Süddeutsche Zeitung», «Focus». В результате анализа выявлены тенденции употребления лексических и графических средств привлечения внимания в двух лингвокультурах.

Важным аспектом привлечения внимания к печатному тексту является его графическое оформление, архитекtonика, а также объемно-прагматическое членение, учитывающее особенности человеческого восприятия [2, с. 160–161]. От построения и внешней структуры анонса во многом зависит, будет ли

он в принципе прочитан или нет. В частности, именно за счет укрупненного заголовка (так называемого лида) привлекается внимание потенциального читателя, стимулируется его интерес к анонсу телепередачи. Несмотря на то, что возможности графически выделить анонс телепередачи из ряда аналогичных текстов довольно ограничены, во время верстки применяются доступные визуальные приемы: увеличение размера шрифта, укрупнение самого текста анонса. В отношении современных изданий была выделена тенденция не только к укрупнению текста анонса телепередачи, но и к слиянию в нем нескольких типов текстов. Как в немецкоязычной, так и русскоязычной прессе все чаще появляются сообщения, в которых присутствует непосредственно анонс, а также интервью с участниками шоу, создателями передачи, ведущими. Таким образом, жанр анонса начинает выходить за рамки небольшого текста, зачастую занимая целую газетную страницу, а значит – увеличивая поле деятельности журналиста и его возможность работать с большим арсеналом графических средств, помимо цвета и размера шрифта. При этом оформление анонсов в белорусских газетах отличается от принципов подачи текста в немецкоязычной прессе. Отечественные издания характеризуются более разнообразными подходами к визуальной составляющей текстов, тогда как немецкие издатели предпочитают определенную минималистичность: *БОЛЬШИНСТВО – Общественно-политическое ток-шоу с Сергеем МИНАЕВЫМ; Deutschland sucht Superstar. “Der Recall auf Jamaica”*.

Графическое оформление анонса телепередачи – это первый этап привлечения внимания к печатному тексту. На втором этапе (когда читатель заинтересовался и приступил к прочтению текста) необходимо привлечь внимание к анонсируемой телепередаче с помощью смыслодержательной составляющей текста и конкретных языковых средств воздействия в нем. На этом этапе стратегия привлечения внимания реализуется за счет конкретных тактик, получивших свое воплощение в форме различных лексических средств. В отношении исследуемых анонсов выделены тактики апелляции к эмоциям, авторитету, фактам, тактика новизны и актуализации. В целях реализации перечисленных тактик используются такие лексические средства, как гиперболизация, олицетворение, метонимия, фразеологизмы, метафоры, просторечия, языковая игра, окказионализмы, аллегории, употребительность которых вариативна в двух языках.

К наиболее частотным средствам относятся эмоционально окрашенные прилагательные (39,7 % всех средств воздействия в русском языке и 49,5 % – в немецком), которые могут быть представлены сравнительной или превосходной формой: *наиболее актуальные темы, крупнейшие столицы мира, seriöse, authentische Berichterstattung, unterhaltsam und informativ, ironischen Augenzwinkern*. Автор подчеркивает уникальность анонсируемого материала, выделяя передачу из ряда подобных и давая читателю понять, что ему просто необходимо посмотреть ее. Данная группа лексических средств позволяет реализовать тактику апелляции к эмоциям.

Метонимия одинаково актуальна для немецкоязычных и русскоязычных печатных изданий. Она позволяет осуществить процессы генерализации либо конкретизации, когда автор, например, называет столицу государства, подразумевая при этом всю страну, или посредством слова *зритель* в форме единственного числа автор указывает на всю зрительскую аудиторию передачи: *Это программа для умного и неравнодушного зрителя*; *Washington und Moskau geben sich gegenseitig die Schuld*. Также для обоих языков характерно использование устойчивых выражений, фразеологизмов: *Klatsch und Tratsch*. Автор усиливает оригинальность текста, апеллируя к эмоциям читателя и подчеркивая уникальность анонсируемой передачи. Окказионализмы также употребительны в двух языках: *нтвишники*, *Trecker-Hauptstadt*. Таким образом реализуются тактики апелляции к эмоциям и новизны: подобный прием вызывает у читателя любопытство. Гиперболизация активнее используется в русскоязычных анонсах (8,4 % и 1,3 % средств привлечения внимания соответственно): *торт-гигант, для сверхсекретной церемонии*. Подобный прием действует на читателя на психологическом, подсознательном уровне. Он используется в анонсах к развлекательным программам, реализуя тактику апелляции к эмоциям и делая описание объекта ярким, более образным.

К средствам привлечения внимания, специфичных для одного из исследуемых языков, относится олицетворение: *сериал рассказывает, отходы помогают*. Используя олицетворение, русскоязычные авторы наделяют программу уникальными свойствами, приглашая аудиторию к ее просмотру. В отличие от немецкоязычного текста, в русскоязычных анонсах автор не ограничивается упоминанием прецедентного явления и дает развернутую справку о том или ином историческом событии. Так, в анонсах к развлекательным телепередачам присутствует большое количество дат, имен, точной информации: *Сначала программа обосновалась в баре телецентра в Останкино и провела там семь лет (с 1975 по 1982 годы), затем переехала на улицу Герцена, д. 47 (с 1983 по 1986 годы), потом были три прямых эфира из Болгарии в 1987 году...; Суд присяжных в России появился в 1864 году, после судебной реформы Александра II и просуществовал до 1917 года*. Данное средство позволяет реализовать тактику апелляции к авторитету, а также фактам, придавая передаче больше значимости, а ее содержанию – достоверности: прецедентный текст указывает на то, что в передаче используется проверенная информация.

Спецификой немецкоязычного анонса является использование англицизмов. «Модные слова», бросающиеся в глаза, актуализируют анонс для молодой целевой аудитории: *“I can do that!”*, *Live-Show*; *Deutschland sucht den Superstar*. Многие передачи, адаптированные для немецкий телезрителей, не меняют названия, сохраняя первоначальный англоязычный вариант. Еще одна особенность немецкоязычных анонсов заключается в употреблении причастий. Чаще всего используется Partizip I, подчеркивающий активность действия и тот факт, что оно происходит в настоящем времени (*herausragende, funkelnde*). Читатель вовлекается в действие, происходящее прямо сейчас.

Если говорить о языковых средствах привлечения внимания применительно к типам анонсов, то игра слов, метафоры и другие средства создания образности наиболее употребительны в анонсах к развлекательным телепередачам. Их функция – апеллировать к эмоциям: *Путешествие – лучший способ прочистить голову и зарядить себя энергией*; *Dating-Doku-Soap über heiratswillige Landwirte: Zehn Bauern suchen eine Frau*. Отсутствие стилевых ограничений и нацеленность на привлечение широкого контингента – основные причины разнообразия используемых средств апелляции к эмоциям в анонсах развлекательных телепередач.

Использование прецедентного текста встречается в русскоязычных анонсах к фильмам, сериалам, где упоминаются предыдущие работы творческого коллектива, что, безусловно, способно привлечь внимание не только искушенного любителя кино, но и широкую зрительскую аудиторию – обывателей: *Режиссером картины выступил Владимир Краснопольский («Вечный зов», «Тени исчезают в полдень»)*. В свою очередь, в немецком языке подобное средство привлечения внимания чаще употребляется в анонсах новостных блоков с целью напомнить зрителю о конкретных явлениях, ситуациях, людях, подчеркнуть преемственность происходящих событий: *“Wir schaffen das” – jetzt in Afrika?: Der Sonntag ist der Auftakt der großen Afrikareise der Kanzlerin*.

Таким образом, стратегия управления вниманием читателя анонса телепередачи реализуется в два этапа. Первый – привлечение внимания к самому анонсу за счет его визуальной составляющей (заголовок, шрифт, цвет, объем текста). Второй этап – привлечение внимания к телепередаче и ее содержанию за счет конкретных языковых средств, таких как оценочные прилагательные, гиперболизация, олицетворение, метонимия, фразеологизмы, прецедентные имена, англицизмы, окказионализмы. Если прилагательные, метонимия, фразеологизмы и прецедентные имена употребительны как в немецких, так и белорусских изданиях, то олицетворения и окказионализмы специфичны для русскоязычных текстов, тогда как англицизмы и особая форма Partizip I используются только в немецком языке. Указанные средства вербализуют тактику апелляции к эмоциям, характерную для анонсов развлекательных передач, а также тактики апелляции к авторитету или фактам, характерные для ток-шоу политической направленности и новостных блоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витязева, Ю. А. Коммуникативная стратегия «Привлечение и удержание внимания» в медиадискурсе на примере научно-популярного сериала / Ю. А. Витязева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 403. – С. 5–9.
2. Сараева, К. И. Архитектоника анонса: иллюстрация как графически-дизайнерский элемент привлечения внимания адресата текста / К. И. Сараева // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Сер. 2, Филология и искусствоведение. – 2014. – № 4. – С. 159–163.

The article deals with lexical and graphic means that are used in Belarusian and German print media to attract the readers' attention. Similarities and differences in ways of attracting the potential TV viewers' attention to the content and form of TV previews are determined.

Л. Е. Шмидова
Минск, МГЛУ

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ФЛАМАНДСКОЙ СКАЗКИ: ДИСКУРСИВНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ

Статья описывает отдельные концепты, базовые сказочные образы, а также особенности текстообразования фламандской сказки.

Актуальность темы данной статьи определяется рядом обстоятельств. Во-первых, несмотря на активное развитие в языкознании лингвосемиотического направления, исследования сказочного дискурса представлены в лингвосемиотическом аспекте чрезвычайно редко. Во-вторых, в сказочном дискурсе остается неизученной вербально-знаковая репрезентация чуда (чудесного) как конституента сказочности; не в полной мере описаны онтологическая природа и структура чудесного, его концептуализация в народном художественном сознании.

Структура фламандских народных сказок довольно традиционна и зачастую включает в себя элементы, характерные для сказок других народов, а именно: начало, основную часть, кульминацию, развязку и концовку [1].

Сказки фламандцев начинаются, как правило: *Er was eens een boer, die zo arm was*¹ 'Жил-был крестьянин, который был очень беден'; *Er was eens een jonge koning* 'Жил-был молодой король'; *Er waren eens een smid en een smidsvrouw en die woonden aan de rand van een groot bos* 'Жили-были на опушке большого леса кузнец и его жена' [2].

Заключительная часть фламандской волшебной сказки также носит достаточно традиционный характер: *Ze trowden terstond, kregen veel kinderen en leefden nog lang en gelukkig* 'Они тотчас поженились, нарожали много детей и жили долго и счастливо', *En daar leefden ze samen nog lang en gelukkig* 'И они жили вместе долго и счастливо' [2].

В конце сказок о животных следует обычно логическое завершение какой-либо истории, с лексической точки зрения не оформленное яркими и выразительными оборотами: *Dat reopen ze winter en zomer* 'Об этом они кричат зимой и летом' [2].

Ввиду того, что фламандской сказке, как правило, не свойственен рассказчик, в конце ее читатель не сталкивается с заключительными формулами типа *и я там был*.

В целом фламандские сказки носят скорее описательный характер, в них рассказывается о том, что когда-либо произошло с кем-либо, например: *Er was eens een jongen die Jaakske heette en die had een stiefmoeder met wie hij in onmin*

---

¹ Орфография оригинала сохранена.

leefde. Op een goede morgen trok Jaakske weer eens naar de wei en hij zag daar langs de weg een bedelaar staan ‘Жил-был мальчик по имени Жакске и у него была мачеха, с которой он жил не в ладу. В одно прекрасное утро Жакске брел на пастбище и увидел нищего, стоящего у дороги’ [2].

Традиционно действия в фламандской сказке происходят в установленном месте и в неопределенное время: *Lang geleden stond er tussen Brussel en Parijs een groot kasteel...* ‘Давным-давно стоял между Брюсселем и Парижем большой замок’; *In Amsterdam woonde eens een prinses die overall door kon kijken* ‘Когда-то в Амстердаме жила принцесса, видящая все насквозь’ [2].

В сказках, мифах и легендах встречается дьявол (существо низшей мифологии), что, безусловно, свидетельствует о христианском характере большинства традиционных народных сказок. Дьявол постоянно искушает людей с целью заполучить их души. Во фламандских сказках также часто фигурируют черти – злые духи, олицетворяющие зло, сверхъестественные существа в человеческом образе, с рогами, копытами и хвостом.

Другие сказочные существа – ведьмы – традиционные герои фламандской сказки – женщины, практикующие магию. Согласно традиции они живут в лесах за городским валом. Ведьмы могли предсказывать будущее, изготавливать яды и приворотные зелья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Belgian Folklore [Electronic resource]. – Mode of access : <http://oaks.nvg.org/belgian-in.html>. – Date of access : 15.05.2017.
2. Vlaamse sprookjes. Geert van Istendael. – М. : АСТ ; Восток – Запад, 2008. – 253 с.

The article describes the discourse structure and the main characters of Flemish folk tales.

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

Ю. В. Куликович

Минск, МГЛУ

МЕТОДЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ВЫДЕЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ ИЗ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема определения тональности текста отзыва пользователя Интернета о некотором объекте. Отмечается, что тональность текста формируется с помощью тонально окрашенных слов и выражений, образующих сентиментный лексикон. Анализируются преимущества и недостатки нескольких распространенных методов автоматического выделения эмоционально окрашенных лексических единиц из письменных текстов: метода анализа пар прилагательных; метода, основанного на семантической близости синонимов, и метода, основанного на семантической близости слов с учетом частотных данных об их употреблении в текстах определенной тональности.

В последнее время в компьютерной лингвистике активно развивается направление, связанное с анализом и извлечением мнений из разных типов текстов, определением на их основе общей тональности текстов (автоматическим проведением так называемого сентимент-анализа). С помощью автоматического анализа тональности можно идентифицировать эмоциональную окраску текста на трех уровнях: на уровне всего документа, на уровне предложения или короткого высказывания, на уровне объекта, относительно которого высказывается мнение [1, с. 23–24]. Анализ тональности на уровне документа позволяет определить сформулированную автором текста общую оценку, например, анализ отзыва пользователя о продукте или услуге для определения позитивного или негативного отношения автора к объекту отзыва в целом. Этот уровень классификации подразумевает, что один документ содержит мнение только об одном объекте и только одного субъекта и не подходит для анализа текстов, в которых рассматриваются несколько объектов или они сравниваются между собой. Однако мнения даже об одном объекте часто бывают противоречивыми, поэтому анализ тональности на уровне документа дает только общее представление об отношении автора к объекту. Анализ тональности отдельного предложения или короткого высказывания определяют оценочное мнение автора, высказанное в одном предложении. Если автор высказывает несколько противоположных оценок, то принято говорить о конфликтном мнении, например, *Этот телефон очень красивый, но ужасно тяжелый*. Классификация тональности предложения тесно связана с определением субъективности предложения. Однако, как подчеркивают некоторые исследователи, автор текста может выражать свое мнение и с помощью объективных предложений, например, *Я купил телефон на прошлой неделе, и корпус вчера треснул* [1; 2].

Основным индикатором тональности текста являются тонально окрашенные слова, например, лексические единицы с положительной семантикой *хороший, вкусный* или единицы с негативной семантикой *плохой, ужасный, злой*. Помимо отдельных слов, в тексте могут присутствовать тонально окрашенные выражения, например, *не могу жить без...*, *голову бы отдал за...*. В совокупности слова и выражения со значением тональной ориентации формируют сентиментный лексикон. В настоящее время внимание исследователей в сфере компьютерной лингвистики направлено на разработку оптимальных алгоритмов автоматического создания тонального лексикона, поскольку от него зависит качество анализа тональности текста. Рассмотрим некоторые методы автоматического выделения эмоционально окрашенной лексики из письменного текста и формирование сентиментного лексикона подробнее.

Метод анализа пар прилагательных предполагает определение тональности прилагательных, соединенных в пары с помощью союзов *и, или, но, или...или, ни...ни* и выделенных из большого массива неразмеченных текстовых документов. Факт объединения прилагательных с помощью перечисленных выше единиц задает лингвистические ограничения тональности для данных прилагательных. Так, союзом *и* обычно объединяют два прилагательных одинаковой тональности, в то время как союз *но* объединяет два прилагательных противоположной тональности. Данный метод позволяет автоматически выделять прилагательные, которые имеют разную тональную окраску в зависимости от предметной области [3, p. 176]. Например:

Кофе горячий и очень вкусный (позитивная тональность);

Ноутбук очень шумный и горячий (негативная тональность).

Для реализации метода анализа пар прилагательных необходим небольшой список общеупотребительных слов с явно выраженной тональной окраской, например, *хороший, замечательный, плохой, ужасный*. В ходе анализа из массива текстовых документов извлекаются все прилагательные, которые употребляются в перечисленных выше союзных конструкциях вместе с прилагательными из списка общеупотребительной лексики, и им приписывается соответствующая тональность. Несмотря на то, что анализ пар прилагательных позволяет установить тональность прилагательных в рамках определенной предметной области, некоторые прилагательные могут иметь противоположную тональность даже в одной предметной области [4, p. 142]. Например:

Батарея работает очень долго (позитивная тональность);

Камера очень долго фокусируется (негативная тональность).

Основная идея второго метода, основанного на семантической близости синонимов, заключается в том, что синонимы слова с положительной семантикой также имеют позитивную окраску, а антонимы слова – противоположную. Данный метод предполагает использование таких онтологических ресурсов, как, например, *WordNet* для английского языка, которые содержат списки синонимов и антонимов для каждого значения слова. На начальном

этапе необходимо сформировать небольшой список слов с однозначной тональной ориентацией. Далее система рекурсивно просматривает иерархический граф онтологии, выбирая прилагательные, синонимичные или антонимичные для списка слов с положительной или отрицательной семантикой. Найденные слова добавляются в исходный список, поэтому при рассмотрении каждого последующего прилагательного из дерева онтологии список слов увеличивается. Метод учета семантической близости синонимов ограничен прилагательными, которые зафиксированы в онтологиях [5, р. 1116].

Среди методов формирования тонального лексикона наибольшую популярность приобрел метод, основанный на семантической близости слов с учетом частотных данных об их употреблении в текстах определенной тональности. Этот метод имеет следующие основные характеристики. В о - п е р в ы х, по качеству получаемых результатов он значительно превосходит описанные выше методы. В о - в т о р ы х, лексику можно выбирать из текстов разных предметных областей. И, в - т р е т ь и х, полнота словаря ограничена только используемым для тренировки корпусом. Чем больше объем корпуса, тем больше различных слов будет покрыто словарем. Идея данного метода заключается в следующем: чем чаще слово используется в текстах с положительной тональностью, тем большую позитивную ориентацию оно имеет, и наоборот. Равная частота употребления слова свидетельствует о его нейтральности.

Своеобразным толчком к широкому распространению данного метода послужило исследование П. Терни, в котором предложен трехэтапный алгоритм классификации тональности текста отзыва на основе сентиментной ориентации его слов и словосочетаний [2]. На первом этапе классификации определяется список отдельных слов и последовательностей слов для их дальнейшего анализа по заданным маскам на основе тегов частей речи (прилагательное, прилагательное + существительное, наречие + прилагательное и т.д.). Таким образом, можно получить список слов и словосочетаний, например, *long battery life*, *short battery life*, *quiet car*, *quiet audio*. На втором этапе для каждого предложения вычисляется значение его тональной ориентации на основе поточечной взаимосвязанной информация (PMI) от +1 до -1:

$$SO(t) = PMI(t, pos) - PMI(t, neg),$$

где $SO(t)$ – значение тональной ориентации термина t ; $PMI(t, pos)$ – поточечная взаимосвязанная информация, отражающая вероятность встречаемости термина t в позитивном контексте pos ; $PMI(t, neg)$ – поточечная взаимосвязанная информация, отражающая вероятность встречаемости термина t в негативном контексте neg . Положительный знак тональной ориентации предложения указывает на его положительную тональность, а большее абсолютное значение – на более явно выраженную тональность.

PMI отражает степень синтаксической зависимости двух словарных единиц и показывает, насколько заданное слово или предложение соотносится с положительным контекстом.

$$PMI(t, pos) = \log \frac{P(t, pos)}{P(t)P(pos)} \quad PMI(t, neg) = \log \frac{P(t, neg)}{P(t)P(neg)}$$

где $P(t, pos)$ – вероятность употребления термина t в положительном контексте pos ; $P(t, neg)$ – вероятность употребления термина t в отрицательном контексте neg ; $P(t)$ – вероятность появления термина t в обучающей выборке (отношение количества употреблений к общему количеству слов в корпусе); $P(pos)$ – вероятность появления положительного контекста pos в обучающей выборке; $P(neg)$ – вероятность появления отрицательного контекста neg в обучающей выборке.

Для вычисления вероятности употребления термина в позитивном и негативном контексте предложено два подхода. Первый подход использует поисковые запросы пользователя в виде конкатенации анализируемого слова и слова с явной положительной (например, *love*) или явной отрицательной (например, *hate*) тональностью. Так, поисковая система Google дает следующие результаты, на основе которых можно определить тональную ориентацию выражения:

Запрос	Количество найденных
<i>long battery life</i>	178,000,000
<i>hate . * long battery life</i>	6
<i>love . * long battery life</i>	36,700,000
<i>hate</i>	579,000,000
<i>love</i>	3,290,000,000
<i>awesomeness</i>	0.91325
<i>love</i>	0.86665
<i>fabulous</i>	0.86415
<i>hilarious</i>	0.84615
<i>disgust</i>	−0.758
<i>horrid</i>	−0.875
<i>hate</i>	−0.92365

Второй подход связан с созданием корпусов текстов с положительной и отрицательной тональностью и вычислением частоты встречаемости в них определенных лексических единиц. С этой целью можно использовать отзывы, в которых пользователь указывает рейтинг продукта. Отзывы с низким рейтингом будут содержать в основном предложения с негативной тональностью, а отзывы с высоким рейтингом – с позитивной тональностью. В результате применения второго подхода был, например, получен следующий список слов и выражений со значением тональной ориентации [2, p. 897]:

Необходимо отметить, что качество и полнота сентиментного лексикона имеет большое значение не только для определения тональности текста, но и для других задач анализа мнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибиряков, А.* Извлечение мнений о товарах из форумов и блогов с учетом тональности / А. Сибиряков. – М. : Прогресс, 2012. – 117 с.
2. *Turney, P. D.* Thumbs up or thumbs down: semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews / P. D. Turney // Proc. of Annual Meeting of the Assoc. for Computational Linguistics (ACL-2002). – 2002. – P. 891–899.
3. *Hatzivassiloglou, V.* Predicting the semantic orientation of adjectives / V. Hatzivassiloglou, K. R. McKeown // Proc. of ACL-97, 35th Annual Meeting of the Assoc. for Computational Linguistics. – Madrid, 1997. – P. 174–181.
4. *Ding, X.* A holistic lexicon-based approach to opinion mining / X. Ding, B. Liu, P. S. Yu // Proc. of the Conf. on Web Search and Web data Mining (WSDM-2008). – 2008. – P. 141–149.
5. *Kamps, J.* Using WordNet to measure semantic orientation of adjectives / J. Kamps, M. Marx, R. J. Mokken, M. D. Rijke // Proc. of LREC-04, 4th Intern. Conf. on Lang. Resources and Evaluation. – Lisbon, PT. – 2004. – Vol. IV. – P. 1115–1118.

The article deals with the problem of emotionally colored lexical units automatic extraction from a written text. Some progressive methods of sentiment lexicon formation are under consideration.

М. В. Масловская

Минск, МГЛУ

СТРУКТУРА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА НА БАЗЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ

В статье рассматривается структура машинного перевода на базе нейронных сетей и проводится сравнение с ранее существующими системами машинного перевода.

Искусственные нейронные сети (ИНС) разработаны по аналогии с процессами обработки информации человеческим мозгом. Нейрон живого организма – нервная клетка, единица нервной системы, обрабатывающая, хранящая и передающая некую информацию с помощью импульсов по сети другим нейронам. Искусственный нейрон выполняет схожую функцию в искусственной нейронной сети.

ИНС получили широкое распространение при решении различного вида прикладных задач, в том числе и задач прикладной лингвистики в рамках

автоматической обработки языка. Одной из важных сфер использования ИНС являются современные системы машинного перевода [1].

К моменту появления Neural-based Machine Translation (NBMT, Машинный перевод на базе нейронных сетей) выделяли несколько категорий систем автоматического перевода: Rule-based Machine Translation (RBMT, Машинный перевод, основанный на правилах); Statistical Machine Translation (SMT, Статистический машинный перевод); Corpus-based Machine Translation (CBMT, Машинный перевод на корпусах текстов); Hybrid Machine Translation (HMT, Гибридный машинный перевод). Все технологии имели свои преимущества и недостатки, которые оказались достаточными для появления новой технологии, впервые представленной компанией «Google» в сентябре 2016 года.

Основное отличие нейронного машинного перевода (НМП) от классических моделей машинного перевода заключается в том, что система не делит текст исходного предложения на n-компонентные модели, а переводит все предложение целиком. Перевод каждого последующего элемента предложения опирается на предыдущий контекст, что помогает получить наиболее адекватный результат.

Нейронный машинный перевод основан на наборе действий с использованием архитектуры кодер/декодер. Обработка исходного предложения представляет собой кодирование слов и представление предложения в виде набора чисел (векторов). Далее происходит декодирование полученных векторов в предложение языка перевода.

Для оптимизации НМП используются рекуррентные нейронные сети. Рекуррентные сети решают задачи, связанные с обработкой последовательностей. Нейроны обмениваются информацией между собой, таким образом, при получении входящих данных нейрон получает информацию о предыдущем состоянии сетей. В данном случае мы проводим аналогию с «памятью», присущей биологическому организму. Наличие так называемой памяти свидетельствует о способности к обучаемости системы нейронного машинного перевода.

Таким образом, мы получаем систему, которая переводит тексты из исходного языка в заданный язык. Поочередно кодируется каждое слово исходного предложения, при этом память о предыдущих словах влияет на последующие результаты. В итоге мы получаем некие числовые векторы, которые затем декодируются в предложение конечного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. An open-source neural machine translation system [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://opennmt.net/>. – Дата доступа : 11.05.2017.

The article considers the structure of machine translation on the basis of neural networks and compares it with the previous machine translation systems.

А. В. Молоткова
Минск, МГЛУ

ФОРМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА АКТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНОЙ БАЗЫ ДАННЫХ О ДТП (лингвистический аспект)

В статье рассматриваются основные принципы лингвистической организации формальной модели процесса актуализации предметной базы данных о дорожно-транспортных происшествиях на территории Испании. В частности отмечается, что процесс актуализации предметной базы данных включает ввод поискового запроса пользователя, извлечение из предметной базы данных информации, релевантной запросу пользователя, и печать результатов поиска. Описывается структура и процедура обработки следующих типов запросов пользователя к предметной базе данных: простого запроса, сложного запроса общего типа и сложного запроса конкретного типа. Все запросы формулируются на естественном языке.

Несмотря на разнообразие существующих методов извлечения информации из различных типов массивов данных, до сих пор не решены ключевые проблемы информационного поиска, связанные с автоматическим построением предметных баз данных и знаний. Автором статьи была сделана попытка смоделировать процесс автоматического извлечения именованных сущностей и фактов из текстов испаноязычных новостных сводок о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) с целью формирования и последующей актуализации предметной базы данных (ПБД). Именованной сущностью считается слово или словосочетание, предназначенное для конкретного, вполне определенного предмета или явления, выделяющее этот предмет или явление из ряда однотипных предметов или явлений. Именованная сущность обязательно имеет референт, то есть объект внеязыковой действительности, подразумеваемый автором конкретного речевого отрезка. В письменном тексте именованные сущности представлены объектами и их атрибутами, выраженными определенными лексическими и фразовыми шаблонами. В зависимости от предметной области и тематики текста в нем используются факты и их атрибуты, представленные определенным пластом лексики.

Материалом исследования послужили 50 текстов новостных сводок о ДТП, взятых с различных испаноязычных сайтов Интернета. В ходе анализа отобранных текстов в качестве объектов рассматривалась, во-первых, персона, характеризующаяся такими атрибутами, как количество участвовавших в ДТП персон, возраст персоны, состояние персоны после аварии; во-вторых, локация, указывающая на конкретное место происшествия и название дороги; в-третьих, организация, имеющая такие атрибуты, как название организации и адрес; в-четвертых, марка автомобиля. В новостных сводках о дорожно-транспортных происшествиях были выявлены следующие факты: дата и время инцидента, **тип** транспортного средства, тип происшествия, причина аварии и результат аварии. В процессе выполнения исследования были выделены определенные лексические и фразовые шаблоны, послужившие основой для извлечения объектов, фактов и их атри-

бутов из испаноязычных текстов о ДТП. Также были составлены списки лексических единиц, обозначающих такие факты, как тип транспортного средства и причина аварии, в связи с тем, что конкретные маркеры, указывающие на данные факты, в текстах сводок о ДТП отсутствуют. Лексические и фразовые шаблоны, списки конкретных лексических единиц сформировали лингвистическое обеспечение системы автоматической обработки текстов подобного типа.

На основе разработанной лингвистической базы данных была построена формальная модель, состоящая из двух частей. Первая часть отражает особенности процесса извлечения объектов, фактов и их атрибутов из текстов испаноязычных новостных сводок о дорожно-транспортных происшествиях с целью формирования предметной базы данных. В основу работы второй части формальной модели, связанной с автоматической актуализацией созданной ранее предметной базы данных о ДТП на территории Испании, положен набор формализованных правил. Рассмотрим их подробнее.

Процесс актуализации предметной базы данных состоит из следующих этапов: 1) ввода поискового запроса пользователя; 2) извлечения из предметной базы данных информации, релевантной запросу пользователя и 3) печати результатов поиска. При обращении к предметной базе данных можно использовать несколько типов поисковых запросов. Первый тип представляет собой простой запрос, то есть поисковой запрос в виде одного параметра, указывающего на одно поле ПБД. Например, в качестве запроса пользователь может ввести только дату ДТП либо только место дорожно-транспортного происшествия. В результате обработки такого запроса ему будут выданы все записи предметной базы данных, удовлетворяющие этому запросу. Второй тип представляет собой сложный запрос, основанный на нескольких полях ПБД. Сложный запрос может быть общим и конкретным. Сложный запрос общего типа представлен в виде нескольких параметров поиска, то есть может одновременно указывать на следующие поля предметной базы данных: дата/день недели ДТП, место ДТП, название дороги, на которой произошло ДТП, тип ДТП. Например, поиск может осуществляться одновременно по заданной дате и месту происшествия, либо по дате и названию дороги, на которой произошло дорожно-транспортное происшествие, либо по дате, месту и названию дороги. После обработки такого запроса пользователю будут выданы все записи предметной базы данных, удовлетворяющие этому запросу, однако результат поиска по сложному запросу общего типа будет значительно уже результата поиска по простому запросу. Сложный запрос конкретного типа также представлен в виде нескольких параметров поиска, однако предполагает одновременное указание на несколько полей ПБД, среди которых обязательно должно быть поле, отражающее детальную информацию о дорожно-транспортном происшествии. После обработки такого запроса пользователю будут выданы не все записи предметной базы данных, удовлетворяющие этому запросу, а значение конкретного данного, то есть результат поиска по сложному запросу конкретного типа будет значительно уже результата поиска по сложному

запросу общего типа. Например, пользователь может сформулировать конкретный запрос о количестве участников ДТП, которые произошли в конкретный день и в конкретном месте, их состоянии после аварии, месте, куда участники происшествия были доставлены и т.п. Таким образом, в качестве основных параметров, как минимум один из которых должен присутствовать в поисковом запросе, отметим следующие: дата/день недели, место дорожно-транспортного происшествия, название дороги, тип ДТП. К дополнительным отнесем параметры, непосредственно связанные с участниками дорожно-транспортного происшествия – их количеством, возрастом, состоянием после аварии, названием и адресом организации, куда были доставлены пострадавшие, а также информацию о времени ДТП, типе транспортного средства, марке транспортного средства, организации, оказавшей пострадавшим помощь и т.п.

Рассмотрим основные особенности второй части формальной модели на конкретных примерах. Как отмечалось выше, в любом новостном сообщении о дорожно-транспортном происшествии указана его дата. Следовательно, задав поиск по дате, то есть указав в качестве простого поискового запроса число, месяц и год, например, *16/04/2016*, *14 de marzo de 2015*, пользователь получит все имеющиеся в предметной базе данных сведения об авариях, произошедших в этот день на дорогах Испании. Если пользователь вводит название области, провинции или города, который его интересует с точки зрения произошедших в нем ДТП, например, *Andalucía*, *Madrid*, *Burgos*, то в результате актуализации ПБД пользователь получит все имеющиеся данные о дорожно-транспортных происшествиях, которые произошли в указанном месте. Таким же образом можно получать информацию о всех ДТП, которые произошли на определенной дороге Испании, указав в качестве запроса на поиск ее название, например, *la carretera N-I*, *el kilómetro 275 de la N-I*, а также сортировать происшествия по типам, например, *salidas de la vía*, *vuelco y pérdida de control*, *atropellos*, *colisiones entre dos vehículos*, *colisiones múltiples o en cadena*.

Для извлечения из предметной базы данных более детальной информации следует формулировать сложный поисковый запрос общего типа, то есть запрос, основанный на двух и более основных параметрах. Так, указав в качестве параметров поиска дату *16/05/2017* и место происшествия *Burgos*, пользователь получит всю информацию о ДТП, которые произошли в данный день на данной территории. Для того чтобы сузить результаты поиска, к уже заданным параметрам *16/05/2017*, *Burgos* необходимо добавить другие параметры, например, указать название дороги *carretera N-1*. Таким образом, пользователь получит информацию о дорожно-транспортных происшествиях, которые произошли 16 мая 2017 года в г. Бургосе на трассе Н-1. При обработке простого запроса и сложного запроса общего типа в результате актуализации предметной базы данных компьютерная система предоставляет пользователю все записи, которые входят в ПБД и соответствуют введенному запросу.

Если пользователю требуется получить конкретную информацию о дорожно-транспортном происшествии, формулируется сложный поисковый запрос конкретного типа. В этом случае пользователь указывает, какие конкретные объекты, факты или их атрибуты необходимо извлечь из предметной базы данных, например, количество участников ДТП, их состояние, тип транспортного средства и т.п. При обработке сложного запроса конкретного типа в результате актуализации предметной базы данных компьютерная система предоставляет пользователю не все записи, которые входят в ПБД, а отображает только те данные, которые запросил пользователь.

Взаимодействие пользователя с предметной базой данных осуществляется посредством дисплея, на который выводятся названия всех полей ПБД. Таким образом, компьютер предлагает пользователю выбрать поле предметной базы данных, по которому будет производиться поиск интересующей его информации. После нажатия на какое-либо из предложенных в интерфейсе полей появляется дополнительное окно ввода, в которое пользователь может ввести соответствующий поисковый запрос (рис. 1).

La fecha/ El día de la semana	El tiempo	El lugar	El nombre de la carretera	La variedad del accidente de tráfico

Introduzca su petición .....

Рис. 1. Фрагмент интерфейса системы на этапе актуализации ПБД с помощью простого запроса

Пользователь вводит необходимый ему запрос/запросы. Далее система уточняет, интересуется ли пользователя конкретная информация (рис 2). Если пользователь отвечает положительно, компьютерная система предлагает выбрать поле ПБД, по которому необходимо предоставить информацию. В таком случае, после завершения поиска, система выдаст на печать только те данные, которые соответствуют сделанному запросу. Если его интересует вся информация, то система выдает на печать все данные, связанные с дорожно-транспортными происшествиями, которые соответствуют введенным запросам. Таким образом, пользователь сам определяет параметры поиска информации в ПБД.

Проверка адекватности формальной модели и анализ ее результатов позволяет сделать следующие выводы. В целом компьютерная система способна правильно определять и выделять объекты, факты и их атрибуты из текстов испаноязычных новостных сводок о дорожно-транспортных происшествиях. Однако правильное выделение ряда данных может вызвать у компьютерной системы затруднения. Так, сложность может представлять определение количества участников ДТП. Это связано с особенностями грамматических структур (*uno de los dos*), а также с наличием омонимичных форм слова и частей речи, например, *un* – неопределенный артикль и *un* – усеченная форма числительного *uno* перед существительными. Решение данной проблемы видится в автоматическом тегировании текстов по частям речи.

Кроме того, на точное определение количества участников аварии влияет синонимичность слов. Если система не сможет определять синонимы, то все лексические единицы, соответствующие объекту *persona*, будут обозначать участников происшествия. Решение этой проблемы видится в разработке.

La fecha / El día de la semana	El tiempo	El lugar	El nombre de la carretera	La variedad del accidente de tráfico
13/08/2016		Sevilla		

¿Es necesario buscar información específica?

Sí

No

La fecha/El día de la semana
La hora
El lugar
El nombre de la carretera
La variedad del accidente de tráfico
La variedad de vehículo
La marca del vehículo
La cantidad de los participantes
La persona
La edad
El estado
La organización de urgencia
La ubicación

Рис. 2. Фрагмент интерфейса системы на этапе актуализации ПБД с помощью сложного (конкретного) запроса

Большую роль в точном извлечении объектов, фактов и их атрибутов играют синтаксические структуры предложений новостных сообщений. Например, в предложениях часто опускается подлежащее, либо оно заменяется указательным местоимением (*este, aquel*), что в свою очередь может привести к неточности при извлечении нужной информации. Для улучшения работы формальной модели формирования и актуализации предметной базы данных необходимо расширить списки лексических единиц и перечни шаблонов, указывающих на объекты, факты и их атрибуты. Это приведет к более точному извлечению данных из новостных сводок о дорожно-транспортных происшествиях и, соответственно, к более качественному формированию предметной базы данных.

The article deals with specific linguistic features of the formal model of automatic actualization of road accidents object database. Different types of user's queries to the database are under consideration.

В. Н. Мурашко

Минск, МГЛУ

ИМЕНОВАННАЯ СУЩНОСТЬ И ЕЕ КАТЕГОРИИ

В статье рассматривается понятие именованной сущности и основные категории, к которым ее можно отнести: человек, место, организация, дата и время. Отмечается, что выбор соответствующей категории не всегда определяется самой сутью именованной сущности. На примерах показано, что в ряде случаев категория зависит от микроконтекста ее употребления. В работе указаны основные трудности, с которыми может столкнуться система автоматического распознавания именованных сущностей в письменном тексте.

Под именованной сущностью понимают «что-либо реально существующее или вымышленное, на что можно указать или к чему можно обратиться при помощи имени собственного» [1, с. 214]. В соответствии с этим определением в задачу распознавания именованных сущностей входит не только нахождение их в тексте, но и однозначное указание на подразумеваемый объект или лицо, а также приписывание ему определенной категории. Чаще всего используется простая классификация, включающая в себя следующие три категории: ЧЕЛОВЕК (сокращенно ПЕР от *персона*), МЕСТО (сокращенно ЛОК от *локация*), ОРГАНИЗАЦИЯ (сокращенно ОРГ) [2, р. 1538]. Такая классификация является довольно простой, поскольку имеются задачи, где важно различать подтипы именованных сущностей. Например, если идет речь о компании или стране, об актере или политике и т.п. Однако разработать более подробную схему, подходящую для текстов разных жанров, намного сложнее. Хотя ни даты, ни числа не соответствуют приведенному выше определению, они часто распознаются как именованные сущности вместе с ПЕР, ЛОК и ОРГ. Для обозначения этих категорий используются сокращения ТЕМП (темпоральные выражения) и НУМ (нумерические выражения) [Там же, р. 1539]. Следует отметить, что, в отличие от трех других категорий, распознавание чисел и времени представляется значительно более легкой задачей, поскольку существует ограниченный набор способов их выражения. Ниже в таблице приведены различные именованные сущности и соответствующие им категории, содержащиеся в примере, взятом из Википедии: *Современный [СПбГУ] в [России] – преемник [Академического университета], который был учрежден одновременно с [Академией наук] указом [Петра I] от [28 января 1724 года]. В частности, в [1758–1765] годах ректором [Академического университета] был [М. В. Ломоносов]*.

Как видно из таблицы, помимо очевидной категории «человек», М. В. Ломоносову можно приписать и другие категории, соответствующие его многогранной личности. В данном случае речь идет не о более подробной

детализации, как в случае с СПбГУ (от организации к учебному заведению и дальше к вузу), а о категориях одного порядка. Тем не менее тот факт, что М. В. Ломоносов был в том числе и художником, в контексте примера не имеет такого большого значения, как то, что М. В. Ломоносов был крупным ученым.

Именованные сущности и соответствующие им категории

Название (имя)	Возможные категории
СПбГУ Академический университет Академия наук	организация, образовательное учреждение, вуз организация, образовательное учреждение, вуз научная организация, академия
Россия	место, страна, государство
Петр I М. В. Ломоносов	человек, исторический деятель, политик, правитель человек, ученый, химик, писатель, философ, художник
28 января 1724 года 1758–1765	время (дата) время (временной отрезок)

Можно сказать, что из категорий одного порядка (например, профессий) в конкретном контексте, как правило (но не всегда), имеет значение только одна из возможных категорий, и ее выбор часто не является очевидным. Более того, подобная проблема может возникнуть и с семантически несхожими категориями. Так, в рассмотренном выше примере Россия является географическим объектом, местом, чего нельзя сказать об этой именованной сущности в следующем примере, взятом из электронного издания «Утро.Ру»: ***Россия** отказалась от американского мяса. Россельхознадзор вводит временные ограничения на поставки продукции птицеводства США в **Россию**.* Географические объекты не могут от чего-либо отказываться, и во втором предложении речь уже идет об организации (*Россельхознадзор*). Поэтому для *России* более подходящей категорией будет категория «страна». Таким образом, выбор соответствующей категории не обязательно следует из именованной сущности и не может быть легко осуществлен из лингвистической базы данных. Очень часто категория определяется контекстом, в котором она была упомянута.

В примере, взятом из Википедии, понятно, какой *Петр I* или какой *М. В. Ломоносов* имеется в виду. В случае Петра I нет ни одного другого известного в истории российского государства человека с таким же именем. Русская версия электронной энциклопедии приводит список из шести Ломоносовых, но имеет инициалы *М. В.* только один из них. Совершенно иначе воспринимается имя *Толстой* в следующем отрывке из «Театрального романа» М. А. Булгакова:

В час ночи мы выпили чаю, а в два Рудольфи дочитал последнюю страницу. Я заерзал на диване.

– Так, – сказал Рудольфи.

Помолчали.

– Толстому подражаете, – сказал Рудольфи.

Я рассердился.

– Кому именно из Толстых? – спросил я. – Их было много... Алексею ли

Константиновичу, известному писателю, Петру ли Андреевичу, поймавшему за границей царевича Алексея, нумизмату ли Ивану Ивановичу или Льву Николаичу? [1, с. 216].

В данном случае нельзя однозначно сказать, какая из известных исторических личностей имеется в виду, хотя с большой долей вероятности читатель может предположить, что речь идет о последнем из перечисленных в отрывке персонаже. В отличие от этого примера, в абсолютном большинстве случаев неоднозначность не предполагается автором текста, и идентификация референта редко вызывает трудности у читателей. Однако для автоматических систем однозначное распознавание именованных сущностей остается далеко непростой задачей, поскольку у значительного числа имен собственных есть несколько возможных референтов.

Нередко возникает вопрос о том, нужно ли проводить границу между двумя сущностями или их можно считать единым объектом. Возвращаясь к первому примеру, рассмотрим единицы *Академический университет* и *СПбГУ*. Из текста следует, что один является преемником другого и что именно это дает возможность говорить о том, что дата основания СПбГУ – *1724 год*. С другой стороны, признавая, что СПбГУ и Академический университет – одно и то же заведение, можно лишить текст смысла, потому что утверждение *СПбГУ является преемником СПбГУ* не несет в себе никакой информации. В этом контексте имеет смысл в базе данных приписать этим двум заведениям разные коды (идентификационные номера), а в ряде других контекстов считать, что речь идет об одном и том же заведении. Подобные сложности возникают, когда нарушается исходное положение о том, что сущности являются инвариантами, то есть, что они не подвержены изменениям во времени. Особенно очевидна неоправданность этого допущения, когда речь идет, например, о странах, чьи границы неминуемо изменяются на протяжении всего времени их существования.

Все вышесказанное необходимо учитывать при разработке систем автоматического распознавания именованных сущностей в письменном тексте. Как правило, системы автоматической обработки текста построены по принципу конвейера: сначала осуществляется деление текста на слова и предложения, далее следует частеречная разметка и определение границ фраз, после чего делается синтаксический анализ и распознавание именованных сущностей. Предположим, что в тексте уже определены как имена собственные, так и все другие именные группы. Таким образом, задача состоит в том, чтобы приписать уже найденным именным группам их категории и установить их референтов в тех случаях, где это возможно и имеет смысл. Будем исходить из того, что в распоряжении разработчиков системы имеется обширный каталог именованных сущностей. Учитывая размер и постоянный рост Википедии и других ресурсов, например, *Freebase* и *Wikidata*, данное предположение имеет право на существование. Однако необходимо подчеркнуть, что ни один ресурс не является исчерпывающим.

Как и при создании других модулей обработки текста, распространенным подходом в контексте рассматриваемой проблемы является обучение статистических моделей на размеченных текстах. Подобно частеречной разметке,

многие подходы основаны на вариантах моделей марковских цепей, условных случайных полей или на классификаторах [1, с. 218]. Многие модели позволяют ответить на следующие вопросы.

1. Имеет ли данная именная группа своим референтом некую именованную сущность?

2. Какая категория из списка лучше всего соответствует именной группе в данном контексте?

3. Кто или что является референтом данной именной группы?

Во всех приведенных выше примерах у имен собственных имелся конкретный референт. Однако в следующем предложении вряд ли имеется в виду столица Франции: *Дмитрий Rogozin: «Генералы в окопах должны быть, а не в парижсах».*

Эффективность параметров для систем машинного обучения зависит от языка и жанра текста. Так, во многих языках важным признаком именованных сущностей является их написание с заглавной буквы. Однако, например, в немецком языке, где все существительные пишутся с заглавной буквы, и в текстах, полученных при автоматическом распознавании речи, этот параметр оказывается бесполезным. Важным фактором является также наличие леммы слова в списке известных именованных сущностей. Для слов и именных групп, отсутствующих в списке, решение о том, идет ли речь об именованной сущности и, если да, то какого типа, принимается на основе анализа микроконтекста. Например, слово *Mrs.* в английском языке, *Frau* в немецком языке или *госпожа* в русском языке с большой долей вероятности сигнализируют о том, что за ним следует имя человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 320 с.
2. *Fader, A.* Identifying relations for open information extraction / A. Fader, S. Doderland, O. Etzioni // Proc. of EMNLP-11. – 2011. – P. 1535–1545.

The article deals with the concept of the named entity and the categories it may be referred to. The main problems of automatic named entities detection and extraction from written texts are under consideration.

А. М. Савич

Минск, МГЛУ

ВИДЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ АВТОМАТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье представлены результаты и основные выводы исследования лексических трансформаций при автоматическом переводе англоязычных текстов 17 целей ООН в области устойчивого развития на русский язык.

Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода, можно представить как преобразование (трансформацию) первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей. Основопологающей задачей является уточнение смысла, вкладываемого в понятие *переводческая трансформация*. Переводческая трансформация – это такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие языковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода [1].

Чтобы лучше понять само явление переводческих трансформаций, стоит разобраться в причинах их возникновения [2].

1. Несовпадение систем исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ). Возможности русского словосложения не позволяют использовать немецкую, например, или английскую конструкцию, поэтому переводчик применяет иные по отношению оригинала лексико-грамматические конструкции.

2. Несовпадение норм ИЯ и ПЯ. Языковая норма выражается в общественно санкционированных формах языкового выражения. Норма выступает в функции фильтра языковой системы: либо задерживает, либо пропускает языковые продукты системы. Неправильное в норме неправильно всегда и везде.

3. Несовпадение речевых норм (узусов) носителей ИЯ и ПЯ. Узус отделяет одно, что принято в одной ситуации и не принято в другой. Узус – (некоторые ситуативные правила выбора средств языкового выражения) – это языковые привычки носителей языка.

4. Расхождения преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ культурно-исторического или актуально-событийного характера.

Переходя к проблеме разделения трансформаций на виды, существует множество различных точек зрения, однако большинство лингвистов в своих работах отмечают, что все переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и смешанные (или комплексные).

В настоящее время особо актуальным является получение информации в скорейшие сроки, ее общедоступность, а также важность ускорения перевода этой информации на другие языки. Основные трудности, возникающие при переводе официально-деловых текстов, связаны с необходимостью выбора переводных эквивалентов для оригинала. Суть возникающей задачи сводится к поиску такого содержательного эквивалента, при котором соблюдаются и смысл, и нормы переводящего языка.

Материалом для данного исследования послужили англоязычные тексты 17 целей в области устойчивого развития, принятых ООН и их параллельные переводы на русский язык, взятые из интернет-сайта www.un.org/

sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/. В данных текстах были выделены лексические трансформации главных опорных слов. Например, для текста «Goal 13: Take urgent action to combat climate change and its impacts» были выделены следующие замены: в большинстве случаев это словарные переводные эквиваленты (*climate* – ‘климат’, *change* – ‘изменение’, *country* – ‘страна’, *temperature* – ‘температура’, *level* – ‘уровень’), помимо этого, адекватная замена (*global* – ‘мировой’), логическое развитие (*emissions* – ‘объем выбросов’). Стоит отметить, что у лексической единицы *global* в данном тексте два перевода.

Все лексические единицы, относящиеся к основному содержанию текстов, были переведены с помощью программы машинного перевода PROMT Professional 10. Для данного текста было выделено минимальное количество замен при автоматическом переводе: адекватная замена (*global* – ‘мировой’). В абсолютном большинстве преобладают словарные переводные эквиваленты и дословный перевод.

А, например, текст «Goal 10: Reduce inequality within and among countries» включает следующие трансформации: словарный эквивалент (*inequality* – ‘неравенство’, *country* – ‘страна’, *developing* – ‘развивающийся’, *reduce* – ‘уменьшать, сокращать’), логическое развитие (*income* – ‘уровень дохода’).

Далее были подсчитаны среднестатистические данные по всем встретившимся в анализируемых текстах лексическим трансформациям. Эти данные мы свели в таблицу.

Среднестатистические данные по лексическим трансформациям
в исследуемых англоязычных официально-деловых текстах

Виды лексических трансформаций	Среднестатистические данные, выполненные автоматически		Среднестатистические данные, выполненные переводчиком	
	количественный показатель	относительная частота	количественный показатель	относительная частота
Словарные переводные эквиваленты	39	0,78	46	0,62
Адекватная замена	7	0,14	8	0,11
Логическое развитие	2	0,04	8	0,11
Конкретизация	1	0,02	6	0,08
Замена частей речи	0	0	4	0,05
Генерализация	1	0,02	2	0,03

Рассмотрев переводческие лексические трансформации в исследуемых текстах, мы пришли к выводу, что чаще всего при переводе англоязычных официально-деловых текстов используются словарные переводные эквиваленты. Иногда встречаются генерализация, конкретизация, замена частей речи и смысловое развитие. При автоматическом переводе с помощью программы машинного перевода наиболее характерными для данных текстов являются адекватная замена и лексическое развитие, правда встречается они редко. Особую трудность в системе машинного перевода вызывают многозначные слова (*people, food, water*), значение которых зависит от контекста и может значительно разниться. Например, лексическая единица *water* переводится как ‘водный ресурс’, ‘водоснабжение’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – 192 с.
2. *Бархударов, Л. С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 240 с.

In the article the results and main conclusions of the research of lexical transformations in automatic translation of English-language texts of 17 UN goals for sustainable development into Russian are presented.

А. В. Скрябина
Минск, МГЛУ

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ИНДЕКСИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье рассматривается проблематика автоматического индексирования англоязычных новостных текстов на основе выделения ключевых слов.

В настоящее время системы, автоматизирующие обработку текста с целью выявления его смысла и структуры, крайне немногочисленны или находятся в экспериментальной стадии разработки. В основном такие системы выделяют лишь смысл отдельных слов либо словосочетаний, но структура целого предложения целиком не анализируется. Сам процесс описания смыслового содержания текста средствами информационно-поискового языка (ИПЯ) называется индексированием. А именно это процесс присвоения документам и запросам или их частям индексов. Итоговая продукция этих процессов содержится в поисковом образе документа.

В нашем исследовании материалом послужили англоязычные новостные тексты по теме «Культура». Все публицистические тексты взяты с интернет-ресурсов www.bbc.com и www.theguardian.com. В нашей работе устанавли-

вается основное содержание каждого из отобранных текстов. Нами были выделены ключевые слова по конкретным тематикам, которые влияют на понимание всего текста. Ключевые слова в нашей работе – это знаменательные лексические единицы текста, концентрированно представляющие его основное содержание и обладающие наибольшей частотой встречаемости.

Существует несколько критериев выделения ключевых слов [1]:

- 1) статистический критерий, или критерий частоты;
- 2) критерий встречаемости слов (критерий повторяемости ключевых слов в тексте);
- 3) критерий вхождения слова в первое предложение текста, в заголовок, в реферат и т.п.;
- 4) словарный критерий (на основе наличия или отсутствия ключевого слова в заданном списке слов);
- 5) синтаксический критерий (на основе синтаксических отношений ключевых слов, его позиции среди других лексических единиц; разновидностями этого критерия являются критерий активности и критерий воздействия);
- 6) диалоговый критерий (когда выбор ключевых слов осуществляется человеком из числа предлагаемых компьютером);
- 7) анкетный, или матричный критерий (заранее задается схема содержания текста, сама структура которой предполагает выделение типов определенных ключевых слов);
- 8) критерий протяженности, учитывающий количество предложений между первым и последним упоминанием данного предмета речи;
- 9) интуитивный критерий (выбор осуществляется испытуемыми на основе субъективного восприятия);
- 10) контекстологический критерий (предполагает учет денотативно тождественных лексических единиц, поскольку ключевое слово обязательно совпадает в тексте только с одной лексической единицей, им может быть и устойчивое словосочетание, и различные синонимы, и местоименные замены).

В работе мы использовали статистический метод. Процесс индексирования включает несколько главных и второстепенных операций, которые выполняются последовательно или одновременно [2].

1. Анализ содержания документа и выбор из текста номинативных лексических единиц, существенных с точки зрения его содержания.

2. Формирование перечня ключевых слов (морфологически нормализованных лексических единиц), используемых в процессе свободного координатного индексирования.

3. Избыточное индексирование – введение дополнительных лексических единиц, связанных по смыслу с исходными ключевыми словами.

Индексирование – одно из основных понятий информационного поиска. Цель данного процесса в информационной системе – приписать каждому документу и запросу некоторое множество «индексов» – идентификаторов,

отражающих содержание документа. Идентификаторы называют рубриками, ключевыми словами, дескрипторами, в зависимости от типа используемого ИПЯ. Эти «индексы» отражают содержание документа и управляют поиском, приводя к тем документам, термины которых оказываются наиболее сходными с терминами запроса.

Всего для анализа нами было отобрано 40 англоязычных новостных публицистических текстов по теме «Культура», и мы выделили более узкие тематики в данной области. Все текстовые единицы по анализируемой тематике были разделены на десять более узких групп на основании тематической принадлежности публицистических текстов. В созданной нами базе данных поисковый образ, например, для тематики «Books» выглядит следующим образом, что представлено в таблице.

Поисковый образ для тематики «Books»

Ключевое слово	Грамматические формы ключевых слов		
AUTHOR	authors		
BESTSELLING			
BOOK	books		
CRIME	crimes		
DETECTIVE	detectives		
FICTION	fictions		
NOVEL	novels		
NOVELIST	novelists		
PRIZE	prizes		
READ	reads	reading	read
SPONSORSHIP	sponsorships		
TOPIC	topics		
WRITE	writes	writing	wrote
WRITER	writers		
YEAR	years		

На основании разработанных поисковых образов по каждой тематике был составлен алгоритм автоматического индексирования англоязычных новостных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Search pattern of a document [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.finam.ru/dictionary/wordf0229200013/default.asp?n=1>. – Дата доступа : 12.04.2017.

2. *Захаров, В. П.* Информационные системы (документальный поиск) / В. П. Захаров. – СПб., 2002. – 188 с.

The article analyses the procedure of creating a search image for English publicist texts, which is based on the algorithm of identifying key or prop words.

А. Л. Холод
Минск, МГЛУ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ОБНАРУЖЕНИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СТРАТЕГИИ «ФЛЕЙМ» В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются десять основных классов лексических единиц, однозначно указывающих на наличие в испаноязычных твитах деструктивной стратегии «флейм». Отмечается, что деструктивный эффект высказывания может быть усилен путем использования особых идеографических знаков (эмодзи), передающих в виртуальной коммуникации определенную эмоцию или эмоциональное состояние пользователя. В работе также приводятся второстепенные маркеры реализации флейма, которые проявляют свой деструктивный потенциал в случае, если их количество в твите превышает две единицы. Выявленные в ходе исследования маркеры составили лингвистическую базу данных системы автоматического обнаружения и блокировки твитов с флеймом.

Периодическое отклонение от норм и правил кооперативного общения в Интернете, а также агрессивное речевое поведение его пользователей явно указывает на деструктивный характер виртуальной коммуникации, в рамках которой можно выделить различные деструктивные стратегии, и в частности флейм. Флейм представляет собой эмоциональное обсуждение определенной темы, сопровождающееся нарушением принципов конструктивной дискуссии. Флейм относится к запрещенным сетевым коммуникативным стратегиям, однако особенности идентификации пользователей превращают контроль за соблюдением правил сетевого общения в довольно сложную задачу. Модераторы блогов, форумов, социальных сетей и других сетевых средств общения блокируют сообщения агрессивных пользователей вручную. В то же время выявленные в полном объеме вербальные и невербальные средства реализации данной стратегии могут быть положены в основу создания системы автоматического обнаружения и блокировки сообщений с флеймом.

Материалом исследования послужили 278 испаноязычных аккаунтов социальной сети Твиттер (общим объемом более 250 000 твитов), из которых детально было проанализировано 5000 твитов и выделено 720 твитов, содержащих признаки деструктивной стратегии «флейм». Общение на этих аккаунтах характеризуется повышенной эмоциональностью и экспрессивностью, а также категоричностью высказываемых точек зрения. На первом этапе исследования отобранных твитов были определены основные классы вербальных и невербальных маркеров, однозначно указывающих на наличие деструктивной стратегии, важных для разработки процедуры автоматического

определения средств ее реализации. К ним относятся табуированная и обценная лексика (однокомпонентная, двухкомпонентная, трехкомпонентная и многокомпонентная); пейоративно-оценочная лексика; слова, называющие понятия, связанные с интимной жизнью человека; слова, называющие понятия, связанные с сексуальной ориентацией и сексизмом; слова, называющие животных; англицизмы с негативной коннотацией; эмодзи. Помимо однозначных маркеров флейма, также были выявлены второстепенные единицы, чей негативный потенциал проявляется в комплексном употреблении. Среди них можно выделить личные и вопросительные местоимения; слова-интенсификаторы; некоторые пунктуационные знаки и графические средства.

На втором этапе исследования из отобранного массива испаноязычных твитов были выделены конкретные лексические единицы, вошедшие в состав указанных выше классов. Выделение маркеров флейма проводилось с опорой на знание испанского языка, а также с учетом ряда учебных и электронных источников. Внутри некоторых классов лексические единицы были разделены по группам в зависимости от числа входящих в них компонентов. Как показало исследование, важную роль среди всех маркеров играют лексико-семантические индикаторы флейма. При анализе отобранного массива твитов особое внимание уделялось таким маркерам деструктивной стратегии, как лексика с эмоционально-экспрессивной стилистической окраской, грубо-просторечная и табуированная лексика, основной функцией которых является стимулирование у речевого партнера негативных эмоций. Фрагментарно представленные в табл. 1–5 лексические единицы указывают на явное наличие флейма.

Т а б л и ц а 1

Фрагмент списка однокомпонентной табуированной и обценной лексики

№	Лексическая единица
1.	chucha
2.	idiota
3.	imbecil
4.	gilipollas
...	...

Т а б л и ц а 2

Фрагмент списка двухкомпонентной табуированной и обценной лексики

№	Лексическая единица
1.	diciendo pendejadas
2.	gringa comemierda
3.	lame huevos
4.	retraso mental
...	...

Т а б л и ц а 3

Фрагмент списка трехкомпонентной табуированной и обценной лексики

№	Лексическая единица
1.	egocéntrica de mierda
2.	hijo de puta
3.	infórm a cagar
4.	ojala te mueras
...	...

Т а б л и ц а 4

Фрагмент списка многокомпонентной табуированной и обценной лексики

№	Лексическая единица
1.	de la familia de tordo
2.	mal de la cabeza
3.	no me interesa tu opinión
4.	te pongan a comer mierda
...	...

Т а б л и ц а 5

Фрагмент списка слов, называющих понятия,
связанные с интимной жизнью человека

№	Лексическая единица
1.	chinga tu madre
2.	coge por el culo
3.	haz mamada
4.	haz una cubana
...	...

Также были выделены лексические единицы, которые в эмоционально-экспрессивном плане нейтральны, но обладают отрицательной, актуализируемой в ходе реализации высказывания коннотацией и, следовательно, высоким деструктивным потенциалом. Особенно часто для характеристики адресата во время спора используется пейоративно-оценочная лексика и зоосравнения. Зоосравнения и лексические единицы, которые называют понятия, связанные с сексуальной ориентацией или сексизмом, часто активизируют свой негативный потенциал, находясь в сочетании с соответствующей оценочной лексикой или формой 2-го лица единственного числа глагола *ser*. В то же время интернет-общение постоянно упрощается, например, путем употребления эллиптических предложений, что, в свою очередь, сокращает текст твита до одного слова, при этом усиливая его негативный смысл. Фрагменты списков подобных лексических единиц приведены в табл. 6–9.

Т а б л и ц а 6

Фрагмент списка лексических единиц, называющих животных

№	Лексическая единица
1.	burro
2.	cabrón (cabron)
3.	cerdo
4.	perra
...	...

Т а б л и ц а 7

Фрагмент списка лексических единиц, называющих понятия, связанные с сексуальной ориентацией и сексизмом

№	Лексическая единица
1.	feminista
2.	gay
3.	lesbiana
4.	machista
...	...

Т а б л и ц а 8

Фрагмент списка пейоративно-оценочной лексики

№	Лексическая единица
1.	hortera
2.	de mierda
3.	pendejo
4.	piojoso
...	...

Т а б л и ц а 9

Фрагмент списка форм глагола *ser* во 2-м лице единственном числе

№	Лексическая единица
1.	eres sos
2.	serás
3.	habrá sido
4.	serías
...	...

Использование английского языка является очень активным в интернет-коммуникации. Как и другие языки, этот язык богат лексическими единицами с негативной коннотацией. Употребление подобных единиц делает общение более

универсальным и в некоторых случаях позволяет усилить деструктивный эффект высказывания. В табл. 10 приведен фрагмент списка англицизмов, выявленных в ходе анализа испаноязычных твитов с маркерами флейма.

Т а б л и ц а 10

Фрагмент списка англицизмов с негативной коннотацией

№	Лексическая единица
1.	bitch
2.	burn in hell
3.	dickhead
4.	screw you
...	...

В ходе выполнения исследования в качестве экспликаторов конфликтной речевой ситуации были выделены идеографические знаки (эмодзи), указывающие на отрицательное невербальное поведение коммуникантов. В современной интернет-коммуникации эмодзи стали занимать особое место в процессе передачи эмоций и эмоциональных состояний. Эти графические единицы могут не только усилить деструктивный эффект высказывания, но и служить в качестве самостоятельного твита (например, эмодзи «средний палец»). В табл. 11 приведены эмодзи, которые являются однозначными маркерами флейма и выражают негативные эмоции, эмоциональное состояние и реакцию в отношении собеседника.

Т а б л и ц а 11

Список эмодзи, отражающих негативное эмоциональное состояние автора твита

№	Эмодзи
1.	
2.	
3.	
4.	

Помимо вербальных и невербальных единиц, которые явно указывают на наличие деструктивной стратегии «флейм», в текстах испаноязычных твитов были выделены те маркеры, которые проявляют свой деструктивный потенциал в комплексном употреблении. Под комплексным употреблением в работе понимается одновременное употребление как минимум трех подобных индикаторов. Второстепенные маркеры реализации флейма представлены в табл. 12, 13.

Список личных и вопросительных местоимений

№	Лексическая единица
1.	me
2.	qué (que)
3.	te
4.	tú (tu)
5.	yo

Личные и вопросительные местоимения позволяют персонализировать и/или окрасить сообщение в эмоционально-экспрессивном плане, что, в свою очередь, сигнализирует о появлении флейма.

Фрагмент списка слов-интенсификаторов

№	Лексическая единица
1.	absolutamente
2.	extremadamente
3.	imposiblemente
4.	increíblemente
...	...

Чаще всего, в роли интенсификаторов выступают наречия, прилагательные или написание всего сообщения либо его части прописными буквами. Такие средства позволяют пользователям наглядно подчеркнуть важность сообщения, его части или одного слова. Например: *tu vieja @UnaLindaDamita@unacomadreja LO SE POR ESO TE DIGO*. Пользователи Твиттера употребляют все виды интенсификаторов для увеличения негативного эффекта высказывания, выделения своей точки зрения, выражения своего эмоционального состояния и усиления приказного тона.

Среди пунктуационных знаков, выступающих в роли второстепенных маркеров флейма, можно отметить присутствие в тексте твита более одного вопросительного и/или восклицательного знака. Кроме того, из-за упрощения общения в Интернете пользователи могут, как случайно, так и целенаправленно (повышая уровень агрессии), сделать опечатку и вместо «!» использовать «1».

Выделенные вербальные и невербальные маркеры флейма в полном объеме составили лингвистическую базу данных системы автоматического определения средств реализации коммуникативной стратегии «флейм» в испаноязычных твитах.

The article deals with the verbal and non-verbal markers of flame commonly used as one of the virtual destructive strategies in twits. Ten classes of the main Spanish lexical and grammatical units, the emoji and two classes of the secondary units are under consideration as linguistic database elements of the system of automatic detection of means of flame strategy realization in virtual communication.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

В. И. Божкова

Минск, БГУ

СПЕЦИФИКА МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. АЛМОНДА

Настоящее исследование посвящено проблеме преломления жанра магического реализма в британской литературе на примере произведений писателя в области детской литературы Д. Алмонда «Скеллиг», «Глина» и «Огнеглотатели». В ходе исследования данных романов были выявлены особенности функционирования жанра магического реализма в рамках детской британской литературы.

Современная литература представляет собой уникальное смешение различных жанров и течений, что является результатом глобализации. Подобная тенденция оказывает существенное и необратимое влияние на понимание литературного течения в целом. Магический реализм – это отражение межкультурного взаимодействия и конфликта, что обуславливает актуальность данной темы в связи с набирающей обороты глобализацией в современном мире. Развитие магического реализма достигло своего апогея в произведениях авторов Латинской Америки, и само его понятие, как правило, неразрывно связано именно с этим регионом, однако интерес к данному феномену постепенно возрастает и среди писателей других стран.

Настоящее исследование посвящено проблеме преломления жанра магического реализма в британской литературе на примере произведений «Скеллиг», «Глина» и «Огнеглотатели» писателя в области детской литературы Д. Алмонда. На основе анализа произведений Д. Алмонда были выявлены особенности магического реализма в детской британской литературе.

Интерес к магическому реализму не угасает и по сей день: так, например, в рамках XXIV Минской международной книжной выставки-ярмарки, прошедшей в феврале 2017 года, на стенде Посольства США была представлена презентация на тему «Американский магический реализм. “Возлюбленная” Тони Моррисон». Также в 2017 году – спустя десять лет после англоязычного – вышло в свет русскоязычное издание романа Д. Алмонда «Мой папа – птица».

Магический реализм можно считать одним из наглядных примеров преобразования и отображения истории в искусстве. Произведения данного течения вмещают в себе противоречивые элементы реальности и фантастики: «это драматическое противостояние и соединение конфликтующих начал в новом единстве, которое должно было снять исходное противоречие между европейской и индейской культурами» [1, с. 14–18]. Таким образом, магический реализм являет собой идею двух отличных друг от друга сообщающихся миров, а символичность элементов приводит к возможности множественности толкования тех или иных явлений.

Несмотря на очевидную принадлежность произведений Д. Алмонда к исследуемому жанру, магический реализм в британской литературе приобретает ряд специфических особенностей. В отличие от латиноамериканских писателей Д. Алмонд привержен европейскому стремлению все объяснить, но из-за недопустимости жанром подобного рационализма он ограничивается лишь редкими подсказками, вариантами того, как следует понимать некоторые из магических проявлений. Он не дает конкретного ответа, но снабжает инвентарем определенных знаний, которыми читатель может оперировать, чтобы объяснить происходящее. И исходя из существования различных вариантов рассмотрения проблемы (с точки зрения либо рационального, либо мифологического мышления), возникает целый ряд допустимых толкований. В «Скеллиге» загадочное существо с крыльями может быть ангелом, призванным охранять ребенка от смерти, в том случае, если рассматривать его с религиозной точки зрения. Если же ориентироваться на то, что во время повествования автор часто упоминает Ч. Дарвина и его теорию эволюции, а также рассказывает об особенностях строения скелета птиц, то можно предположить, что Скеллиг – это вероятный результат эволюции человека, из лопаток которого выросли легкие, а благодаря пневматизации – крылья. Рассматривая это существо глазами единственного взрослого в романе, который видел Скеллига, можно сделать вывод, что он лишь мираж и игра воображения.

Похожим способом можно рассмотреть и огнеглотателя в романе Д. Алмонда «Огнеглотатели». До самого конца произведения остается загадкой, действительно ли он волшебник либо же простой фокусник, каким видят его многие персонажи книги.

Не менее интересно толкование оживших глиняных статуэток в романе «Глина». Хотя большинство фактов указывают на то, что они были созданы при помощи темной магии, автор выдвигает гипотезу о том, что все произведения искусства в некотором смысле живые. При этом он не только использует олицетворение по отношению к ним, но также задается вопросами «Можно ли сравнивать человеческое творчество и божественное сотворение?» [2, с. 82] и «Где предел нашей способности к творению?» [Там же].

Особое отражение в произведениях Д. Алмонда находит такой признак магического реализма, как антиутопичность, наиболее отчетливо проявляющийся в романе «Огнеглотатели». Жестокий антиутопичный мир в рамках магического реализма – сама действительность. Герои произведений бессильны перед лицом реальности. Антиутопия зачастую изображает общество, зашедшее по какой-либо причине в тупик, что и показано в «Огнеглотателях», миром которого правят деспотичные вожди, не боящиеся поставить всю планету под угрозу уничтожения.

Как и другие писатели исследуемого нами жанра, Д. Алмонд не дает однозначной личной оценки магической действительности. В трех исследуемых романах автор избегает оценочности и категоричности. Как уже было упомянуто выше, одним из способов отображения неявной позиции автора является использование открытой концовки в произведениях.

Гуманизм Д. Алмонда исполнен призыва к борьбе, как истинный последователь идей Г. Г. Маркеса он также считает, что наихудшее, что может случиться с человеком (или с человеческим обществом), – это потеря мужества, воли, забвение прошлого, смирение перед злом: «Мир того и гляди погибнет. Хотелось встать и успеть побороться до того, как опустится тьма» [3, с. 159].

Карнавализация повествования и стремление к описанию функционирования человеческого сообщества на уровне коллективного мифологического сознания проявляются в творчестве Д. Алмонда посредством вплетения в произведения элементов мифологии и фольклора. Д. Алмонд использует мифологию не только как призму восприятия современности, но также обеспечивает возможность «диалога» между различными текстами при помощи частого использования аллюзий.

Аура исключительности, еще один из элементов магического реализма, претерпела особые изменения в рамках произведения британского автора. Это связано с тем, что познаваемая действительность для европейского реципиента носит обыденный характер и не отличается особой новизной для читателя. Однако и в творчестве Д. Алмонда, хоть и по-своему, элемент ауры исключительности и формула А. Ф. Кофмана *ega cosa tuu de ver* реализуются в полной мере, основанные на внушительном пласте исконно британской культуры, которая не менее, чем латиноамериканская, заслуживает определения «стоило на это посмотреть» [4].

Особый интерес в реализации данного элемента в произведениях Д. Алмонда заключается в том, что он, пытаясь создать атмосферу исключительности, возрождает интерес читателя к родной культуре. Таким образом, его произведения обладают «новизной познаваемой реальности» не только для реципиентов иных регионов, но также для европейцев, которые заново открывают для себя уже знакомую Великобританию.

Наряду с развлекательной функцией в произведениях Д. Алмонда также реализуется еще одна основная функция детской литературы – развивающая, и элемент исключительности играет в этом немаловажную роль. Герои романов Д. Алмонда – умные и начитанные дети. Писатель часто критикует в своих работах школьное образование, поскольку считает, что «школа отбивает естественную любознательность, творческое начало». Автор вплетает в повествование факты, отражающие особенности британской культуры, имена исторических или культурных деятелей, но преподносит их так, чтобы удивить читателя: то, что можно узнать из школьных учебников или сухих энциклопедий, он практически не упоминает, а вместо этого рассказывает о том, что ново и необычно, тем или иным образом связывая это с жизнью героев: «Враждуем мы с ними лишь потому, что они из Пелау, а мы из Феллинга. Мы якобы презираем их за то, что они протестанты, а они якобы презирают нас за то, что мы католики, но, если честно, дело не в этом. Дело во вражде между Феллингом и Пелау» [2, с. 23]. Данный пример служит ссылкой на английскую революцию 1640–1660 гг., принявшую форму религиозной войны между англиканами и пуританами, но по сути бывшей чем-то большим, чем религиозная борьба. Основной замысел заключается в том, чтобы отразить реалии британской действительности так, чтобы показать их исключительность.

Как некогда конкистадоры поражались открывшейся им новой реальности, наполненной типичными для латиноамериканских индейцев вещами, так теперь Д. Алмонд наполняет свои произведения элементами, неразрывно связанными с Великобританией. Таким элементом, например, является упоминание в романе «Скеллиг» английского поэта У. Блейка (William Blake, 1757–1827). Много-кратное обращение Д. Алмонда к стихотворениям поэта, помимо создания ауры исключительности, обуславливает интертекстуальность произведения. Кроме того, сама неординарность У. Блейка как личности подкрепляет эффект необычности как признак магического реализма. Д. Алмонд считает веру У. Блейка в ангелов достаточным основанием для того, чтобы не оспаривать вероятность данного явления, а, напротив, апеллируя к точке зрения поэта, он доказывает нормальность существования магических элементов в реальном мире: «Она сняла книгу с полки и показала мне рисунки Блейка: крылатые существа, будто бы населявшие его домик в Лондоне» [5, с. 160].

Итак, черты магического реализма, встречающиеся в рассматриваемых произведениях, претерпевают некоторые изменения. Для ряда проблем, обусловленных традициями магического реализма как латиноамериканского течения, с которыми могут столкнуться писатели европейского происхождения, Д. Алмонд предлагает определенные пути решения, основанные на восприятии фантастических элементов через призму непосредственно европейской культуры. Таким образом, проанализировав творчество Д. Алмонда, можно сделать вывод о том, что его произведения обладают всеми существенными чертами магического реализма, что позволяет отнести их к рассматриваемому жанру, но при этом они обладают рядом особенностей, обусловленных культурным контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красовская, Н. В. Магический реализм как способ реализации латиноамериканского концептуально-метафорического кода / Н. В. Красовская // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9, вып. 2. – С. 14–18.
2. Алмонд, Д. Глина : роман / Д. Алмонд ; пер. с англ. А. Глебовской. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 240 с.
3. Алмонд, Д. Огнеглотатели : роман / Д. Алмонд ; пер. с англ. А. Глебовской. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 208 с.
4. Алмонд, Д. Скеллиг : роман / Д. Алмонд ; пер. с англ. О. Варшавер. – М. : Иностранка, 2004. – 221 с.
5. Кофман, А. Ф. Истоки магического реализма в латиноамериканской литературе / А. Ф. Кофман // Лат. Америка. – 2015. – № 1. – С. 90–100.

This work is dedicated to the research of breaking traditions of magic realism within a novel written by the British author D. Almond. By ascertaining features of the considered genre and defining its specific characteristics the ability of referring to magic realism works of non-Latin American origin can be proved.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА

В статье рассматривается прагматический аспект перевода при работе переводчика с текстами политического дискурса. Для рассмотрения данной проблемы выбраны выступления президента США Д. Трампа.

Политика всегда была неотъемлемой частью жизни современного общества. Почти вся политическая деятельность очень тесно связана с обществом: предвыборные кампании, митинги, выборы, инаугурации, управление государством. В частности, публичные выступления – это инструмент, который политики используют для формирования мнения общественности и управления обществом в целом.

Политический дискурс обладает определенным прагматическим потенциалом, так как он всегда создается с определенным намерением автора. Таким образом, с каждым годом публичные выступления представляют все больший интерес не только для таких общественных наук, как право, экономика, социология, психология, но и для лингвистики. В частности, их активно изучают лингвисты-переводчики. Отличительной чертой выступлений политических деятелей является способность оказывать некоторое прагматическое воздействие на слушателя, что повышает ответственность переводчика за качество перевода.

По мнению В. Н. Комиссарова, осуществление прагматического воздействия на реципиента перевода является важнейшей составляющей любой коммуникации. Выбор переводчиком тех или иных средств при переводе исходного текста определяет, будут установлены или нет нужные прагматические отношения между реципиентом перевода и самим текстом перевода. «Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на рецептора перевода называется прагматическим аспектом или прагматикой перевода» [1, с. 210].

Для достижения точности и адекватности переводного текста перед переводчиком встает задача выделения смысловых компонентов, которые необходимо точно и полно передать, и компонентов, которые можно опустить. Следовательно, переводчику необходимо использовать широкий ряд переводческих трансформаций, так как задачей адекватного перевода является «не воспроизведение высказывания в той форме, в которой оно было представлено в оригинале, а реализация при помощи тех или иных средств языка перевода сходной прагматической или иллокутивной цели» [2, с. 6].

Обычно процесс перевода делят на два этапа. На первом этапе переводчик выступает в роли реципиента оригинала, его задачей является извлечение содержащейся в нем информации. При этом он должен иметь фоновые знания,

как у носителей переводимого языка. На втором этапе перевода переводчик старается обеспечить понимание оригинала реципиентом перевода. Ему необходимо учитывать, что получатель перевода, по сравнению с носителем языка, имеет другую культуру и историю, другой жизненный опыт и фоновые знания. В случае, если такие различия мешают восприятию и пониманию исходного текста, переводчик вносит в текст перевода необходимые изменения и тем самым устраняет расхождения, препятствующие пониманию.

Таким образом, как мы видим, перевод представляет собой сложный процесс, а от грамотной прагматической адаптации напрямую зависит качество перевода. Необходимо отметить, что в текстах политического дискурса отмечается наличие когнитивной, эмотивной, эстетической и эмоциональной информации. В рамках данной статьи мы остановимся на особенностях передачи эмоциональной информации, которая достигается сохранением всех стилистических средств, которые есть в исходном тексте.

Публичные выступления политических деятелей всегда содержат прагматический потенциал, так как главной задачей политика является, произвести своим выступлением определенный эффект на общественность, воздействовать на сознание людей. В частности, одним из таких политических деятелей является президент США Дональд Трамп, и в данной статье мы рассмотрим перевод его выступлений.

Выступления Д. Трампа всегда очень эмоциональны. При этом их эмоциональность проявляется не только в содержании речи, но и ее структуре. Очень часто он прибегает к использованию синтаксического параллелизма, который почти всегда сопровождается лексическими повторами. Рассмотрим несколько примеров:

We will face challenges. We will confront hardships. But we will get the job done. – ‘Мы будем сталкиваться с проблемами. Мы будем сталкиваться с трудностями. Но мы справимся’ (Инаугурационная речь 20 января 2017);

We will bring back our jobs. We will bring back our borders. We will bring back our wealth. And we will bring back our dreams. – ‘Мы вернем наши рабочие места, вернем наши границы, вернем наше богатство и вернем наши мечты’ (Инаугурационная речь 20 января 2017).

Такие повторы создают ритм, делают речь более живой, передают пульсирующее чувство. Поэтому при переводе особенно важно сохранить эти конструкции и эмоциональность, которые помогают максимально наглядно донести до слушающего его идеи и представления.

Также его речи свойственны многократные повторения одного слова или даже словосочетания, что позволяет подчеркнуть мысль высказывания, например:

*There should be no fear – we are **protected**, and we will always be **protected**. We will be **protected** by the great men and women of our military and law enforcement and, most importantly, we are **protected** by God.* – ‘Не бойтесь – мы **защищены**, и мы всегда будем под **защитой**. Нас **защищают** выдающиеся мужчины и женщины, которые служат в наших вооруженных силах и правоохранительных органах. И самое главное – нас **защитит** Господь’ (Инаугурационная речь 20 января 2017).

В данном случае такие повторы более ярко доносят до слушателя смысл высказывания и при переводе их необходимо сохранить, во избежание потери прагматического потенциала высказывания.

That is now what I want to do for our country. Tremendous potential. I've gotten to know our country so well. Tremendous potential. It is going to be a beautiful thing. Every single American will have the opportunity to realize his or her fullest potential. – ‘Теперь я хочу сделать это для нашей страны. [У нее] невероятный потенциал. У меня была возможность так хорошо узнать нашу страну. Невероятный потенциал. Это будет прекрасно. Каждый американец и американка получают возможность полностью реализовать потенциал’ (Победная речь 9 ноября 2016).

В данном примере невозможно при переводе опустить повторное использование словосочетания *tremendous potential*, так как оно помогает убедить слушателя в том, что Америка обладает огромным, невероятным потенциалом.

Также для убеждения аудитории Д. Трамп обращается к такому авторитетному источнику, как Библия:

The Bible tells us, "How good and pleasant it is when God's people live to get her in unity". – ‘Библия говорит нам: «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе и в единстве»’ (Инаугурационная речь 20 января 2017).

Такая отсылка к заветам Библии оказывает достаточно сильное воздействие и для передачи этого эффекта необходимо сохранить его стиль.

Далее позволим себе перейти к рассмотрению аспектов когнитивной информации. Часто в публичных выступлениях Трампа мы можем встретить упоминания различных названий, которые при отсутствии у получателя перевода фоновых знаний могут воспрепятствовать полноценному пониманию. Так, например, при передаче программы медицинского страхования «Obamacare» в переводе обязательно будет добавлено ‘реформа здравоохранения’. Такое добавление делает наименование более понятным получателю перевода без потери прагматического потенциала:

Also time for the Senate Democrats to take responsibility for Obamacare and to work with us to replace it with new forms. – ‘Также это время для сенаторов Демократической партии взять на себя ответственность за **реформу здравоохранения Obamacare** и работать с нами, чтобы заменить ее новыми реформами’ (Выступление на митинге во Флориде 18 февраля 2017).

Рассмотрим другой пример:

One of the biggest orders in the history of aviation, the order for the F-35. – ‘Один из крупнейших заказов в истории авиации, заказ **истребителя F-35**’ (Выступление на митинге во Флориде 18 февраля 2017).

В данном случае к названию *F-35* было добавлено ‘истребитель’ для обеспечения более полного понимания.

Очень часто в своих выступлениях Дональд Трамп упоминает высокопоставленных чиновников, что не может не препятствовать пониманию перевода, так как в Америке принято после окончания госслужбы оставлять титул за высокопоставленными чиновниками. В таких случаях уместно будет

использовать комментарий, чтобы предоставить получателю перевода справочную информацию, необходимую для адекватного восприятия основного текста, например:

*I've just received a call from **Secretary Clinton**.* – ‘Я только что получил звонок от **госсекретаря Клинтон** (Хиллари Клинтон занимала пост госсекретаря с 2009 по 2013 год; в соответствии с американской традицией титул за высокопоставленными чиновниками остается после окончания госслужбы)’ (Победная речь 9 ноября 2016).

Таким образом, проанализировав перевод выступлений Дональда Трампа, можно прийти к следующему выводу: перевод публичных выступлений политических деятелей является сложным и крайне ответственным процессом. Такая работа требует от переводчика отличных знаний не только родного языка, но и иностранного, а также наличия глубоких фоновых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. *Литвинова, Е. М.* Коммуникативно-прагматический аспект перевода специальных текстов [Электронный ресурс] / Е. М. Литвинова // Труды МГЛУ : электронный журнал. – 2010. – Вып. 14.

The article is devoted to the analysis of the pragmatic aspect of translation of texts belonging to political discourse. For the consideration of this problem speeches of the U.S. President D. Trump are chosen.

K. A. Voskobovich
Minsk, MSLU

GERMAN BORROWINGS IN AMERICAN ENGLISH AND THEIR IMPACT ON AMERICAN TOPONYMY

Настоящая статья посвящена анализу влияния немецкой иммиграции на культурное развитие США, а также заимствованиям лексических единиц из немецкого языка в XIX и начале XX в. Масштабность и устойчивость иммиграции определяет характер ее роли в развитии американского английского. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между странами, вместе с тем разнообразные фонетические и морфологические тенденции его развития.

In every era of the USA history, from colonial times in the seventeenth century through the early 21st century, women and men from around the world opted for the American experience. They arrived as foreigners, bearers of languages, cultures, and religions that at times seemed alien to America's essential core. Over time, as ideas about the USA culture changed, the immigrants and their descendants simultaneously formed ethnic communities and participated in American civic life, contributing to the nation as a whole. For generations America

was a magnet for many immigrants as it promised freedom and land. These reasons may be applied to other migrant groups entering the USA, making America a melting pot of nations and a land of immigrants.

As the Germans are one of the predominant immigrant groups of the nineteenth century, German immigration and its contribution to the USA occupies a special position. According to the statistics, 46million Americans claimed German ancestry, making them by far the largest ancestry group among the four leading immigrant groups from Europe.

In many cases groups of German immigrants settled in such a way as to establish speech islands characterized by a distinct local dialect. The largest and best known of them is the Pennsylvania German dialect. Pennsylvania Dutch in this context established itself as a dialect that is spoken by the Amish, and it comprises features of both languages.

Borrowing or sharing words between languages is a natural process that occurs when different cultures and societies interact. While English words appear more and more frequently at the present time in other languages, due to the use of English as a global language, English itself has adopted words from other languages. As Germany was at the center of both World Wars in the 20th Century, it is obvious that politically motivated language contact inevitably occurred. Especially during and after World War II (1939–1945) German words such as *blitzkrieg* and *flak* entered the English language. Often they retain a form of their meaning, as in *blitzkrieg* (lightning war for sudden air attack). Sometimes, however, the meaning is altered, yet related. Flak is defined in English as antiaircraft fire, yet the original word in German is actually an abbreviation for the gun from which the fire comes (Fliegerabwehrkanone, literally aircraft anti gun).

Many words associated with Hitler and the Nazis also became well known in English during this time, such as Gestapo, SS, Reich, Autobahn, and Fuhrer. Other military words, not directly related to the Nazi party, also entered English at this time. This list includes ***Luftwaffe*** (air force), ***Panzer*** (a German tank of World War II), ***U-Boat*** (a German submarine). On the one hand some of these words can be considered political or military, on the other hand, more common German words entered the English language after more direct and close contact between soldiers and civilians on the ground, e.g. ***verboten*** (prohibited by dictate), ***achtung*** (attention! watch out!), ***jawoh*** (Yes sir!).

In some cases, the Germanic origins of English words are not so obvious. The history of the word **dollar** involves many countries in different continents. This word is much older than the American unit of currency. It is an English form of *thaler* (pronounced *taler*, with a long *a*), the name given to coins first minted in 1519. Today the town of Joachimsthal lies within the borders of the Czech Republic and its Czech name is Jáchymov. The **thaler** was the unit of currency in Prussia and some of the other German states until the second half of the 19th century. The unification of Germany in 1871 and the adoption of the mark as the common currency put an end to the old units, just as the adoption of the Euro and the introduction of new notes and coins in 2002 put an end to the French franc, the German Deutschemark, Italian lire, Spanish peseta, and other European currencies. Although many English words trace their roots back to Greek, Latin,

French, or Italian, the core of English – the basic words in the language – are Germanic. Moreover, there are some words in both languages that have spelling and pronunciation similarities but different meanings. For instance, *Gift* in English it denotes a present, but in German means poison. Besides, sometimes the words of German origin are not too easy to identify, due to the fact that there are loan translations. It is evident that there is some resemblance between English and German: friend – *Freund*, sit – *sitzen*, son – *Sohn*, all – *alle*, flesh (meat) – *Fleisch*, water – *Wasser*, drink – *trinken* or house – *Haus*, blue – *blau*, guest – *Gast*, insect – *Insekt*, nine – *neun*, mouse – *Maus*, coffee – *kaffee*, justice – *Justiz*. Words in this group are called cognates.

Immigration from Germany to America was not the only factor during the middle and late nineteenth century which influenced the borrowing of German words into the English language. Due to the fact that at that time German universities developed into major world renowned centres of scientific and intellectual thought at the beginning of the twentieth century it was necessary for many English students majoring in or involved with the sciences to study German, which was one of the main languages used for scientific discourse. Nowadays some English scientific and medical terms also reflect this early scientific role of the German language. It is remarkable that German proper names became widely used in science: *Alzheimer's disease* named after Alois Alzheimer. The *Doppler Effect* (the apparent change in **frequency** and **wavelength** of a **wave** that is perceived by an observer moving relative to the source of the waves) was also named after the Austrian physicist who discovered it. Moreover, German terms became extensively used in philosophy and psychology due to the works by Nietzsche and Schopenhauer. Besides, The Fahrenheit temperature scale is named for its German inventor, Daniel Gabriel Fahrenheit, who invented the alcohol thermometer in 1709 and the Fahrenheit temperature scale; which is still commonly used in the USA. The diesel engine is named for its German inventor, *Rudolf Diesel*. Actually, immigrants who move from one place to another make great efforts to adapt to a new place or at least to find an accommodation with a new land, to learn a new language, to get acquainted with new traditions, to make for a living in an unfamiliar environment. So in America they preferred to live in the German-speaking enclaves and selected American places with topography reminding them most of where they had lived in Germany. In addition to that, Germany as a country did not exist until 1871 when under the leadership of the Prussian king the German states were united. So many people claimed that there were not from Germany, but a particular region of their Native land.

German geographical names can also be found throughout the Midwest region of the country, such as New Ulm and many other towns in Minnesota; Bismarck (North Dakota's state capital), Munich, Karlsruhe, and Strasburg in North Dakota; New Braunfels, Fredericksburg, Weimar, and Muenster in Texas; Corn (formerly Korn), Kiefer and Loyal (formerly Kiel) and Berlin in Oklahoma; and Kiel, Berlin, and Germantown in Wisconsin.

Towns with names like Fredricksburg, New Braunfels, Bergheim and Boerne reveal the Germanic influence on the early settlement in this area. New Braunfels, located about 30 miles north of San Antonio, was one of the earliest German

settlements in the area. Prince Carl of Solms Braunfels founded it in 1845. Today, the town still bears the imprint of its German roots. Houses and buildings near the old town center have a distinctively German style. It is home to the Schlitterbahn, one of the largest and grandest water parks in the USA. Water slides and wave pools surround a replica of an old German castle and the entire park is built in a German motif. One more city is New Ulm, a city located in the south-central part of Minnesota. It was established in 1854 and named after the city of Ulm in southwestern Germany and thus represents a toponymic transfer from Europe to America. It was created in order to provide shelter for German immigrants on the American frontier. Approximately 94 percent of New Ulm's residents were German-born or their descendants in 1870. German ancestry and heritage still predominate in the community today.

The largest German-named American city is Charlotte, NC. It honors Charlotte of Mecklenburg-Strelitz, the German-born wife of England's King George III, who was still reigning over the American colonies when Charlotte was founded. Here are a few US towns with German names: Germantown (Tennessee/Maryland/Pennsylvania) Frankenmuth, Michigan (called 'Little Bavaria') Fredericksburg, Texas. Hermann, Missouri. New Ulm, Minnesota. Edelbruck, Iowa. Carlsbad, California.

Thus, the evidence from this research project indicates that the German factor has affected American English profoundly, especially due to its flexibility, word-stock and applicability. It also has become a major phenomenon in the expansion of American English in the world.

The article highlights the role of the German factor in the development of the country and examines the influence of mass German immigration on American English. Although German immigration began with the establishment of the original British colonies in the New World, in the nineteenth century German immigration to the USA was overwhelmingly compared to other ethnic groups. In this respect, German-speaking people influenced the areas of human endeavor and provided American English with a huge number of words.

М. С. Габрусёнок

Минск, БГУ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Настоящая статья знакомит читателя с основными лексико-семантическими адаптациями, применяемыми при переводе на русский язык англоязычной детской литературы. Автором также было проведено практическое исследование, материалом для которого послужила англоязычная сказка Элеанор Фарджон «Седьмая принцесса». Автор рассматривает, какие адаптации были использованы при переводе. Проведенный анализ позволяет выявить ряд отличий текста-оригинала в сравнении с его переводом на русский язык.

При переводе детской литературы у переводчика могут возникнуть определенные трудности, ведь детская литература обладает рядом характерных для нее особенностей. Для перевода данных произведений необхо-

димо понимание мировосприятия детей, их внутреннего мира и ценностей. Переводчик также должен принимать во внимание жанровые и стилистические особенности, характерные обоим языкам, а также учитывать тот факт, что явления и понятия в различных языках могут пониматься по-разному. Как автор, так и переводчик должны приложить много усилий при создании произведений, предназначенных для детей.

Перевод детской литературы подразумевает необходимость использования лексико-семантических адаптаций. С целью выявления данных адаптаций при переводе на русский язык детской англоязычной сказки нами был проведен анализ сказки Элеанор Фарджон «Седьмая принцесса» и перевода, выполненного Ольгой Варшавер.

Одной из наиболее часто встречаемых адаптаций при переводе является *упрощение*. Данная переводческая адаптация совпадает с методом опущения, так как предполагает исключение из текста некоторых слов, предложений и даже целых абзацев: *When he came the six fair Princesses shook down their hair till it trailed on the ground behind them.* – *Когда он явился, шесть светлокудрых принцесс, тряхнув головой, рассыпали до самой земли свои косы.* Тем не менее в некоторых случаях упрощение может затрагивать не только лексические единицы. Также возможно изменение общего смысла произведения, деталей изложения и даже характеров персонажей [1]. В некоторых случаях может иметь место не только преобразование текста перевода, но и самого оригинала. Тогда речь идет о пересказе переводного произведения, при этом большое значение имеет своеобразие стиля пересказчика. Упрощение также применяется в тех случаях, когда одно и то же произведение рассчитано на различные возрастные группы читательской аудитории.

Одной из основных задач, которая стоит перед переводчиком, является правильное понимание детьми перевода произведения. Иногда авторы и переводчики недооценивают способности детей, полагая, что дети не понимают некоторые слова или выражения. Однако сегодня дети понимают и осознают намного больше, чем полагают взрослые. Тем не менее взрослые все же стремятся объяснить детям происходящее как можно лучше и удостовериться, что ребенок все понял. Чтобы наиболее полно передать идею произведения, переводчик может воспользоваться такими приемами, как *опущение* и *добавление*. Пример опущения: *So the King sent fifty thousand trumpeters down to the market-place, and before long they returned, bringing six honest **market-women** with them.* – *И король послал пятьдесят тысяч глашатаев в город, на базарную площадь, и вскоре они вернулись и привели с собой шесть добрых **женщин**.* В этом случае использование данной адаптации является вполне уместным и влияния на смысловую нагрузку произведения не оказывает. Если в оригинале имеется информация, неприемлемая для детской аудитории, переводчик может ее удалить. Однако необходимо следить за тем, чтобы смысл произведения сохранялся, а его логика не была нарушена [Там же]. Добавление может быть использовано для более понятной передачи информации в качестве пояснения или разъяс-

нения событий: *In time the Queen bore the King twin daughters as bright as the sunrise.* – Пришло время, и королева родила королю дочек-двойняшек, **светлокудых**, как утренняя заря; *Next year two more Princesses, as golden as the day, were born.* – На следующий год родились еще две принцессы, **золотоволосые**, как солнечный день.

При переводе детской литературы переводчики также прибегают к такой трансформации, как *локализация*. Локализация представляет собой переводческую трансформацию, которая подразумевает перевод и культурную адаптацию текста к особенностям определенной страны или группы населения. Речь идет о передаче реалий, которые имеются в одной культуре и отсутствуют в другой: *So the King sent fifty thousand trumpeters down to the market-place.* – И король послал пятьдесят тысяч **глашатаев** в город, на базарную площадь. Следует отметить, что данный способ адаптации кардинальным образом изменяет содержание произведения. При использовании локализации переводчику необходимо следить, чтобы все события разворачивались в одной плоскости. Обнаружив нелогичные и невязанные элементы в тексте, читатель не поймет написанного. Существует мнение, что частое употребление в тексте незнакомых элементов культуры может отвлекать читателя, а сами культурные явления могут оказаться непонятными. Этот метод резко критикуется некоторыми лингвистами, которые подчеркивают необходимость для ребенка знакомиться с новыми культурами. Они считают, что переводчик должен сохранять всю информацию оригинала и подчеркнуть, что события на самом деле разворачиваются в другой стране [2, р. 6].

При переводе детской литературы могут иметь место **искажения в переводе**. Они представляют собой изменения в языке оригинала для того, чтобы сохранить некую атмосферу произведения. При этом следует отметить, что искажения в большинстве случаев не влияют на содержания оригинала. Чаще всего эти изменения не нарушают целостности повествования: *the King rubbed his crown* – ...король **скреб макушку**; *He will have to do as best he can.* – **Придется ему как-нибудь обойтись**. Тем не менее существует разница между незначительными и существенными искажениями в переводе, в результате которых смысл произведения может быть нарушен в значительной степени [Там же, р. 66].

Еще одной из адаптаций, применяемых при переводе детской литературы является *модернизация*. Суть данной адаптации заключается в замене устаревшего языка на современный, что обеспечивает лучшее понимание текста. Однако следует отметить, что благодаря модернизации не только язык повествования становится понятнее, но и само произведение становится проще. Шведский лингвист Г. Клинберг дает следующее определение *модернизации* – это попытка сделать текст перевода более интересным для предполагаемого читателя, приближая время описания к настоящему, изменяя некоторые детали таким образом, чтобы они соответствовали современности [цит. по: Там же, р. 12]. Безусловно, произведение на современном литературном языке заинтересует читательскую аудиторию в большей степени.

Однако существует спорное мнение о том, стоит ли прибегать к данному приему в переводе. Каждый автор имеет свой собственный стиль и, адаптируясь к его языку, переводчик помогает детям в большей степени понять смысл написанного. В данном случае необходимо учитывать, что детям потребуется приложить немало усилий, чтобы понять язык оригинала.

Переводчику детской литературы следует также принимать во внимание тот факт, что дети, по сравнению со взрослыми, в меньшей степени осведомлены о культуре другой страны. По этой причине переводчики принимают индивидуальные решения в отношении того, каким образом передать все те «иностранные понятия» и доступно объяснить ребенку незнакомые слова. Поэтому при переводе детской литературы переводчики нередко дают пояснения внутри самого текста, разъясняют иностранные термины и выражения, а также различные культурные реалии, традиции, которые не имеются в собственной культуре, делают сноски, примечания. Все вышеперечисленные особенности перевода детской литературы относятся к **металингвистическим методам**. С одной стороны, эти методы делают текст более понятным, но с другой стороны, из-за них ребенок может постоянно отвлекаться от произведения и, как итог, потерять интерес к книге [1].

Отметим, что при анализе данного произведения не было выявлено случаев использования таких лексико-семантических адаптаций, как модернизация и использование металингвистических методов.

Таким образом, мы можем отметить, что применение лексико-семантических адаптаций при переводе на иностранный язык является необходимым фактором. На наш взгляд, использование адаптаций при переводе сказки Э. Фарджон «Седьмая принцесса» является уместным и обоснованным. Переводчику удалось справиться со своей задачей, так как применение данных адаптаций не оказывает значительного влияния на содержание литературного произведения и делает перевод доступным для детского восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mansfield, C.* Adaptation in Children's Literature translation : A narrative theory approach [Electronic resource] / C. Mansfield. – Mode of access : <http://catmansfield.files.wordpress.com/2010/12/adaptation-in-childrens-literaturepdf>. – Date of access : 12.04.2013.
2. *Klingberg, G.* Facets of children's literature research : col. rev. writings / G. Klingberg ; ed. L. Torstensson. – Stockholm : Svenska barnboksinst., 2008. – 197 p.

Usage of lexico-semantic adaptations in translation of a work of children's literature is a key factor for a translator to make his version in a foreign language understandable for a young audience. The right translator's choice of transformations and adaptations makes the work of Eleanor Farjeon "The Seventh Princess" accessible to the foreign reader.

М. Г. Гельдыев
Минск, БГУ

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ НТОЗАКЕ ШАНГЕ «САССАФРАСС, САЙПРЕСС & ИНДИГО»

В статье рассматриваются гендерные модели современной женщины, демонстрируемые автором на примере трех сестер, Сассафрас, Сайпрес, Индиго, внимание уделено также их матери.

В конце XVIII – начале XIX в. вследствие «Первой волны феминистского движения» проблема гендерного неравенства стала приобретать широкую огласку. Общество признало угнетенное положение женщины в социуме. Начиная со второй половины XIX века, женщины начали добиваться признания своих прав.

В конце 1960-х гг., во время «Второй волны» произошел значительный прорыв – теперь движение рассматривало более широкий спектр вопросов, связанных с гендерным неравенством, что привело к ответвлению, в соответствии с направлением.

Так, в США периода 1960–70 гг. стараниями афроамериканских активистов возникло новое движение, выступающее не только против дискриминации по половому, но и расовому признаку. Это движение стало называться «черным феминизмом».

Афроамериканская литература успешно смогла раскрыть проблемы современного общества, такие как расовые стереотипы, сексизм, социальные неравенства и т.п.

Нтозаке Шанге, урожденная Паулет Уильямс, родилась в благополучной семье, что способствовало окружению девочки местной интеллигенцией. Еще будучи ребенком, Шанге увлекалась литературой, анализировала и критиковала прочитанные ею стихи. Позже, поступив в колледж, а затем в университет, Нтозаке познала все тяжести дискриминации по расовой и половой принадлежности.

Получая магистерскую степень, Шанге определилась со своими взглядами, изменив свое имя на африканское. Любовь к своим корням писательнице привила семья.

В самом сценическом имени писательницы виден художественный выбор Шанге: *Нтозаке* с зулусского означает ‘та, что принадлежит себе’, *Шанге* – ‘та, что шагает со львами’.

На тот момент в мире литературы давно поднимался вопрос о навязывании патриархальным обществом роли женщины, ограничениях в правах и вкладе самих женщин в развитие прогрессивного общества.

В своих произведениях Шанге придерживается этой точки зрения. Ее пьесы, романы и поэмы знакомят читателя с современным феминизмом в обществе.

Проблемы, с которыми сталкиваются героини Нтозаке Шанге, касаются женщин вне зависимости от расовой принадлежности. Остановимся на персонажах романа «Сассафрас, Сайпресс & Индиго», трех сестрах из

провинциального города Чарльстона. Девушки покидают родной городок, который считают ограниченным, маленьким и скучным. В попытках самореализации сестры так или иначе обретают свое «Я», формируя свой характер и интегрируясь в реалии современного общества.

В произведениях афроамериканских писателей зачастую имена героев несут определенный смысл, отражая личные качества персонажей. Шанге дает своим героиням необычные имена (Сассафрасс, Сайпресс и Индиго). Так называются растения, обладающие ценными свойствами, уходящими своими корнями глубоко в недра земли (аллюзия к возвращению к истокам).

Сассафрасс, старшая из сестер, подобно растению (от лат. *saxifragas* 'ломающий скалы'), проходит все невзгоды, которые не смогли сломить ее духа.

Имя средней сестры, Сайпресс 'кипарис'. Это растение из рода вечнозеленых деревьев и кустарников.

Растение индиго, в отличие от вышеупомянутых, не столь многолетнее и выносливое, однако обладает специфическим цветом, которое добывают из него для окраски тканей. Это растение также считается лекарственным и известно на весь мир. Его необычный цвет также намекает на загадочность. В начале повествования мы знакомимся с самой младшей из сестер, Индиго. Первая строка в книге *Where there's a woman there's magic* очень хорошо подходит к описанию героини. Она окружена загадочной аурой и не похожа ни на одну из сестер.

Помимо этого, цвет растения индиго схож с лиловым, который традиционно принято считать цветом феминизма.

Сассафрасс первой покидает отчий дом, переехав в Лос-Анджелес, где живет со своим парнем, музыкантом Митчем. Девушка тяготеет к литературе, но, так как ее парень не зарабатывает денег, у девушки нет возможности самореализоваться.

Митч постоянно наставляет Сассафрасс, высказываясь о гендерных ролях, принижая предназначение женщин. Женщин парень видит как объект сексуального желания. Часто в доме бывают друзья Митча, которые поддерживают его взгляды. Сассафрасс же приходится заниматься рукоделием, чтобы прокормить обоих, она также поддерживает домашний очаг. Постепенно конфликт между молодыми людьми усиливается. Катализатором их расставания становится момент, когда Митч поднимает руку на Сассафрасс. Девушка решает уехать.

Уехав из Чарльстона, средняя сестра, Сайпресс, живет, работая в танцевальном коллективе. Там она знакомится и влюбляется в девушку, с которой отношения перерастают в романтические. Однако уже вскоре Сайпресс познает горечь измены. Девушка в депрессии и больше не стремится к новым отношениям, будь то с парнем или девушкой. Старшая сестра просит Сайпресс приютить ее на время. Та радушно принимает у себя Сассафрасс. Однако, приехавший Митч все же уговаривает Сассафрасс вернуться. Вместе они покидают Сайпресс.

Средняя сестра все же находит человека, с которым решает связать свою жизнь. Молодой, перспективный музыкант Лерой не раз помогал девушке в трудных ситуациях. Талант темнокожего музыканта замечают: его пригла-

шают в Европу. Перед тем как отправиться в тур Лерой делает своей возлюбленной предложение руки и сердца. Сайпресс наконец обретает счастье и гармонию.

В начале повествования младшей из сестер, Индиго, 12 лет: она переживает трудный возраст. Несмотря на период созревания, девочка не хочет расставаться со своим волшебным миром, где она общается с куклами. С ними Индиго советуется, спорит, а порой улаживает конфликты внутри группы кукол. Они же заменяют ей общение со сверстниками.

Мать сестер, Хильда Эффания, женщина мудрая, одна воспитывает детей и хочет, чтобы младшая дочь плавно интегрировалась во взрослую жизнь.

Хильда дарит девочке флейту, надеясь, что музыкальный инструмент отвлечет дочь от игрушек. Изначально Индиго не дается игра на флейте, однако затем девочка погружается в мир музыки и даже обзаводится компанией.

Через какое-то время и младшая дочь покидает дом, как когда-то ее сестры. Индиго переезжает жить к своей тете в прибрежный район около острова Каролина, где учится ремеслу тети, акушерству. Девочка взрослеет. Постепенно она начинает доверять людям настолько, чтобы впускать их в свой мир.

На протяжении всего романа, в разные периоды жизни, каждая из сестер получает письма от матери. Несмотря на проблему разных поколений, Хильда понимает перемены, происходящие в жизни ее дочерей. Женщина не навязывает девушкам свои взгляды, не упрекает ни одну из них за совершенные ошибки, но дает им дельные советы.

В конце романа Сассафрасс возвращается в отчий дом где собирается родить, в окружении матери и сестер.

Девушка все-таки расстается со своим парнем. Сассафрасс беременна от Митча, но не видит в нем мужа и отца своего ребенка. Девушка проводит обряд экзорцизма, чтобы очиститься от всей грязи, связанной с жизнью с Митчем, дабы ребенок появился на свет в благоприятной обстановке.

Индиго, младшая из сестер, практикуясь у тетки-повитухи и научившись акушерству, принимает роды у старшей сестры. Сайпресс и мама сестер также присутствуют при рождении нового человека.

Приезд роженицы в отчий дом для того, чтобы дать новую жизнь, символичен. Девушка тем самым замыкает круг жизни. Там она родилась, там она даст жизнь новому человеку.

На примере трех сестер романа Шанге мы понимаем, что афроамериканские женщины, прошедшие путь от жертв расовой и гендерной дискриминации, сегодня предстают современными и прогрессивными. Теперь они могут постоять за себя, имеют возможность самоидентификации и самореализации, вопреки установившимся нормам и общественному мнению. При этом поднимается важный вопрос о самосознании; понимании духовных ценностей и возвращению к традиционным истокам.

This article considers gender models of contemporary women. The author demonstrates the models in terms of three siblings – Sassafrass, Cypress & Indigo, as well as their mother.

Н. Ю. Жданова
Минск, МГЛУ

ПЕРЕВОД ИРОНИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С УЧЕТОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ (на примере афоризмов А. А. Ширвиндта)

Ироничные высказывания известных людей являются распространенным способом описания общества, в котором они живут. Именно поэтому такие высказывания часто содержат реалии, не имеющие эквивалентов в языке перевода, потому что понятия, стоящие за данными реалиями, являются чуждыми для другой культуры. Поэтому очень важно разработать продуктивную систему перевода таких лексических единиц. Для достижения данной цели в этой работе мы рассмотрим ироничные высказывания А. А. Ширвиндта, уделив значительное внимание классификации высказываний, что послужит основой для перевода. В результате будет разработана наиболее удобная стратегия по достижению наиболее адекватного перевода.

Перевод ироничных высказываний, содержащих культурологическую информацию, зачастую вызывает трудности у переводчиков из-за того, что в них могут присутствовать так называемые реалии, которых нет в языке перевода. В связи с этим высказывания, содержащие иронию, и культурологическую информацию представляют двойную сложность, так как порой сохранение этих двух смыслов является довольно проблематичным, ведь зачастую в основе иронии лежит культурологический аспект. Именно поэтому определение способов перевода таких высказываний и разработка стратегии их перевода на основе не только лингвистической, но и экстралингвистической информации видятся нам значимой задачей современного переводоведения.

Для того чтобы наиболее успешно выполнить поставленную задачу, необходимо в первую очередь определить типы ироничных высказываний с культурологической информацией. Определяющим признаком в такой классификации станет наличие или отсутствие реалий и специфических слов-окказионализмов, используемых авторами для наиболее творческого отражения реальности. Таким образом, мы разграничиваем высказывания, не содержащие реалии и окказионализмы, и высказывания, где они являются неотъемлемой частью смысла и несут ироничную нагрузку.

Перевод высказываний первого типа не представляет особого труда, так как специалисту не приходится подбирать или придумывать специфический эквивалент в языке перевода: для описания действительности автор прибегает к общелитературной лексике. При переводе такого типа высказываний основной задачей переводчика становится передача ироничного значения, а культурологический эффект будет создаваться высказыванием в целом, а не за счет одного конкретного элемента (реалии или окказионализма). В данной работе мы проиллюстрируем вышесказанное на материале ироничных высказываний А. А. Ширвиндта.

Например, описывая причину, по которой русские люди нуждаются в сильном лидере, А. А. Ширвиндт как-то заметил (здесь и далее перевод на иностранный язык наш. – *Н. Ж.*):

Наша беда еще и в том, что мы утратили мощный идеологический стержень, который торчал, как штырь, на глобусе мира. А без идеологии, без веры, без точки зрения никак нельзя. Сегодня мы наблюдаем кашу в обществе из бессмысленной бессмыслицы. Всё размыто, перемешано. Мы надеемся, что как-нибудь все само собой образуется, а этого не бывает по определению. Отсюда и возникает наша вечная потребность в сильной руке, в мессии. – *All problems stem from the fact that we've lost the power pivot of ideology, which was sticking up like a pin on the Globus. It's impossible to live without ideology, belief, point of view. But now the society witnesses a mixture of pointless nonsense. The borders are blurred. We hope that eventually it'll just work itself out well, however it's inherently impossible. That's why arouses our constant necessity for a powerful leader.*

Данное высказывание является наглядным примером афоризма первого типа, так как просто описывает текущую ситуацию в обществе без использования специфических слов. Культурологическая информация представлена афоризмом целиком, а ирония основана на высмеивании полного общественного замешательства и выражается путем сравнения идеологического стержня со штырем в глобусе, использования тавтологии «бессмысленная бессмыслица». Таким образом, данное высказывание будет переводиться, как и любое другое ироничное высказывание.

Совсем по-другому дело обстоит с высказываниями, содержащими реалии или авторские окказионализмы, поэтому при переводе таких высказываний мы будем руководствоваться пятью основными трансформациями: замена реалии на схожее понятие в переводящем языке, описательный перевод, транслитерация, транскрипция, создание схожего окказионализма.

Несмотря на то, что большинство реалий нельзя перевести эквивалентно, довольно часто можно заменить реалию схожим понятием в переводящем языке. Примером такого преобразования может послужить передача традиционных обращений, используемых в разных странах, или спортивных кричалок, как в футболе. Чтобы проиллюстрировать данное положение, рассмотрим следующее высказывание:

60 лет назад на стадионах не матерились, не пили, не дрались с инакомыслящими болельщиками на трибунах, не убивали игроков за гол в свои ворота, не подкупали судей. Максимум, что могли, – это сделать из них мыло. При послевоенном дефиците этого продукта сорокатысячный выдох «судью на мыло» звучал реальной угрозой. – 60 years ago at the stadiums people didn't swear, didn't drink alcohol, didn't fight with fans of rival teams, didn't kill players for wrong goals, didn't bribe referees. The most they could do was to offer referees to buy glasses. In the post-war deficit time when the crowd shouted "The ref needs glasses", it sounded really threatening.

Популярная русская кричалка *Судью на мыло!* заменяется сходной по значению, но отличной по форме кричалкой в английском языке *The ref needs glasses!*. Данное выражение в английском языке может быть использовано в контексте, так как достать очки во времена дефицита тоже может быть непросто.

Следующий пример переводится при помощи описательного перевода, использованного в отношении типичной советской еды *частик в томате* и *сырок Дружба*. Для их перевода мы убираем названия, описывая состав блюд, и используем добавление *well-known Soviet food*, чтобы уточнить значения.

Я очень надеюсь на кризис. Мне кажется, он ближе нашему менталитету, чем достаток. Когда настроили плечо в плечо эти особнячки, наставили у подъездов «хаммеров» – Россия потеряла лицо. А сейчас надо потихонечку возвращаться к частику в томате и сырку «Дружба»... Ведь это было не так давно. И вкусно. – I pin big hopes on crisis. I think it's closer to our mentality than affluence. When they put up all those mansions and parked Hammers near their porches, Russia lost itself. And we'd better gradually return to the well-known Soviet food: canned fish with tomato sauce and small sweet cottage cheese... I remember it as if I had eaten it yesterday. And the scent is still in the air.

Транслитерация и транскрипция в основном используются для передачи имен собственных и, в случае, если название малораспространенное, могут быть дополнены описательным переводом.

Народный артист республики спешил сделать всё, чтобы умереть народным артистом СССР, ибо только народный артист СССР имел возможность претендовать на Новодевичье кладбище. – The People's Artist of a republic strived to do everything to die being the People's Artist of the USSR, because only the People's Artist of the USSR could be buried at Novodevichyе cemetery, one of the most famous burial places.

В высказываниях А. А. Ширвиндта используется много окказионализмов, затрудняющих перевод. В большинстве случаев для перевода такого типа слов применяется прием создания окказионализма на языке перевода. Основная сложность заключается в том, что переводной окказионализм должен хорошо звучать в языке перевода и его смысл должен быть понятен носителям языка. В следующем примере мы столкнулись с окказионализмом *звизда*, выражающим негативно-пренебрежительное значение. Чтобы добиться того же эффекта в английском языке мы взяли слово *a monstar* и заменили его на *a monster*, таким образом играя значением данного слова. *Телелепрозорий* также является окказионализмом, который мы заменили на *TV-incubators*, используя аналогичный способ образования окказионализма.

Многие сегодняшние молодые считают, что незачем четыре года мучиться в театральном училище, если можно воткнуться в какой-нибудь раскрученный телепроект, и ты уже – «звизда». Но невозможно за четыре дня приобрести профессиональные навыки в этих телелепрозориях. – Many young people think that it's useless to study 4 years in a college of Arts, if you can plunge into some hyped-up TV-project, and you are already "a monster". But it's impossible in 4 days acquire some professional skills in those TV-incubators.

Таким образом, адекватный перевод высказываний, содержащих иронию и культурологическую информацию, при правильном подходе вполне достижим. Для этого необходимо проанализировать высказывание и понять, к какому типу (по приведенной выше классификации) оно относится. Проведенный анализ позволит выбрать соответствующий способ перевода.

Однако следует помнить, что ни в коем случае нельзя пренебречь ни ироническим, ни культурологическим аспектом высказывания, так как они равноправны и такая потеря негативно отразится на смысле и восприятии всего высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ширвиндт, А. А.* Склероз, рассеянный по жизни / А. А. Ширвиндт. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 312 с.
2. *Ширвиндт, А. А.* Проходные дворы биографии / А. А. Ширвиндт. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. – 312 с.
3. *Шичкина, М. Г.* Способы перевода окказионализмов (на примере романа Джорджа Оруэлла «1984») // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 1108–1112.

The paper deals with methods most suitable for translating ironic statements that contain culture-related information. First of all, the author devises a classification of the statements under study based on the criterion of contents and it serves as the basis for further analysis of the statements and elaboration of translation techniques. In conclusion the article proposes a convenient strategy to achieve adequate translation.

М. А. Коханова

Минск, МГЛУ

ПРИЕМЫ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ НА СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН

В данной статье рассматриваются наиболее часто используемые приемы, к которым прибегают синхронные переводчики. Исследование основано на анализе 50 выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и их перевода в русско-английской языковой паре. Цель анализа – выделить основной переводческий инструментарий, способствующий подготовке профессиональных устных переводчиков.

Кроме того, на примерах, взятых из выступлений в Генеральной Ассамблеи ООН, демонстрируется, что в связи со спецификой синхронного перевода самыми распространенными приемами являются компрессия и конкретизация. Таким образом, в работе показано практическое применение некоторых переводческих приемов в условиях синхронного перевода с примерами использования переводчиками-синхронистами ООН синтаксической, морфологической и контекстуальной компрессии, а также конкретизации.

На протяжении многих десятилетий ведется работа над совершенствованием методов перевода. В основе многих исследований лежат труды таких известных переводчиков и лингвистов, как Л. С. Бархударов, Р. К. Миньяр-Белоручев, В. Н. Комиссаров и др. Эти исследователи занимались изучением проблематики переводческих трансформаций и поиском оптимальных переводческих решений. С широким применением синхронного перевода после Нюрнбергского процесса, а также с введением новых официальных рабочих

языков ООН, возросла и потребность практического исследования приемов, ранее известных по письменному и последовательному переводу. Уже более полувека в данном направлении ведутся фундаментальные и прикладные исследования с целью расширения познаний в этой области, а также улучшения практической работы переводчиков-синхронистов.

Задачей проведенного нами анализа было определение наиболее распространенных приемов, к которым прибегают синхронные переводчики во время перевода выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

В ходе анализа 50 выступлений в ООН и их перевода в русско-английской языковой паре мы пришли к заключению, что наиболее распространенными приемами является компрессия и конкретизация.

Частое использование переводчиками-синхронистами компрессии обусловлено спецификой синхронного перевода, так как именно при этом виде перевода временной фактор является ключевым для эффективного выполнения переводческих задач. Это становится особенно актуальным при высоком темпе речи оратора. В таких случаях в связи с естественной избыточностью речи становится целесообразным применение компрессии с целью экономии речезыковых средств [1, с. 147]. Использование данного приема приводит к оптимизации времени, затрачиваемого переводчиком, при сохранении смысла при переводе на другой язык.

В нижеприведенных примерах демонстрируется, как разные виды компрессии применялись на практике во время синхронного перевода выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Пример использования синтаксической компрессии в переводе с русского языка на английский.

Русский	Английский (синхронный перевод)
<i>Рассчитываем, что заданный Москвой и Вашингтоном важный импульс процессу ядерного разоружения будет подхвачен всеми государствами, в первую очередь располагающими атомным оружием</i> [2].	<i>We hope that the strong impetus given by Moscow and Washington to the process of nuclear disarmament will be followed by all nations, first of all, by nuclear-weapon states</i> [3].

Пример использования контекстуальной компрессии в переводе с английского языка на русский.

Английский	Русский (синхронный перевод)
<i>Furthermore, Indonesia has not submitted its period report to the Committee Against Torture since 2008</i> [4].	<i>Также Индонезия с 2008 года не направляла доклада</i> [5].

Пример использования морфологической компрессии в переводе с английского языка на русский.

Английский
*The Foreign Minister of the **United Arab Emirates** in his address to the General Assembly on Saturday reported a number of baseless and absurd fabrications against my government [6].*

Русский (синхронный перевод)
*Министр иностранных дел **ОАЭ** в своем выступлении в Генеральной Ассамблеи в субботу сообщил об необоснованных, абсурдных обвинениях против моего правительства [7].*

Следует отметить, что в проанализированных выступлениях именно морфологическая компрессия встречается наиболее часто при синхронном переводе заседаний в Организации Объединенных Наций как на русский, так и на английский язык.

При изучении выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи мы также выделяем сочетание приемов компрессии и конкретизации, что приводит к последующей конкретизации значения сказанного. Помимо этого, в ходе анализа было обнаружено, что конкретизация используется и без применения компрессии. Синхронные переводчики часто прибегают к этому приему, столкнувшись со словом, употребляющимся в ИЯ (исходном языке) с широким значением, в то время как выбор конкретного значения в ПЯ (переводящем языке) определяется контекстом [8, с. 142]. Ниже приводится один из примеров использования конкретизации при переводе с английского языка на русский.

Английский
*I would like the Assembly to give a round of applause **in appreciation** [9].*

Русский (синхронный перевод)
*Я хотел бы попросить Ассамблею поаплодировать ей **в качестве оценки работы** [10].*

После изучения фундаментальных трудов широко известных лингвистов и переводчиков, а также по завершении анализа выступлений в Генеральной Ассамблеи и изучения документации, мы пришли к выводу, что компрессия и конкретизация являются особенно важными приемами, используемыми в синхронном переводе выступлений в Организации Объединенных Наций, в то время как в письменном переводе институциональных документов ООН чаще наблюдаются смысловое развертывание и описательный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернов, Г. В. Основы синхронного перевода / Г. В. Чернов. – М. : Высш. шк., 1987. – 256 с.
2. Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В. И. Чуркина на 65-й сессии Генассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. – Режим доступа : https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/65/65_RU_ru.pdf. – Дата доступа : 21.04.2017.

3. Russian Federation, General Debate, 65th Session of the General Assembly of the UN [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/65th-session/watch/general-debate-65th-session-29-sept-2010-am-part-1/5246934360001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
4. 1st Right of Reply by the Solomon Islands at the general debate of the 71st Session of the General Assembly of the UN [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-english/watch/solomon-islands-first-right-of-reply-/5141621665001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
5. Первое право на ответ Соломоновых Островов на Общих прениях 71-й Сессии Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-russian/watch/5141621667001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
6. 2nd Right of Reply by the Islamic Republic of Iran at the 71st Session of the General Assembly of the UN [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-english/watch/iran-second-right-of-reply/5141720258001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
7. Второе право на ответ Ирана (Исламской Республики) на Общих прениях 71-й Сессии Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-russian/watch/5141720259001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
8. *Паршин, А.* Теория и практика перевода / А. Паршин. – СПб. : СГУ, 1999. – 202 с.
9. 3rd Right of Reply by the Republic of India at general debate of the 71st Session of the General Assembly of the UN [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-english/watch/india-third-right-of-reply/5141720272001>. – Дата доступа : 21.04.2017.
10. Третье право на ответ Индии на Общих прениях 71-й Сессии Генеральной Ассамблеи [Электронный ресурс] / UN Web TV. – Режим доступа : <http://webtv.un.org/meetings-events/general-assembly/general-debate/71st-session-russian/watch/5141374698001>. – Дата доступа : 21.04.2017.

The article reviews the most frequent techniques used in simultaneous interpretation. It is based on a review of references and the analysis of 50 speeches delivered at the UN General Assembly and their simultaneous interpretation in English-Russian language combination.

А. П. Мерчи
Минск, БГУ

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В РАССКАЗАХ ОТ 1-ГО ЛИЦА: ФАКТОР ДИЕГЕТИЧНОСТИ НАРРАТОРА (ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ПОВЕСТВУЕМЫЕ СОБЫТИЯ) ИЛИ ЕГО НЕДИЕГЕТИЧНОСТИ

На материале русских и американских рассказов, написанных на рубеже XX–XXI вв. в повествовательной форме от 1-го лица, было исследовано количественное соотношение в текстовой ткани рассказа наррации (авторского повествования) и коммуникации персонажей, представленной в двух формах: 1) как прямая речь и 2) как пересказ речи героев со слов нарратора (более или менее свернутая речь). Представление речи персонажей рассматривалось с точки зрения оппозиции «изображения» и «интерпретации» общения: прямая речь позволяла «изобразить» общение героев и служила движущей силой сюжета, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретировала» коммуникацию и делала повествование более динамичным. Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой, что говорит о преобладании «изображения» речи героев над их авторской интерпретацией. Степень причастности диегетического и недиегетического перволичного нарратора к повествуемым событиям отчасти влияет на представление межличностного общения.

1. Оппозиции повествования «от 1-го лица» и «от 3-го лица»; два вида повествования «от 1-го лица»; диегетический – недиегетический нарратор. На первый взгляд такой фактор, как выбор автором грамматической формы повествования (от 1-го лица или от 3-го лица) наиболее прямо и разнообразно связан с характером представления в прозе коммуникации героев. Исторически перволичное повествование (далее 1лф) предшествовало третьеличному (3лф). Важнейшая черта 1лф-повествования состоит, по определению К. Н. Атарова и Г. А. Лесскиса, «в наличии персонафицированного повествователя, находящегося в том же повествовательном мире, что и другие персонажи» [1, с. 345]. С этим связана «презумпция автобиографизма» 1лф-нарративов: рассказчик как бы убеждает в подлинности рассказа: «я сам это видел» [1, с. 346]. При полной свободе 1лф-нарратора в рассказе о себе, о своем внутреннем мире он ограничен в возможности наблюдать события и слышать разговоры, происходящие в его отсутствие. В 3лф-повествовании нарратор «не видим» ни читателю, ни персонажам. Он «вездесущ» и «всеведущ». Таким образом, 3лф-наррация дает автору максимум свободы: он волен показать, как на сцене, и живое общение героев (их прямую речь), и представить содержание любых их разговоров с той беглостью или полнотой, которую сочтет нужной. Однако в современной прозе грамматические показатели лица нарратора могут отсутствовать или быть едва заметными. В «Нарратологии» В. Шмида оппозиция грамматических форм повествования оказывается менее значимой, чем различие в 1лф-нарративе рассказчика «диегетического» (вовлеченного в повествуемые события) и «недиегетического». Однако при ближайшем рассмотрении оппо-

зиция диегетического и недиегетического перволичного нарратора предстает как континуум, в котором исследователи (Ж. Женетт, С. Лансер, В. Шмид) в 1970–1980 гг. стали различать до шести степеней причастности нарратора к повествуемым событиям [2, с. 90–95].

2. Текстовые категории рассказа, значимые для представления коммуникации. В языковой ткани рассказов центральной оппозицией является противопоставление компонентов нарративного и коммуникативного. Наррация (или повествование) включает в себя и изложение сюжетных перипетий, и описания, и характеристики героев, и предыстории, и раскрытие их мыслей, желаний, оценок, в том числе внутренние монологи персонажей «от 1-го лица» («*Что же мне теперь делать?*» – в отчаянии думала Маша), в том числе и рассуждения, лирические отступления повествователя и «свободный косвенный дискурс». Наррация выступает как тот содержательный событийно-информационный контекст, в котором с разной полнотой представлено общение персонажей. В рассказах коммуникация предстает двояко: 1) как прямая речь героев, 2) как авторский пересказ одной или нескольких реплик героя или разговора персонажей. Такой пересказ почти никогда не является тем, что в грамматиках называется «косвенной речью». Фраза из рассказа Токаревой «Система собак»: *Я позвонила домой Вальке и сообщила с ленцой: вряд ли у меня получится по времени, меня пригласили на другой фильм* сжато передает суть двух разговоров: приглашение на фильм и сообщение об этом приглашении одного персонажа другому. Каждое из сообщений «на самом деле» не могло свестись к одному высказыванию; происходил некоторый обмен репликами. Однако невозможно точно представить, что и как «реально» говорилось в каждой ситуации. Вместе с тем нарратор передал суть обоих разговоров, и никто не может сказать, какие именно реплики персонажей предстали в рассказе в форме «свернутой речи».

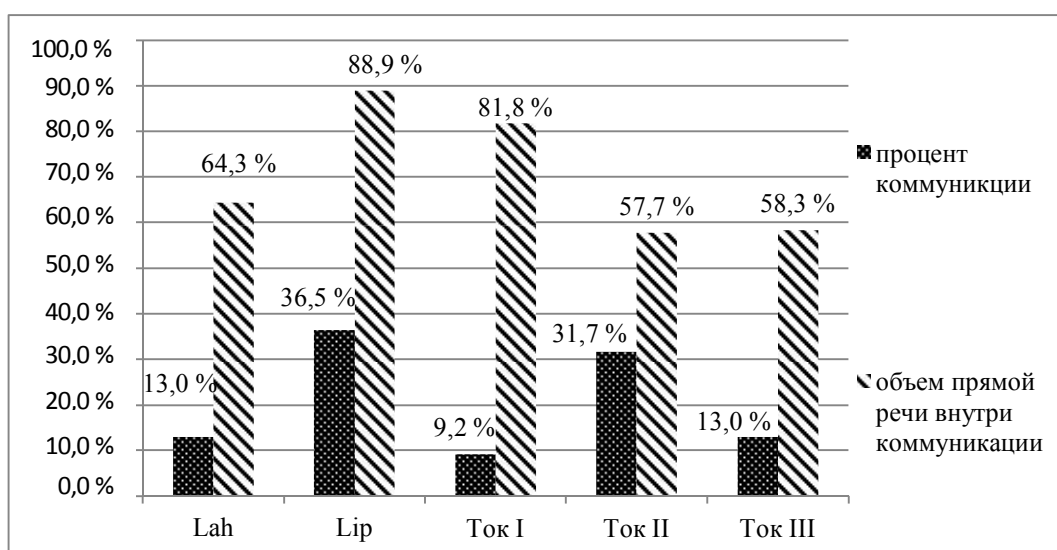
В художественной прозе у прямой и свернутой речи функции существенно различны. Прямая речь усиливает изобразительность, «картинность» и воображаемую «документальность» рассказа. Имитируя сцены общения героев, прямая речь способствует индивидуализации персонажа. Накал страстей, драматизм конфликта – все это способна передать именно прямая речь, а не ее более или менее свернутые пересказы. Свернутая речь, ускоряя наррацию, усиливает повествовательское (авторское) и интерпретирующее начало. Заменяя прямую речь свернутой, нарратор вмешивается в естественный ход общения: он просеивает содержание разговора, обобщает и/или сжимает информацию, эксплицирует иллюкуцию речей (*возражал, посоветовал, уговаривал, жаловался* и т.д.), жертвуя или пренебрегая подробностями, которые ему кажутся «лишними».

3. Задачи, материал и метод исследования. Важно определить, насколько фактор диегетичности/недиегетичности перволичного нарратора влияет на две ключевые текстовые оппозиции: на соотношение наррации и коммуникации и на пропорции прямой и свернутой речи. На примере

русских и американских 1лф-рассказов рубежа XX–XXI вв. (Дж. Лахири «The third and final continent» ('Третий и последний континент') (далее Lah), С. Липсайта «This appointment occurs in the past» ('Эта встреча происходит в прошлом') (далее Lip) и В. Токаревой «Система собак» (Ток I), «Искусственный пруд» (Ток II), «Брат и сестра» (Ток III)) было вычислено процентное соотношение наррации и коммуникации, в том числе удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента. Рассмотренный материал исследования представляет собой рассказы, которые принадлежат реалистической литературе своего времени и при этом не относятся к таким маркированным жанрам рассказа, как исторический, детективный, комический, приключенческий, научно-фантастический, мистический, парапсихологический.

4. Удельный вес коммуникативного компонента в рассказах от 1-ого лица. Количественные различия в удельном весе прямой и свернутой речи в рассмотренных рассказах. На диаграмме (рисунок) представлены полученные данные по исследованным текстам, что позволяет судить о соотношении 1) коммуникации и наррации (в совокупности образуют 100 % текста) и 2) прямой и свернутой речи (составляют в целом представление о коммуникации).

Удельный вес значимых дифференциальных признаков
в языковой ткани русских и американских рассказов от 1-го лица

Во всех рассмотренных 1лф-рассказах удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникации составляет больше 57 %, что говорит о преобладании «изображения» речи героев над их авторской интерпретацией. Автор стремится компенсировать беглость представления коммуникации в свернутом виде с помощью более сосредоточенного изображения некоторых важных сцен общения.

Степень вовлеченности перволичного рассказчика в повествование отчасти определяет представление коммуникации в рассказах. В рассказе «Система собак» рассказчица является также и главной героиней любовной

истории. В центре ретроспективного повествования с позиции теперешнего «я» в рассказе Лахири – воспоминания событий из жизни нарратора-протагониста после переезда из Индии в Лондон, а затем в Америку. Коммуникативная представлена в текстах довольно скупой: в рассказе Лахири коммуникативный компонент занимает 13 %, а у Токаревой в «Системе собак» – 9,2 % текста. В субъективное повествование, наполненное личными впечатлениями, чувствами и эмоциями нарратора, включается преимущественно свернутая передача общения героев: удельный вес прямой речи в рассказе Лахири составляет только 64,3 %.

В рассказе Токаревой «Искусственный пруд» и произведении Липсайта нарратор является одним из главных героев и очевидцем событий. В русском рассказе нарратор (по сюжету – писательница) только отчасти продвигает сюжет, сводя главную героиню с опытным гинекологом. В рассказе С. Липсайта бывшие друзья по колледжу решают вспомнить о старых обидах: через много лет после окончания учебы главному герою звонит его умирающий друг Дэвид и просит приехать увидеться с ним. Коммуникация героев представлена в виде отдельных «сцен», что придает рассказу сходство с драмой: удельный вес коммуникации и прямой речи героев в этом произведении самый высокий.

В тексте «Брат и сестра» 1лф-нарратор (также писательница) видит героиню в самом начале рассказа и только со стороны, и неясно, откуда автор знает разные важные и интимные подробности из жизни «брата и сестры»; т.е. история собственно «брата и сестры» представлена по законам 3лф-наррации. Рассказ начинается сценой приема в писательский дачный кооператив посторонней, но «богатенькой» дамы (это она «сестра»), которую собрание кооператива согласно принять, но только за дополнительные и немалые деньги. После сцены приема в кооператив последующее повествование, почти до самого конца, написано без видимого участия нарратора, т.е. как 3лф-рассказ. Рассказчица в полной мере использует возможности «всеведущего» 3лф-автора: без каких-либо фабульных мотивировок передает все, что считает нужным: детские впечатления героев, слова и мотивы поступков давно умерших незнакомых людей, любовные сцены, внутренние монологи и т.п. В следующий и последний раз 1лф-маркер появляется за 15 коротких предложений до финала: *Зюма предпочитала загородный дом, который она возвела в **нашем** поселке*. 1лф-маркер – в ***нашем** поселке*, – вновь укрепляет у читателя ощущение, что все рассказанное – «правда» и «из жизни». Таким образом, 1-е лицо зачина и финала нужна писателю как нарративный стилистический камертон: вызывающая доверие скороговорка первых 1лф-страниц сохраняется на протяжении всего рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атарова, К. Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Изв. АН СССР. СЛЯ. – М. : Наука, 1976. – № 4. – С. 343–356.

2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

The article is dedicated to the analysis of the representation of communication in Russian and American short stories with the first-person narration, which were written between XX–XXI centuries. The method of the research is based on the distinction and calculation of four components of the text: 1) narration and communication, 2) direct speech and compressed speech.

А. Д. Михалевич

Минск, ГУО «Средняя школа № 200 г. Минска»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АСИММЕТРИИ В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА И. П. МЕЛЕЖА «ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»

В докладе рассматриваются проявления лингвокультурной асимметрии в переводах романа «Люди на болоте» на русский язык переводчиками Н. Кисликом и М. Горбачевым. Отобранные методом сплошной выборки 76 национально-маркированных единиц распределены с учетом проявления асимметрии в 4 группах. Переводческие ошибки не влияют на восприятие текста читателем, составляя 22 % у М. Горбачева и 16 % у Н. Кислика.

Наше исследование посвящено изучению лингвокультурологического аспекта асимметрии в переводах с белорусского на русский язык романа И. П. Мележа «Люди на болоте». Актуальность определяется тем, что полученные в результате исследования выводы могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковых картин мира и использоваться на уроках русского и белорусского языка и литературы и во внеурочной деятельности по этим предметам.

Цель исследования: выявить, как влияет лингвокультурологический аспект на появление асимметрии в переводах художественных текстов с белорусского на русский язык.

Объектом исследования является роман И. П. Мележа «Люди на болоте» и его переводы на русский язык, а предметом – категория асимметрии в переводческом пространстве романа.

Для того, чтобы выявить, как влияет лингвокультурологический аспект на перевод романа «Люди на болоте» на русский язык, мы обратились к переписке автора с переводчиком его произведения на эстонский язык О. А. Йыги, которая не только помогла нам узнать об отношении Мележа к переводам его романов, но и убедила в том, что сам Иван Павлович очень трепетно подходил к вопросу перевода своего творения на другой язык. Как следствие, Мележ в своих письмах очень подробно отвечал на возникающие у переводчиков вопросы. Поэтому лингвокультурологическому анализу подверглись языковые единицы, объяснение которых дал сам Иван Павлович в письмах к Йыги, и те лексемы, которые были отобраны самостоятельно методом сплошной выборки. Из 76 слов, описанных в письмах, были отобраны 45 нарицательных существительных, преимущественно диалектных или устаревших. Чтобы установить,

насколько удачен перевод этих лексем на русский язык, мы сравнили их переводы Наумом Кисликом и Михаилом Горбачёвым с объяснениями самого Мележа и толкованиями этих же единиц Далем. В результате сопоставления мы пришли к выводу, что в целом авторы переводов стремятся к сохранению национального колорита в переводимом произведении. Однако нами были отмечены переводческие несоответствия и ошибки национально-маркированных единиц как в переводе Горбачева, так и в переводе Кислика. Например, слово *андарак* сам Мележ переводил как ‘юбка’, в то время как Кислик переводит его как *панева*, не учитывая того, что *панева* – это ‘бабья шерстяная юбка’, и ее никак не могли носить девушки Ганна и Хадоська. Обратили внимание мы и на перевод Горбачевым и Кисликом слова *чарэн*. И тот, и другой совершают грубую переводческую ошибку, называя чарэн *лежанкой* и *очагом* соответственно, на самом же деле, чарэн и лежанка находятся в разных местах русской печи, а очаг – ‘это место для разведения огня’, а не место для отдыха, как у Мележа. Та же история происходит с переводом слова *падпрыпечак*. Белорусскому *падпрыпечак* соответствует слово ‘подпечье’, в то время как у Кислика *подприпечек*, а у Горбачева вообще слово *припечек*, что соответствует русскому слову ‘шесток’.

Что касается переводческих несоответствий, то они несущественно влияют на восприятие текста, но указывают на незнание нюансов хозяйственной деятельности белорусов. Так, слово *плот* у Горбачева переводится как *штaketник*, которого в принципе не могло быть в бедной полесской деревне. Более уместен здесь перевод Кислика – *плетень* или *изгородь*. Или, как предлагает Мележ, – *частокол*.

На основе классификации переводческих ошибок А. М. Волочко нами была сделана классификация переводческих ошибок и несоответствий, представленная в виде таблицы:

Переводческие ошибки и несоответствия

Переводческие ошибки		Переводческие несоответствия	
Функциональные (функция предмета при переводе искажена)	Содержательные (значение переведенного слова не соответствует обозначаемому понятию)	Переводимое понятие шире оригинала	Переводимое понятие уже оригинала
Андарак – панёва Барыльца – бутылъ Падпрыпечак – припечек Прыгрэбнік – погреб Покуць – угол	Жалязняк – железака Восець – осень Застаронак – стенка; сторонка	Акалот – солома Завертні – петли Нерат – сеть Цэбер – ведро Змовіны – просватана	Клямка – щеколда Нарытнікі – шлея Плот – штaketник Чарэн – лежанка Пляшка – баклажка

Проанализировав переводческие ошибки и несоответствия у профессиональных переводчиков, мы решили провести эксперимент среди учащихся 10 «А» класса СШ № 200 г. Минска с целью выявления уровня сформированности лингвокультурологической компетенции (в эксперименте приняли участие 25 человек). Материалом для эксперимента послужили слова, при переводе которых переводчики не приняли во внимание лингвокультурологический аспект. Эти слова учащимся было предложено перевести на русский язык. Задание было направлено на проверку знания учащимися семантики национально-маркированных единиц белорусского языка, а также на выявление понимания учащимися общего и особенного в белорусском и русском языках и культурах.

Анализ итогов эксперимента засвидетельствовал невысокий уровень сформированности у учащихся лингвокультурологической компетенции. Большая часть учащихся не понимает значения слов – названий реалий белорусской культуры.

Сопоставив результаты эксперимента и классификацию переводческих ошибок, мы пришли к следующим выводам.

1. При сопоставлении национально-маркированных единиц, обозначающих названия реалий быта полешуков, зафиксированы проявления лингвокультурной асимметрии в художественных переводах романа Мележа «Люди на болоте» на русский язык М. Горбачёвым и Н. Кисликом.

2. Создана классификация переводческих ошибок и несоответствий как видов проявления лингвокультурной асимметрии в переводах Горбачёва и Кислика.

3. Установлена зависимость формирования лингвокультурологической компетенции потенциальных читателей от качества знания реалий быта народа переводчиками, а также от их внимательного и бережного отношения к национальной специфике, проявляющейся в национально-маркированных языковых единицах.

The report examines the manifestations of the linguocultural asymmetry in the translations of the novel “People on the Swamp” into Russian by the translators Kislik and Gorbachev. 76 national marked units were selected by the method of continuous sampling, they were distributed into four groups, taking into account manifestation of asymmetry. Translation mistakes don't influence the perception of the text by readers, composing 22 % in Gorbachev's translation and 16 % in Kislik's one.

В. В. Рыжов
Минск, БГУ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ У. ШЕКСПИРА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС ИЗ ЦИКЛА «ОГОНЬ ЛЮБВИ»

В работе рассматривается опыт деконструкции в пьесах современных американских авторов – их литературные эксперименты, направленные на создание особой территории для интеллектуальных игр с читателем. Классическое наследие прошлого переносится на современную действительность посредством его переосмысления автором.

«Деконструкция», включает в себе два противоположных по своей направленности процесса: деструкцию (отход от уже существующей литературной традиции) и конструкцию (восстановление традиции в ином смысловом представлении) – является не стратегией субъекта, а «событием», темой, мотивом, симптомом чего-то иного. Событие деконструкции не может произойти само по себе: для того чтобы оно состоялось, нужны усилия, стратегии, средства. Деконструкция не смешивает и противопоставляет строгую философию и литературность, но вводит их в контекст более широкого творческого понимания, где интуиция, фантазия, вымысел – столь же необходимые звенья анализа, как и законы формальной логики [1, с. 214].

Существенные изменения в гуманитарной научной парадигме американской литературы на рубеже XX и XXI веков, истощенность и истощаемость существующих идей заставила современных авторов с особым вниманием отнестись к наследию классической литературы [2, с. 312]. Пересмотр многих устоявшихся теоретико-методологических и аксиологических установок, формирование принципиально нового научного литературоведческого терминологического и категориально-понятийного аппарата, нового инструментария; онтологические, аксиологические и феноменологические изменения; появление понятий «дискурс», «концепт», «письмо», «голос», «интертекстуальность» способствовали поиску и появлению новых художественных (поэтических) экспериментов в прозе, поэзии, драматургии [3, с. 56].

В пьесе «Bitter Sause», написанной Эриком Богосяном, представлена проблема неверности и предательства, которая приобрела новые формы в современном обществе. Деконструируя сонет У. Шекспира, Э. Богосян ставит вопрос о возможности оправдать неэтичные действия и поступки, в частности, неверность и предательство. Автор изначально погружает читателя в начало диалога, позволяя не только проследить развитие беседы, но также давать поэтапную оценку действиям героев и, соответственно, на основании «наслаивающихся» друг на друга оценок формировать уникальное, персонифицированное мнение о произведении, вычленив особый, отличный от других смысл. Э. Богосян вводит в произведение укоренившиеся в обиходе говорящие имена Ромео, Джульетта. Также для того, чтобы подчеркнуть бессмертность поднятых У. Шекспиром тем, Э. Богосян вводит в название аллюзию: «To bitter sauses did I frame my feeding...» – *Я в горьких мыслях радость находил.*

Во второй пьесе цикла «Огонь любви» («Hydraulics Phat Like Mean»), написанной Нтозаке Шанге, переосмысливается содержание 128 Сонета У. Шекспира, схожесть сюжетной композиции которого позволяет читателю проследить связь с шекспировским временем. Необходимо также отметить, что содержание пьесы передает больше описание действий и движений героев, чем сама их речь. Благодаря описанию их действий становится понятным, каковы их намерения, чувства, эмоции. Реплики главных героев встречаются не часто и представлены одним и, в редких случаях, двумя предложениями. В пьесе часто встречаются междометия. Н. Шанге критикует модель мужского отношения к

женщине в современном обществе, а также отсутствие возможности выбора женщинами определенного пути в силу укоренившихся в общественном сознании и ставших негласными «правил» предписывающих следование за мужчиной и согласие с принятым им решением. Н. Шанге обращает внимание читателя на душевные переживания героя, помещая читателя не в самую физическую сцену, а делая его частью эмоционально-чувственной картины. Именно данный подход позволяет отойти от логического, умственного осмысления. Важную роль в формировании ощущения от опыта прочтения пьесы играет ее название. По утверждению самой Н. Шанге, слово «hydraulics» в названии пьесы отсылает к популярному среди автомобилистов и представителей хип-хоп-субкультуры движению – лоурайдинг¹. По наблюдениям автора, лоурайдеры показывают свою симпатию демонстрацией определенных трюков на собственных автомобилях. В произведении инструментом представления заинтересованности служат не трюки на автомобиле, а игра на музыкальном инструменте. Отсылка к современным реалиям американской культуры упрощает понимание пьесы, так как читатель отчетливо может провести параллели между мизансценой в произведении и возможной повседневной ситуацией. Текст пьесы отличается большим количеством метафор, например: «... let my fingers sail your inlets and bays...» – *разреши моим пальцам, будто кораблям, проплыть по твоим бухтам и заливам*. «...I need to blend with your meters...» – *я хочу соединиться с тобой*. Язык пьесы очень образный, насыщенный, эмоциональный. Это достигается не только за счет использования метафор, но и за счет большого количества вопросительных предложений, сравнений, используются фразы на других языках.

Пьеса «Terminating, or Lass Meine Schmerzen Night Verloren Sein, or Ambivalence», написанная Тони Кушнером, обращает внимание читателя на проблему сексуальных меньшинств в современном обществе. Автор представляет читателю главного персонажа пьесы как человека с низким уровнем образования и духовной культуры, что указывает на критическое восприятие автором представителей сексуальных меньшинств, активно выступающих и демонстрирующих свои нетрадиционные чувства и взгляды. Т. Кушнер отводит большую часть пьесы под монологи главного героя – с одной стороны проявляя толерантное отношение к сексуальным меньшинствам, предоставляя им возможность говорить; с другой – вновь подчеркивает чрезмерное внимание и существующие в обществе тенденции к принятию нетрадиционных сексуальных отношений как нормы.

В пьесе «Painting You» Уильям Финн, деконструируя сюжет сонета У. Шекспира, подводит читателя к личной системе культурных и социальных ценностей, что непосредственным образом направляет к размышлениям о важности выбора в расставлении приоритетов, применительно абсолютно к любому событию в жизни. Это выводит взор читателя за пределы рас-

---

¹ Лоурайдинг (от англ. lowriding – «низкая езда») – езда на автомобилях с сильно заниженным клиренсом и установленными гидравлическими системами с сервоприводами для увеличения дорожного просвета и выполнения трюков.

смотрения посылает автора в рамках межличностных отношений и обращает его внимание на актуальную проблему важности выбора и последствий сделанного выбора в жизни.

Лейтмотивом пьесы «Waiting for Philip Glas», написанной Венди Басерштайн, стали строки из сонета 94 «...Lilies that fester smell far worse than weeds...» – *гниющие лилии хуже сорняков* (собственный перевод). Описывая в своем произведении представителей современного американского истеблишмента, автор критикует этические и моральные устои, сложившиеся среди представителей элиты. Деконструированный сюжет дает возможность взглянуть на общественные и культурные ценности целого государства, существующие в современной Америке, через призму шекспировских мотивов на тему подлинного в человеке.

В деконструированных произведениях предпосылки создания оснований для размышления и смыслопорождения создаются на основе описания любовных линий между героями. Авторы сборника пьес «Огонь любви» ориентируют себя и читателя на размышление и осознание социальных, культурных аспектов жизни современного общества через осмысление любви в человеке и любви к человеку, описанных в цикле шекспировских Сонетов. Творчество У. Шекспира, содержащее в себе идеализированные представления о вечных понятиях и ценностях, поставлено в сравнение с реалиями современной культуры, неоднозначное положение культуры современности любовно-эротических отношений в которой подводит к анализу существующих и порождению новых возможных смыслов любви. Преимущественное рассмотрение любви как проблемы исключительно личного характера, оставляет ее на периферии научного познания. Вне всяких сомнений, любовь – важная проблема философско-антропологического характера, однако отсутствие ее изучения в социогуманитарной литературе лишает возможности формировать эмпирическую базу для построения новых подходов к осознанию важности любви и осмыслению ее влияния на жизнь человека.

Для второй половины XX века, по мнению ряда исследователей, характерно кризисное состояние духовной культуры. Материальная культура, наоборот, приобрела новые темпы развития и получила отражение в достижениях научного и технического прогресса. Различные негативные последствия развития материальной культуры, связанные с проблемой гуманности в современной общественной жизни, такие как: повышение уровня преступности, сексуальные извращения, общее напряжение в обществе, конфликты этносов – актуализируют необходимость рассмотрения любви в разрезе ее социального влияния. Сюжетные композиции деконструированных произведений отражают злободневные реалии жизни современного американского общества. Фундаментальная антропологическая и социальная роль любви рассматривается авторами не только в контексте межличностных человеческих отношений, а переносит акцент на рассмотрение ее влияния на жизнь

современного общества, что достигается деконструкцией любовных сюжетов шекспировских Сонетов и, как следствие, формирует принципиально иное пространство для опыта смыслопорождения.

Пьесы содержат откровенное описание сексуальных и любовно-эротических эпизодов. Современная американская культура развивается под активным влиянием психоанализа, который в свое время привел к раскрепощению либидо, определяя сексуальное влечение первичным человеческим инстинктом, обосновывая соотношение «тела – духа», связь эроса и культуры. Отказ от объективного, рационального и глобального в постмодернистском обществе привел к принятию частного, иррационального и повседневного, что придало сексуально-эротическому новое значение и определило принципиально новую важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деррида, Ж.* Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с фр.; под ред. Н. А. Шматко. – СПб : Академический проект, 2000. – 428 с.
2. *Кристева, Ю.* Избранные труды : разрушение поэтики : пер. с фр. / Ю. Кристева. – М. : Росспэн, 2004. – 652, [1] с.
3. *Стеценко, Е. А.* Концепция традиции в литературе XX века // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века; ред. А. Б. Базилевский [и др.]. – М. : Ин-т мировой лит. РАН, 2002. – С. 47–82.

The article considers deconstruction in modern American authors' poems – literature experiments to build up a unique territory for intellectual games. The classical literature being deconstructed is extrapolated onto today's reality.

Д. А. Самсонова

Минск, ГУО «Средняя школа № 200 г. Минска»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ РОМАНА В. ГЮГО «СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ» В ЛИБРЕТТО МЮЗИКЛА «NOTRE-DAME DE PARIS» (русскаяязычная версия)

В докладе рассматриваются механизмы литературной адаптации образов героев и сюжета романа Гюго в либретто одноименного мюзикла. Установлено, что основными художественными приемами и у Гюго, и у Кима (автор русскоязычного либретто) являются контраст и гротеск. Они проявляются в либретто в перифразах, сравнениях, оксюморонах, гиперболах.

Проблемы становления музыкального жанра мюзикла, написания либретто издавна привлекали к себе внимание музыковедов и критиков, теоретиков и практиков музыкального театра. Однако, так как либретто находится на стыке литературы и музыки, некоторые исследователи видят в нем только «техническую переработку» литературного произведения.

Между тем в последнее время мюзикл занял одну из лидирующих позиций в современной музыкальной культуре. Поэтому возрастают требования и к литературной составляющей, так как качество либретто во многом определяет успех мюзикла, являясь «посредником» между литературным источником и собственно мюзиклом. В свете этого изучение либретто как жанра является важной задачей для литературоведов. Считаем, что работа является своевременной и восполняет недостаток знаний по данному аспекту.

Теоретическая значимость исследования связана с малой степенью изученности проблемы. Практическая значимость данной работы заключается в возможности использования результатов исследования на уроках по русской литературе и музыке.

Цель: исследовать, как преобразуется сюжет и образы романа В. Гюго в либретто русскоязычной версии мюзикла. Объект исследования – либретто мюзикла «Нотр-Дам де Пари», предмет – образы героев.

Изучая биографию автора романа, мы обратили внимание на слова самого Виктора Гюго: «Я в своих книгах, драмах, прозе и стихах заступался за малых и несчастных, умолял могучих и неумолимых. Я восстановил в правах человека шута, лакея, каторжника и проститутку» [1]. Эти слова раскрывают и суть романа «Собор Парижской Богоматери». Эту суть очень чутко уловил автор французского либретто мюзикла Люк Пламодон. Цитирую: «Я обращался к различным персонажам и даже не обратил внимания на Эсмеральду. Я направился напрямик к букве «К» – и остановился на Квазимодо. Именно тогда «Собор Парижской Богоматери» стал для меня реальностью» [2].

Контраст, положенный Гюго в основу романа, явился тем стержнем мюзикла «Notre-Dame de Paris», выпущенного в прокат в 1998 году в Париже. В 2002 году мюзикл был адаптирован в русскоязычную версию продюсерами Катериной фон Гечмен-Вальдек, Александром Вайнштейном и Владимиром Тартаковским.

Либретто для русскоязычной версии написал известный поэт-бард Юлий Ким. Он написал слова 47 из 51 песен мюзикла [3]. Автором слов песен «Belle», «Жить», «Пой мне Эсмеральда» является режиссер Сусанна Цирюк, а песню «Моя любовь» написала 15-летняя Даша Голубоцкая.

Как же интерпретируются сюжет, образы героев произведения Гюго авторами либретто русскоязычной версии мюзикла «Notre-Dame de Paris». Для ответа на этот вопрос мы прибегли к сравнительной характеристике и выяснили следующее: основными художественными приемами, используемыми и Гюго, и авторами либретто являются контраст и гротеск.

В мюзикле на контраст «работают» цвета костюмов героев (у Фролло – черный, у Феба – светлый, у Квазимодо – пурпурный), тембр голосов актеров, и характер музыки, меняющийся в зависимости от происходящих событий. На литературном уровне контраст проявляется в использовании перифразов, сравнений, оксюморонов, гипербол. Контрастны перифразы, характеризующие образ Эсмеральды: «дикая кошка, злобный дух» (у Фролло), «прекрасный ангел» и «Бог мой» (для Гренгуара и Квазимодо соответ-

ственно) [4]. Причем перифразы Гренгуара и Квазимодо носят мелиоративную (положительно-оценочную), а у Фролло – пейоративную (отрицательно-оценочную) окраску.

Контраст в перифразах, характеризующих Квазимодо, больше напоминает оксюморон: *горбатый и кривой красавец молодой* [4], а также реализуется в сравнениях (*как последний щенок – прекрасный, как никто*) [4].

Двойственность присуща всем главным действующим лицам: Эсмеральде, Квазимодо и Фролло, противоречивый образ которого создают контекстуальные антонимы:

Очнулся спящий вулкан
И сжигает меня живьем,
И в нем моя ГИБЕЛЬ,
И СЧАСТЬЕ тоже в нем [Там же].
(и счастье, и гибель для Фролло в Эсмеральде).

Контрастен и образ Феба. С одной стороны он – «солнце жизни – светлый Феб» – перифраз построен на игре слов, с другой – «ты не ангел» [Там же] – отрицающее сравнение.

Противоречив и Гренгуар, который в мюзикле выполняет функции и рассказчика, и действующего лица и предстает перед зрителем то поэтичным и романтическим, то циничным и знающим себе цену.

Для характеристики и самохарактеристики героев автор либретто Юлий Ким использует прямые («я как скала, неколебим и тверд») и отрицающие («...я тоже не овечка») сравнения [Там же]. Некоторые сравнения настолько постоянны, что возводятся в ранг концептов.

Так, например, сравнения «птица бедная в неволе» и «она, словно птица с перебитым крылом» [Там же] объясняют и смелость, и свободолюбие Эсмеральды. А сравнения Квазимодо себя с псом, щенком объясняют и его рабскую психологию по отношению к Фролло, и его верность до гроба Эсмеральде.

Но еще одним и, пожалуй, основным образом-концептом выступает в мюзикле собор. Храм предоставляет убежище героям романа, с ним тесно связана их судьба, здесь живет Квазимодо, «душа собора», чей гротескный образ олицетворяет Средневековье [5].

Вот он, мой Нотр-Дам, великий наш Собор,
Здесь и дом мой, и храм, и суровый надзор [4].

В ходе исследования установлено, что образы героев в либретто имеют как черты, присущие персонажам Гюго, так и свои индивидуальные особенности. Адаптируя содержание романа «Собор Парижской Богоматери», либреттисты, тем не менее, сохранили романтичность стиля Гюго, благодаря чему мюзикл близок по духу первоисточнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурбан, В. Виктор Гюго. Рыцарь Франции, гражданин Мира / В. Бурбан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.c-cafe.ru/days/bio/hugo>. – Дата доступа : 21.09.2016.
2. Мюзикл «Notre Dame de Paris» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://razdel.net > theatres/ read/ 154](http://razdel.net/theatres/read/154). – Дата доступа : 22.09.2016.

3. Ким Юлий Черсанович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.bards.ru/Kim>. – Дата доступа : 10.10.2016.
4. Тексты песен «Notre Dame de Paris» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ndparis.narod.ru>. – Дата доступа : 11.09.2016.
5. Гротеск и контраст в романе Гюго «Собор Парижской Богоматери» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.testsoch.com/grotesk-i-kontrast-v-romane-gyugo-sobor-parizhskoj-bogomateri/>. – Дата доступа : 27.09.2016.

The report discusses the mechanics of literary adaptation of the images of the characters and the plot of Hugo's novel into the libretto of the eponymous musical. We found that the main art techniques at Hugo and Kim (the author of the Russian libretto) are the contrast and the grotesque. The contrast and the grotesque appear in periphrases, comparisons, oxymorons, hyperboles in the libretto of the musical.

А. А. Явид

Минск, ГУО «Средняя школа № 200 г. Минска»

РЕАЛИЗАЦИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ В РОМАНЕ ЭРИХА МАРИИ РЕМАРКА «ТРИ ТОВАРИЩА»

В работе рассматривается реализация разнообразных типов авторского самовыражения в романе Эриха Марии Ремарка «Три товарища». Было установлено, что в романе проявляются поведенческая (образы главных героев), когнитивная (мировоззрение героев) и оценочная (афоризмы романа) составляющие Я-концепции. Таким образом Ремарк достиг эффекта авторского присутствия в тексте через отсылки к реальным историческим фактам, изображение ролей и статусов персонажей и оценку происходящего в произведении.

Каждый человек хочет быть принятым и понятым другими людьми. «Счастье – это когда тебя понимают», – говорит мой ровесник из известного фильма «Доживем до понедельника». Писатели и поэты, создавая свои произведения, также хотят быть понятыми и принятыми читателями, потому что они вкладывают в произведения частицу своей души. Ведь для того, чтобы разглядеть эту самую частицу души, обычные люди и читают книги. Данную особенность очень верно подметил Лев Толстой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на жизнь?» [1]. Целью работы является выявление в романе Ремарка «Три товарища» многообразия форм авторского присутствия, реализующегося в принципах Я-концепции. В связи с этим решались следующие задачи:

- 1) изучить биографию писателя;
- 2) истолковать понятия «автобиографизм» и «Я-концепция», определив оптимальные критерии выявления авторского «я» в романе;
- 3) описать разнообразные типы авторского самовыражения в романе, опираясь на положения Я-концепции. Объектом исследования является роман Эриха Марии Ремарка «Три товарища», а предметом – идейное содержание этого произведения.

Первым этапом нашей работы стало изучение дневниковых записей писателя, воспоминаний его друзей и знакомых [2], биографических данных [3] и публицистического произведения Ремарка «Интервью с самим собой» [4].

Существует несколько значений термина «автор». Близость героя к автору, отражение в литературном произведении сведений из его жизни приводят к проблеме автобиографизма [5]. В еще одном значении термин «автор» означает носителя некой концепции. Мы предлагаем рассматривать авторское присутствие в романе с позиции Я-концепции. Я-концепция (или образ Я) представляет собой относительно устойчивое, в большей или меньшей степени осознанное и зафиксированное в словесной форме представление человека о самом себе. Традиционно выделяют когнитивную, оценочную и поведенческую составляющие Я-концепции [6, с. 99].

Помня о том, что авторское «присутствие» не концентрируется в какой-то одной точке произведения, а существует на всех уровнях художественной структуры, приступив к поискам авторского начала в произведении, мы заметили, что ярче всего в романе проявляется поведенческая составляющая Я-концепции. Образ Роберта Локампа Ремарк списал с самого себя, в то время как в подруге Роберта Патриции Хольман явственно проступают черты первой жены автора – Ильзы Ютты Замбоны: даже болезнь у них одинаковая: и героиня, и первая жена Ремарка страдают от туберкулеза. Смерть героини романа воспринимается как символ смерти реальных отношений Ремарка и Ильзы, которые ко времени создания романа уже развелись. Как и Ремарк в реальной жизни, герои романа находят забвение в алкоголе (предпочитают ром), ищут себя в постоянной смене места работы (от подмастерья в автомастерской до пианиста в кафе), мечтают уехать в Америку, любят гоночные автомобили и играют на музыкальных инструментах.

Больше всего в романе примеров, иллюстрирующих когнитивную составляющую Я-концепции. Она выражается в типаже героя, близкого автору по мироощущению. Также, как и автор, три товарища – одинокие люди, не знающие ни дома, ни семьи, но не изменяющих себе ни при каких обстоятельствах. Под стать Ремарковскому герою и излюбленный образ героини – натура страстная, нежная, способная безоглядно отдаться стихии чувств, над которой сама не всегда бывает властна: «Она от души смеялась надо мной... Она исчезла, прежде чем я успел сообразить, что случилось» [7, с. 115].

Сближает автора и его героев и отношение к дружбе. Мотив верной дружбы фронтовых товарищей красной нитью проходит через всю книгу и проявляется в их уверенности друг в друге, способности всегда прийти на помощь и идти вместе до конца. Очень ярко это прослеживается в эпизодах, которые повествуют о поисках убийцы Готфрида Ленца. В романе отводится очень много места авторскому отношению к дружбе, любви, воспоминаниям о бередающих душу событиях в окопах Западного фронта, а также ироничным разговорам о месте человека в мире и чувстве собственного достоинства. Цитирую: «Всякая любовь хочет быть вечной, в этом и состоит ее вечная мука»

[7, с. 273]. Уже в этом афористичном, построенном по принципу каламбура высказывании проступает харизматичная личность Ремарка – человека, имеющего большое влияние на взгляды и настроения европейского и американского общества XX века. По сути эти крылатые выражения и являются реализацией в произведении оценочной составляющей Я-концепции.

Произведя анализ романа Э. М. Ремарка «Три товарища», мы пришли к следующим выводам:

1. В произведении присутствуют все составляющие Я-концепции.
2. Ярче всех проявляется поведенческая составляющая. Она заметна как в выборе профессий, хобби, так и во времени и месте, в которых происходит действие романа.
3. Труднее всего «считывается» оценочная составляющая Я-концепции, поскольку она не всегда проступает явно, а рассредоточена в подтексте, интонации, выборе обращений, средств художественной выразительности.
4. Взаимосвязь всех видов проявления Я-концепции позволяет «увидеть» автора во всей полноте и многообразии его личности.

Поэтому мы рекомендуем использовать постулаты Я-концепции при литературоведческом анализе произведений, так как это не только развивает межпредметные связи, но и позволяет сделать изучение художественных произведений более глубоким и личностно-ориентированным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой, Л. Н. Предисловие / В книге Ги де Мопассан «Жизнь. Милый друг». – Минск : Мастацкая літатура, 1980. – 415 с.
2. Обрывки жизни : Ремарк и Дитрих. Переписка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.spletnik.ru/blogs/chto_chitaem/43320_obryvki_zhizni_remark_i_ditrix_perepiska. – Дата доступа : 23.10.2016.
3. Биография Эриха Марии Ремарка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://em-remarque.ru/biografija.html>. – Дата доступа : 20.09.2016.
4. Ремарк, Э. М. Эпизоды за письменным столом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.e-reading.by/bookreader.php/1021408/Remark_-_Epizody_za_pismennym_stolom.html. – Дата доступа : 21.09.2016.
5. Автобиографизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 03.10.2016.
6. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – Санкт-Петербург : ООО «Питер пресс», 2007. – 754с.
7. Ремарк, Э. М. Три товарища / Э. М. Ремарк. – Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 496 с.

This work considers how different types of author's self-expression realise in Remarque's novel "Three Comrades". It was found that three components of "self-concept" appear in the novel: behavioural (the main characters' images), cognitive (heroes' worldview) and estimated (aphorisms in the novel). Thus, the author of the novel has created the effect of his own presence in the text by reference to the actual historical data, the image of roles, the statuses of the characters and the assessment of what is happening in the work.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Н. В. Барашко

Минск, БГУ

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛЯ

В данной статье рассматривается обучение переводу на учебных занятиях по английскому языку в учреждениях высшего образования неязыковых специальностей. Делается акцент на художественном переводе поэтических текстов.

Начнем нашу статью со слов П. Фани и А. Мамфолда: «Надо помогать людям эффективно учиться, вместо того, чтобы передавать им ненужные знания». Язык является важнейшим средством общения, без которого невозможно существование и развитие человеческого общества. Это делает необходимым переосмыслить цели и задачи, содержание и технологии обучения иностранным языкам, учитывая при этом уже накопленный отечественный и зарубежный методический опыты.

Поскольку тексты различны по характеру, их перевод должен осуществляться с учетом особенностей конкретного жанра. Государственные документы, деловые бумаги или художественная литература, например, переводятся иначе, чем научные труды. Безусловно, если речь идет о научном или научно-техническом тексте, то кроме знания приемов перевода требуется владение областью знаний и терминологией, затронутой в тексте.

В научной литературе существуют различные подходы к классификации перевода по формам, видам и жанрам. В зависимости от того, в какой форме в речи используются взаимодействующие языки, можно выделить следующие виды перевода.

Письменно-письменный перевод, или письменный перевод письменного текста. Этот перевод наиболее распространен в переводческой практике.

В зависимости от характера переводимого материала внутри данного вида перевода можно выделить несколько жанров, к числу которых относятся:

- а) газетный;
- б) официально-деловой;
- в) научный;
- г) научно-технический;
- д) художественный;
- е) перевод ораторской речи и публицистики;

Основными стилистическими и языковыми особенностями научных и научно-технических текстов является высокая частотность употребления терминов, отвлеченно-обобщенный характер изложения, логичность, однозначность и сжатость в передаче информации, номинативный характер научной речи, частое использование пассивных конструкций [1, с. 38].

Устно-устный перевод, или устный перевод устного текста – язык текста оригинала и язык перевода употребляются в устной форме. В рамках этого вида перевода существуют две разновидности: последовательный и синхронный.

Письменно-устный перевод, или устный перевод письменного текста – язык текста оригинала употребляется в письменной форме, язык перевода – в устной. В рамках этого вида перевода также возможны две разновидности: а) перевод может осуществляться одновременно с чтением оригинала про себя, б) последовательно, после прочтения всего текста в целом или по абзацам.

Устно-письменный перевод, или письменный перевод устного текста. На практике этот вид перевода встречается достаточно редко, поскольку скорость, с которой осуществляется процесс воспроизведения текста-оригинала в письменной форме, намного ниже скорости произнесения устного текста, осуществлять такой перевод в естественных условиях почти невозможно.

Иногда выделяют *автоматический* (компьютерный перевод) как особый вид перевода, ставший распространенным в последнее время. Однако необходимо помнить, что такой перевод требует еще большей и тщательной корректировки, поэтому самостоятельным его называть пока рано.

Автор – старший преподаватель кафедры английского языка БГУ, преподает английский язык на факультете прикладной математики и информатики. На своих учебных занятиях автор представила студентам не только материал по программе, но и внедрила на занятиях курс «Основы технического перевода» по учебнику С. А. Хоменко, заведующей кафедрой английского языка № 1 БНТУ «Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский». Автор кратко излагает студентам теоретический материал. Затем предоставляется 45 минут на письменный перевод текста со словарем. По мнению автора, данная практика является эффективной для успешной сдачи экзамена студентов в конце семестра [1, с. 39].

В переводческой практике используются термины «буквальный» и «вольный» переводы. *Буквальным переводом* предлагается считать перевод, осуществляемый на уровне более низком, чем тот, который необходим в данном случае. Буквальный перевод является, так сказать, переводом недостаточно трансформированным. Так, в частности, бывает при переводе высказываний, которые содержат конструкции, отсутствующие в русском языке. Можно ошибочно считать, что аналогичные конструкции существуют и в русском языке, и сохранить их в тексте перевода. Это приводит к буквализму. Например: *He walked with his eyes down*, часто это переводят так: *Он шел с глазами, опущенными в землю*, в то время как правильным будет перевод – *Он шел, опустив глаза*.

Также существует *художественно-творческий перевод*: сюда можно отнести перевод лимериков. Данный перевод учащиеся очень любят, так как переводить с юмором небольшой стишок интересно (4 строчки).

Лимерик – форма короткого юмористического стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы, иначе это называется поэзия нонсенса. Традиционно лимерик имеет пять строк, построенных по схеме ААВВА, причем в каноническом виде конец последней строки повторяет конец первой. Сюжетно лимерик строится примерно так: в первой строке говорится, кто и откуда, во второй – что сделал, а далее – что из этого вышло. При переводе лимериков профессиональные переводчики часто меняют географические названия и имена героев. Учащимся для сравнения даются варианты перевода лимериков, близкие к оригиналу и выполненные мастером интерпретации [2, с. 60].

Вот несколько переводов известного лимерика, сделанные учащимися под руководством автора. Первый и второй примеры практически соответствует содержанию английского лимерика, а в последнем меняется имя героя и профессия, которую он приобрел (это вполне допустимо):

There once was a student named Bessor, Whose knowledge grew lesser and lesser. It at last grew so small, He knew nothing at all. And today he is a college professor.	Студента по имени Бессор, Шутя называли «регрессор», Чем больше читал, Тем меньше он знал. А теперь он известный профессор.
Жил когда-то студент по имени Бессор, А звали его почему-то «агрессор». Он все время что-то читал, Но все равно ничегошеньки не знал, А теперь он у нас профессор.	Студент по имени «Чайник» Всегда почему-то ходил печальный. Дошло уж до того – Что не знал он ничего. А теперь тот студент – начальник.

Переводы, выполненные учащимися, не всегда сохраняют рифму, но им удается передать смысл лимерика и не потерять его юмор. Исходя из приведенных автором примеров, работа с лимериками способствует развитию учащихся, обогащает их духовный мир, прививает чуткость к поэтическому слову и повышает мотивацию к предмету.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хоменко, С. А.* Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский: учеб. пособие / С. А. Хоменко. – Минск. : БНТУ, 2004. – 204 с.
2. *Барашко, Н. В.* Обучение одаренных учащихся переводу лимериков / Н. В. Барашко // Человек, психология, экономика, право, управление : проблемы и перспективы : сб. материалов XVIII Междунар. науч. конф. аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 15 мая 2015 г. / Минск. ун-т управления; ред. кол.: В. В. Гедранович [и др.]. – Минск : Минск. ун-т управления, 2015.

This article is about the methods of translation of technical texts at University. It is very important to know how to translate correctly using all forms and means of translation.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПРИНЦИПОВ СОЗДАНИЯ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ СИНХРОННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье рассматриваются базовые логико-методические принципы организации обучающих программ для переводчиков-синхронистов, а также понятия «твердые умения» и «мягкие умения».

Несмотря на то, что применение синхронного перевода как профессионального вида деятельности получило широкую известность в 1945–1946 гг. во время Нюрнбергского процесса, впервые этот прием перевода был использован еще в конце 1920-х годов.

В 1926-м году американской фирмой «International Business Machines» было запатентовано оборудование для проведения синхронного перевода. Однако до вышеупомянутого международного судебного процесса преимущественно практиковался последовательный перевод. При этом если на встрече использовалось более двух рабочих языков, оратору приходилось повторять свою речь, в зависимости от количества языков, после чего осуществлялся перевод. Это существенно отнимало время.

Изначально оборудование представляло собой довольно громоздкую конструкцию, с приспособлениями, поддерживающими микрофон, и аппаратом. Кабинок, как и наушников для переводчика тогда не существовало, а потому звук воспринимался напрямую с трибуны.

Сегодня синхронисты работают в специальных кабинках, оснащенных современной аппаратурой. Однако объем работы переводчика остается колоссальным, а требования к специалисту – неизменно высокие.

Иногда синхронный перевод осуществляется «с листа». В данном случае синхронисту заблаговременно предоставляется письменный текст речи. Во время перевода специалист лишь корректирует предоставленный материал, в соответствии с речью выступающего.

Однако синхронный перевод «на слух» встречается чаще, чем «с листа». А значит переводчик должен обладать отличными реакцией, концентрацией, а также большим багажом знаний.

Прибавьте к вышеперечисленному неимоверное психологическое напряжение для синхрониста во время самого процесса перевода. В отличие от последовательного, синхронный перевод осуществляется практически одновременно с речью выступающего [синхронный переводчик отстает от оратора примерно на несколько слов] – жесткие временные ограничения не предоставляют возможности проанализировать воспринимаемый текст [1, с. 91]. Синхронисты время от времени могут ненадолго отключить свой микрофон, чтобы посоветоваться с коллегой, по поводу той или иной фразы. Но в остальном – это процесс одновременного прослушивания информации через наушники и моментальной передачи перевода в микрофон, осуществляемый одним специалистом.

Около половины слов речи оригинала не несут какой-либо новой информации, поэтому специалисту необходимо вычленить самую важную часть для перевода [1, с. 112]. Порой осуществление перевода осложняется по причинам, независящим от синхрониста, – когда темп речи выступающего слишком быстрый или сама речь невнятная. Здесь от переводчика требуется полная концентрация.

Речь самого синхрониста должна быть четкой, не очень громкой, чтобы не заглушать речь докладчика, и не слишком тихой.

Переводчик не только должен быть в курсе событий, затрагивающих тему переводимого материала, но и уметь распознать, перевести идиоматические выражения, а также отсылки, будь то отсылка к историческим, политическим фактам или отсылка к литературным и мифологическим персонажам/событиям.

Как правило, речь выступающего непрерывна. Синхронный перевод такой речи оказывают большую нагрузку на синхрониста, а потому осуществляется одним специалистом не более 20 минут. Во избежание усталости переводчика и потери эффективности перевода, по истечении этого времени интерпретатора сменяет коллега.

Особое внимание изучению проблем аспектов процесса синхронного перевода уделяет большое количество научных дисциплин. Помимо вышеупомянутого аспекта механизма синхронного перевода (процесс одновременного выступления с докладчиком – слушание речи и говорение, перевод речи оратора), крайне важным является аспект запоминания, а также и сама личность переводчика – его индивидуальные способности и качества [2, с. 39].

Последний вопрос является крайне значимым: проблема комплекса, набора индивидуально-личностных качеств и особенности специфических различий отдельно взятых переводчиков в достаточной степени противоречива. Говоря же о способностях, полагаем справедливым сослаться на приведенную К. Н. Леонтьевым классификацию, согласно которой они разделены на две основные группы: *индивидуальные* и *специальные*. Под *индивидуальными* свойствами понимается способность быстро и эффективно овладевать ЗУНами в той или же иной сфере. *Специальные* способности – те свойства личности, которые помогают освоить отдельную профессиональную область.

Определенно можно говорить о том, что индивидуально-личностные характеристики переводчика важны как на уровне языковой подготовки, так и при обучении переводу, а также при выполнении самих переводов.

При подготовке переводчика-синхрониста важно не только создать и сформулировать необходимые критерии и принципы отбора кандидатур для дальнейшего обучения, но также разработать систему образовательных программ, которая позволит не только развить уже имеющиеся способности обучающихся, но и специальные умения [3, с. 28].

Здесь мы переходим к вопросу о том, каким образом следует подходить не только к подбору, но и к формированию учебных программ. Трудность обеспечения качественного перевода идет нога в ногу с рядом тесно связанных

и охватывающих огромную «территорию» научного знания причин. Среди них можно выделить следующие: влияние социальных и ситуативных факторов; факторов, связанных с осуществляемой деятельностью; личностные особенности; знание как исходного языка, так и языка перевода; знание культурных особенностей. Учитывая названные выше аспекты, следует заключить, что обучающие программы должны быть нацелены на развитие целого комплекса ЗУНов, связанных не только с полем специфики профессии, т.е. «твердых умений» (англ. *hard skills*), но и «мягких умений» (англ. *soft skills*).

Методикам обучения синхронному переводу уделялось огромное внимание как в работах отечественных, так и зарубежных лингвистов, однако к настоящему моменту не разработана полная методическая система, включающая в себя подробное описание целей обучения, требований к подбору учащихся, содержания обучающих программ, а также организации учебного процесса, подбора обучающих материалов, упражнений. Важно заметить, подобные методические программы необходимо разрабатывать на основе современных научных представлений о задачах, которые стоят перед синхронным переводчиком, а также специфики самого синхронного перевода.

От поставленных задач обучения синхронному переводу зависит и содержание курса обучения, то, каким образом будет организован процесс обучения, а также требования к обучающимся. Способность переводить синхронно формируется за счет различных конфигураций знаний, умений и навыков, т.е. допустимым является владение на разных уровнях теми или иными ЗУНами, с учетом того, что сформированность одного компонента компетенции компенсирует недостаточную сформированность другого.

В дальнейшем алгоритм синхронного перевода может становиться более автоматизированным, что достигается посредством повышения прочности приобретенных умений и навыков и получения опыта решения нестандартных переводческих задач [4]. Определим цель обучения синхронному переводу как приобретение обучающимся базового набора знаний умений и навыков, позволяющих переводить синхронно, а также в дальнейшем расширять ЗУНЫ.

Для достижения данной ключевой задачи необходимо выделить следующие подцели: систематическое развитие восприятия информации, внимания, памяти, мнемических качеств, реакции, способности выдерживать длительное умственное напряжение; овладение навыками восприятия речи говорящего, работы в условиях ограниченного времени и информационного доступа, концентрации на нескольких процессах одновременно, трансформации высказываний; изучение смежных дисциплин.

В первую очередь стоит уделить внимание формированию навыков и умений воспринимать информацию, а также развитию внимания, памяти, мышления, способности выдерживать длительное умственное напряжение. Данная цель достигается посредством развития слухового восприятия, повышения скорости работы памяти узнавания, а также улучшения техник частичного, избирательного восприятия.

Далее необходимо выполнить реорганизацию переводческих навыков и умений, связанных с выполнением самого перевода с учетом специфических особенностей синхронного перевода. Синхронный перевод выполняется в условиях ограниченного доступа к информационным источникам, что делает необходимым постоянное расширение знаний переводчика по общественным, экономическим, политическим культурным дисциплинам, а также развитие навыков и умений по использованию изобразительных и выразительных средств иностранного языка. Системы упражнений в первую очередь формируются с учетом стадийного повышения сложности упражнений. Упражнения можно разделить на подготовительные и тренировочные (отработка навыков перевода с листа, на слух) [2]. Также целесообразным является объединение в отдельных упражнениях механизмов достижения вышеуказанных подцелей (расширение знаний по экономике, развитие навыка перевода с листа).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аликина, Е. В.* Переводческая семантография: запись при устном переводе : учеб.-практ. пособие по специальности «Перевод и переводоведение» / Е. В. Аликина; Федеральное агентство по образованию, Пермск. гос. техн. ун-т. – М. : Восток–Запад. – Тверь : АСТ, 2006. – 158 с.
2. *Митягина, В. А.* Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты / В. А. Митягина [и др.]; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 300 с.
3. *Свинина, Н. Г.* Жизненный опыт учащихся в контексте личностно-ориентированного образования // Н. Г. Свинина. – Педагогика. – 2001. – № 7 – С. 27–31.
4. *Ширяев, А. Ф.* Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А. Ф. Ширяев. – М. : Воениздат, 1979. – 183 с.

This article considers basic methodical principles of educational programs organization for future simultaneous interpreters, the terms “hard skills” and “soft skills” are differentiated.

А. А. Давидченко
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В данной статье рассматриваются особенности обучения практической грамматике будущих переводчиков с учетом специфики их дальнейшей профессиональной деятельности. В первую очередь делается акцент на важности развития грамматической компетенции как ключевой составляющей лингвистической компетенции в целом. Статья также детально описывает основные формы и приемы работы с грамматическим материалом.

Подготовка будущих переводчиков представляет собой сложный процесс как для преподавателей, так и для самих студентов. Для учреждения образования это прежде всего вопрос создания учебной программы и поиск идеального соотношения между теоретическими знаниями и практическими умениями, которые предлагаются студентам. Для обучающихся – успешное овладение всеми необходимыми навыками и умениями для последующего осуществления профессиональной переводческой деятельности.

Перевод как с русского/белорусского на английский язык, так и с английского на вышеуказанные языки представляется особенно трудным прежде всего из-за различий в грамматических системах. Именно поэтому при подготовке будущих переводчиков большое внимание уделяется грамматической стороне письменной и устной речи.

Определяющим в системе требований к организации образовательного процесса является принцип компетентностного подхода, в основе которого во время профессиональной подготовки будущих переводчиков лежит формирование и развитие целого ряда компетенций, среди которых именно грамматической компетенции отводится одно из ведущих мест. Под иноязычной грамматической компетенцией понимается «сформированность знаний, умений и навыков передачи категориальных значений (временных и залоговых форм, числа, рода, падежа и т.д.), понимание принципов построения синтаксических конструкций, знание грамматических норм и правил, а также умение использовать их на практике» [1, л. 23].

В свою очередь методика развития иноязычной грамматической компетенции должна выбираться с учетом специфики профессиональной переводческой деятельности.

Так, *ознакомительный этап* нацелен не только на овладение теоретическими предметными знаниями и первичное закрепление нового материала, но и на анализ представленного грамматического материала с точки зрения особенностей его употребления. В последующем высокий уровень владения грамматической компетенцией будет предполагать не только знание ряда грамматических конструкций, но и умение выбрать наиболее подходящий вариант для передачи смысла оригинального сообщения.

На *этапе формирования и автоматизации грамматических навыков* помимо простого переноса теоретических знаний на практику и выполнения упражнений, направленных на закрепление вводимых грамматических структур (с бесспорным преобладанием одноязычных упражнений), должное внимание должно быть уделено привлечению переводных упражнений как с русского/белорусского на английский, так и с английского на русский/белорусский язык для работы над возможными различиями в этих языках и, как следствие, мотивации учебной деятельности (обсуждение, «мозговой штурм»).

И, наконец, третий этап, *этап коммуникативной практики или выхода в речь*, призванный углубить изученный материал, представляя собой огромное количество возможностей для говорения, прежде всего должен

стать этапом «прикладной профессионально-ориентированной учебной деятельности» [1, л. 12], направленной на развитие умений и навыков в профессиональном контексте. Иными словами, это тот самый этап, на котором, учитывая специфику переводческой деятельности, приоритет необходимо отдавать непосредственно упражнениям на перевод.

Таким образом, можно говорить о специфике преподавания грамматики английского языка в контексте формирования общей лингвистической компетенции как неотъемлемого условия профессионального становления будущего переводчика. Весь процесс подготовки специалистов в этой сфере подчинен одной цели – формирование профессионала, который бы обладал системой особых знаний, умений и навыков, необходимых для успешного осуществления переводческой деятельности, обучение грамматике, в свою очередь, является одной из ключевых составляющих в этом сложном процессе.

Вместе с тем не следует забывать, что сложная структура грамматической компетенции обуславливает системный подход к процессу обучения грамматике, а значит преподавание грамматики не должно ограничиваться одним учебным курсом, ему следует пронизывать весь период обучения будущих специалистов в сфере перевода, с дальнейшим совершенствованием грамматических умений и навыков уже непосредственно на занятиях по переводу, так как сосредоточение внимания на одном языковом аспекте замедляет процесс овладения иностранным языком в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнаткова, С. В.* Развитие иноязычной грамматической компетенции у будущих лингвистов-переводчиков (профиль «Перевод и переводоведение») : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / С. В. Игнаткова; – Екатеринбург, 2014. – 240 л.

This article describes some peculiarities of teaching practical grammar to future interpreters. Special emphasis is put on the importance of the process of developing the grammatical component of the general foreign language competency. The article provides a detailed description of the variants of presenting grammar material.

К. А. Зеленко
Минск, МГЛУ

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ ДЛЯ СОЗДАНИЯ УЧЕБНЫХ ВИДЕОБЛОГОВ

Статья посвящена проблеме выбора интернет-платформ для создания учебных видеоблогов, направленных на развитие у учащихся старших классов учреждений общего среднего образования умений подготовленной и неподготовленной монологической речи. Автор раскрывает сущность принципов мультимедийности, интерактивности, гипер-

текстуальности, многофункциональности и продуктивности, сравнивает возможность реализации данных принципов на платформах ANVILL и YouTube Channel. Детальное внимание уделяется описанию технических характеристик этих интернет-платформ, анализируются функциональные особенности системы управления их содержимым и возможность применения ANVILL и YouTube Channel для развития у учащихся умений подготовленной и неподготовленной речи на иностранном языке. В результате сравнительного анализа обосновывается необходимость выбора интернет-платформы ANVILL с целью создания на ее основе учебного видеоблога, направленного на развитие у учащихся старших классов умений подготовленной и неподготовленной монологической речи на иностранном языке.

Внедрение информационно-коммуникационных технологий является одним из необходимых условий повышения качества языкового образования, так как данные технологии позволяют эффективно реализовать коммуникативный подход к обучению иностранным языкам и оптимизировать усвоение обучающимися языкового и речевого иноязычного материала. Так например, использование *учебного видеоблога* в образовательном процессе может помочь учащимся в развитии умений монологической речи. Однако для успешной интеграции видеоблога учебной группы в процесс обучения учащихся монологической речи необходимо четко сформулировать принципы отбора интернет-ресурсов для использования в указанных целях.

Прежде всего отметим, что большинство существующих платформ, например, Blogger, WordPress и другие, позволяют преподавателю создавать мультимедийный блог учебной группы, но не предусматривают размещение собственных видеоподкастов и организацию устного речевого взаимодействия учащихся. На ресурсах Blogger и WordPress для организации видеобеседы преподавателю приходится дополнительно создавать закрытую группу в социальных сетях, в которой учащиеся могут оставлять свои видеопубликации и комментировать видеозаписи других обучающихся. Следовательно, возникают дополнительные проблемы в организации образовательного процесса: учащиеся вынуждены переходить на внешние ресурсы, создавать учебные личные страницы в социальных сетях, усложнять настройки своих страниц и устанавливать дополнительные фильтры. Иными словами, актуальным становится поиск интернет-платформ, на которых преподаватель может полностью реализовать методический потенциал видеоблогов.

Исследовав теоретические основы развития у учащихся умений монологической речи на основе применения видеоблога учебной группы и разработав структуру и содержание видеоблога, мы пришли к выводу, что при отборе интернет-платформ необходимо учитывать следующие *принципы*: мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, многофункциональность и продуктивность. Рассмотрим данные принципы более подробно на примере двух интернет-платформ, позволяющие создавать видеоблоги учебной группы: YouTube Channel и ANVILL.

YouTube Channel является видеохостингом, который предоставляет пользователям услуги хранения, публикации и просмотра видео. Пользователи могут добавлять видео, просматривать, комментировать и делиться теми

или иными видеозаписями, а также добавлять аннотации и титры к видео. В образовательных целях на данной платформе созданы образовательные каналы, тематические ролики, воспитательные видеопроекты и т.п. Благодаря простоте и удобству использования, YouTube стал популярнейшим видеохостингом и третьим сайтом в мире по количеству посетителей [1, с. 7]. В свою очередь ANVILL представляет собой интернет-платформу для преподавателей иностранных языков, адаптированную для использования на компьютерах и мобильных устройствах. ANVILL особенно полезен для преподавателей, которые хотят предоставить учащимся дополнительную возможность общения на иностранном языке в классе и вне его. Создав учетную запись и пригласив своих учащихся, преподаватель может организовывать речевое взаимодействие на основе видеоблогов, которые содержат мультимедийные и текстовые публикации.

В соответствии с принципом *мультимедийности* необходимо отбирать интернет-платформы, которые позволяют сочетать текст с другими семиотическими системами: звуком и изображением (статическим, динамическим) [2, с. 211]. Это обеспечит учет когнитивных аспектов обучающихся и окажет положительное влияние на процесс формирования прочных связей между двумя и большим числом раздражителей органов зрения и слуха. Согласно научным исследованиям методически правильное комбинирование воздействия текстовых, графических и звуковых материалов увеличивает коэффициенты раздражителей, воздействует на долговременную память, обеспечивает более глубокий анализ и прочное усвоение информации, а также способствует запоминанию языкового и речевого материала без лишней утомляемости [3, с. 131].

Функциональные возможности интернет-платформы ANVILL в полной мере позволяют реализовать принцип мультимедийности. Благодаря опции «Image» графический материал размещается в видеоблоге и предъявляется статическое изображение как опора для монологической речи учащихся. Опция «Voiceboard», в свою очередь, позволяет преподавателю разместить видео и аудиоматериал на странице урока в качестве опоры для монологической речи учащихся, что способствует развитию умений подготовленной монологической речи (рассказ о прочитанном/увиденном/услышанном, выражение своего мнения). Необходимо отметить, что возможность сочетания текстовых и видеоматериалов в публикации дает возможность преподавателю сопровождать образец монологического высказывания инструкциями с учебным заданием, что невозможно осуществить на ресурсе YouTube.

Отбор интернет-платформ для видеоблога должен осуществляться с учетом принципа *гипертекстуальности*, который подразумевает нелинейность подачи информации и вариативность способов навигации по ресурсу [2, с. 210]. Так, ресурс ANVILL позволяет преподавателю эффективно организовать информационное образовательное пространство, с помощью гиперссылок разделив его на отдельные уроки или тематические блоки для быстрого доступа учащихся к интересующей их информации. Например,

опция «Course» дает возможность преподавателю создать отдельный курс в блоге учебной группы, в котором будут находиться гиперссылки на отдельные страницы урока. На ресурсе YouTube Channel осуществить это невозможно.

Выбор интернет-платформ для создания учебных видеоблогов следует осуществлять на основе принципа *интерактивности*. Это означает, что функциональные характеристики интернет-платформ должны обеспечивать возможность вариативных форм коммуникации обучающихся (групповой, парной, индивидуальной). На ресурсе ANVILL принцип интерактивности реализуется с помощью нескольких опций. С помощью опции «Voice Message» учащиеся в режиме реального времени могут отреагировать на запись своих одноклассников, опубликовать устный комментарий по определенной теме, выразить свое мнение, сравнить предметы и явления, что способствует развитию умений неподготовленной монологической речи. С помощью опции «Chat Room» преподаватель может создать отдельное виртуальное пространство, в котором размещается текстовый/графический материал в качестве инструкции и, активируя веб-камеру, организовать парное или групповое речевое взаимодействие учащихся на иностранном языке. Учащиеся взаимодействуют на расстоянии, но в режиме реального времени, что способствует развитию умений неподготовленной речи.

«Video Chat» позволяет учащимся продолжить самостоятельную работу над развитием умений монологической речи во внеаудиторное время. В видеочате учащимся предоставляется возможность выражать свое мнение и узнавать отношение собеседника к полученной информации, запрашивать и сообщать информацию, определяемую предметно-тематическим содержанием общения в старших классах учреждений общего среднего образования. В свою очередь, ресурс YouTube Channel не имеет данных функций и лишь позволяет пользователям вести индивидуальную онлайн-трансляцию.

Учебный видеоблог является *многофункциональной* системой, так как с его помощью при обучении иностранным языкам можно формировать несколько видов речевой деятельности: монологическую и письменную речь, восприятие и понимание иноязычной речи на слух. Так, например, используя опцию «Text Message», которая позволяет размещать текстовый материал в блоге, учащиеся могут развивать умения письменной речи. Прослушивая записи, сделанные на личных страницах одноклассников (раздел «Portfolio»), обучающиеся оттачивают умения аудирования. Кроме того, учащиеся могут использовать аутентичные материалы как образцы монологического высказывания и в удобной обстановке получить знания о многообразии иностранного языка и культуре изучаемого языка.

Согласно принципу *продуктивности* интернет-платформы должны создавать условия не только для воспроизведения аудио/видеозаписей, но и создания собственных аудио/видео публикаций. С точки зрения продуктивности видео является сильным импульсом для занятия иностранным языком в аспекте деятельностного подхода. Публикация и создание собственных

видеопроектов способствуют развитию умений подготовленной монологической речи, учащиеся имеют возможность выразить свое мнение по определенной проблеме, сообщить новую информацию, что также способствует дальнейшему вовлечению других обучающихся, которые смогут оценить видеопубликацию либо выразить свое отношение к чему-либо с помощью опций «Text Message» или «Voiceboard».

Таким образом, успешный отбор интернет-платформ для создания видеоблога с целью развития у учащихся старших классов умений монологической речи определяется возможностью реализовать в учебном видеоблоге принципы мультимедийности, гипертекстуальности, интерактивности, многофункциональности и продуктивности. Функциональные особенности систем управления содержанием интернет-платформы ANVILL позволяют в полной мере реализовать указанные принципы и создать на основе платформы учебный видеоблог, направленный на развитие у учащихся умений монологической речи на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якуба, С. А. Сервисы Google для образования : часть первая / С. А. Якуба. – М. : Издательские решения, 2017. – 70 с.
2. Соловьева, О. А. Проектирование электронного учебника по иностранным языкам как открытой динамической коммуникационной системы / О. А. Соловьева // Современное языковое образование в контексте международных интеграционных процессов: состояние и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 декабря 2015 г. в 2 ч. – Минск : МГЛУ, 2015. – Ч. 1. – С. 208–212.
3. Даминова, С. О. Принципы отбора иноязычных аудиовизуальных материалов для развития умений в разных видах речевой деятельности / С. О. Даминова. – Тамбов : Грамота. – Ч 1. – 2015. – 225 с.

The article is focused on summarizing the principles of selecting internet-platforms for video-blog creation. The author describes the ways of applying those principles on ANVILL platform.

О. В. Ковальчук
Минск, МГЛУ

РОЛЬ И МЕСТО РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПЕРЕВОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА I КУРСЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматривается использование различных видов перевода, их место на всех этапах занятий по практике устной и письменной речи на I курсе переводческого факультета. В работе анализируются наиболее типичные ошибки, которые допускают студенты при переводе, даются рекомендации по их предупреждению.

Растущая интеграция экономик и обществ во всем мире – неизбежное явление в истории человечества. В результате обмена товарами и продуктами, информацией и культурными ценностями мир становится более взаимосвязанным. Но глобализация возможна только при условии хорошо организованного переводческого процесса, основным предназначением которого является преодоление языковых и культурных барьеров.

В настоящее время известно много самых разнообразных определений перевода. Каждый ученый, разрабатывающий собственную теорию, стремится дать свое определение объекта исследования. Одно из них звучит следующим образом: *перевод* – это деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности; перевод – это также и результат описанной выше деятельности [1, с. 7].

Основной профессиональной компетенцией студентов переводческого факультета МГЛУ является, безусловно, *переводческая компетенция*, формирование которой происходит на занятиях по переводческим дисциплинам. Но и занятия по другим языковым дисциплинам, в том числе практике устной и письменной речи, могут играть важную роль в формировании и развитии данной компетенции. Поэтому одна из основных задач базового курса практики устной и письменной речи – научить студентов первого курса выполнять адекватный перевод с английского языка на русский и с русского языка на английский фраз, предложений, небольших текстов, используя активный лексический и грамматический материал. Таким образом, на занятиях по практике устной и письменной речи студенты обучаются закономерностям лексических и грамматических преобразований, которые необходимо уметь осуществлять при переводе.

Выделяют такие виды перевода, как *зрительно-письменный перевод* (письменный перевод письменного текста); *зрительно-устный перевод* (устный перевод письменного текста); *письменный перевод на слух*; *устный перевод на слух* [2, с. 30]. Все эти виды перевода так или иначе присутствуют на разных этапах занятий по практике устной и письменной речи на первом курсе.

Например, *зрительно-письменный перевод* отдельных предложений или небольших текстов, как правило, дается студентам в качестве домашнего задания (так как требует временных затрат, работы со словарями и справочниками) или используется на этапе контроля усвоения лексического материала.

Зрительно-устный перевод занимает важное место на занятиях потому, что вносит значительный вклад в совершенствование языковой компетенции студентов. Кроме того, устный перевод предложений с русского языка на английский с использованием пройденных активных лексических и грамматических структур является одним из заданий на экзамене по практике устной и письменной речи на первом курсе.

Письменный перевод на слух практикуется в виде так называемого dictation-translation, когда преподаватель диктует студентам предложения на русском языке, а они сразу же письменно переводят их на английский. Будущим переводчикам такой вид перевода может быть необходим при переводе радио и телепередач, переговоров, конференций и различных собраний.

Четвертый вид перевода, *устный перевод на слух*, является, пожалуй, самым сложным для студентов, но и самым интересным, так как чаще всего используется на коммуникативном этапе процесса обучения при проведении различных ролевых игр, пресс-конференций, телемостов и международных конференций, в которых участвуют переводчики устных текстов.

Трудности перевода, с которыми сталкиваются студенты первого курса, могут быть связаны как с лексическими, так и с грамматическими особенностями изучаемого языка.

Часто при переводе с английского языка на русский из-за разницы в смысловом объеме слова необходимо осуществлять такие лексические трансформации, как *конкретизация и генерализация значений* [2, с. 83]. Например, слово *meal* ‘принятие пищи’ при переводе будет подвергаться конкретизации. В зависимости от времени суток вопрос *Have you had your meal?* будет переводиться как ‘Вы уже позавтракали (пообедали, поужинали)?’. Конкретизации подвергаются такие слова, как *to go, to get, to come, thing, student* и т.д. Генерализации значений, или замене частного общим, будут подвергаться такие слова, как *arm* и *hand* ‘рука’, *foot* и *leg* ‘нога’ и др.

Большое значение в курсе практики устной и письменной речи уделяется переводу фразеологических сращений (идиом). Чаще всего они переводятся идиомами родного языка. И если такие фразеологизмы, как *to lose time* ‘терять время’, *to have a heart of gold* ‘иметь золотое сердце’, *to take somebody's side* ‘принять чью-то сторону’, *to follow in someone's footsteps* ‘пойти по чьим-либо стопам’ редко вызывают трудности при переводе, то в других случаях студентам приходится искать соответствия, основанные на иных образах, но совпадающих по общей семантике. Например:

To be the black ship of the family. – ‘В семье не без урода’.

To be a piece of cake. – ‘Проще пареной репы’.

To spend money like water. – ‘Сорить деньгами’.

To buy something for a song. – ‘Купить за копейки’.

To have a memory like a sieve. – ‘Иметь девичью память’.

Нельзя обойти вниманием и так называемых *ложных друзей переводчика*, т.е. группу сходных по внешней форме, но имеющих разное значение слов, так как эта категория отражает сложное явление межязыковой ассиметрии [3, с. 25]. Например, *artist* ‘художник’, а не ‘артист’; *magazine* ‘журнал’, а не ‘магазин’; *complexion* ‘цвет лица’, а не ‘комплексия’; *data* ‘данные’, а не ‘дата’; *insult* ‘оскорбление’, а не ‘нсульт’; *paragraph* ‘абзац’, а не ‘параграф’; *bucket* ‘ведро’, а не ‘букет’; *Chef* ‘шеф-повар’, а не ‘шеф’.

Типичные ошибки студентов при переводе связаны с синтаксическими и морфологическими особенностями изучаемого языка.

Например, учащиеся первого курса (особенно это характерно для групп выравнивания) часто забывают о том, что в английском языке существует определенный порядок слов, т.е. все члены предложения занимают в нем определенные места. Например, в русском предложении можно менять порядок слов: *Все студенты в моей группе сдали экзамен очень хорошо. В моей группе все студенты сдали экзамен очень хорошо. Очень хорошо сдали экзамен все студенты в моей группе.* В английском варианте будет прямой порядок слов: *All the students in my group passed the exam very well.* Затруднения вызывает место в предложении наречий неопределенного времени *often, seldom, usually* и др. Учащиеся забывают, что в английском предложении они ставятся перед обычным глаголом, но после глагола *to be* и вспомогательных глаголов: *He often comes here. She is seldom late for her classes.*

Следует обращать внимание студентов на то, что в английском языке в предложении обязательно должно быть подлежащее: *Жарко. 'It is hot'. Говорят, что ... 'They say that...'* Нужно быть внимательным. *'One should be attentive'*.

Еще одной характерной синтаксической трудностью при переводе является передача отрицаний в предложении. Приходится напоминать студентам, что в английском предложении отрицание может передаваться не только частицей *not* при сказуемом, но и такими словами, как *no, nothing, never, nowhere, neither... nor*, что обычно используется одно отрицание, а в русском предложении их может быть несколько. Например:

Никто никуда не пойдет, пока не перестанет дождь. *'Nobody will go anywhere until it stops raining'*.

В английском языке личное местоимение, выполняющее функцию подлежащего, никогда не опускается, так как его отсутствие не дало бы возможности определить лицо и число глагола, тогда как в русском языке местоимение в функции подлежащего может опускаться. Например:

What do you do after work? – I go home. *'Что ты делаешь после работы? – Иду домой'*.

Очень часто студенты первого курса допускают ошибки при переводе с русского на английский язык сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями условия и времени: *Если погода будет хорошая, мы пойдем на прогулку.* *'If the weather is good we'll go for a walk'*. *Когда закончатся экзамены, вы почувствуете огромное облегчение.* *'When the exams are over you'll feel great relief'*. Под влиянием родного языка студенты используют при переводе таких придаточных предложений будущее время, что приводит к нарушению норм английского языка.

Особый интерес представляет интерференция при переводе герундия, ведь в русском языке нет такой глагольной формы: *She is into dancing.* *'Она любит танцевать'*. *He is fond of reading.* *'Он увлекается чтением'*.

В английском языке существуют слова, которые могут выполнять функцию предлогов, союзов и наречий: *since, before, after, about*. Это также важно учитывать при переводе. Например:

I haven't met her since. 'С тех пор мы не встречались'.

She has been working here since 1999. 'Она работает здесь с 1999'.

Since we are here, let's discuss this matter. 'Поскольку мы здесь, давайте обсудим это дело'.

Так как в современном английском языке падежные окончания почти полностью отсутствуют, предлоги играют важную роль в выражении отношений существительного и местоимения к другим словам в предложении [2, с. 63]. Существует множество примеров, когда предлоги в русских и английских выражениях сильно отличаются или когда в русских выражениях есть предлоги, а в английских они не нужны, и наоборот: *a test on new material* 'тест по новому материалу'; *to be in one's first year* 'быть на первом курсе'; *to be absent from classes* 'отсутствовать на уроках'; *to fill in an application form* 'заполнять заявление'; *to graduate from University* 'закончить университет'; *to do something in writing* 'делать что-то письменно'. Чтобы облегчить сложности, связанные с переводом предложных конструкций, студентам рекомендуется их заучивать.

И, конечно, уже на первом курсе преподаватели обучают студентов избегать буквального перевода, одной из причин которого является интерферирующее влияние родного языка, так как он искажает смысл переводимого текста. Студенты узнают о том, что свободный перевод, помогая переводчику уходить от трудных мест, также делает перевод неадекватным оригиналу. Преподавателями подчеркивается важность контекста, который позволяет установить точное значение входящего в него слова или фразы и сделать перевод полноценным и адекватным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – 4-е изд., стер. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; М. : Издат. центр «Академия», 2010. – 368 с.
2. Алимов, В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации : учеб. пособие / В. В. Алимов. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
3. Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

The present paper is devoted to the usage of different kinds of translating and interpreting at the lessons of speech practice. Special emphasis is made on analyzing the most common mistakes made by first-year students.

ОБУЧЕНИЕ УЧАЩИХСЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛЕЙ

В статье раскрывается один из способов успешного овладения иноязычным общением, пополнения лексического запаса учащихся посредством овладения словообразовательными моделями, так как словообразование в английском языке представляется трудным и многогранным процессом. Автором разработаны и представлены с помощью графических организаторов шесть моделей обобщенных структурных схем, по которым могут образовываться однотипные производные слова в современном английском языке, даны их характеристики.

Моделирование – это «процесс создания и использования объектов различной природы на их моделях для определения или уточнения характеристик, существующих или вновь сконструированных объектов» [1, с. 701]. Словообразовательные модели – это «обобщенные структурированные схемы, по которым могут образовываться однотипные производные. Эти модели записываются графически в виде некоторых формул, отражающих частеречную принадлежность основ, аффиксов и последовательность составляющих модель компонентов» [2, с. 195]. Известны следующие характеристики словообразовательной модели:

- «продуктивность – способность модели к новообразованиям. Показателем продуктивности является образование новых слов по этой модели;
- активность – количественная характеристика модели. По ее образцу создаются словообразовательные ряды различной протяженности, объем ряда – показатель активности модели;
- частотность – встречаемость в тексте, т.е. статистические закономерности ее реализации не в словаре, а в речи» [3, с. 50].

Применительно к словообразованию, можно изобразить словообразовательные модели с помощью следующих графических организаторов: концептуальная карта, ментальная карта, диаграмма Венна. Основное преимущество использования графических организаторов в том, что обучающиеся на практике осваивают способы самостоятельного приобретения нового знания и самостоятельного обучения на любой основе, которые они могут применять в дальнейшем и успешно продолжать обучение в течение всей жизни. Графические организаторы отражают процессы словообразования и могут стать основой для их моделирования. На основе анализа словарей и этапов словообразования, изучаемые учащимися слова могут быть графически реализованы в шести моделях:

1) модель № 1, представленная на рис. 1, отображает структуру, где ядром является глагол, от которого образуются имена существительные и имена прилагательные, предоставляющие возможность формирования наречий. Примерами словообразования по данной модели являются слова: *excite, fascinate, amuse, inform, optimise, enthuse* и др.

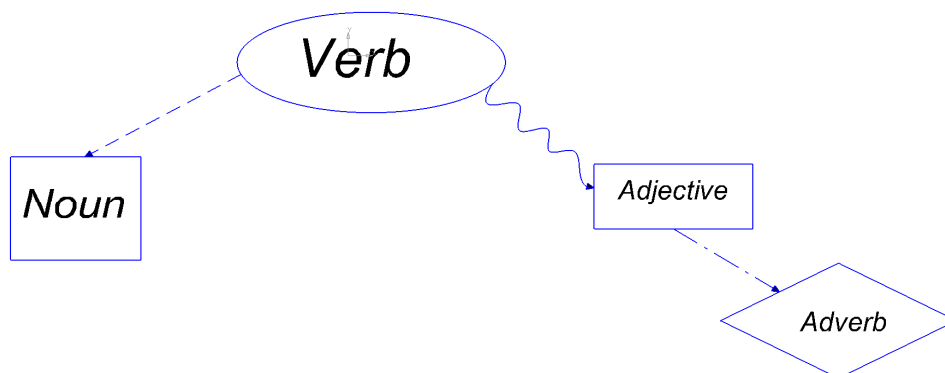

Рис. 1. Словообразовательная модель № 1

2) модель № 2, представленная на рис. 2, изображает структуру, где ядрами являются имя существительное и глагол, от которых образуются иные существительные, имена прилагательные и от них наречия. Примеры словообразования по данной модели – слова: *bore*, *thrill*, *touch*, *move*, *enjoy*, *interest*, *relax* и др.

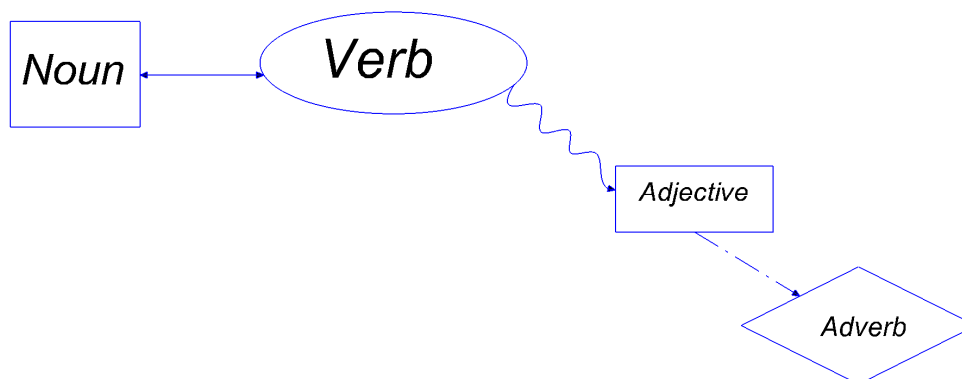

Рис. 2. Словообразовательная модель № 2

3) модель № 3 на рис. 3 иллюстрирует структуру, где ядром является имя существительное, от которого образуются глагол, имена существительные, имена прилагательные, являющиеся основой для образования наречий. Примерами словообразования по данной модели являются слова: *fantasy*, *beauty* и др.

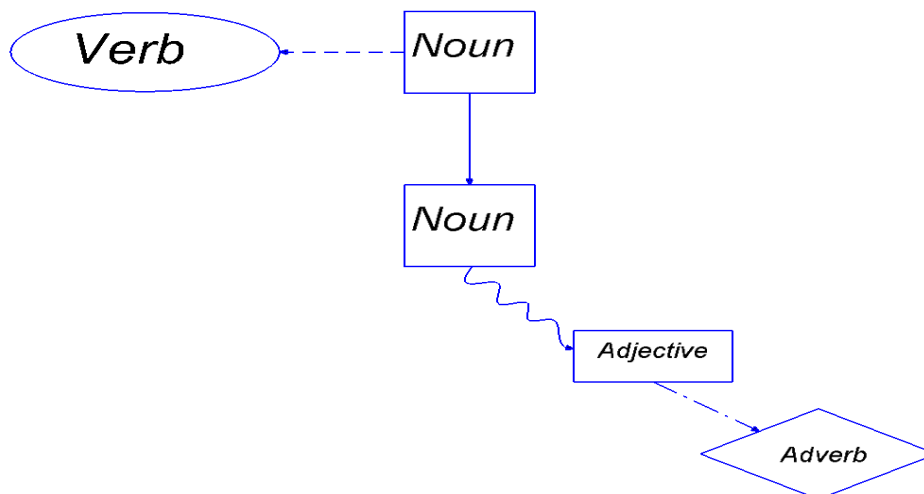

Рис. 3. Словообразовательная модель № 3

4) модель № 4 на рис. 4 показывает процесс образования имен существительных, прилагательных и наречий по однотипной структуре (*undoubtedly, conscientiousness, unfortunately*, etc). Для визуальной репрезентации практически параллельных процессов аффиксации и префиксации нами была использована диаграмма Венна;

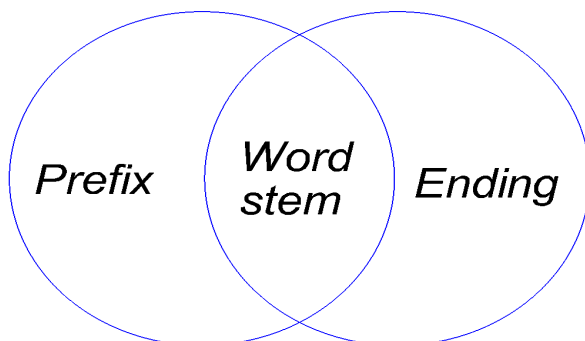

Рис. 4. Словообразовательная модель № 4

5) модель № 5 на рис. 5 фиксирует структуру, где ядром является имя существительное, от которого образуется имя прилагательное. Исключительность этой модели в том, что в ней нет глагола. Примером словообразования по данной модели являются слова: *pessimist, cat, father, daughter, world*;

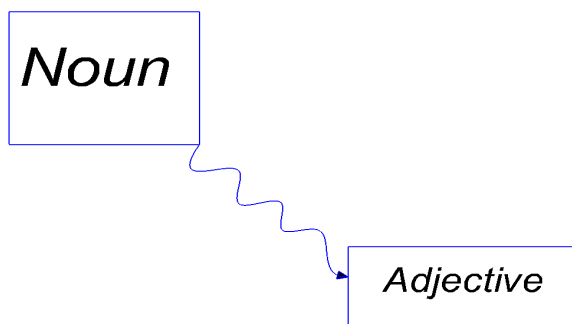

Рис. 5. Словообразовательная модель № 5

6) модель № 6 на рис. 6 воссоздает структуру, где ядром является глагол, образующий части речи, кроме имени существительного. Примерами могут служить модальные глаголы, за исключением «must», не имеющие имен существительных. Пример словообразования по данной модели – слово *see*.

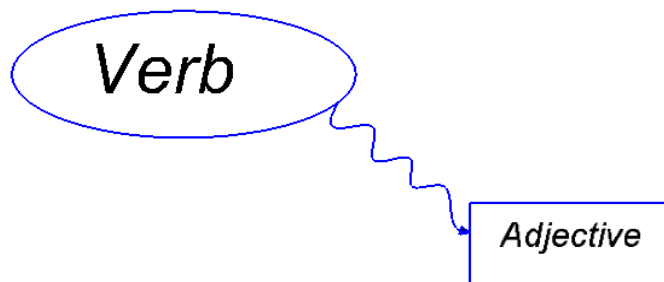

Рис. 6. Словообразовательная модель № 6

Представленные и апробированные в ходе экспериментального обучения модели полностью соответствуют предметно-тематическому содержанию обучения словообразованию в учреждениях общего среднего образования. Словообразовательные модели активизируются в монологической и диалогической речи учащихся в результате использования их в учебно-коммуникативном и естественно-коммуникативном общении, что обеспечивает целостность и качество процесса овладения способами словообразования современного английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / редкол. Н. П. Баранова [и др.]; научные ред.: С. П. Самуэль [и др.]. – Т. 1. – Минск., 2015. – 735 с.
2. Кубрякова, Е. С. Словообразование / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 511 с.
3. Андриянова, Т. А. Значение производного слова / Т. А. Андриянова // Иностранные языки в высшей школе. – 2010. – № 1 (12). – С. 49–53.

The article treats the problem of one of the possible and efficient ways of enlarging students' word scope. The author has worked out six graphic models after thorough analysis of most widespread word building processes in modern English.

Е. В. Невмержицкая
Минск, МГЛУ

ФОРМЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКЕ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В статье рассматриваются различные формы самостоятельной работы студентов при подготовке к занятиям по практической фонетике английского языка на переводческом факультете.

В общем смысле самостоятельная работа студентов в рамках любого из изучаемых предметов направлена на «овладение теоретическими и практическими знаниями, профессиональными умениями и навыками по профилю изучаемой дисциплины» [1], естественно, что в этом случае приобретается опыт творческой, исследовательской деятельности. В современном образовательном процессе самостоятельная работа студентов рассматривается как «форма организации обучения, которая способна обеспечивать самостоятельный поиск необходимой информации, творческое восприятие и осмысление учебного материала в ходе аудиторных занятий, разнообразные формы познавательной деятельности студентов на занятиях и во внеаудиторное время, развитие аналитических способностей, навыков контроля и планирования учебного времени, выработку умений и навыков рациональной

организации учебного труда» [2]. Так, самостоятельная работа студентов по практической фонетике способствует развитию умений и навыков извлекать смысловую информацию из источников разного плана; способности анализировать, делать выводы на основе изученного материала; отбирать и творчески использовать изучаемый материал, тренировать и развивать фонематический слух, а также качественно отрабатывать практический аудитивный материал, предлагаемый к изучению.

Как видится, организация самостоятельной работы студентов в рамках курса «Практическая фонетика английского языка» должна быть направлена на достижение нескольких целей:

- сформировать у студентов-первокурсников умение самостоятельно работать над выработкой произношения на изучаемом языке, естественно, на основе знаний, получаемых в ходе аудиторных занятий, и таким образом способствовать тому, чтобы собственная речь студентов была приближена к аутентичному звучанию, т.е. предполагается овладение студентами знаниями фонетической системы и основами произносительной нормы английского языка, а также правилами функционирования единиц фонетической системы в процессе устного общения;

- стремиться к формированию у студентов прочной интонационно-произносительной основы изучения практической английской фонетики. Это предполагает обучение правильному произношению звуков речи, правилам сочетания звуков в словах и словосочетаниях, расстановке словесного и фразового ударения, особенностям интонационного оформления коммуникативных типов предложений;

- способствовать более глубокому усвоению материала по определенным разделам курса;

- сформировать навыки практического применения полученных знаний с целью их успешного использования в дальнейшей профессиональной деятельности будущих переводчиков.

В целом, говоря непосредственно о курсе практической фонетики, самостоятельная работа студентов включает в себя как выполнение практических заданий, направленных на отработку звуков и звуковых явлений в отдельных словах и в связной речи (например, в рамках вводно-коррективного курса), так и подготовку отдельных теоретических тем курса. Основное внимание, конечно же, уделяется практической отработке навыков произношения и интонации. В рамках основного курса для самостоятельной работы предлагается, например, отрывок для транскрибирования и расстановки в нем интонационной разметки в соответствии полученными теоретическими знаниями, затем – чтение этого отрывка по разметке с объяснением своего выбора интонационной разметки.

Для того, чтобы самостоятельная работа студентов являлась наиболее эффективной, мыслится целесообразным выполнение некоторых необходимых условий:

- 1) мотивация самостоятельной работы;
- 2) поэтапное планирование самостоятельной работы;

3) наличие и доступность необходимого учебного и справочного материала;

4) консультационная помощь преподавателя в фонетической интерпретации аутентичных текстов, выполнении творческих заданий и др.;

5) система регулярного контроля качества выполненной самостоятельной работы. (Проверка контроля качества выполненной самостоятельной работы студента осуществляется путем проведения различного рода тестов, а также посредством проверки индивидуальных заданий).

Однако при планировании этапов самостоятельной работы студентов следует учитывать разную степень готовности, в особенности студентов I курса, к непосредственно самой самостоятельной работе. На практике выделяются две основные группы студентов. Первая характеризуется тем, что ее представители ориентированы на выполнение заданий самостоятельной работы и обладают универсальными учебными компетенциями, позволяющими успешно справиться с требованиями к ее выполнению (умением понимать и запоминать приобретаемую информацию, логически мыслить, воспроизводить материал письменно и устно и т.д.). Студенты второй группы не имеют устойчивой ориентации на постоянное выполнение самостоятельной работы при освоении учебного материала и отличаются низким уровнем развития универсальных учебных компетенций и навыков самоорганизации.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в ходе изучения дисциплины «Практическая фонетика» определенное число студентов неизбежно сталкивается с трудностями, особенно в процессе самостоятельной работы. Во-первых, это происходит в силу того, что в школе постановке фонетических навыков уделяется мало внимания и абитуриенты поступают в учреждения высшего образования с выработанными ошибками и часто с отсутствием какого-либо представления о правильном произносительном механизме английских звуков. В связи с этим у студентов могут возникнуть сложности при исправлении выработанных ранее ошибок, а также при постановке специфических звуков английского языка, не имеющих эквивалентов в русском языке, например, [t, d, w], межзубных щелевых фрикативных.

Во-вторых, могут возникнуть трудности при обучении особенностям интонационного оформления коммуникативных типов предложений, так как оно коренным образом отличается от мелодики оформления предложений в русском языке. При невнимательном отношении к данному аспекту у студентов остается «так называемый интонационный акцент» [3].

Что касается произнесения звуков в потоке речи, то при работе над материалом необходимо учитывать, что именно отсутствие взаимной ассимиляции английских звуков формирует акцент. На первых этапах изучения фонетики произношение может носить несколько утрированный характер, затем в беглой речи все отрабатываемые фонетические особенности произносятся студентом автоматически.

Таким образом, одним из результатов эффективной, правильно организованной самостоятельной работы студентов при изучении практической фонетики будет наличие у них фонетических навыков в соответствии

с произносительной нормой английского языка, что является неременным условием адекватного понимания речевого общения, точности выражения мысли и выполнения языком своей коммуникативной функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поздняк, С. Н.* Методические рекомендации к организации самостоятельной работы студентов / С. Н. Поздняк. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2010. – 30 с.
2. *Черная, А. В.* Организация самостоятельной работы студентов по психолого-педагогическим дисциплинам : учеб. пособие / А. В. Черная, Е. А. Чекунова, Е. И. Погорелова. – Ростов-на-Дону, 2010. – 200 с.
3. *Вятютнев, М. Н.* Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков / М. Н. Вятютнев. – М. : 1975 – № 6. – С. 55–64.

The article deals with various forms of students' individual work while getting ready for Practical English Phonetics classes at the Interpreters' Department.

О. В. Морозова, А. В. Титова
Минск, МГЛУ

РАЗВИТИЕ НАВЫКА ЗАПОМИНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Переводческая компетенция, помимо языковой, коммуникативной и текстообразующей составляющей, подразумевает в числе других когнитивных особенностей хорошо развитый навык запоминания. Для эффективного хранения информации в кратковременной памяти и для последующего ее воспроизведения необходимо глубокое понимание информации не на уровне значений, но на уровне смысла. Развитие гибкости памяти, т.е. умение структурировать материал, группировать, создавая смысловые блоки, помогает удерживать в памяти большие объемы информации. Умение систематизировать материал необходимо и для ведения эффективной переводческой скорописи. Отсюда – важность развития переводчиками кратковременной памяти всеми возможными средствами. Представленные в статье упражнения могут быть как частью занятий по переводу, так и быть предложенными в рамках самостоятельной работы.

Компетентностный подход в обучении переводу предполагает развитие компетенций как интегральных качеств, составляющих деятельности, аспектов, которые позволяют успешно справляться с поставленной задачей в рамках профессиональной деятельности. В классификации В. Н. Комиссарова реализация переводческой компетентности предполагает наличие у переводчика всесторонних когнитивных и лингвистических познаний, широкой общекультурной эрудиции, необходимых психологических качеств. К составляющим профессиональной переводческой компетентности относят: языковую (знания о системе, норме и узусе языка, о словарном составе и грамматическом строе, о правилах использования единиц языка для построения речевых высказываний), коммуникативную (умение проецировать

на высказывания в тексте оригинала инференциальные возможности рецепторов перевода, умение налаживать контакт с реципиентами), текстообразующую (умение создавать тексты разного типа в соответствии с принятыми в языке перевода правилами) и техническую (специфические знания, умения и на-выки, необходимые для выполнения этого вида деятельности).

Позиция Ю. Хольц-Мянттари заключается в том, что понимание перевода как профессиональной деятельности выдвигает три основных требования к переводческой компетенции: 1. Переводчик должен уметь в качестве эксперта анализировать коммуникативные ситуации заказчика, автора исходного текста и получателя текста перевода в рамках соответствующих культур и на основе проведенного анализа формулировать условия своей деятельности. 2. Переводчику следует уметь «проектировать» тексты. 3. Переводчик должен уметь вести исследовательскую работу, приобретать новые предметные знания, необходимые для того, чтобы содержательно и функционально правильно говорить или писать о каком-то предмете. Т.е. Ю. Хольц-Мянттари подчеркивает, что основную роль в составе переводческой компетентности играют культурная и лингвистическая составляющие, а также определенные личные качества переводчика, нацеленного на поиск и приобретение новых знаний [1].

Помимо вышесказанного, компетенция переводчика включает и некоторые личностные характеристики. Перевод представляет собой сложный вид умственной деятельности, осуществление которой предполагает особую психическую организацию, гибкость мышления, способность быстро концентрировать и переключать внимание, переходить от одного языка к другому, переключаться с одной культуры на другую. Особо важную роль в этом процессе играет память переводчика.

Роль кратковременной памяти в устном переводе анализировали многие исследователи в области перевода. Модель памяти Аткинсона-Шиффрина («многоэтажная» модель памяти) легла в основу анализа последовательного перевода Даницы Селескович, которая выдвинула интерпретативную теорию перевода, ее суть состоит в том, что успешный устный перевод основывается на понимании передаваемой информации на языке источника и ее переформулировании на языке перевода. Устный переводчик передает не слова оригинала, а смысл речи в данной коммуникативной ситуации, учитывая уместность и стиль каждого слова, что невозможно без трансформации исходного текста.

Исследователь Даниель Гиле (Daniel Gile) рассматривает устный перевод как реализацию трех компонентов: слухового восприятия и анализа, производства и кратковременной памяти.

Кратковременная память задействует операции, непрерывно возникающие в ходе устного перевода. Операции с кратковременной памятью необходимы, принимая во внимание временной промежуток между моментом восприятия звуков речи и моментом их анализа. Кроме того, кратковременная память также «работает» между моментом, когда звуки речи анализируются и формулируются в виде идей, и моментом производства

речи. Блок кратковременной памяти может потребовать больших усилий из-за ситуационных трудностей или чисто языковых факторов (например, в случае наличия у говорящего акцента, в ситуации невнятной речи из-за недостатка логичности или перегруженности информацией). Сложность вызывает и необходимость фиксировать информацию, когда язык оригинала отличается от языка перевода синтаксически или имеет встроенные конструкции, вынуждая переводчика формулировать фрагменты речи ранее логического конца фразы.

Три данных компонента, наряду с координацией, задействованы и в синхронном, и в последовательном переводе. Из компонентной модели следует, что не расширенная емкость (т.е. большая вместимость) памяти переводчика, а скорее, эффективное управление информацией (ее анализ, структурирование и преобразование групп слов в более компактные элементы) обуславливает успешную работу устного переводчика.

Для устранения проблем с памятью, а также извлечения из памяти большего числа блоков информации во время последовательного или синхронного перевода переводчик может вести переводческие записи в виде скорописи. Как правило, в них фиксируют прецизионную информацию, поскольку ее сложно долго удерживать в памяти. Помимо прецизионной информации в скорописи фиксируют перечисления, технические термины и другую информацию, воспроизведение которой может вызвать затруднения у переводчика.

Поскольку для эффективного хранения информации в кратковременной памяти необходимо понимание, все, что является новым для переводчика, должно быть зафиксировано и проанализировано для последующего адекватного воспроизведения. Однако, чем больше записей делает переводчик, тем меньше сосредоточенность на аудиальном восприятии и анализе, критически важном для эффективного устного перевода. Следовательно, важность развития переводчиками кратковременной памяти, ее гибкости и емкости всеми возможными средствами является ключевой задачей в рамках обучения переводу [2].

Существует несколько способов развития памяти, каждый из которых ориентирован на формирование конкретных навыков. Например, к упражнениям, направленным на формирование навыка девербализации, относятся:

1. **Микрореферирование.** Учащимся предлагается сообщение в виде письменного текста объемом около тысячи печатных знаков, из которого нужно выписать ключевые слова. На работу выделяется две минуты (в последующем, время постепенно сокращается). Задание состоит в том, чтобы предложить варианты реферирования сообщения, опираясь на записанные ключевые слова. Начинать упражнение рекомендуется с текста на родном языке, а потом на иностранном с последующим переводом. Упражнение формирует навык смыслового анализа текста с выделением ключевой информации.

2. **Чтение текста со счетом.** Студентам предлагают прочесть текст про себя при одновременном счете вслух, после чего пересказать содержание текста. Для начала лучше давать такие упражнения на родном языке, а потом переходить на тексты на иностранном. Счет также следует начинать на родном, а затем усложнять, постепенно переходя на иностранный язык.

Выбор языка реферирования зависит от уровня подготовки студентов. Упражнение способствует развитию оперативной памяти и одновременно становлению навыков управления вниманием.

3. Фиксирование информации без слов. В процессе восприятия устного текста учащиеся фиксируют его содержание на бумаге при помощи знаков, символов или рисунков, не прибегая к словам. Обозначения выбирают сами студенты, но можно предложить и универсальные символы, например, вопросительный знак (заменяет слова *вопрос, проблема, задача*), математический знак равенства (замена для глаголов *быть, существовать, представлять собой*) и т.д. После восприятия текста на слух студенты восстанавливают его содержание, опираясь на символы или рисунки. Начинать работу с упражнением следует с текстов на родном языке, в дальнейшем переходить на иностранный. Упражнение направлено на усвоение системы записи в последовательном переводе.

Трансформационный характер перевода свидетельствует о более глубоком анализе текста оригинала. Среди упражнений, направленных на формирование навыка трансформации, приведем следующие:

1. Трансформация лексических единиц. Для списка слов и выражений разной тематики студенты должны найти синонимические замены. Следует добиваться возможно более быстрого ответа. На начальном этапе обучения переводу упражнение выполняют на родном языке с постепенным переходом на иностранный, позволяя формировать навыки трансформации и пополнять лексический запас.

2. Реконструирование предложения. Подбираются предложения, состоящие из 10–12 слов. Студенты по очереди, начиная с каждого последующего слова, воссоздают содержание этого предложения. Такие упражнения не только вырабатывают умения трансформации, но и способствуют овладению техникой устной речи как на родном, так и на иностранном языке.

3. Глобальная трансформация речи. Предоставляются газетные сообщения в 500–800 печатных знаков, которые предлагаются студентам для передачи на родном языке с условием не употреблять слова, уже имеющиеся в тексте. На продвинутом этапе можно переходить к текстам на иностранном языке. Хорошими результатами можно считать интерпретацию, выполненную с листа, без пауз, с соблюдением грамматических правил.

Приведем также пример упражнения для формирования навыка переключения:

1. Упражнение с числительными. Предусматривается диктовка числительных на иностранном языке, которые студенты записывают обычными арабскими цифрами. Преподаватель выбирает темп чтения, увеличивая его с каждым последующим занятием. Числительные следует также усложнять: от двузначных к трехзначным, от совпадающих по способам обозначения с родным языком к несовпадающим, от простых чисел к дробям и т.д. На продвинутом этапе можно переходить к записи различных арифметических действий или примеров. После диктовки студенты читают свои записи на родном или иностранном языках. Это упражнение вырабатывает различные пути перехода с одного языка на другой, формируя навык переключения.

2. Синхронизированный перевод словосочетаний. Отбираются наиболее употребительные словосочетания в рамках одной тематики. Преподаватель зачитывает их вразброс то на иностранном, то на родном языках. Словосочетания читают сначала в замедленном, а потом в нормальном темпе, независимо от того, успевают ли учащиеся их переводить. Текст упражнения повторяют до тех пор, пока не достигнуты удовлетворительные результаты у всей группы.

Таким образом, при обучении переводу нужно уделять внимание формированию и развитию навыков и умений, необходимых для успешного осуществления любого вида перевода. В процессе обучения переводу учащиеся постепенно овладевают умениями девербализации, трансформации и переключения. Важную роль в формировании этих переводческих умений играют специально подобранные упражнения [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарманова, Ж. С.* О понятии переводческой компетенции [Электронный ресурс] / Ж. С. Сарманова. – Режим доступа : <http://www.enu.kz/repository/repository2014/o-ponyatii-perevodcheskoi.pdf>. – Дата доступа : 04.04.2017.
2. *Робертс, Р.* Развитие кратковременной памяти для точного устного перевода [Электронный ресурс] / Р. Робертс. – Режим доступа : <http://www.techinput.ru/news/novosti-mira-perevodov/horoshuyu-pamyat-nado-razvivat>. – Дата доступа : 04.04.2017.
3. *Ахметова, А. Р.* Упражнения в процессе обучения переводу [Электронный ресурс] / А. Р. Ахметова, В. Г. Мартемьянова. – Режим доступа : <http://festival.1september.ru/articles/567599/>. – Дата доступа : 04.04.2017.

A well-developed memorization skill, among other skills, is crucial for an interpreter. Memory flexibility, i.e. the ability to structure the material creating semantic blocks helps to store larger amounts of information in short-term memory. The exercises proposed in the article can be both part of the translation classes or be offered as part of individual learning.

И. Л. Русецкая
Минск, МГЛУ

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕРЕВОД»

Данная статья посвящена вопросу обучения специалистов в области предоставления переводческих услуг в рамках компетентностной парадигмы системы высшего образования. В частности, дается описание базовых профессиональных компетенций (в соответствии с международными стандартами) как ключевой составляющей эффективной подготовки переводчиков. На основе анализа содержательных характеристик данных компетенций, а также их реализации в современной системе высшего образования определяются компетентностные направления, требующие активного развития для обеспечения необходимого уровня конкурентоспособности профессиональных переводчиков в условиях глобальных тенденций.

Тенденции развития современного общества, интенсивная глобализация всех сфер человеческой деятельности и специализация международного взаимодействия повлекли за собой значительные изменения характера образования (его направленности, целей, содержания, условий), ориентируя его на свободное развитие человека, на раскрытие и поддержание творческой инициативы, динамичности, самостоятельности, мобильности будущего специалиста. В условиях перехода системы высшего профессионального образования от традиционной дидактики к компетентностной парадигме происходит принципиальная переориентация. В частности, ядром данной парадигмы становится не столько результат обучения по конкретной специальности в виде определенного набора знаний, умений и навыков, сколько способность и готовность будущего специалиста к эффективной и продуктивной деятельности в различных социально-значимых ситуациях. Следовательно, возрастает объективная необходимость дифференциации и конкретизации содержания профессионально значимых компетенций, формируемых в процессе подготовки специалистов в области теории и практики перевода.

Согласно требованиям к компетентности специалиста, регламентируемым нормативно-программной документацией в области образования, целесообразно выделить группы универсальных, базовых профессиональных и специализированных компетенций, формируемых в процессе обучения. Ключевой составляющей данной триады является группа базовых профессиональных компетенций, в наибольшей степени отражающих личностно-профессиональную специфику сферы переводческих услуг и способных обеспечить поддержание уровня конкурентоспособности на рынке труда в части, касающейся предоставления услуг в данной сфере профессиональной деятельности.

Содержание базовых профессиональных переводческих компетенций, характеризующих профессиональную способность осуществлять коммуникативное посредничество и выступать в качестве лингвокультурного медиатора в различных сферах взаимодействия, представлено в модели, которая состоит из ряда субкомпетенций, определяемых различными умениями переводчика. Круг данных компетенций, наиболее полно представляющий содержание переводческой деятельности, регламентирован перечнем компетенций современных переводчиков с учетом запросов работодателей и академических стандартов вузовского образования в Европе, общеевропейским переводческим стандартом, а также стандартом США. В общей сложности предлагается пять областей профессиональных компетенций: лингвистическая, тематическая (предметная), межкультурная, информационно-технологическая и обеспечивающая переводческие услуги.

Достаточно традиционной в современной системе высшего образования представляется языковая компетенция, которая включает в себя все аспекты владения родным и иностранным языками. Переводчик должен обладать данной компетенцией как в рецептивном, так и в продуктивном планах в рабочих языках, участвующих в процессе перевода.

В перечень необходимых требований к специалисту в области перевода включена тематическая компетенция, которая достаточно развита в национальной образовательной традиции и определяет профессионально ориентированный компонент подготовки и квалификации специалиста. К субкомпетенциям данной группы можно отнести умение осуществлять поиск специализированной информации в различных сферах деятельности, способность развивать свои знания в специальных областях (освоение системы понятий, методов, рассуждений, презентации, терминология и т.д.), умение учиться, развитие способностей к анализу, синтезу и обобщению.

Межкультурную компетенцию переводчика целесообразно рассматривать в двух аспектах. В то время как существующие образовательные программы направлены на формирование социолингвистической субкомпетенции в рамках изучения различных циклов дисциплин, роль аспекта непосредственной работы с текстами как оригинала, так и перевода, направленного на совершенствование данной субкомпетенции, зачастую недооценивается в процессе обучения. В частности, от переводчика требуются следующие базовые умения: понимание, анализ и препарирование микро- и макроструктуры текста, взаимокоординация информации различного рода, в том числе содержащей аудио- и видеоэлементы, владение методами выявления и интерпретации имплицитной информации, определение стратегии решения переводческих задач и т.д.

Очевидно, что вышеперечисленные составляющие текстового аспекта межкультурной компетенции во многом основаны на технологиях обработки информации в тексте, что, учитывая их сложность и немаловажную роль в процессе перевода, является предпосылкой выделения принципиально новой информационно-технологической компетенции. Содержательные характеристики данной интегральной компетенции включают в себя следующие умения: владение технологиями определения информации, владение стратегиями анализа текста документа, извлечения и обработки информации различного рода, знание требований к оформлению документации. Обязательным для переводчика является знание критериев оценки переведенного документа, умение оценить достоверность полученных сведений, умение эффективно использовать ИКТ, в том числе для создания новых инструментов перевода, владение инструментами поиска, архивирования и систематизации собственных вспомогательных данных и т.д. На сегодняшний день развитие данной ключевой компетенции не происходит в полной мере ни на одном из этапов обучения переводу, что, несомненно, негативным образом отражается на уровне конкурентоспособности выпускаемых специалистов в области перевода.

Аналогичная ситуация наблюдается в отношении компетенции в области предоставления переводческих услуг, которая напрямую характеризует социально-профессиональный статус переводчика. Сфера межличностного взаимодействия с заказчиком, экспертами, посредниками и коллегами предусматривает такие требования, как осознание социальной роли переводчика, в том числе соответствие требованиям инфраструктуры рынка

переводческих услуг, умение найти подход ко всем участникам процесса создания переводческого продукта, способность планировать и управлять своим временем и вниманием, умение справляться со стрессом, задачами постоянного повышения квалификации. Отдельного внимания заслуживают важность знания стандартов, применимых к предоставлению переводческих услуг, и соблюдение принципов профессиональной этики. Переводчик должен обладать развитой способностью работать в команде (в том числе в виртуальной команде) в условиях многоязычной ситуации, умением адаптироваться к новым ситуациям и условиям, готовностью брать на себя ответственность. Компетенция в области предоставления переводческих услуг в плане создания переводческого продукта предполагает умение выполнять перевод, соответствующий запросам клиента, его целям в соответствии с определенной ситуацией, знание этапов и стратегий перевода документов, критериев оценки качества перевода, способов контролирования качества перевода.

Таким образом, ключевым фактором, повышающим эффективность подготовки специалистов в области перевода и их последующую конкурентоспособность на рынке переводческих услуг, является обязательное обновление содержания учебных программ сферы высшего образования по данной специальности для полноценного представления всех компетентностных областей. В то время как информационно-технологическая и частично межкультурная компетенции не представляют большой сложности в реализации, экономика, менеджмент и маркетинг переводческого дела являются малоизученными областями и, очевидно, их реализация потребует большего количества времени и ресурсов.

The article presents an overview and analysis of basic professional translation competencies as the key component of competency-based education in the sphere of translation and interpreting. The info-technological, intercultural competencies and translation service provision are identified as prior areas for development.

Ю. А. Цыгулева
Минск, МГЛУ

ВИДЫ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПО НИДЕРЛАНДСКОМУ ЯЗЫКУ

Статья описывает внеаудиторную деятельность студентов и преподавателей секции нидерландского языка на переводческом факультете.

Динамика общественной жизни нашей страны и связанные с ней новые цели и направленность преобразований вызывает потребность общества в большом количестве людей, способных успешно осуществлять межкультурную коммуникацию, решая личные, социальные и профессиональные

задачи. В условиях развития информационных технологий богатством общества становятся человеческие ресурсы, которые выступают в качестве основного фактора экономического и социального развития. В решении этой задачи важная роль отводится и международной коммуникации как фактору, расширяющему социальный и экономический потенциал [1]. Для успешной коммуникации на международном уровне необходима *коммуникативная компетенция* – одна из важнейших характеристик языковой личности, которая приобретается в результате естественной речевой деятельности и специального обучения [2].

В силу того, что нидерландский язык изучается в МГЛУ как второй иностранный, а количество аудиторных часов в сумме значительно уступает первому иностранному языку, внеаудиторной работе в секции нидерландского языка придается огромное значение.

Ежегодно организуются тематические встречи, посвященные национальным праздникам стран изучаемого языка – Синтерклаас (Sinterklaas), День рождения королевы (De koninginndag) – на которые приглашаются представители всего нидерландского сообщества, то есть не только студенты, изучающие язык в учреждении высшего образования, но также и те, кто взялся за него самостоятельно, кто учится или работает в Нидерландах либо Бельгии и владеет языком, а также сами носители языка, проживающие либо работающие на территории РБ, студенты из Бельгии и Нидерландов, проходящие практику в МГЛУ, все те, кто готов активно взаимодействовать в продвижении нидерландского языка в нашей стране. На таких встречах проводятся всевозможные лингвострановедческие викторины, конкурсы, организуются просмотры аутентичных фильмов с последующим их обсуждением, чаепитие, караоке.

Качественным прорывом в истории российской нидерландистики в странах СНГ была реализация идеи о создании постоянного форума для контактов между преподавателями различных университетов, своеобразной «платформы», на базе которой можно было бы обмениваться мнениями, делиться опытом, обсуждать новые методики, совместными усилиями находить подходы к преодолению трудностей, с которыми сталкиваются студенты при изучении нидерландского языка.

Так, в 1994 году в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) был создан Центр нидерландского языка и культуры, который стал платформой, объединяющей всех российских нидерландистов.

Несомненным стимулом к созданию такой платформы была и инициатива Нидерландского языкового союза о начале тесного сотрудничества, с которой он выступил осенью 1995 г.

Итак, в ноябре 1995 года на общем собрании преподавателей из Москвы и Санкт-Петербурга было объявлено о создании Российской ассоциации нидерландистов, а в 2007 году в рамках инициативы Международного объединения нидерландистов (IVN) было положено начало деятельности ВЕАН – Восточно-европейской ассоциации нидерландистов (DOEN) с так называемой штаб-квартирой в МГИМО, в которую входят преподаватели нидерландского языка России, Беларуси, Украины, Грузии и Армении [3].

В рамках ассоциации организуются научные конференции и коллоквиумы для студентов и преподавателей на базе учреждений высшего образования, входящих в ассоциацию (МГИМО, РГГУ, МГУ, СПбГУ, МГЛУ (Минск), ГУ Илии (Тбилиси), Псковский государственный университет), на которых участники представляют свои доклады, статьи и тезисы научных работ в сфере нидерландского языка, истории и культуры. Участниками подобных мероприятий становятся также педагоги и профессора из университетов Бельгии и Нидерландов. После проведения научных конференций было издано несколько сборников докладов их участников. Надо отметить, что 95 % докладов представлены именно на нидерландском языке.

Цели ВЕАН подчинены общей задаче развития научной нидерландистики и содействия изучению в России, Украине и Беларуси нидерландского языка, литературы, культуры, истории, общества Нидерландов и Фландрии.

ВЕАН ведет работу по следующим направлениям:

- усиление взаимодействия между различными секциями нидерландского языка в научной сфере: осуществление совместных научных проектов, повышение уровня научной подготовки преподавателей;
- повышение уровня и качества преподавания нидерландского языка: повышение квалификации, освоение новых методик, обмен опытом, совместный поиск подходов к преодолению трудностей, с которыми сталкиваются студенты из региона при изучении нидерландского языка;
- распространение изучения нидерландского языка в регионе: оказание помощи и содействия новым секциям нидерландского языка, проведение масштабных мероприятий для преподавателей и студентов из всех университетов России, Украины и Беларуси, где изучается нидерландский язык;
- сбор и предоставление информации относительно учебников нидерландского языка, учебных пособий и курсов, нидерландской литературы, материалов по различным аспектам преподавания нидерландского языка;
- содействие развитию контактов между студентами, изучающими нидерландский язык в университетах России, Украины и Беларуси;
- содействие в установлении международных контактов.

Реализуя поставленные цели, ВЕАН ежегодно проводит различные мероприятия для преподавателей и студентов, изучающих нидерландский язык, и издает информационный вестник (NIEUWSBRIEF).

Ежегодно при поддержке Международного союза нидерландского языка (NTU), членом которого является секция нидерландского языка в МГЛУ, на базе учреждений высшего образования в Бельгии и Нидерландах организуются летние курсы по изучению нидерландского языка и культуры для студентов, изучающих нидерландский язык по всему миру. В таких курсах принимают участие студенты и магистранты из стран Восточной и Западной Европы, СНГ, стран Балтии, Скандинавии, Африки, Малайзии, Китая, где международным языком коммуникации выступает нидерландский, что безоговорочно способствует развитию коммуникативной компетенции и культурного обогащения молодежи [3].

В результате обширной и всесторонней внеаудиторной деятельности секции нидерландского языка по решению ректора МГЛУ в 2005 г. был создан Центр нидерландского языка, который стал сосредоточием учебно-методической и культурно-просветительской работы по изучению нидерландского языка и укреплению международных связей.

Студенческие конференции

Основным и единственным мероприятием для студентов долгое время был День нидерландского языка и культуры.

Однако, поскольку с 2003 г. он стал проходить один раз в два года, было решено проводить в год, когда не проходит День нидерландского языка и культуры, студенческую конференцию, в которой принимали бы участие лучшие студенты, изучающие нидерландский язык. Такой более узкий формат позволяет не только заслушать их доклады на нидерландском языке по тематике конференции, но и отводит время для вопросов и дискуссии. В конференциях принимают участие только студенты, преподавательский состав представлен лишь ведущим. Рабочими языками конференций являются нидерландский и русский.

С 2006 г. в конференциях стали принимать участие студенты из Беларуси и Украины, и они приобрели международный формат.

Поскольку одной из основных задач БЕАН является содействие установлению контактов и развитию научного сотрудничества между студентами-нидерландистами из разных университетов и стран, а также между преподавателями и студентами, была найдена еще одна – новая, более «живая» – форма проведения студенческих конференций – круглый стол, который впервые прошел 18 апреля 2008 г. в Москве [4].

На студенческих конференциях, помимо выступлений с докладами и лекций, объявляются результаты конкурса переводов поэзии, прозы и публицистики нидерландских и фламандских авторов и конкурса эссе (тема 2017: *Каким я вижу мир через 100 лет?*), организуемых для студентов учреждений высшего образования – участников БЕАН.

На протяжении уже многих лет, с момента своего основания, Ассоциация нидерландистов проводит ежегодный студенческий конкурс переводов. Его цель – найти среди участников студентов, обладающих способностями в области художественного перевода, и дать им возможность попробовать свои силы. С момента объединения преподавателей нидерландского языка Беларуси, России и Украины в Восточно-европейскую ассоциацию нидерландистов конкурс стал международным, хотя языком перевода остался русский язык.

Ежегодно жюри представляет на конкурс три текста: короткие рассказы или отрывки из романов и стихотворения современных нидерландских и бельгийских писателей и поэтов.

В состав жюри входят члены Ассоциации, которые одновременно с преподаванием нидерландского языка профессионально занимаются художественным переводом.

В 2005 году по предложению жюри Ассоциация приняла решение об организации для участников конкурса специального семинара по переводу.

Такие семинары проводятся с 2006 г. профессиональными переводчиками один раз в год, по результатам конкурса перевода. На этих занятиях студенты имеют возможность обсудить результаты своих первых опытов в области перевода, получить рекомендации и советы признанных в России и Нидерландах специалистов-переводчиков.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что постоянная внеаудиторная самостоятельная работа повышает общий уровень владения иностранным языком, что отражается и на процессе обязательного обучения, развивает у студентов коммуникативные навыки и умения межличностного, профессионального общения, способствует становлению их нравственных основ, мировоззренческой и профессиональной культуры. Самостоятельная работа студентов, являясь сегодня одним из обязательных требований к организации образовательного процесса, призвана способствовать развитию творческого потенциала личности студента и формированию навыков самоорганизации и самообразования, что и обеспечивает ему непрерывный личностный и профессиональный рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : Изд-во ИКАР, 2009.
2. Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования : сб. науч. ст. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 9. – 102 с.
3. Нидерландский язык в восточной Европе // Информационный сайт ВЕАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://doenned.org/index.php?option=com_content&view=article&id=70&Itemid=110&lang=ru. – Дата доступа : 15.05.2017.
4. Nieuwsbrief : информац. вестн. Восточно-европейской ассоциации нидерландистов. – М., 2017.

The article dwells upon the extra-curricular activity of the students and teachers of the Dutch section at the Interpreters' department.

Д. И. Шилобрит

Бобруйск, СШ № 17 г. Бобруйска

ДИСЦИПЛИНА НА УЧЕБНОМ ЗАНЯТИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА МОЛОДОГО УЧИТЕЛЯ

В статье акцентируется внимание на дисциплине в ходе проведения урока. Автором предложены способы ее поддержания.

Молодой учитель не сможет добиться реализации учебной программы и достичь профессионального роста без поддержания дисциплины в классе. Срывы урока из-за постоянных игр с мобильным телефоном, хамства учащихся, непонятных вопросов в адрес учителя, превращающих класс

в цирковую арену, нежелание выполнять домашние задания и изучать тот или иной учебный предмет сводят на нет попытки педагога создать комфортную обстановку для работы учащихся.

Цель – оказание помощи молодым специалистам в поддержании дисциплины на уроке.

Исходя из практики работы в школе, автор предлагает ряд основных **способов поддержания дисциплины** в ходе учебного занятия:

1) каждый учащийся (слабоуспевающий и высокомотивированный) должен быть занят делом постоянно. Здесь предлагается использовать личностно-ориентированный подход. Например, школьникам нужно описать картинку. Высокомотивированным учащимся достаточно дать установку на выполнение задания и показать картинку. Но при выполнении данного задания нельзя оставить без внимания слабоуспевающего школьника, т.к. он может нарушить дисциплину. Для такой категории учащихся предлагается это же задание, снабженное опорами. Опоры могут быть следующими: собрать предложения в текст; к началу предложения подобрать его окончание. Можно предложить учащемуся карточки с ключевыми словами для прочтения. В собственной практике активно используются в качестве опор логико-синтаксическая схема (ЛСС), логико-смысловая карта проблемы (ЛСКП), картинка-схема, функциональная схема диалога и функционально-смысловая таблица. Как правило, при наличии посильных опор слабоуспевающие учащиеся принимают активное участие в выполнении тех или иных заданий.

Молодыми специалистами часто используется метод активной оценки. Школьники, выполнив задание, поднимают карточку зеленого, желтого или красного цвета, в зависимости от того, как оценивают свою работу. Зеленая карточка – работа выполнена хорошо, желтая – частично, красная – многое непонятно. Учитель объединяет «зеленых» с «желтыми»: первые помогают советом вторым, т.е. учатся друг у друга. Всех «красных» учитель собирает вместе, чтобы объяснить им пройденный материал еще раз.

2) проведение учебного занятия «на одном дыхании», т.е. не следует давать учащимся отвлекаться от работы. Здесь важна хорошая подготовка учителя к учебному занятию. Без нее молодой специалист может потерпеть фиаско. При ведении записей возле каждого этапа проведения урока карандашом помечается время, например, подведение итогов урока (11¹⁵–11²⁰); учитель должен иметь дополнительные задания на случай быстрого выполнения учащимися запланированных.

3) обозначение основных правил и процедур. Эти правила сообщаются учащимся при знакомстве учителя с классом, т.е. оговаривается то, что можно делать в ходе урока и то, что запрещено.

4) выработка у школьников положительного отношения к процессу обучения.

5) привлечение самих учащихся к процессу проведения урока.

6) проведение нетрадиционных уроков позволяет превратить рутинный процесс заучивания чего-либо в волшебную работу, которая запоминается лучше, чем обычные занятия. В начальной школе мы используем игровой метод обучения и инсценировку сказок. Для старшей школы хорошо подхо-

дят викторины, КВН, брейн-ринги, симуляции, ролевые игры, мозговые атаки, дебаты, проблемные ситуации и проекты. На поддерживающих занятиях в старшей школе со слабоуспевающими учащимися применяется игра для повышения мотивации к учебе.

7) частая смена видов деятельности в ходе урока, особенно в начальной школе.

Любые попытки учащихся нарушить дисциплину следует тотчас пресекать. Категорически запрещается ставить в дневник школьнику и в классный журнал 1–2 балла. Это не решит проблему дисциплины надолго. Отметка ставится за результаты учебной деятельности учащегося. Поведение на уроке не может стать критерием оценивания знаний. Мы предлагаем апробированные в школе **методы для поддержания дисциплины**. В ходе урока рекомендуется подойти к учащемуся и некоторое время постоять возле него; дотронуться до его плеча ладошкой; постучать шариковой ручкой или ладошкой по столу; попросить учащегося положить дневник на стол учителя или применить метод «звонка родителям». Учителям, работающим в начальной школе, предлагается использовать игровую систему наказания, например, выдавать карточку красного цвета. Всегда можно сделать запись в дневнике учащегося: *Неудовлетворительное поведение на уроке...*, поставить рядом подпись.

Говоря о дисциплине на уроке, следует раскрыть понятие стиля педагогического общения.

Стиль педагогического общения – это индивидуально-типологические особенности социально-психологического взаимодействия педагога и обучающихся (В. А. Кан-Калик).

Увлеченность совместной деятельностью предполагает сотрудничество, совместную заинтересованность, сотворчество, а также высокий уровень компетентности педагога и его нравственных установок.	Дружеское расположение предполагает увлеченность общим делом. Педагог выполняет роль наставника, старшего товарища, участника совместной учебной деятельности. Здесь важна «целесообразность дружелюбности». При этом следует избегать панибратства.
Общение-дистанция. Относится к самым распространенным типам педагогического общения.	Общение-устрашение. Негативная форма общения. Строится на жесткой регламентации деятельности учащихся, на их беспрекословном подчинении, страхе; ориентирует учащихся на то, чего делать нельзя.
Общение-заигрывание. Характерно для молодых преподавателей, стремящихся к популярности.	Общение-превосходство. Характеризуется желанием педагога возвыситься над воспитанниками; он поглощен собой, отстранен от учащихся, мало интересуется своими отношениями с ними, не чувствует настроения учащихся.

Рис. 1. Стили педагогического общения (по В. А. Кан-Калик)

Если первые два стиля являются гуманистическими, субъект-субъектными взаимодействиями «педагог – воспитанник», то общение-устрашение, общение-заигрывание, общение-превосходство относятся к негативным стилям и характеризуются субъект-объектными отношениями между педагогом и воспитанниками (рис. 1).

Охарактеризованные стили педагогического общения связаны со стилями педагогического руководства.

Стиль педагогического руководства – характерная манера и преобладающие способы взаимодействия педагога с отдельной личностью или группой воспитанников. Традиционно выделяют *авторитарный, демократический, попустительский (либеральный)* стили педагогического руководства.

В чистом виде тот или иной стиль руководства практически не встречается. Предпочтителен демократический стиль. Обычно опытный учитель владеет элементами всех стилей. В этом случае идет речь о динамическом (вариативном) стиле педагогического руководства.

Суть авторитарного стиля можно выразить словами: «Делайте, как я говорю, и не рассуждайте».

Другой крайностью является попустительский (либеральный) стиль – «Как все идет, так пусть и идет».

И авторитарный, и попустительский стиль общения педагогов имеют одну общую характеристику – они формируют отдаленные отношения между педагогом и учащимися, хотя в остальном они диаметрально противоположны.

Демократичный стиль находит отражение в словах: «Вместе задумали, вместе планируем, организуем, подводим итоги». Общение и деятельность педагога и учащихся строятся на творческом сотрудничестве. Совместная деятельность мотивируется педагогом, он поддерживает право воспитанников на собственное мнение и на свою позицию, поощряет их активность, инициативу. Этот стиль характеризуется положительно-эмоциональной атмосферой взаимодействия, доброжелательностью, доверием, требовательностью и уважением, учетом индивидуальности личности. Основными формами обращения учителя являются совет, рекомендация, просьба. Этот стиль способствует развитию личности, побуждает к самостоятельности, стимулирует высокую адекватную самооценку и способствует установлению гуманных взаимоотношений.

Он должен стать основным стилем общения между учениками и педагогами при современной концепции личностно-ориентированной педагогики [1].

Также молодым педагогам не следует опасаться общения с родителями учащихся-нарушителей дисциплины. Для беседы с ними приглашается педагог-психолог, который дает рекомендации родителям по правильному воспитанию ребенка, помогает установить причины нарушения им дисциплины.

Представленный педагогический опыт может быть применен в практике молодых учителей иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влияние стилей профессионально-педагогического общения на эффективность социально-педагогического взаимодействия [Электронный ресурс] // Репозиторий УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – Режим доступа : <http://repo.gsu.by/bitstream/123456789/4424/5/ТЕМА7ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ.pdf>. – Дата доступа : 08.04.2017.

The author emphasizes the aspect of discipline at the lesson and suggests a number of disciplinary practices.

Е. А. Нестерович

Минск, МГЛУ

ПРЕИМУЩЕСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕЙС-МЕТОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается вопрос применения кейс-метода в преподавании иностранного языка в учреждении высшего образования, что связано с поиском новых форм и средств обучения и нового содержания образования. В работе приведены особенности, основные преимущества и целесообразность использования данного образовательного метода, а также представлена его структура, этапы работы и основные требования к нему.

В настоящее время владение иностранным языком служит надежным инструментом «успешной жизнедеятельности современного человека в поликультурном и мультилингвальном сообществе людей» [1, с. 6]. Основная задача преподавания иностранного языка в учреждении высшего образования – «учить не иностранному языку, а с помощью иностранного языка ориентироваться в новом социокультурном контексте, в насыщенном информационном потоке, быть мобильным и инициативным в решении познавательных, учебных, профессиональных и личностных проблем» [Там же, с. 7]. Действительно, «реализация цели обучения иностранному языку связана не только с развитием способности к межкультурному общению, но и с развитием способности к профессиональной коммуникации в поликультурном пространстве» [2, с. 28].

Решение данной задачи возможно через использование интерактивных методов обучения, основанных на диалоге, кооперации и сотрудничестве всех субъектов обучения. В настоящее время кейс-метод широко и успешно используется в преподавании английского языка, при языковой подготовке специалистов любого профиля. Кейс-метод появился в начале XX века и впервые был применен в образовательной практике в Школе бизнеса Гарвардского университета. Там же в 1921 году был опубликован первый сборник конкретных ситуаций. Изначально метод использовался для изучения студентами прецедентов из юридической и деловой практики, в процессе которого анализировалось большое количество материала.

Существует целый ряд определений кейс-метода. Питер Скейлс в своей книге «Преподавание в области непрерывного образования» дает следующее определение данного метода обучения, охватывающее его многогранность и подчеркивающее значимые стороны: «Метод изучения конкретных ситуаций – это учебная деятельность, ориентированная в основном на студентов и основанная на реальных жизненных ситуациях. Это события или проблемы с контекстуальной информацией, которые предоставляют обучающимся возможность применить свои знания, совершенствовать навыки упорядочивания информации, выявлять и решать проблемы». Суть метода заключается в том, что группа студентов, изучив и проанализировав представленную ситуацию, старается найти пути и предложить варианты решения данной проблемы и дальнейший алгоритм развития событий.

Существуют две школы кейс-стади (case study) – Гарвардская и Манчестерская. Первый подход (американский) направлен на обучение поиску единственно правильного решения, тогда как второй (европейский) нацелен на поиск разнообразных решений представленной проблемы.

Кейс-метод дает студентам возможность выработать и развить компетенции, необходимые для их профессиональной деятельности: совершенствовать навыки анализа и синтеза, принятия решений в стандартных и нестандартных ситуациях; работать в команде, развивая умения сотрудничества; осуществлять поиск и анализ информации, необходимой для выполнения поставленных задач; делать отчеты; выступать со своими решениями перед аудиторией; уметь правильно планировать свое время, чтобы уложиться во временные рамки, определенные сценарием кейса.

Кейс-метод позволяет развить коммуникативные умения: мастерство выстраивать диалог и вести дискуссию с оппонентами и сторонниками, умение аргументированно и критически мыслить, строить логические цепочки причинно-следственных связей, отстаивать собственную точку зрения, делать выводы. Кейс-метод формирует умение студентов принимать решения, развивая такие профессионально значимые качества, как инициативность, целеустремленность, настойчивость и ответственность за свои поступки. Дискуссии, возникающие в процессе решения кейса, способствуют осознанию и анализу мнения других и своего собственного. Формируются социальные навыки общения между участниками диалога. Еще одним немаловажным достоинством данной технологии является ее гибкость, вариативность, которая, в свою очередь, развивает у студентов и преподавателей творческий подход, креативность, критическое мышление и эмоциональный интеллект.

При обучении иностранному языку, так как обучение происходит на основе ситуационного анализа, кейс-метод помогает решить ряд важнейших задач: создает необходимую языковую среду и мотивирует студентов использовать иностранный язык для реального общения; способствует эффективному развитию навыков всех видов речевой деятельности (чтения, аудирования, говорения и письма, если конечный результат представлен в письменном виде); помогает формировать навык деловой коммуникации, а также ряд аналитических, творческих и социальных навыков.

Одним из важнейших дидактических преимуществ кейс-метода является реализация принципа индивидуализации обучения в процессе групповой дискуссии. Студенты в ходе обсуждения кейса высказывают собственное мнение, дают оценку предпринятым по решению проблемы действиям, прогнозируют в соответствии со сложившимися у них теоретическими представлениями дальнейший ход развития ситуации. Данный метод вовлекает каждого студента в активную деятельность, это является большим преимуществом для групп, в которых учатся студенты с различным уровнем владения языком. Метод кейса может быть использован в качестве промежуточного или итогового контроля.

Применение кейс-метода в образовательном процессе позволяет сделать иностранный язык – предмет обучения – источником и средством получения информации об иноязычной культуре. Более того, при этом создаются условия, когда студенты имеют возможность критически оценить свою межкультурную компетенцию, выработать соответствующее отношение к межкультурным различиям и избежать их поверхностной, стереотипной оценки. В результате студенты приобретают необходимые в их будущей профессиональной деятельности коммуникативные и исследовательские навыки и умения. Кейс-метод «позволяет сделать акцент на активной мыслительной деятельности обучающихся, требующей для своего оформления владения определенными языковыми средствами» [3, с. 114]. При этом «общение, связанное с работой над кейсом, которому присущи спор, дискуссия, аргументация, описание, сравнение, убеждение... тренирует навык выработки правильной стратегии речевого поведения, соблюдения норм и правил англоязычного общения» [Там же, с. 115].

Кейс состоит из следующих частей: описание конкретной ситуации, разрабатываемой на основе подлинных фактов; задания к кейсу; вспомогательная информация, необходимая для анализа кейса. Преподаватель может подобрать несколько аналогичных случаев (*multiple case study*), объединенных одной темой. Это позволит студентам провести сравнительный анализ каждого кейса и проследить, как одна речевая интенция может быть выражена разными языковыми способами.

Источниками кейсов могут служить: новостные сообщения, газеты или журнальные публикации, художественные произведения, адаптированные для конкретных целей обучения. Качественные материалы к кейсу можно получить посредством анализа научных статей, монографий и научных отчетов, посвященных той или иной проблеме. Использование научной литературы при разработке кейса придает ему большую строгость и корректность [4].

Кейс может быть представлен как в печатном виде и дополнен наглядным материалом (фотографии, таблицы, диаграммы), так и в мультимедийном. Современные мультимедийные средства обучения позволяют представить конкретную ситуацию в видеоформате, что помогает проанализировать речевое поведение носителя языка в целом, включая интонационное оформление высказываний, невербальные способы выражения информации (мимику, жесты), стилистические особенности употребления речевых и этикетных формул общения.

Формально можно выделить следующие этапы работы студентов с кейсом: ознакомление с ситуацией; анализ информации; поиск решения; выявление преимуществ и недостатков каждого предложенного решения; оценка альтернатив; презентация результатов; оценивание участников; подведение итогов. Преподаватель исполняет роль ведущего, направляющего дискуссию, генерирующего вопросы и фиксирующего ответы. Он выступает со вступительным и заключительным словом, поддерживает деловой настрой в аудитории, оценивает вклад студентов в анализ ситуации, а также результат работы с точки зрения объективности, обоснованности, систематичности и оптимальности [5].

Разрабатывая кейс, преподаватель должен учитывать следующие требования: учебная ситуация специально готовится для целей обучения таким образом, чтобы в процессе обсуждения можно было бы создать творческую, но в то же время целенаправленно управляемую атмосферу; учебная ситуация должна соответствовать определенному концептуальному полю того учебного курса или программы, в рамках которого рассматривается; работа с учебной ситуацией должна научить студентов анализировать конкретную информацию, прослеживать причинно-следственные связи, выделять ключевые проблемы и (или) тенденции [6].

Кейс-метод – это особого рода разбор конкретного случая или практической ситуации, содержащей одну или несколько проблемных моментов. Именно этот метод позволяет студенту включиться в сам процесс освоения знания через опыт и наглядность. Как справедливо отмечает А. М. Долгоруков, проблема внедрения кейс-метода в практику высшего профессионального образования обусловлена двумя тенденциями. Первая обусловлена общей направленностью развития образования, его ориентацией не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, смене парадигмы мышления, умению перерабатывать огромные массивы информации. Вторая вызвана развитием требований к качеству специалиста, который, помимо удовлетворения требований первой тенденции, должен обладать также способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью и эффективностью действий [7, с. 21–44].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальскова, Н. Д. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность / Н. Д. Гальскова, Е. Г. Тарева // Иностранные языки в школе. – 2012. – № 1. – С. 3–11.
2. Крупченко, А. К. Профессиональная лингводидактика / А. К. Крупченко // Иностранные языки в школе. – 2010. – № 10. – С. 28–30.
3. Агафонова, Е. А. К вопросу о применении метода Case-study и использовании интернет-ресурсов как активных методов обучения иностранному

языку в техническом вузе / Е. А. Агафонова // Молодой ученый. 2011. – № 6. – Т. 2. – С. 114–116.

4. Пахтусова, Е. Э. Метод кейсов в обучении иностранному языку в вузе / Е. Э. Пахтусова // Молодой ученый. – 2014. – № 17. – С. 532–534.

5. Айкина, Т. Ю. Метод кейсов в формировании коммуникативной компетенции студентов / Т. Ю. Айкина // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 1 (129). – С. 58–60.

6. Сидельник, Э. А. Особенности использования метода «case study» в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе / Э. А. Сидельник // Изв. Южного фед. ун-та. Технические науки. – 2011. – Вып. 10. – Т. 123.

7. Долгоруков, А. М. Case-study как способ понимания / А. М. Долгоруков // Практическое руководство для тьютера системы Открытого образования на основе дистанционных технологий. – М. : Центр интенсивных технологий образования, 2002.

The article deals with the issue of using Case-Study method in foreign language teaching and concentrates on its peculiarities and advantages.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Курацёва В. I.</i> Рэгіянальныя партрэты прасодыі ў маўленні беларусаў на роднай і замежнай мовах (на прыкладзе Мінска-Маладзечанскага рэгіёна)	3
<i>Бекреева Ю. В.</i> Теория прототипов в исследовании глагольной семантики	7
<i>Артемова О. А.</i> Специфика функционирования дейксиса в диалогическом дискурсе...	11
<i>Шевцова А. К.</i> Воздействующий потенциал интернет-дискурса в сопоставительном аспекте	16
<i>Чучкевич И. В.</i> Роль семантических компонентов предложения в организации денотативной структуры текста	19
<i>Щепачева Т. Ю.</i> Речевые тактики коммуникантов в конфликтных ситуациях кинодискурса на английском и русском языках	24

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Глазко П. П.</i> Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики англоязычного аргументативного эссе	28
<i>Лешкевич И. В.</i> Языковые признаки диффузности аналитических медиажанров	32
<i>Воловикова А. Ф.</i> Признаки глобализационных процессов в wear-дискурсе ..	36
<i>Графутко О. О.</i> Способы конкретизации значения эмотивной лексики в художественном дискурсе	40
<i>Кабецкая О. В.</i> Сходства и различия медиажанра «разъяснение юридического документа» в британской и белорусской лингвокультурах	44
<i>Скворцова А. С.</i> Оценочный отзыв как особый тип текста	47
<i>Хомич В. В.</i> Ассоциативный шлейф, фон и ореол в художественном тексте	51
<i>Шилей Е. В.</i> Способы репрезентации наименований организаций в интернет-пространстве	54
<i>Шимчук А. А.</i> Тональность как категория письменного текста	59

СЛОВО В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И ДИСКУРСЕ

<i>Осмоловская И. Г.</i> Оказиональное образование глаголов в немецкоязычном и русскоязычном рекламном дискурсе	64
<i>Беланович Е. В.</i> Целеполагание как категория системного анализа и как компонент значения английского глагола	69
<i>Алексеев И. Д., Латышева Т. В.</i> Межъязыковая омонимия и ложные друзья переводчика	73
<i>Богатова Д. Д.</i> Иерархические связи в терминосистеме языка политики	76
<i>Деруго В. О.</i> Особенности зейландского диалекта нидерландского языка	79
<i>Ермолович О. В.</i> Экспрессивные средства реализации оценки в жанре информационно-аналитической статьи	81

<i>Лобанова Т. С.</i> Самостоятельные причастия в составе фразеологических единиц в Библии Мартина Лютера	83
<i>Тригубович А. О.</i> Реалии американской и ирландской действительности в романе К. Тойбина «Бруклин»: их классификация и способы перевода на русский язык.....	86
<i>Филипчик Ю. С.</i> Организация лексических единиц с учетом специфики динамических компьютерных игр	89

ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ И ДИСКУРСЕ

<i>Зиневич Н. В.</i> Средства реализации функционально-семантического поля обобщенности в научном тексте	95
<i>Аношина О. В.</i> Функционирование неличных форм глагола в дискурсе Би-би-си	99
<i>Барановский Р. С.</i> Прагматическая значимость синтаксических конструкций равнозначности в англоязычных научных текстах	103
<i>Давидченко А. А.</i> Вторично-предикативные структуры в текстах публицистического стиля	106
<i>Детскина Я. С.</i> Структурные модели именных словосочетаний в англоязычных художественных текстах	109
<i>Кизенкова Д. В.</i> Прагматические функции экспрессивных средств в англоязычном рекламно-туристическом дискурсе	113
<i>Костюченко В. Ю.</i> Основные модальные значения вводных слов и оборотов в сетевых английских ток-шоу и интервью	117
<i>Курто В. О.</i> Конструкции с вторичной предикацией как средство реализации макрособытия «включение»	121
<i>Кучинская В. В.</i> Типы деинтенсификаторов в англоязычном дискурсе парламентских дебатов	124

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Изотова О. В., Тарасюк Я. А.</i> Вербализация идей народной педагогики в белорусских и нидерландских пословицах	128
<i>Баханович А. С.</i> Семантические типы метафор в американском и британском политическом дискурсе.....	131
<i>Куприянова Н. И.</i> Языковые средства выражения эмоционального состояния в песенном дискурсе на нидерландском и русском языках.....	135
<i>Сецкая В. Н.</i> Лингвокоммуникативные особенности нидерландского свадебного обряда	139
<i>Тараканова М. М.</i> Стратегия управления вниманием в медиатексте (на материале анонсов телепередач)	141
<i>Шмидова Л. Е.</i> Лингвосемиотика фламандской сказки: дискурсивная актуализация.....	145

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТОВ

<i>Куликович Ю. В.</i> Методы автоматического выделения эмоционально окрашенной лексики из письменного текста.....	147
<i>Масловская М. В.</i> Структура машинного перевода на базе нейронных сетей.....	151
<i>Молоткова А. В.</i> Формальная модель процесса актуализации предметной базы данных о ДТП (лингвистический аспект)	153
<i>Мурашко В. Н.</i> Именованная сущность и ее категории	158
<i>Савич А. М.</i> Виды трансформаций при автоматическом переводе англоязычного официально-делового текста на русский язык	161
<i>Скрябина А. В.</i> Автоматическое индексирование англоязычных публицистических текстов	164
<i>Холод А. Л.</i> Лингвистическое обеспечение системы автоматического обнаружения средств выражения стратегии «флейм» в виртуальной коммуникации	167

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

<i>Божкова В. И.</i> Специфика магического реализма в творчестве Д. Алмонда....	173
<i>Вахтурова А. А., Фоменко Т. А.</i> Прагматический аспект перевода публичных выступлений президента США Д. Трампа.....	177
<i>Voskobovich K. A.</i> German Borrowings in American English and Their Impact on American Toponymy.....	180
<i>Габрусёнок М. С.</i> Лексико-семантические адаптации в переводе на русский язык англоязычной детской литературы.....	183
<i>Гельдыев М. Г.</i> Гендерный аспект персонажей в романе Нтозаке Шанге «Сассафрасс, Сайпресс & Индиго».....	187
<i>Жданова Н. Ю.</i> Перевод ироничных высказываний с учетом культурологических особенностей (на примере афоризмов А. А. Ширвиндта).....	190
<i>Коханова М. А.</i> Приемы синхронного перевода выступлений на сессии Генеральной Ассамблеи ООН	193
<i>Мерчи А. П.</i> Межличностное общение персонажей в рассказах от 1-го лица: фактор диегетичности нарратора (вовлеченности в повествуемые события) или его недиегетичности	197
<i>Михалевич А. Д.</i> Лингвокультурологический аспект асимметрии в переводах на русский язык романа И. П. Мележа «Люди на болоте»	201
<i>Рыжов В. В.</i> К вопросу о переосмыслении произведений У. Шекспира в современной литературе на примере пьес из цикла «Огонь любви»	203
<i>Самсонова Д. А.</i> Интерпретация образов романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в либретто мюзикла «Notre-Dame de Paris» (русскоязычная версия).....	207
<i>Явид А. А.</i> Реализация Я-концепции в романе Эриха Марии Ремарка «Три товарища».....	210

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

<i>Барашко Н. В.</i> Специфика обучения переводу будущих специалистов неязыкового профиля	213
<i>Гельдыев М. Г., Рыжов В. В.</i> К вопросу о разработке принципов создания обучающих программ для подготовки синхронных переводчиков	216
<i>Давидченко А. А.</i> Особенности обучения практической грамматике будущих переводчиков	219
<i>Зеленко К. А.</i> Принципы отбора интернет-платформ для создания учебных видеоблогов	221
<i>Ковальчук О. В.</i> Роль и место различных видов перевода на занятиях по практике устной и письменной речи на I курсе переводческого факультета	225
<i>Корневская А. С.</i> Обучение учащихся словообразованию в английском языке с использованием моделей	230
<i>Невмержицкая Е. В.</i> Формы самостоятельной работы при обучении практической фонетике будущих переводчиков	233
<i>Морозова О. В., Титова А. В.</i> Развитие навыка запоминания как инструмент формирования переводческой компетенции	236
<i>Русецкая И. Л.</i> Развитие профессиональных компетенций как фактор эффективной подготовки обучающихся по специальности «Перевод»	240
<i>Цыгулева Ю. А.</i> Виды внеаудиторной работы для совершенствования коммуникативной компетенции по нидерландскому языку	243
<i>Шилобрит Д. И.</i> Дисциплина на учебном занятии как свидетельство профессионального роста молодого учителя	247
<i>Нестерович Е. А.</i> Преимущества использования кейс-метода в обучении иностранному языку в учреждении высшего образования	251

CONTENTS

PLENARY SESSION

<i>Kuratsiova V. I.</i> Regional Portraits of Prosody in the Speech of Belarusians in their Native and Foreign Languages (on the Example of Minsk-Molodechno Region).....	3
<i>Bekreyeva Y. V.</i> Prototype Theory in Investigations of Verb Semantics	7
<i>Artsiomava V. A.</i> The Specificity of the Functioning of Deixis in Dialogical Discourse.....	11
<i>Shevtsova A. K.</i> The Impact Potential of the Internet Discourse in the Comparative Aspect.....	16
<i>Chuchkevich I. V.</i> The Role of the Sentence Semantic Components in the Formation of Text Denotative Structure	19
<i>Shchepacheva T. Y.</i> Speech Tactics in Conflict Situations of the Cinematographic Discourse in the English and Russian Languages	24

LINGUISTICS OF TEXT AND DISCOURSE

<i>Hlazko P. P.</i> Structural, Semantic and Pragmatic Characteristics of Argumentative Essays in English Media Discourse	28
<i>Leshkevich I. V.</i> Language Characteristics of Diffusion in Analytical Media Genres.....	32
<i>Volovickova A. F.</i> Wear-discourse in the Context of Globalization: Comparative Analysis	36
<i>Grafutko O. O.</i> Ways of Specifying the Meaning of Emotive Words in Fictional Discourse	40
<i>Kabetskaya O. V.</i> The Differences and Similarities of the Media Genre “Explanation of a Legal Act” in the British and Russian Lingua-Cultures	44
<i>Skvortsova A. S.</i> The Evaluation Review as a Special Text Type	47
<i>Khomich V. V.</i> Associative Chain, Background and Aureole in a Literary Text	51
<i>Shylei A. V.</i> The Ways of Companies’ Names Representation in the Internet.....	54
<i>Shimchuk A. A.</i> Sentiment as a Category of a Written Text	59

A WORD IN THE LEXICAL SYSTEM AND DISCOURSE

<i>Osmolouskaya I. G.</i> Formation of Occasionalisms of Verbs in Advertising Discourse of the German and Russian Languages.....	64
<i>Belanovich A. U.</i> Goal as a Category of a System Analysis and as a Component of a Verbal Meaning.....	69
<i>Alekseenko I. D., Latysheva T. V.</i> Interlingual Homonyms and False Friends of an Interpreter.....	73
<i>Bogatova D. D.</i> Hierarchical Links in the Term System of Political Language	76
<i>Derugo V. O.</i> The Zeelandic territory dialect of the Dutch language	79

<i>Ermolovich O. V.</i> Expressive Means of Evaluation in Informative Analytical Article.....	81
<i>Lobanova T. S.</i> Autonomous Participles Composed of Set Expressions in Martin Luther's Bible.....	83
<i>Trigubovich A. O.</i> American and Irish Culture-Specific Elements Functioning in the Novel <i>Brooklyn</i> by C. Toibin: Classification and Ways of Rendering by Means of the Russian Language.....	86
<i>Filipchuk Y. S.</i> Vocabulary Organization Given the Specific Nature of Dynamic Computer Games.....	89

RELATIONS OF LANGUAGE SIGNS IN THE SENTENCE AND DISCOURSE

<i>Zinevich N. V.</i> Means of Realizing the Functional-Semantic Field of Generalization in a Scientific Article	95
<i>Anoshyna O. V.</i> The Non-Finite Verb Forms Functioning in the BBC Discourse.....	99
<i>Baranovskiy R. S.</i> The Pragmatic Value of Syntactic Constructions of Equivalence in English Scientific Texts.	103
<i>Davidchenko A. A.</i> Secondary Predicative Constructions in the Language of Newspaper	106
<i>Detskina J. S.</i> Structural Models of Noun Phrases in English Literary Texts.....	109
<i>Kiziankova D. V.</i> Pragmatic Functions of Expressive Means Used in the Advertising-Tourism Discourse in English.....	113
<i>Kostiuchenko V. Y.</i> The Main Modal Meanings of Parenthetical Words and Phrases in English Web Talk Shows and Interviews.....	117
<i>Kurto V. O.</i> Constructions with Secondary Predication as a Means of Macroevent "Inclusion" Structuring	121
<i>Kuchynskaya V. V.</i> The Types of Downtoners in the English Discourse of Parliamentary Debate.....	124

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

<i>Izotova O. V., Tarasyuk Y. A.</i> Belarusian and Dutch Proverbs: Verbalizing Views on Upbringing.....	128
<i>Bakhanovich A. S.</i> Semantic Types of Metaphors in American and British Political Discourse	131
<i>Kupriyanova N. I.</i> Song Discourse in Russian and Dutch: Language Means of Expressing Emotion	135
<i>Setskaya V. N.</i> Linguocommunicative Features of the Dutch Wedding	139
<i>Tarakanova M. M.</i> The Strategy of Attracting Attention in Media Texts (Based on Printed TV Previews)	141
<i>Shmidova L. E.</i> Linguosemiotics of a Flemish Folk Tale: Discourse Representation	145

PROBLEMS OF AUTOMATIC TEXT PROCESSING

<i>Kulinkovich J. V.</i> Methods of Emotionally Colored Lexical Units Automatic Extraction from a Written Text	147
<i>Maslovskaya M. V.</i> Structure of Machine Translation on the Basis of Neural Networks	151
<i>Molotkova A. V.</i> The Formal Model of Automatic Actualization of the Road Accidents Object Database (the Linguistic Aspect)	153
<i>Murashko V. N.</i> The Named Entity and its Categories	158
<i>Savich A. M.</i> Types of Transformations in Automatic Translation of an English-Language Official Text to the Russian Language	161
<i>Skrabina H. V.</i> Automatic Indexing of English Publicist Texts	164
<i>Holod A. L.</i> The Linguistic Support of the System of Automatic Detection of Means of Flame Strategy Realization in Virtual Communication	167

MODERN LITERATURE AND TRANSLATION

<i>Bazhkova V. I.</i> Peculiarities of Magic Realism in the Novels by D. Almond	173
<i>Vahturova A. A., Fomenko T. A.</i> Pragmatical Aspect of the Translation of Public Speeches of the U.S.A. President D. Trump	177
<i>Voskobovich K. A.</i> German Borrowings in American English and Their Impact on American Toponymy	180
<i>Gabrusionak M. S.</i> Lexical and Semantic Adaptations in Translation of English Children's Literature into the Russian Language	183
<i>Geldyev M. G.</i> Ntozake Shange "Sassafrass, Cypress & Indigo" Characters' Gender Aspect	187
<i>Zhdanova N. Y.</i> Translation of Ironic Statements with Culture-Related Information (on the Example of A. A. Shirvindt's Quotations)	190
<i>Kokhanova M. A.</i> Simultaneous Interpretation Techniques Applied in Interpreting Speeches at the UN General Assembly	193
<i>Merchy A. P.</i> Interpersonal Communication of the Heroes in Short Stories with the 1-st Person Narrative: the Factor of the Involvement of the Diegetic and Non-Diegetic Narrator to the Narrative Events	197
<i>Mikhalevich A. D.</i> The Linguocultural Aspect of the Asymmetry in the Translations of the Novel "People on the Swamp" by Ivan Melezh into the Russian Language	201
<i>Ryzhov V. V.</i> On Rethinking William Shakespeare's Oeuvre in Modern Literature Basing on "Love's Fire" Plays	203
<i>Samsonova D. A.</i> Image Interpretation of the Novel "Notre-Dame de Paris" by Victor Hugo into the Libretto of the Musical "Notre-Dame de Paris" (Russian Version)	207
<i>Javid A. A.</i> Realisation of "Self-Concept" in the Novel "Three Comrades" by Erich Maria Remarque	210

NEW TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

<i>Barashko N. V.</i> Peculiarities of Teaching Translation to Future Professionals of Non-Language Specialities	213
<i>Geldyev M. G., Ryzhov V. V.</i> On Principles of Educational Programmes Developing for Simultaneous Interpreters.....	216
<i>Davidchenko A. A.</i> The Peculiarities of Teaching Practical Grammar to Future Interpreters.....	219
<i>Zelenko K. A.</i> Principles of Selecting Internet-Platforms for Creating Video-Blogs Aimed at Teaching Foreign Languages	221
<i>Kovalchuk O. V.</i> The Role and Place of Different Kinds of Translating and Interpreting at the Lessons of Speech Practice in the First Year.....	225
<i>Korenevskaya A. S.</i> Teaching Students of English Word Building Processes Using Models.....	230
<i>Nevmerzhitskaya E. V.</i> Forms of Students' Individual Work in Teaching Practical Phonetics to Future Interpreters	233
<i>Marozava O. V., Titova A. V.</i> Developing Memorization Skills as Part of Professional Training in Interpreting.	236
<i>Rusetskaya I. L.</i> Developing Professional Competencies as a Factor of Effective Translator Training in Obtaining a Degree in Translaton and Interpreting	240
<i>Tsyguliova Y. A.</i> Types of Extra-Curricular Activities to Master Communicational Competence of the Dutch Language at the Interpreters' Department.....	243
<i>Shilobrit D. I.</i> The Discipline at the Lesson as the Professional Advancement of a Young Professional.....	247
<i>Nesterovich E. A.</i> Advantages of using case-method in foreign language teaching in higher educational institutions	251

Научное издание

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
В ИННОВАЦИОННОМ ПОИСКЕ**

Материалы
VI Международной научной конференции

Минск, 23–24 мая 2017 г.

Ответственный за выпуск *Т. П. Картилович*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 15,35. Уч.-изд. л. 17,32. Тираж 100 экз. Заказ 64.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.